

Григорий
РАСПУТИН

Григорий РАСПУТИН

СБОРНИК
ИСТОРИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1997

УДК 947
ББК 63.3(2)
Г83

Составитель
В. КРЮКОВ

Художник
И. САЙКО

Григорий Распутин: Сборник исторических матери-
Г83 алов: В 4 т. Т. 4. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка —
РТР», 1997. — 448 с.

ISBN 5-300-01428-1 (т. 4)
ISBN 5-300-01424-9

Личность фаворита царской семьи Григория Распутина (1872—1916), роль этого человека в русской истории и по сей день оцениваются неоднозначно. В этом сборнике представлены произведения современников Распутина, многие из которых непосредственно общались с ним.

В четвертый том вошли воспоминания непосредственных участников убийства Распутина В. Пуришкевича и князя Ф. Юсупова, членов царской семьи, а также известной русской писательницы З. Гиппиус, А. Блока и др.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-01428-1 (т. 4)
ISBN 5-300-01424-9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997
© «Книжная лавка — РТР», 1997

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЖИВЫЕ ЛИЦА

Воспоминания

З. Н. Гиппиус. «Живые лица»
Прага, «Пламя», 1925 г.

Гиппиус Зинаида Николаевна, поэтесса, критик, прозаик (1869—1945). Жена Д. Мережковского. До 1917 г. в России вышло множество ее стихов, рассказов, пьес и романов. Салон Мережковского—Гиппиус посещала вся питерская интеллигенция того времени. С 1919 г. в эмиграции. Опубликовала несколько книг, в том числе и воспоминания.

МАЛЕНЬКИЙ АНИН ДОМИК (Вырубова)

1. ЭТО БЫЛО ВЧЕРА...

Хочется начать, как сказку: в некотором царстве, в некотором государстве, жили-были царь с царицей...

Что ж, разве это не страшная сказка — русская быль?

Длинна и недосказана сегодняшняя, самая, кажется, страшная. Но как изумительна вчерашняя, ее породившая. Сказка, где в неповторимом сочетании, действуют трое: царица, верная слуга ее, Анна Вырубова («Аня», как обычно звала ее царица, да и мы, бессильные, невольные участники совершавшегося), а третий — сибирский мужичонка Распутин.

Заранее скажу, что не для осуждения, даже не для суда я пишу. Судей много и без меня. Я только рассказываю. Сказка не нова — но ведь каждый рассказывает по-своему, со своего места видит свое. Да и в каждом повторении она только страшнее.

2. АНЯ

Мы увидели «царицыну верную слугу», Анну Вырубову (Аню), в первый раз уже после революции; потом встречались постоянно.

Незадолго до первой встречи мне показали ее большой портрет. Странно: с первого взгляда — узнаешь ее, как давно знакомую. И даже, с первого взгляда, схватываешь ее всю: такое... не открытое, но откровенное лицо. Так ясно, для умеющего читать, написана на нем ее несложная внутренняя сущность.

Портрет старый, то есть снятый еще до ареста и мытарств по тюрьмам. Круглощекая русская «красна-девица», и платье русское, придворное, идет ей как нельзя лучше.

Портрет старый, но в голову не пришло усомниться, такая ли она теперь, после всего, что пережила? Не изменилось ли это лицо? Нет, оно неизменяемо. То, что, высвечиваясь делает лицо человеческое таким или другим, — здесь неизменяемо. Неподвижно.

Вот она сидит, в черном платье, скромно причесанная, пополневшая, но она. — Аня портрета. Верная слуга царицы. Верная «другиня» Распутина. Верная — это прежде всего.

Сидит в кресле немного тяжело (она вся тяжеловата и хромает сильно после неудачного сращения переломов), но держится прямо, и все рассказывает, рассказывает, с детскими жестами пухлых ручек. У нее и говорок детский, — или бабий, — скорый, с захлебыванием, с чуть заметным пришепетыванием. «Каша во рту», обмолвилась однажды рассерженная царица.

Рассказывает Аня... все о своих последних несчастьях, о крепости, об издевательствах в тюрьме.

— Сколько раз Господь спасал от солдат... сама не вспомню, как...

Вид у нее, может быть, по привычке, деланно-искренний, деланно-детский. Ведь и глаза такие: широкие, открытые, светлые... но непроницаемые, вдруг стеклянные, — слепые. Я не сомневаюсь, впрочем, в искренности ее рассказа: ведь ни о царице, ни о Распутине она слова не обронила.

Это молчание радует, чувствуешь облегчение. Не хочется, чтобы кто-нибудь вдруг спросил ее... о важном, о прошлом. Как-то жалко. Ведь она сейчас же, непременно, начнет лгать, побежит по каким-то окольным тропинкам, хитрым, путанным и вывертливим, тоже невинно, — физиологически. Она не может иначе, она верная. Она совершенна в самоотдаче, в каком-то круглом самопредании... Это делается с ней само, но уж если сделалось, — она железно-крепка, упряма и хитра.

Царица тоже упряма и верна. Но как они различны, эти две женщины, царица и ее единственная подруга — Анна Вырубова!

Царица никому не нравилась и тогда, давно, когда была юной невестой наследника. Не нравилось ее острое лицо, красивое, но злое и унылое, с тонкими поджатыми губами. Не нравилась немецкая, угловатая рослость. Кто-то сказал при мне: «Погодите, а может быть, она замечательна. Ведь какое имя выбрала? Екатерина!»

Вышло вздор, Алису в православии нарекли Александрой. Но не совсем, должно быть, вздор, если через многие годы пишет Алиса мужу: «... Как хорошо, что ты дал мне Верховный Совет!.. Вообрази меня сразу со всеми министрами!.. Со времени Екатерины ни одна императрица не принимала лично и одна. Григорий (Распутин) в восторге».

Кстати, здесь о письмах ее, то есть не о них, а о фактах напечатания, обнародования, интимнейших писем женщи-

ны, жены к мужу. Да еще взятых у мертвой, только что, вместе с мужем и детьми, убитой столь жестоко и позорно.

Само по себе — такое обнародование чудовищно. Средний культурный человек, особенно до войны, не поверил бы, что это возможно. Однако недопустимое сделано, и — хорошо, что оно сделано. Без него никогда не знали бы правды, отныне твердой и неоспоримой, об этой женщине, как верной и любящей женщине, как верной и любящей жене, как самоотверженной матери.

Не знали бы мы и правды о ней — императрице. Не знали бы с потрясающей, неумолимой точностью, как послужила она своему страшному времени. А нам надо знать. Эта правда ей не принадлежит. И хорошо, что не осталась она скрытой.

3. ПРИ ДВОРЕ

В 14-м году, летом (о войне еще никто не помышлял), к нам на дачу приехал редактор газеты «День» и без конца рассказывал о путешествии в Сибирь корреспондента в одном вагоне с Гр. Распутиным (тогда, вскоре, Распутина и ранили).

Корреспондента посылали платонически: о Распутине было строго запрещено упоминать.

Задавленная правда растет криво, вкось — сплетнями. Вот годы это длится с Распутиным, ужас — в одежде скандала. Там, при дворе, в сущности, ничего не понимают. Там идет какая-то своя жизнь, со своими большими и маленькими горестями, там свои дела и своя среда... Мещанская? Не знаю, во всяком случае потрясающе некультурная, невежественная.

Царица, впрочем, помнит, что она царица, а муж ее — самодержавный царь. Это значит — что он неограниченный владыка над всеми решительно и по воле Божьей может делать в своей стране, что хочет. Люди злы, рабы часто бунтуют. Для этого нужна строгость. Так хочет Бог.

Другого ничего царица никогда не слышала и потому, естественно, не знает. Ум от природы у нее был, но очень обыкновенный. А нужен исключительный, чтобы пробиться сквозь эту толщу невежества.

Но царица все-таки восприняла твердо то малое, что слышала, чему ее учили. У нее своя линия. Аня — живет, как рыба в воде, как птица на ветке. Она бы везде искала, кого обожать, кому служить, кому отдаться. И везде бы нашла.

Царица чуть-чуть презирует Аню, однако Аня ей нужна. Без ее отдающейся верности она жить не может. Но часто несправедливо раздражается против Ани и даже ревнует ее к мужу.

Серьезной ревности у нее, конечно, нет. Она не сомневается в верности мужа. Неизвестно, не было ли тут и психологически обратной ревности. Кому предана Аня больше, кого вернее обожает, царицу или царя? Считалось, что царицу. Но вот, оказывается, что она так же безоглядно обожает и царя. И царица в раздражении, находит, что Аня с ней «груба», «нелюбезна»... «После ее поведения в Крыму — что-то пропало, разорвана связь... Она никогда не будет так близка мне, как была...»

Раздражение неглубокое, но совсем исчезло оно только в конце 16-го года. Незаметно окрепла их нерушимая связь — Распутин.

4. ЮРОДИВЫЕ БАБНИКИ

В Петербурге жила когда-то очаровательная женщина. Такая очаровательная, что я не знаю ни одного живого существа, не отдавшего ей дань влюбленности, краткой или длительной.

В этой прелестной светской женщине кипела особая сила жизни, деятельная и пытливая. Все, что так или иначе выделялось, всплывало на поверхность общего — мгновенно заинтересовывало ее, будь то явление или человек. Не успокоится, пока не увидит собственными глазами, не прикоснется, как-то по-своему не разберется. Не было представителя искусства, литературы, адвокатуры, публицистики, чего угодно, — который не побывал бы в ее салоне в свое время. Иные оставались дольше, другие закатывались немедленно. На моих глазах там прошли Репин, Ге, Стасов, Урусов, Андреевский, Влад. Соловьев, Чехов... Она умело комбинировала людей, и «светские» знакомые никогда не смешивались с друзьями «ее духа». Впрочем, сидел там иногда молчаливый старик, никому не интересный. Его называли «серым другом». «Серый друг» этот, превратившись из серого в белого и одряхлев, был сочтен достойным поста премьера во время войны. Он пленяет, в 15-м году, царицу своим «здравым суждением», он находит, что царю «следовало бы быть увереннее в себе». Распутин благожелательно называет его «старцем». «У меня надеты невидимые штаны, уверяет царица, и я могу заставить старика приходить и поддерживать в нем энергию. Сегодня он пришел ко мне, как к «soutien», ибо, по

его словам, я — l'enerque. Наш Друг пошлет ему ободрительную телеграмму...»

Это был Горемыкин.

Но я продолжаю о салоне очаровательной женщины. Мог ли в нем не появиться Григорий Ефимович Распутин, едва он взошел на петербургский горизонт?

Он и появился. Спешу сказать, что очаровательница не сделалась распутинкой. Она обладала исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех «пытала», и ко всем, в сущности, оставалась равна. Но чутье к значительности — даже не человека, а его успеха — было у нее изумительное.

Распутин, вероятно, понял, что тут много не возьмешь, но захаживал нередко. Надарил ей кучу портретов с безграмотными надписями. Она, смеясь, показывала нам портреты, рассказывала о «старце» и все звала к себе — повидать его.

Но мы к ней не пошли, как и впоследствии, когда Распутин бывал чуть не всюду, мы не ходили «на него».

Слишком хорошо мы знали Распутина, не видав. Знали раньше, чем попал он в первый нарядный салон. Пожалуй, раньше несчастного еп. Феофана, которого толкнул злой дух направить сибирского «старца» в дом Романовых. Еп. Феофан был монах редкой скромности и тихого, праведного жития. Помню его, маленького, худенького, молчаливого, с темным, строгим личиком, с черными волосами, такими гладкими, точно они были приклеены. Но он смотрел «горе», поверх человека, — где ему распознать было сразу хитрого сибирского мужичонку!

Распутин, в самом начале, терся около белого духовенства. Бывал на вечеринках у довольно известного тогда, чудачливого священника М. Возлюбил эти вечеринки: там собиралось много барышень — гимназисток и курсисток. К ним он, конечно, лез целоваться. Одна, очень мне близкая, рассказывала, что долго от этого уклонялась, а когда он все-таки ухитрился ее поцеловать, — побежала к хозяйке в комнату умываться. «Я ему сказала, что если он еще раз посмеет, я ему дам самую «святую» пощечину. Теперь издали, но еще хуже пристаёт: «Черненькая! Черненькая! Подь, я не трону, сердитая!»

Но вообще «бабничество» Распутина никого особенно не удивляло: ведь так предлежит «старцу», если он «с юродством». К юродству же в каждой русской душе премирная тяга. Даже слова «юродивый» ни на каком европейском языке нет, а русский человек без юродства как будто и святости не понимает.

В Распутине, конечно, настоящего «юродства» никогда не было, но юродствовал он постоянно, и с большой сметкой: соображал, где сколько положить.

Кто ни писал о Распутине, все, даже враги его, признавали его замечательность, ум, необыкновенную проникновенность взгляда и т. д.

Я же утверждаю, что он был крайне обыкновенный, незамечательный, дюжинный мужик. Замечательно его положение, так сказать, место во времени и пространстве, его роль, а не он сам. И события делаются от этой заурядности как-то еще страшнее... Француз Жильяр, при мимолетной встрече, увидел во взгляде Распутина «злую силу»... Но откуда знать французу, что Россия издавна полна вот такими сметливыми, кряжистыми и похотливыми «святыми странниками»? Интеллигенция русская в эту сторону не привыкла смотреть и наивна. Но даже мне приходилось встречаться с несколькими подобиями Распутина.

Один, в особенности, был точно вылитый. Об Илиодоре не говорю, он глупее, беспорядочнее и мельче, как мошенник. Но Щетинин, чемряцкий «батюшка» — да его не отличишь от Распутина. В то же приблизительно время он и в Петербург прибыл. Видали мы не только его, но и главного ученика — Легкобытова, и последователниц его, из рабочей среды. Щетинину не повезло: совался по-выше, но не вышло случая; продолжал, поневоле, действовать среди рабочих.

И сапоги бутылками, и рубаха русская, и кафтан на крючках, и взор «пронзительный» из-под бровей, и тоже кряжистый, темпераментный, покрепче сколочен, разве, — а то, ни дать, ни взять, Распутин. Правда, Щетинин не только практик, но и теоретик, и даже графоман. Распутин, темным и угрозым, юродливым языком своим, нарочито-безграмотным, изрекает краткие пророчества или пишет личные телеграммы высоким особам. И всегда в его ахинее есть простые, определенные цели, то или другое конкретное внушение, требование. Ахинея старца Щетинина — безудержна, водопадна и возвышенно-отвлеченна: он брал иногда тем, что одуревал слушателей. Наконец и писать стал, — мне приходилось видеть его напечатанные брошюрки и листки. Думаю, однако, что попади он в распутинский «случай», бросил бы он и «общину крутить», и растеканье в словесных ерундах.

Вел он себя совершенно так же безобразно, как и Распутин, так же юродливо-бабнически. Он действовал в Петербурге, несколько лет подряд (перед войной) и попал под уголовщину совершенно случайно. Было начато дело (скоро притушенное, Щетинина просто убрали куда-то),

но следствие успело дать такую картину разврата этого безобразника, что если б не документальные подтверждения, не показания «жертв», то и поверить бы нельзя. Как Распутин, он любил сниматься. Любопытна его фотография в женском платье, в кругу поклонниц.

Да и Варнава — удешевленное издание Распутина и Щетинина. Он только сразу признал себя «младшим» и стал под покровительство Распутина (всегда ему тайно завидовал, впрочем). Питирим, последний царский митрополит, того же типа, хотя связанный «саном», пошел по своим рельсам, размаха того не мог иметь и даже на оргии распутинские посылал только своего секретаря.

Я беру первых попавшихся, из прошедших на моих глазах. Можно бы вспомнить и других. А что будет, если мы заглянем повнимательнее в прошлое, — в историю?

5. ЦАРЬ И ЦАРИЦА

Да, Распутин, как личность, — ничтожен и зауряден. Лишь как тип — он глубоко интересен, и мне много еще придется о нем говорить. Аня — ясна, как стеклышко. Царица сложнее, хотя ограниченность ее несомненна. Зато сочетание этих трех, во времени и пространстве, — почти грандиозно. Они вместе написали страницу русской истории, которая не скоро забудется.

А царь? Не покажется ли странным, что я ни слова не говорю о царе?

Пора сказать о нем, хотя это очень трудно. Потому трудно, что царя — не было. Отсутствие царя, при его как бы существовании, тоже вещь сама по себе очень страшная. И царица, и слуга ее верная, и «старец» Гришка, все-таки были, царя же не было окончательно и бесповоротно. Николай Александрович Романов, человек, — чутьчуть был: бледная тень, и даже в приятных очертаниях. Его супружески любила данная ему жена. Может быть, дети были к нему привязаны. Но уже марево — обожание стеклоглазой Ани, которая думала, что обожает «царя», бледную же тень человека она вовсе не различала.

Да и трудно было различать. Оттого трудно и любить. Оттого с удивляющей легкостью ушли от него почти все, едва было объявлено, что «царя нет». Царя нет, от Николая Романова ушли, как от пустого места.

Что нет царя, и что едва есть человек — муж, царица бессознательно, чувственно, кошмарно подозревала. В этом было ее напряженное страдание. Отдать отчет она себе, конечно, не могла, робкая и неумелая в размыш-

лении, упрямая в том малом, чему ее научили. Но все время, с изумительной непрерывностью, ищет она увидеть, ощутить, что царь есть, есть, есть, настоящий царь по ее понятию, настоящий человек по ее любви. Она и сыном («наследником») дорожит не только как сыном, а как одним из воплощений царского бытия. Цепляется за «наследника», почти смешивает их обоих в слепом надрыве и, не разбираясь, бросается вместе с ними, — куда же еще? К Богу, конечно. Уж Бог-то не может не помочь и ее правду не поддержать, — ведь это Его, Божья, правда!

Но царица материалистка. В области, которую она называет «религиозной» и «духовной», — ей нужно осязаемое, видимое, телесное, человеческое. Ей необходим Распутин: без него ей не на что ноги поставить, неоткуда делать свои понятные земные дела. Ей для них нужна постоянная Божья санкция, словесная, слышимая.

Распутин ей необходим для всех больших и маленьких, но определенных, чудес, — начиная от семейных удач до выздоровления наследника и превращения Ники в Петра Великого, в полной своей славе.

И немужественная, робкая, даже трусливая по природе, — она делается безоглядно самонадеянной, уверившись, что за ней стоит «высшая сила», знаков от которой она жадно ищет и всегда находит: это сны, видные, темные и как бы исполняющиеся пророчества.... Распутина. Гребешки, бутылочки, яблоки, иконки — его же, от него же. Все — вещественное, несомненное, видимое, как он. Он делает для нее «невидимое видимым». Сделает и «желаемое и ожидаемое» — настоящим...

Распутин ей необходим.

6 АНИНЫ «МЕМУАРЫ»

Аня зашла к нам на минуточку по делу. Это было между двумя ее арестами: еще не все успели у нее отобрать. Остались фотографии — целые громадные альбомы. И она пришла посоветоваться, где бы их сохранить от следующего обыска.

Как всегда, смотрит ясно хрустальными — стеклянными глазами. По бабьей привычке приbedняется: «Что ж, мол, ведь я простая глупая женщина. Я по воле Божьей... Как Богу угодно...»

Но вдруг, говоря о фотографиях, по-новому оживилась. Ведь все снимки ее путешествий... с государыней и государем. Много ее собственных. Есть снимки очень редкие, на «Штандарте»...

Это в первый раз она говорит о бывшем, о царской семье. Увлелась воспоминаниями. Как все они мирно, скромно и беззаботно жили до войны! Гуляли, читали, чай пили, потом опять гуляли... Императрица любила рисовать, занималась рукоделием... Государь делал большие прогулки..

Слушаю этот невинный рассказ, немножко страшный, — какая, подумаешь, идиллия! И опять мне не хочется, чтобы кто-нибудь спросил ее о позднейшем, о войне, о Распутине. Жалко. Будет лгать, метаться, вывертываться...

Мне и теперь жалко, что ее убедили написать и выпустить какието «воспоминания».

Тем же детским, или бабьим, говорком рассказывает она и о страданиях после революции, и о прежнем житье, и прогулках на «Штандарте». Но вот надо, — тут уж надо, ничего не поделаешь! — сказать о войне, о Распутине, — она долго, трогательно крепится, потом бросается в ложь, как в воду. Хитрости ее не очень хитры, все тот же незамысловатый прием, — под прикрытием явно нелепой сплетни — выдать за ложь и заведомую правду. Путает, мечется... Кому это нужно? Так же ненужно, как ненужны были допросы, держания в тюрьмах, следствия.

Все, что она могла сделать страшного и непоправимого, она уже сделала. Вернее — оно уже сделалось, прошло через нее, кончилось. Теперь она — пустота в пустоте. И невинно нема, никакой правды «открыть» не может, ибо ее не знает.

Анина ложь правды не сокрушит, конечно, но порою оседает на правде, как пыль. И мне придется кое-где обращаться к «воспоминаниям», чтобы стереть эту пыль.

7 МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК

Война ошеломила царицу. Но скоро она оправилась. Война входила в круг ее понятий, имела, как возможность, свое место. Кроме того, царица относилась к войне, в первую голову, как к делу семейному. Нам трудно понять, а между тем это естественно. Ведь воюют между собой все «Джорджи», «Вильямы», «Ники». Война — дело Ники, и победа над Вильямом будет его победой, его славой.

Царица не забывает о «России». О России, для этого случая, есть все готовые слова, как есть и предписания, что следует делать главным заинтересованным лицам: Ники и ей самой.

Ей, царице, «матери России» (и наследника), нужно, прежде всего, стать «утешительницей», ухаживать за ра-

ненными, служить «царскому воинству», она принимается за дело без промедления. Создает лазареты, одевается сама и одевает молоденьких дочерей сестрами милосердия. Что за беда, что в царскосельском лазарете — главным хирургом г-жа Гедройц, врач малосведущий и женщина малосовестная. «Она любит нас», остальное приложится.

Аня, конечно, тоже в лазарете, тоже перевязывает. Но царица, решив исполнить какой-нибудь «долг», уже не оставляет его, не устает. Аня — другая: ей, естественно, надоели беспросветные лазареты. Тут нет еще никакой вины, она не «царица». Но царица беспощадна: «Вначале каждый день просила операций, а теперь они ей надоедают. Постоянно уходит. Небрежно перевязывает...» «Хотела иметь крест, об этом и хлопотала. Теперь получила, и интерес упал».

Долга своего в деле войны царица не ограничивает, однако, вот этой работой, ранеными, лазаретами. Именно потому, что война — дело личное, близкое, семейное, она обязана действительно вмешаться в него, бороться рядом с Ники не только против «Вильяма», но и против других его врагов — всех, кто может отнять у него славу победы. Например, великий князь Николай Николаевич («Николаша», как она его называет). Ники добр и прост, не видит зла, но она-то, царица, видит. Ведь это ей открывает тот, кто все видит, все знает, — Бог (через Распутина). Ники должен взять свое дело в свои руки, должен сделать его сам, должен быть царем, должен быть, быть, быть!

Распутин, выздоровев от ран, поспешил приехать (в сентябре). Наследник опять болен, но царица не особенно встревожена: «Он скоро поправится теперь, раз что Друг наш его видел». (Распутин везде называется «Нашим Другом», с большой буквы.)

Как относился к Распутину сам Николай II? Может быть, недурно, а может быть, равнодушно. Никто не знал, да и не жаждал знать. Никто и не узнает никогда. Николай II недаром был завязан в молчание, точно в платок. Так, в молчании, и отошел к прошлому. Ни одного слова от него не осталось. Те, что читал он по бумажке на приемах, — забылись.

Пожалуй, и сама царица не знала хорошенько его отношения к Распутину. Просто предпочла уверить себя, что они оба относятся к нему одинаково. Если Ники еще не всегда понимает, что Распутин — «наше общее спасение», — она поможет ему понять, заставит понять — все.

«Друг счастлив за тебя, что ты поехал (в Ставку), и был так рад видеть тебя вчера», — пишет она 20 сентября. «Он любит тебя ревниво и не выносит, чтобы Николаша играл какую-нибудь Роль».

Видел царя вчера, царицу увидит сегодня...

Аня, в своих записках, вертится: вот сколько неправды говорили. Например, говорили, что Распутин «постоянно» бывает у их величеств. А я могу засвидетельствовать, что он бывал во Дворце очень редко. Во Дворце есть охрана, велись записи (тут долго и подробно об охране), можно проследить по записям, говорю ли я правду

Можно бы, но не стоит: она говорит правду. Но этой *формальной* правдой старается прикрыть существенную ложь. Дело ведь не в том, где виделся постоянно Распутин с царицей и царем, а в том, что он *постоянно* с ними *виделся*. Эту правду — свиданий царицы с Распутиным по два, по три раза в неделю, а с царем всякий раз, когда он приезжал из Ставки, можно проследить по не менее верным, чем охранные, записям самой царицы.

Свиданья происходили не во дворце, а в «маленьком домике» — у Ани. О них она молчит. О «домике» упоминает вскользь, «я там жила одна». Между тем этот «маленький домик» вблизи Царскосельского дворца должен быть отмечен историей. Там писался четвертый акт русской трагедии. Там заседало последнее самодержавное правительство.

Главная работа царицы в первые месяцы войны — это укрепление веры Ники в Распутина, утверждение полной связи между ними. Это фундамент, на котором она будет строить. Цель ее ясна, план перестройки не сложен. Надо найти и отобрать людей верных, преданных и любящих Ники и ее, царя и царицу, и позволить им помогать Ники в его победе не только над Вильямом, но также и над всеми остальными людьми, далекими, чужими и родными, но неверными, непреданными и нелюбящими, — «врагами». Неясно рисовалось, что есть «народ» вообще, «войско» вообще. Какое-то необходимое, подданное «оно». Но не о нем речь, оно вне игры, вне борьбы, которая происходит здесь, в Царском, в этой самой комнате, где царица принимает «старика», пишет письма. Все решается здесь — и в «маленьком домике».

Как, однако, находить нужных, верных людей, как их узнавать? Это царицу не заботит. Она верит себе и указанию свыше, которое ей всегда будет дано — через Распутина. Еще нужно, конечно, чтобы Ники вел себя, как царь. И для этого есть — ее помощь, во-первых, Божья, во-вторых (Распутин).

Вот и вся «политика царицы». Другой у нее никакой не было.

Зато работает она не покладая рук. Начинает исподволь, потихоньку. Да в первый год и не успела приноровиться, еще не вошла «в войну». Ее еще занимает

старая, мирная, домашняя жизнь, отвлекают семейные, неважные сплетни, заботит здоровье наследника, сердит анино настроение и случайный анин флирт... Но первое дело уже намечено и ведется систематически: смещение «Николаши». Во-первых, если царь — глава всей России! не глава войск — он еще не совсем царь. Во-вторых, «Николаша» враг (враг Друга). Ники должен понять, что отставка Н. Н. воля Божья (которая открывается через Распутина).

8 ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА

— Вы знаете, «Аня» так серьезно ранена в царском поезде, что вряд ли выживет.

— Выживет! И в конце концов ее просто жалко. Чем она лично виновата в этом царском скандале? Обожает Гришку? Да мало ли баб его обожает! Какая-то роковая она, это правда, но вины ее тут нету.

Аня выжила, несмотря на всю небрежную жестокость, с которой была ей подана первая помощь. Невежественная г-жа Гедройц весьма удачно оставила ее калекой на всю жизнь.

— Распутин это все предсказал! — уверяет Аня. На самом же деле Распутин, когда Аня лежала при смерти и царица спросила, чего ожидать, с необыкновенной ловкостью ответил:

— Если она еще нужна тебе и России — Господь сохранит ее. Если же, напротив, она чем-нибудь может повредить — Бог возьмет ее к себе.

Аня выжила, — ну, значит, «на благо России».

Царица, однако, продолжает с ней быть холодна. Катастрофа не помогла. Уже 22 января, через неделю приблизительно, пишет: «Сидела у Ани, которая поправляется... Она вечно просит, чтобы с ней сидели... Говорит, что похудела, но я нахожу, что ее ноги колоссальны... Лицо розовое... Как она от меня далеко ушла со времени своего гнусного поведения... Отношения наши никогда не могут стать прежними...»

Впрочем, это так, попутно. Главное не забывается и тут: «Аня просит тебя, от имени нашего Друга, чтобы ты ни в коем случае не упомянул ни разу имени Главнокомандующего (Николаши) в Манифесте...»

Февраль, март, — то же, «любящие письма от Друга»... «Аня несносна, ворчит, притворяется, пристаёт... Мы ее слишком избаловали...» В апреле — Аня уже опять в «маленьком домике». Начинается новая цепь свиданий с «Другом» (дети там постоянно).

Письма — немножко в стиле церковных соборов: «Нам и Духу Святому изволится...»

«Нашего Друга и меня... одинаково поразило что Н. (Николай Николаевич) составляет телеграммы, отвечает губернаторам, как ты...» «Ты слишком добр и мягок... Громкий голос и строгий взгляд делают чудеса...»

До конца июня главная кампания против Николая Николаевича ведется в темпе ускоряющемся. Но параллельно начались и другие. Распутин почти не выходит из «маленького домика».

«Аня передала Ему сейчас же, что ты телеграфировал. Он благословляет тебя и так доволен...» После одного из свиданий: «Был очень добр, массу о тебе расспрашивал...» Идут военные соображения, не послать ли несколько казачьих полков к Либаве и т. д., — очевидно, из беседы, ибо прибавляется: «Наш Друг говорит, что немцы страшно хитры».

В июне царица бежит в 10 часов вечера в «маленький домик», с детьми. Бежит «кружным путем», чтобы обмануть охрану. Друг уезжает на родину, но все задуманное не только на мази, оно вполне готово к исполнению. Даже «крестные ходы», приказ о которых должен исходить отнюдь не от Синода, а прямо от царя.

В это свидание Распутин «говорил много и чудесно». Он входит во все детали: заботится, чтобы не увеличивали трамвайную плату, чтоб новые денежные знаки были такого, а не иного образца, чтоб был приказ конфектным фабрикам делать снаряды...

«Он сожалеет, что ты не говорил с Ним немного больше обо всем, что ты думаешь и намерен сделать, и о чем предполагаешь говорить с твоими министрами, и о переменах, которые предполагаешь сделать... Он может больше помочь, когда ты откровенно говоришь с ним».

Оплошность исправляется, и через несколько времени царица благодарит мужа за посланные военные и другие разъяснения, «чтобы я могла сказать нашему Другу»... «Никому не скажу, кроме него»...

Бедная Аня! Зачем довели ее до того, что она пишет: «Это был простой сибирский странник. У их величеств разговоры с ним были всегда только на отвлеченные темы или о здоровье наследника».

Царь должен приехать домой. Царица ждет его возбужденная, уверенная. Великий князь Н. Н.? «Он знает мою волю и боится моего влияния на тебя, направляемого Григорием...»

Недаром боится, можно сказать.

Царь вернулся 26 июня — готовый совершенно. Исполнения начинаются: он — во главе армии, вместо Ни-

колая Николаевича, — это, конечно, первое. Затем все, как по нотам, и назначения, и смещения, и крестные ходы... Намечен и роспуск Думы.

И первое письмо после его отъезда, в августе, — ликующее, благодарное, подхлестывающее: «Еще месяцы назад говорил это наш Друг... Бог с тобой, Друг за тебя... Теперь все дело в армии. Ты — Самодержец, ты доказал это!»...

Царица так уверена в себе и в своей (с Распутиным) правоте, и так презирает «врагов» (общество, Думу и т. д.), что не особенно заботится о сокрытии «влияний» «маленького домика». Царь — Главнокомандующий, — она считала это необыкновенно важным и не раз впоследствии вспоминала: «Наш Друг вовремя разглядел карты и пришел, чтобы спасти тебя, умолив выгнать Николашу и самому взять командование...» Или: «Не бойся называть имя Гр., говоря с генералом Алексеевым, — благодаря ему ты остался тверд и год назад взял командование». Рассказывает и Саблину, что это был Распутин, «который заставил нас поверить в безусловную необходимость этого шага».

Только Аня, бедная Аня, самозабвенно лепечет: «После падения Варшавы государь решил бесповоротно, без всякого давления со стороны Распутина или государыни, стать самому во главе армии. Это было единственно его личным, непоколебимым желанием и убеждением. Свидетельствую, что императрица А. Ф. ничуть не толкала его на этот шаг».

Может быть, нам уже больше и не стоит отмечать подобные «свидетельства»?

В обществе принятие царем командования породило чувство болезненного недоумения. Слишком этот акт, при всей совокупности обстоятельств, был «неполитичен». Другие, за ним последовавшие, столь же неполитичные, уже начали вызывать панику. Да что же это такое, наконец? Мало-помалу все поняли, что это такое. Поняли, что у русского правительства — два врага, и что войну оно ведет на два фронта — с Германией и со всем русским обществом.

«Не мешайте нам, вместе с вами, бороться с немцами за Россию», — вот была первая просьба общества и Думы к правительству (то есть, в сущности, к царю).

— Нет, — отвечало правительство, — германская война — моя, вы — мои враги, а так как я и Россия — одно, вы враги и России.

И все стало напрасным: и уступки, и блок умеренных с правыми, и воззвания: «...но перед лицом общего, могучего врага внешнего...» Все. В «маленьком домике» у

Ани решалась эта вторая война. Что значит Таврический дворец перед «маленьким домиком»? Мог ли он все-таки не принять войну? Военные действия были открыты.

Таврический дворец знал, что принять ее — гибель. Не принять — тоже гибель. И он принял ее... наполовину.

Как видим, и это была тоже гибель, третья.

9. ПРОТИВ ЦЕРКВИ

Успех окрылил царицу. Энергия ее удвоилась. Теперь надо спешить с подбором нужных людей, с устранением всех остальных. Много дурных, злых, не любящих ее и Друга... Но с Ним она чувствует себя непобедимой.

Заботы с министрами, а тут еще начинает путаться церковь. — Синод, епископы... С обер-прокурором, «государевым оком», в Синоде была большая возня. Смещения ненавистного Самарина (честного москвича, довольно популярного в умеренно-либеральных кругах) царица легко достигла, но пока добралась до последнего ничтожества, Раева («Он обожает нашего Друга»), — сколько хлопот, примериваний, кратких назначений и выгонов. Вообще с церковью (она думает, что с Синодом, с епископами) борьба неустанная, кропотливая. Сибирский монах Варнава, прожженный мужичонка распутинского типа, сразу отдал себя в распоряжение Друга и затем, ничего уже не боясь, выступил против Синода. Самовольно открыл, на родине Распутина, мощи нового святого и потребовал его канонизации. В виду такой наглости (Варнава, почти неграмотный и грубый, вел себя в Синоде непозволительно) началась прескверная и прескандальная история. Царица вне себя от бешенства. Не царь ли глава православной церкви? «Крикни на них, душка, на этих животных (епископов). Они не смеют... Твой приезд сюда должен быть карательной экспедицией...»

Варнаву она принимает, и даже ласкательно зовет Сусликом.

Кончилось это весьма позорно... для Синода. Половина епископов была выгнана, митрополитом назначен Питирим, избранник Распутина (сколько твердила о нем царица, с каким нажимом!). Варнава получил сан архиепископа и награжден крестом, открытый им «святой» признан. «Враги», — на этот раз представители церкви, были еще раз побеждены царицей и ее Другом.

Впрочем, церковные дела не заставляют царицу забывать о делах более важных: необходимо выбрать министра внутренних дел.

Что касается «премьера» — о нем подумают после: «Старик» (бывший «серый друг» — Горемыкин) еще сидит, ничего. Но, конечно, стар, и под рукой Распутин ездит на поиски: «Завтра Друг увидит Х., а потом я его повидаю вечером. Он скажет мне, годится ли тот быть преемником Горемыкину...» На другой день царица пишет: «Ну, видела Друга с 5—7 у Ани. Он не может примириться с мыслью об увольнении старика. Думает, что лучше подождать. Называет его премудрым...» Очевидно, испытываемый не сгодился. И Горемыкина пока держат.

10. ГРИШКИНА «БЕЗМЕРНОСТЬ»

Но если Аня так фатально, очевидно и наглядно, лжет, лепеча: Распутин не имел влияния на политику... он политикой не занимался... мог бы заниматься, к нему министры ездили, но не занимался... Он только об отвлеченных вещах... — если она лжет, и мы видим, что Распутин, кроме дебошей, только и занимался, что «политикой», — пора спросить себя, какая же у Распутина была политика?

Несложная и незамысловатая политика царицы? Утверждение самодержавия в лице любимого Ники? Но какое дело до Ники Распутину? Не хочет ли он «торжества правды», как ее понимает, не думает ли о России?

Нет, в беспардонной аниной лжи есть доля страшной правды. Непрерывно занимаясь политикой, — можно сказать, делая ее, — Распутин, в сущности, ею не занимался, или не ею занимался: о политике он даже первого понятия не имел, и ровно никакой политики у него не было: совсем никакой, даже самой примитивной, царицыной.

Заглянем, чтобы понять, в чем дело, в самое нутро вот такого русского мужика, — лесного, земляного Гришки Распутина

Во-первых, он невежественен, почти непредставимо и — непоправимо. Во-вторых, он умен. В соединении получается то, что зовут «мужицким умом», — какая-то гениальная «сметка», особая гибкость и ловкость.

Сметка позволяет Распутину необыкновенно быстро оборачиваться, пронизывать острым взором и схватывать данное, направлять его так и к тому, чего он желает. Но сами желания его до крайности просты, и без всякого подобия «политики». Распутин даже не «честолюбив»: слишком тонкое это для него понятие. Если попытаться выразить в словах, чего, собственно, желал Распутин, то выйдет приблизительно так: «Чтобы жить мне привольно, ну и, конечно, в почете. Чтобы никто мне не мог пре-

пятствовать, а чтобы я, что захочу, то и делаю. А другие пусть грызут локти, на меня глядя».

Кроме этих: «Чтобы жить мне...», никаких у него желаний не имеется. Он и не подозревает, что могут существовать еще какие-то другие. Сами по себе — они обыкновеннейшие из обыкновенных. И мы в Распутине опять ничего не поймем, если не поймем еще одного свойства его, очень важного.

В душе — или в «натуре» — такого русского «странника» каждое из его простых желаний доведено до размеров гомерических и вообще ничем не ограничено. Привольная жизнь? Он ее представляет себе, безобразно и неопределенно, в каком-то таком виде, что «небу жарко». Почет? Такой уж почет, чтоб неслыханно. А делать, что хочется, — это значит на целый свет размахнуться, в вихрях закрутиться, без препоны, без удержу, и все прочь с дороги!

При такой непомерности волевого устремления самое простое желание принимает образ чудовищный. Понятие о мере является лишь с началом какой-нибудь культурности. Но Распутин — первобытный человек из вековой первобытной среды.

Как многие, ему подобные, — из более одаренных, — он с юности томится тяжелыми страстями своих желаний. Бросается в «божественность» (это одно — доступно, одно — рядом: и монастыри, и странники, и «святость»). Конечно, и тут он безмерен в размахе, тотчас стихия завивает его — и он тычется в разгул, в похабство, — знай наших, все прочь с дороги!

Но «мужицкий ум», — сметка, — не дремлет. Настоящей сладкой, почетной, вольной жизни нету. И чуть ему «пофартило» — он маху не дал. Зацепился и поехал, — поплыл по молочной реке к своим кисельным берегам.

Похоть, тщеславие, страх — обычная человеческая триада, первоначальный двигатель воли. Но время кует ее на своей наковальне, а молот — сознание, и то, что мы называем культурой. У Распутина похоть, тщеславие и страх — в девственном, нетронутом виде и в русской, острой безмерности, бескрайности. И только они. Ничего другого ни в нем, ни у него не было. Как же, и зачем, станем мы говорить о какой-то «распутинской политике»?

11. БАХВАЛ И НЕМЦЫ

Попав на «кисельные берега», Распутин смекнул остро, чем держится и что ценится. С гениальным тактом юродствует, темнит свои прорицания, подчеркивает «народную», «мужичью» святость. Да особой хитрости, тонкости

и не требовалось. Среда, в которую он попал, была ведь тоже по-своему некультурна и невежественна Шелковая русская рубашка Распутина — это для нее убедительно, умилительно, а попробуй он надеть дешевенький пиджак, заговори он человеческим языком (отлично знал его, понатершись), назови кого-нибудь на «вы», а царя с царицей не «папой с мамой» — еще неизвестно, чем бы обернулось.

Осторожный, опасливый, он не лез туда, где мог сорваться. Бывало, конечно, — при его-то безудержности, — но он быстро поправлялся. В начале войны ошибся: за-пророчествовал более определенно, заехал в «политику» и «географию»: будет, мол, победа, как подплывут к городу Вене русские корабли...

Главная «политическая» роль — указывать, подыскивать, ставить «верных» людей — сразу пришлась ему по душе. Нехитро, почетно и выгодно. Он и выбирает таких, которые не только не скovyрнут его, не лишат приволья и почета, но еще всячески стараться для него будут, из одной благодарности за такое место.

Распутин, как и царица, уверен, что все совершается вот тут, в этом месте, около царей. Подальше, пошире? Там стены тумана, непоправимое невежество. А он и не любопытен. Схватывает остро лишь то, что, думает он, может коснуться его самого. Через полгода войны он, конечно, не сказал бы, что надо посылать корабли в Вену. Он вот рассуждает о будущей роли Англии и находит благоприятной гибель Китченера... Но об Англии он знает так же мало, как о России, и к обеим одинаково равнодушен.

Войны он не хотел (ни один русский мужик не хочет войны и ненавидит ее из своего угла). Но раз война — он обязательно хочет победы русского царя над Вильгельмом (царица по-своему, Распутин по-своему, по-мужицки, но оба смотрят на войну, как на борьбу царей). Его прямой интерес, чтобы победил царь, около которого ему привольно и почетно живет. Все рассказы о немецких симпатиях Распутина (не говорю уж, царицы) совершенный вздор. Он видел в победе прямое благо для себя, — как же не желать ее?

Не забудем, однако: в Распутине сидит еще и пьяный разгульник и похотник. «Чего захочу — чтоб не было мне никакой препоны...» Пьянство его — русское, гомерическое, с плясом диким и с гиком, непременно со скандалом... и с «бабами». Даже из наикультурнейшего русского человека выскакивает, если он пьян, гришкин дебош и скандал. Что же после этого Гришка, в первобытности своей и безмерности?

Пил он, действительно, без меры. С ног не скоро валился, очень был крепок. А потому говорили, что он пьет — не пьянея. Как бы не так: если он пьет — он пьян до дна. Все — до дна: и гик, и крик, и пляс, и гомерическое бахвальство. В эти минуты расчет и хитрая сметливость отступают от него. Ему действительно «море по колено». Ему надо уж не удивлять, — поражать на месте.

Грубые и грязные сплетни о его отношениях к царице — порождение самого Распутина. В известный момент он был способен на все. Неосторожное или намеренно-ловкое слово собутыльника — и Распутин выхватывает из кармана кучу смятых бумажек — письма царицы. Не выпускает из рук, но махает в воздухе ими, тычет пальцем, хрипит: «А? Что? Не писала этого? Да она у меня... Да я ее...»

Ловкому, холодному человеку ничего не стоило обойти его в эти минуты.

И меня не удивляет такой факт, не всем, может быть, известный, но достоверный: в Петербурге имелась очень серьезная немецкая организация — из русских состоящая. Люди достаточно тонкие, чтобы употребить на пользу и Распутина. Они ничего у него не просили: это были только верные товарищи и участники грандиозно-безобразных его кутежей. Сами даже задавали сутками дящиеся кутежи, иногда прямо «в честь» Распутина.

И «собутыльники» эти уж, конечно, умели узнавать от Распутина все, что знал он. Треть его речей была чепухой, треть бахвальством, но треть, случалось, шла на пользу: в последние годы царица не устает расспрашивать царя о военных (секретных) планах и намерениях «для нашего Друга, который может помочь», не устает повторять: «Говори с ним откровеннее обо всем».

И вот сам Распутин постепенно как будто втягивается в военные дела. То советует «наступить около Либавы», то настойчиво требует «приказать Брусилову немедля остановить южное наступление». Детальные военные письма царицы с названиями полков для защиты тыла, левого фланга и т. д. — даже странны своей определенностью. Она, конечно, повторяет чужие слова и, конечно, Распутин. Но и для Распутина они странны. Уж не вложены ли в уши пьяного бахвала, где-нибудь на «Вилла Родэ» под утро? Не внушены ли, с незаметной ловкостью, грозному внушителю?

Слишком точно знали немцы наши «секретные» планы. Слишком последовательны были наши военные неудачи. Кое-что можно отнести на долю и гришкиной бахвальной, пьяной безмерности. Утвердим, однако: он никогда соз-

нательно «своих царей» не предавал. Это было не в его интересах.

Не предавал и продавал. Немцы недурные психологи в этих делах. Думаю, они и не делали ему прямых денежных предложений, хотя знали, что Распутину деньги нужны и что он берет, по пословице, «с живого и с мертвого».

Брал он так, и с такой оглаской, что даже министры трусили. Пошушукались с охранным отделением и решили выдавать ему определенное ежемесячное содержание, в два срока, тайным порядком, конечно, из секретных сумм. История эта известна. Гришка явился, денежки принял, но толку не вышло никакого: не сократил гомерического побора. Да и что ему жалкие охранные тыщонки? Слизнуть. Поклонницы баловали его невероятно, одевали в шелк и бархат, квартиру заваливали цветами, конфетами и всяким добром посущественнее. С богатеньких просителей Распутин брал и натурой: шубой или чайным сервизом. Но все это было не то: требовались деньги. И не потому, что он жаден к деньгам: он жаден к их швырянию. Тоже русская черта: попойка — не попойка, море разливанное, денег не жалеть, не считать. Захочу — псу под хвост суну, захочу — все себе загребу.

Для этого денег нужно было много. И не дивно, что Гришка брал, не обинуясь.

Но никогда не брал у царицы, держал себя крепко. Скупая, она и не дала бы, пожалуй. Однако вряд ли взял бы, если б и дала. Ему нужно было слыть «там» — бессребреником. И слыл. Не опасался, что дойдут слухи до Царского: возьмут за «сплетню», а то и так: богатый дал — а он бедному отдал.

Недаром Аня «вспоминает»: «Сколько он добра делал! У него на приемах бывала всякая беднота, и он всем помогал».

Ане-то, положим, ведома эта «беднота», и она рассказывает о Распутине здесь с обычной своей правдивостью. Но царица верила, кажется, искренне.

12. ВЫБОРЫ МИНИСТРОВ

Жизнь в Царском несколько изменилась, когда царь стал главнокомандующим. Он все время теперь в Ставке. Еще меньше существует.

У царицы по горло хлопот. Ее хозяйство расширяется. Мальчика она упорно держит в Ставке, у отца. Болен? Поправится. Главное — пусть учится быть царем.

Общими усилиями (Аня действует, как никогда) найден, наконец, министр внутренних дел — Хвостов.

Начал Хвостов с Распутина, конечно. Пригласил его в Нижний (он еще нижегородский губернатор) и такие закатил ему пиры, что царица спешит: «Наш Друг телеграфировал, что Хвостов был бы хорош» министром.

Затем, с неразлучным Андрониковым, Хвостов переходит на Аню.

Андроников, — толстый господин без определенных занятий, — всем известный авантюрист. Но известное всем — никогда не известно при дворе. Да если б и узналось, как смотрят на него «все»? «Они» осуждают — значит, хороший человек. Враг «им» — друг нам.

Андроников и Хвостов очаровали Аню. И вот царица начинает, на скорую руку (дел так много!), обрабатывать царя.

«Хвостов опять был у Ани и умолял, чтобы я его приняла, что я и сделаю сегодня. Некоторые боятся, что я вмешиваюсь в государственные дела, а другие считают, что я должна помочь. — Андроников, Хвостов, Варнава...»

«Ну, душка, я беседовала с «хвостом» (фамильярно-ласкательные клички — слабость царицы) и полна лучших впечатлений. Я несколько беспокоилась, так как Аня способна увлечься, но, переговорив с ним, нашла, что работать с таким человеком — удовольствие. Ясная голова. Энергичен. Знает крестьян, народ. Будет охранять нашего Друга». «У него колоссальное тело, по словам Ани, но душа его возвышенна и чиста». Вечером польщенная приписка: «Толстый Андроников телеграфировал Ане, что Хвостов очень доволен моей беседой, и передавал другие любезности».

Андроников, Хвостов, Белецкий... Аня принимает их всех в «маленьком домике» и очень горда, что тоже «помогает». С непривычки трусит чего-то. Но — «Андроников дал Ане честное слово, что никто не будет знать, что Хвостов у нее бывает». — «Назначь его скорее, душка!»

В первый же приезд царя все желания «маленького домика» были исполнены. Хвостов и Белецкий назначены. Остальных, намеченных царицей, убрали.

Хвостов и после назначения не забывает Аню, считает, что очарование стоит поддерживать. Но царица уже ворчит: «Хвостов и Белецкий обедают у Ани, я нахожу, это жаль, — точно она хотела играть политическую роль, а она так тщеславна, самоуверенна, недостаточно осторожна, но они просили принять, верно, им надо опять что-нибудь передать, а наш Друг всегда желал, чтобы она жила

для таких вещей». (Неблагодарная Аня! Забыла и очарование свое, и все любезности и уверяет теперь: «Хвостов производил неприятное впечатление».)

Эта печальная зима, с ее систематическими военными неудачами (15—16), — зима сугубо безобразных кутежей Распутина. Скандал разрастался. Аня, может быть, знала, вздыхала, негодуя на «сплетни», но царица не знала ничего: и не слушала, да и некогда ей: принимает «своих» министров, ездит в Верховный Совет: «Как хорошо что ты дал мне Верховный Совет!» — и ходит вечером к Ане, где Друг бывает... трезвый, серьезный, настойчивый. «Питирима — сюда. Друг просит тебя быть твердым, так как это единственный подходящий человек». Кроме того, Друг опять предлагает много вопросов о планах царя насчет Румынии, о рескриптах, о Думе, когда ее сзывать. «Он находит, что если будет какая-нибудь победа, то Думу совсем не надо будет сзывать»...

А вот у Друга — «ночное виденье. Просит приказать начать наступление возле Риги. Просит тебя серьезно...»

Это в ноябре-то наступать, потому что у Распутина ночное виденье!

Но если начинают наступление без него — он сердится: «Начали движение, не спросивши Его, — пишет царица. — Он всегда обдумывает, когда придет хороший момент для наступления».

Опять приезжает царь. Молча, как манекен, подписывает все, что от него требуют, назначает, смещает, — уехал.

Только что назначенный митрополит Питирим (он распутинского типа) добро помнит. Дает в честь Распутина завтрак, окружает его подобострастным вниманием — «привольная жизнь в почете!» Ане занездоровилось — митрополит сидит у ее постели в «маленьком домике». «Добрый человек!»

В Петербурге жизнь шла странная, — стыдная. Все чувствовали, что наваливается что-то на плечи и тяжелеет. Думу созывали редко, с вечными отсрочками. Когда созовут, наконец — думское колесо вертится в пустоте. Дела делаются там, за стенами маленького аниного домика И немножко на Троицкой, где Гришка принимает министров, облеченный в белую хламиду. Наиболее усердные целуют полу хламиды. Губы не отвалятся, а уж все равно, раз Гришка, то почему не в хламиде? А раз в хламиде — почему и не приложиться к ней? Кто сказал «А» — почему ему не дойти и до «Z»?

Вся же хламида — знак, что Распутин и в трезвое время дома, не совсем нынче выходит из перегара. Ему хочется все большего, все большего «почета». Зудит что-нибудь

выдумать самому. Хламиду выдумал. Пусть видят и чувствуют.

На Хвостова мы все, зная его, смотрели сначала с презрительным равнодушием. Потом стали ждать какого-нибудь скандального выверта. Уж очень пошла сильная чепуха. Филеры Хвостова следили за филерами, приставленными к Распутину, последним был отдан приказ следить за хвостовскими. Кончилось тем, что все столкнулись лбами, потом подружились, потом все так перепутались, что ни один уже не знал хорошенько, за кем следить.

Но Распутин был покоен. Ночами дебоширил, драл нос и безобразничал вволю, кочуя из одного притона в другой. К утру его привозили замертво из последнего, самого низкосортного — домой. Проспавшись, прочухавшись, умывшись, а то и в баньку съездив, он начинал свой день: министры, дамы, просители, цветы, еще дамы, опять министры, снова дамы... Это, конечно, если его по телефону не требовали в Царское, или если Аня самолично за ним не являлась.

В «маленьком домике» — новая горячая работа: выбор премьера. Как ни тянули со слабеющим «стариком» — нет, видно, пора погадать о заместителе

Распутин останавливается на Штюрмере. Человек пожилой, старцу-Горемыкину не будет обидно; известный, почтительный, давно около ходит, богат, а уж как благодарен-то будет...

«Душка, возьми Штюрмера, он настоящий человек. Наш Друг так сказал. Он очень ценит нашего Друга, а это большая вещь...»

С каждым месяцем царь податливее, исполнительнее. Царица, положим, не скупится на повторения и настояния, но как-то все происходит быстрее. В январе (16 г.) царь приезжает домой и в десять дней, безмолвно, успевает поставить свой штампель на всех решениях «маленького домика»: «старец» Горемыкин удален, Штюрмер назначен. Тут же, кстати, выгнаны неудобные Питириму епископы («наглые животные!»). Сообщены «конфиденциально» военные планы, в больших подробностях: куда будет послана артиллерия, идет ли гвардия «к югу от Келлера», какие где силы остаются «для защиты левого фланга» и т. д. Сомневаюсь, чтобы осовелый от пьянства Гришка мог все с точностью запомнить. Но кое-что, наверно, запомнил. Вскоре он зачем-то стал требовать назначения генерала Иванова. И царица принимается за свой благодарный труд: «Подумай, подумай, подумай о генерале Иванове...» «Что же насчет Иванова? Наш Друг так хочет, чтоб он был назначен...» (Конечно, исполнено.)

Со Штюмером, новым премьером, «правительство маленького домика» переживает медовый месяц. Штюмер у царицы с докладами каждый день.

Кто — Штюмер? Лет 12—15 тому назад он — ярославский губернатор. И тогда уже немолодой, высокий, ширококостный, в белом военном кителе, любезный, гостеприимчивый — производил он скорее приятное впечатление, хотя немножко двойственное. Он, видимо, хотел показать себя перед «петербургскими писателями» прежде всего культурным человеком. Мягко либеральничал.

Но при этом — подчеркнутое тяготение к церквам, священникам, вообще к «православию». Немецкая фамилия и отдаленное немецкое происхождение, видимо, мучили его: они мешали, думал он, его карьере. И он старался играть русского коренного аристократа. На стене растрелиевских губернаторских покоев висели, под стеклом, на показ, масонские знаки «прадеда». В драгоценном альбоме автографов — «фамильном» — имелись записи русских царей и даже самой Екатерины...

«Немецкая тень» преследовала его воображение. Отсюда и русофильство сутубое, и подчеркнутое православное благочестие.

Нам как раз случилось присутствовать при приеме знаменитого тогда о. Иоанна Кронштадтского (его впоследствии называли «Распутиным Александра III», но это неверно и несправедливо: у о. Иоанна, при всей бессознательности и грубоватости, было другое ядро; в голубых, рассеянных глазах светилась наивная, детская праведность).

Мы ездили со Штюмером и о. Иоанном по всем домам, куда о. Иоанна звали. Видели человеческие волны, заливающие о. Иоанна. Удивительное зрелище. Но и Штюмер был любопытен. Какое смирение, какое благоговение! Весь — елей.

На пышных званых обедах своих — он совсем другой. Знающий себе цену сановник. Мягкие придворные манеры... Но какое окружение! Один Гурлянд, вечный его фаворит, чего стоил. Этого Гурлянда он довлек до своего премьерства и тотчас посадил на тепленькое местечко, уволив 25 лет служившего там человека. Царица и та удивилась

Мы прозвали его тогда «лукавый царедворец». Он таким и остался, попав в премьеры. И если, в конце концов, не пришелся, то лишь потому, что безумие этого исключительного Двора даже его захлестнуло. Чтобы приспособиться, мало тонкого или даже грубого лукавства, надо самому быть сумасшедшим.

Штюрмер же все-таки пытался действовать по расчету. Полагал, что если существует, к несчастью, Дума, то разумнее бороться с ней исподволь, а не лезть нахрапом с дубиной. Понимая положение, он заискивает у Распутина и льстит царице, грубо, как ребенку, поддакивая. Но гнет к умеренности, действует с осторожностью. Это грубое лукавство долго спасало его. Не спасло... Запутался, и сам махнул рукой. Царица, незадолго до его отставки, в конце 16-го года, замечает: «Он давно не видел нашего Друга — и потерял точку опоры».

13 МАЛЕНЬКИЙ СКАНДАЛ

Но пока — лучше Штюрмера нет, и он «постоянно беседует с Другом».

В самый разгар медового месяца разражается скандал с одним из вернейших избранников: Хвостовым. Этой конфузной и грязной истории я не буду касаться в подробностях. Не то спутавшиеся охранники соединенными силами что-то пронюхали, не то завистливый бывший монах Илиодор донес — словом, открылось, что возлюбленный «Хвост» — заговорщик и подкупает каких-то лиц, чтобы убить Распутина. В этой истории, негласной, конечно, было много комизма. Кто и для чего втравил в нее Хвостова, и было ли это серьезно, — осталось во мраке неизвестности. Проваливаясь, Хвостов попытался было выставить себя перед общественными кругами «пострадавшим за освобождение России»: он хорошо знал всеобщую к Распутину ненависть. Но и это не удалось. Так шутком он и сошел со сцены, никого особенно не взволновав.

В Царском — другое. Царица и Аня «переживают тяжелые дни». «Я так несчастна, — пишет царица, — что мы с Аней, через Друга, рекомендовали тебе Хвостова...» Она, впрочем, сваливает все на них: «Я только уступила их давлению...» О собственном восторге перед «ясной и возвышенной душой» Хвостова она забыла — может быть, искренне. Потрясение Ани принимает бурные формы: «Она была убийственна со своими телефонами, визитами и историями про нашего Друга, кидала палкой по комнате, хохотала!»

Но все это ничто перед потрясением самого «Друга». Он действительно вне себя, и не от возмущения, не от досады, — от страха. Самого обыкновенного, животного страха перед «убийцем», как зовет Хвостова. В бешеной ярости он бросается с кулаками на бедную Аню. Ежеминутно требует ее к себе (сам засел дома, носу не высывает), если она медлит — посылает жену, которая тоже

делает ей сцены. Даже царица не может скрыть: «В теперешнем своем настроении Он кричит на Аню и так страшно нервничает... Бойтся уехать, говорит, что Его убьют... ну, мы увидим, это как Бог даст...»

14. «ПРОЩАЙТЕ, РОДНЫЕ...»

Лето 16-го года было прохладное, тихое.

В июньский вечер я стою на балконе нашей квартиры, в Петербурге. Балкон во втором этаже, уличные торцы так близко. Наш дом — последний, и направо, за решеткой, кудрявятся свежие высокие деревья Таврического сада. Чуть виден в зелени широкий купол дворца — это Дума. А налево — как стрела прямая, широкая Сергиевская улица, такая прямая, что конец ее потерян в золотом тумане заката, в небесном сиянии.

Улица пустынна и безмолвна. Но вот как будто далекие, слитые звуки, голоса, — песня. Далекие — они приближаются, близятся, вытягиваются, вот совсем близко... и я вижу, как прямо на меня, из переулка, что вьется вдоль решетки, выходят рядами солдаты. Стройные ряды тотчас заворачивают на прямую улицу, — туда, к закату. Они идут, идут, — но не проходят. Они не могут пройти, их слишком много. Каре за каре выступают все новые, огибают угол, наполняют длинную улицу, и не видно уже перерывов между каре, — точно широкая, светло-серая змея тянет к заходящему солнцу свои кольца, наливает воздух стонущей песней, все той, опять той же, той же, винтом ввинчивающейся в душу:

Прощайте, родные,
Прощайте, друзья,
Прощай, дорогая
Невеста моя...

Издаюлка-издаюлка, от тех первых, что теперь уж едва видны золотом тумане, — только сверкают над ними какие-то огоньки-точки, зажженные солнцем, — опять не сдается это —

Прощайте, родные...

Улица, зыблясь, поет —

Прощайте, друзья...

И плачут близкие, ровные волны —

Прощай, дорогая
Невеста моя!

Как расскажешь это? Навстречу пологим лучам, золотым острым мечам, катилось звенящее море людское и в них таяло. Там был конец им всем — невидный — и к нему все новые и новые шли, в закате пропадали:

Прощайте, родные,
Прощайте, друзья,
Прощай, дорогая
Невеста моя...

Летнее позднее солнце точно остановилось на небе. Я ухожу, запираю балкон, не могу больше. Но и сквозь стекла, сквозь стены просачивается песня, значит, еще идут, идут, идут...

Это война. Это необходимость. Люди текут, идут умирать... за родину? Пусть они думают, что за родину. Или пусть ничего не думают. Потому что вот эти, сейчас проходящие, сейчас поющие, пойдут в огонь — за Гришкину привольную и почетную жизнь. И тогда пойдут, когда ничего не знающему, ни аза не понимающему Гришке взбредет в голову приказать наступление...

Я знаю, что преувеличиваю. Но нельзя уберечься от кошмара в густом воздухе войны — двойной. И вторая война, «маленького сумасшедшего домика» со всей Россией, — горше, пожалуй, первой.

15. ВРАГИ

Можно сказать, что летом 1916 года уже все общественные русские круги были в эту вторую войну вовлечены. Незаметно один за другим вовлекались, — от умеренно-левых до неумеренно-правых. Между «врагами» не делалось различия. Всякое движение пальцем, всякая, самая робкая, попытка принять участие в германской войне — преследовалась и каралась. Земские, городские союзы? «Послать туда «глаза» следить... Тотчас же «убрать»... Дума? «Не бойся, только скорее распусти Думу. Государственный Совет? Он поступает бездумно...» «Как бы я хотела отхлестать и выгнать министров. Раздави всех...»

Эти «все», которых рекомендовалось «раздавить», отлично угрозу чувствовали. Кошмар «маленького домика» висел тяжело. Кто стоял дальше и политикой не занимался, — винули во всем Гришку. И ненавидели его жестоко.

Но, может быть, отсюда и пошла легенда о Гришкиной «силе», — необыкновенной, хотя и злой, — о его «за-

мечательности». Ведь трудно и стыдно признаться, даже себе, что вот пришел лядаший, заурядный мужичонка, сел на спину тьме-тьмущей народу, поехал и его покорно везут.

Великие князья, родственники царя, — люди, за немногими исключениями, самые дюжинные, выросшие в малокультурной, невежественной среде гвардейской военщины. Привычно праздные, невоспитанные, склонные к кутежам. В зрелые годы иной становился хорошим семьянином, что не мешало ему оставаться таким же бездельником, с таким же узким кругозором.

На распутинский скандал они смотрели, прежде всего, как на семейный позор. Но чувствовали этот позор весьма сильно, ведь семья-то «царская»! «Маленький домик» не замедлил открыть и по ним военные действия. Николай Николаевич пал первой жертвой, а когда пошли уговаривания, увещания, семейные советы, письма с просьбами и требованиями спасти «семейную честь», удалить Гришку, — «маленький домик» поспешил открыть военные действия и по другим родственникам. Начались высылки...

16 ПОСЛЕДНИЙ ИЗБРАННИК И ПОСЛЕДНИЕ БИТВЫ

Для ускорения работы царица ездит в Ставку и сама. Аня сначала остается. Едет в Евпаторию, потом на родину Друга, с ним и его поклонницами, к мощам нового «святого», открытого Варнавой.

В Евпатории она познакомилась с караимом Гаханом, которого потом царица называет полупрезрительно ее «предметом». Аня даже представляла его царице, причем караим этот с первого слова такой понес вздор о заговоре английского посланника Бьюкенена на жизнь Распутина, что надо быть Аней и русской императрицей, чтобы слушать и верить.

Скоро Друг потребовал, чтобы Аня тоже ездила в Ставку. Едут. Не раз и не два. Аня пишет: «Императрица не сознавала, какой нежеланной гостьей была там... Иностранцы офицеры во всеуслышание делали замечания: вот она опять приехала к мужу передать последние приказания Распутина». «Свита ненавидела ее приезды, — это обозначало перемену в правительстве...»

Даже не веришь, что это Аня такую святую правду написала. Приказания Распутина там быстро исполнялись, а он подваливал новые, телеграммами. В одно из пребываний царицы в Ставке было их послано десять, самых длинных.

Но время не терпит, ведь нужен же министр внутренних дел.

Григорий не забыл Хвостова. Он не верит больше никаким «светлым головам». Ему давай такого, «чтоб было попростее». То есть, говоря обыкновенным языком, — с идиотизмом. Наконец находится такой: Протопопов. Не доверяя больше и Ане, Распутин испытывает его сам. Главным образом — таская по своим оргиям, даже московским. Ничего, «ладный»...

В сентябре — свидание царицы с Протопоповым, при Друге, в «маленьком домике». Мгновенный энергичный нажим, еще один визит в Ставку — и Протопопов министр. И такой «плотный» министр, каким не был ни один до него. Он (и царь) власть исполнительная, покорная власти законодательной — «маленькому домику».

Некий серьезный общественный деятель, вполне разумный, на моих глазах начал истерически хохотать, узнав о назначении Протопопова. А когда нам показали стенограмму «чашки чая», — первого свиданья министра с думцами и политиками, — мы все чуть не впали в такую же истерику неудержимого хохота.

— Да это нарочно! Кто это выдумал?

— Не выдумал, а официозная стенограмма...

Протопопова периодами, на два, на три месяца в году помещали в лечебницу. Выйдя, он не сразу опоминался, ходил растерянный, рассеянный, то глупо-предупредительный, то наивно-дерзкий. Его идиотизм был хотя и маниакального свойства, но не в той мере, чтобы, при неусыпном бдении, нельзя было этого министра «направлять».

Царица и Распутин оценили счастливую находку. Об Ане и говорить нечего. Аня хоть и пишет теперь: «Протопопов мне лично казался слабохарактерным», — но он ей, в сущности, как брат, как равный, по своей «простоте» и покорности. В «маленьком домике» он ей сплетничает насчет «врагов»: Родзянки, Гучкова, Трепова... Оба, раскрыв рты, невинно смеются... Но время не ждет, царица серьезна: «Наш Друг и Калинин (так почему-то прозвали они дорогую находку) умоляют тебя закрыть Думу... Я бы не писала, если б не боялась за твою мягкую доброту, готовую сдать, когда я, Аня и Друг не поддерживают тебя. Поскорее распусти Думу. Помни о снах нашего Друга. Тебе никого, кроме Протопопова, принимать не нужно... Брусилов — дурак, запрети ему...»

Как будто чувствуя сдвигающиеся стены ненависти (Распутин — ничего не чувствует, покоен с Протопоповым, предается разгулу, бахвальству, ласкам и баловству

дам), — царица начинает впадать в напряжение, близкое к безумию.

Она уже почти не пишет о детях, о доме. О родственниках — только с бранью и с требованиями: «Сошли, вышли, прекрати... ведь ты царь!» О мальчике почти не вспоминает: он в Ставке непрерывно, и, какие резоны ни представляет ей француз-воспитатель Жильяр, доказывая, что ребенку это вредно физически и морально, — не слышит. Для нее муж и сын уже странно слиты в одном понятии «царя». Около царя «наследник», как бы утверждающий его бытие. Не разбирается, конечно, и сама в этом кошмаре, но твердит: «С тобой Бэби... Ради Бэби, который тебя должен укреплять, будь самодержцем!»

Распутин для нее давно слился с Христом. «Как Христа, его гонят книжники и фарисеи...» Видятся у Ани, почти ежедневно. Днем министры, главным образом Протопопов, вечером — Друг и его (Божьи!) указания.

Кроме военных дел (они разрабатываются очень подробно) — есть важный внутренний вопрос — продовольственный. Друг настаивает, — со Ставкой сноситься некогда, — и царица берет решение на себя.

«Прости мне, что я это сделала. Но Друг сказал, что это безусловно необходимо». И она посылает в Ставку, на подпись, срочную бумагу, передающую продовольствие в руки Протопопова, — «прежде, чем соберется Дума. Мне пришлось взять этот шаг на себя, так как Гр. говорит, что тогда Протопопов покончит со всеми Союзам и таким образом спасет Россию».

Дума, союзы... и далее открытое признание: «Мы с ними со всеми в войне и должны быть тверды».

Аня стерлась: она лишь «служба связи» между царицей и Другом. Каждое утро летает к нему от царицы — с портфелем. Но и она чувствует, что атмосфера сгущается, лепечет что-то о заговоре в Ставке, о том, что царицу хотят «заклечь в монастырь»... Распутин спокоен. Ему важно одно — чтобы остался Протопопов: «Тогда все будет хорошо».

А «подлые рабы-враги», Дума и все остальные, вплоть до некоторых, еще не успевших полететь министров, возроптали против бедного «Калинина». До такой дошли «наглости», что стали требовать удаления министра с идиотизмом, министра, у которого оказалось «все в руках».

И письма царицы делаются все бешенее. В них теперь только одно: «Держи, держи Протопопова. Не меняй, не меняй Протопопова». Без доказательств, уговоров, просьб: голое повторенье, по пяти — семи раз в день, одних и тех же слов: молоток по черепу.

Тринадцатого ноября, не стерпев, она опять бросилась, с Аней, в Ставку. Туда, ежедневно, телеграммы Распутина. Темно, то угрозно, то ласкательно, с нарочитым косноязычием, и все о том же: держать «Калинина». «Моя порука этот самый Калинин, а вы его маленько кашей покормите. Дай власть одному, чтобы работал разумом Новый».

Калинина держать, но «рабы» продолжают свои протесты, а царица свой бешеный нажим: «Не меняй, не меняй... Хвати кулаком по столу, не уступай. Царь правит, а не Дума!»

Лишь после краткого визита царя в декабре — царица отдыхает: «Не напрасно мы страдали. Ты выдержал борьбу за Протопопова. Будь тверд, не сдавайся. Я страдаю за тебя, как за нежного ребенка (мальчик опять с ним в Ставке). Ты нуждаешься в руководстве, но Посланец Божий говорит тебе, что надо делать».

Насчет Протопопова царица успокоилась, но бешенство ее тем сильнее обращено на «врагов».

«Наш Друг просил же тебя закрыть Думу, Аня и я тебе об этом писали. Будь императором. Будь Петром Великим, Иоанном Грозным, императором Павлом... Львова — в Сибирь. Гучкова, Милюкова, Поливанова — тоже в Сибирь...»

Накануне рокового для нее дня она еще пишет: «Почему Милюков на свободе? Почему у нас рамольная тряпка в должности министра двора?.. Не мешкай, милый, поверь советам нашего Друга и Протопопова...»

Эти советы — репрессии. Что ж, война так война!

Но вот короткое, взволнованное последнее письмо: «Я не верю, я не могу верить, что Он убит... Приезжай поскорее...»

Газеты писали: «Одно лицо было у другого лица еще с несколькими лицами. Первое лицо после этого исчезло. Одно из других лиц заявило, что первое лицо у второго лица не было, хотя известно, что второе лицо приехало за первым лицом поздно ночью» и т. д.

Распутина убили во время попойки. Убили члены царской семьи и крайне правый думский депутат — Пуришкевич.

Это убийство было отнюдь не началом войны, но первым актом обороны в войне, которую объявило русское правительство, — фактически правительство «маленького домика» — всем своим подданным. Войне беспримерной: в ней погибли все боровшиеся, с той и с другой стороны. И почти все не боровшиеся — тоже.

На опустелое поле битвы пришли третьи и завладели им.

Июньский вечер. Я на том же балконе. Направо, за решеткой, кудрявятся деревья Таврического сада. Чуть виден широкий купол дворца, но это уже не Дума: это «дворец Урицкого». А прямая, как стрела, улица — не улица: зеленая тропа, заросшая травой. Но то же солнце полугими лучами освещало широкую тропу — и так же, как три года тому назад (только три года!), потерялся ее конец в золотом тумане.

Босые, полуголые ребятишки роются меж плитами развороченного тротуара. Напротив — грязный, с осыпающейся штукатуркой дом. Окна открыты. На подоконниках лежат — солдаты.

А может быть, и не солдаты. Если те, что тогда, давно, выливались сомкнуто и стройно из-за угла, пели «Прощайте, родные, прощайте, друзья» и пропадали в закатном солнце, если они — солдаты, эти — не солдаты. Просто деревенские парни, молодые мужики без дела, неизвестно зачем надевшие трепанные, защитные куртки, расстегнутые или без пуговиц.

Навалившись животами на подоконники, мужики плюют на улицу. За их спинами, в комнате, свистит и хрипит граммофон. Что-то веселенькое, романсик теноровый, искомженный пластинкой.

Войны больше нет — войны «с Вильгельмом». Может быть, есть где-то, далеко, в стороне, где солнце закатывается, но чего ж туда смотреть? Солдаты и не смотрят. Смотрят вниз, на тротуар, куда плюют. У них с Вильгельмом теперь мир, а если «похабный», по их определению, то ведь они своей жизни в этом мире так же не понимают, как не понимали смерти в войне.

Улица — солнечная пустыня. Даже ребятишек больше нет. Прохожий виден далеко-далеко, за полверсты. Вот как раз кто-то идет. Удивительно! Идет в нашу сторону.

Очень скоро узнаю, кто идет. По знакомой, припадающей походке. Идет хромая Аня. Вот она совсем близко, с палкой своей, на которую налегает, но движется она бодро и живо. В скромной блузке, старенькая юбка черная, под мышкой пакет, — провизию какую-то добыла опять.

Увидала нас, остановилась под балконом, разговариваем. Она идет в наш дом. Поднялась на минуточку в квартиру знакомой семьи, потом — к нам.

Сидит тяжело, но прямо, — в кресле, в длинной моей комнате, смотрит круглыми глазами, похожими на хрустальные, или стеклянные, и рассказывает.

Ее опять возили в ЧК. По доносу сестры милосердия, наверное, которая их грабила, ковер даже с полу тащила... Ну, опять допрашивали, целую ночь, как будто она не рассказала всего, что знает! Были любезны, не мучили, скоро отпустили.

— Вам бы уехать, Анна Александровна, — говорю я тихонько. — Если только возможно...

Аня, по сцеплению идей, перескочила на «затворника», — он ей не велит еще бежать, велит оставаться. Затворник в Александро-Невской лавре. Он сидел там в затворе 25 лет, только в самое последнее время показался. Аня сподобилась видеть его, беседовать с ним. Как он говорит! Этого описать нельзя. Истинный посланец Божий. Аня ходит теперь к нему в Лавру постоянно. И вот он не велит ей уезжать. Велит, чтобы оставалась.

Совсем особенно произносит она это: «Велит, не велит». Как воздух для дыханья ей необходим кто-то «велящий» или «не велящий». Я не думаю, чтоб затворник смог ей заменить Распутина. Это лишь первые инстинктивные и неизбежные поиски. Их будет очень много...

Аня, конечно, не забыла Распутина. Нет, она, по существу, верная, по природе верная. Она не предаст Распутина никогда, хоть жги, хоть режь ее. Но Распутина нет. А она живет. Ей нужна постоянная «Божья», как она думает, помощь, чтобы жить. И помощь осязательная, видимая, наглядно-чудесная. Ведь Аня — материалистка, совершенно как царица. Только царица активная материалистка, Аня же, в каждой капельке крови своей, пассивна. Чтобы действительно жить, ей необходимо потерять себя, носить в себе чужую волю, радостно слушать чужое приказание. Бог ей, в конце концов, бесполезен. Но ей совершенно необходим человек, который позволил бы верить в себя, как в Бога.

Смотрю в Анины хрустальные глаза. Слушаю детский ее, незабавный, лепет. Жалко? Не знаю. Странно, что вот кончилась та, первая сказка, другая началась, еще, пожалуй, страшнее, — но другая, не Анина. Аня — живой тенью перешла в нее, из одного мира в другой, словно из одной пустоты в другую ничего не знающая, неизменная, неуязвимая.

И, кажется, так хорошо. Есть вина, страшная вина, — но кто в ответе? Немой царь, призрак, не существующий, как сонное марево? Убитая, на куски разрезанная, в лесу сожженная царица? Обалделый от удачи, похотливый и пьяный сибирский мужик? Или уж не эта ли стеклоглазая, круглолицая русская баба-фрейлина, хромая Аня?

Все равно. Все равно. Нельзя сделать, чтобы не было бывшего. Не для осуждения, не для мести надо вспоми-

нать его, понимать его, держать в уме. Но в бывшем — теперешнее, а главное — будущее. Сказка, которую еще будут рассказывать...

Те же окна, тот же свет в них золотой, улица та же:

Прощайте, родные,
Прощайте, друзья,
Прощай, дорогая
Невеста моя...

Аня болтает, граммофон журчит напротив. Я не слышу. У меня кошмар будущего. И мне кажется — идут, идут за окнами невидимые полки, текут в закат и тают —

Прощайте, друзья,
Прощай, дорогая
Россия моя!

1923

В. М. ПУРИШКЕВИЧ

ДНЕВНИК

«Дневник члена Государственной думы
Владимира Митрофановича Пуришкевича»
Издательство «National reklama», Рига, 1924 г.
В. М. Пуришкевич «Из записок».
Париж, 1924 г.

Пуришкевич Владимир Мирофанович — крупный помещик, черносотенец, один из основателей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственной думы. Участник убийства Распутина.

19 ноября 1916 года.

Сегодня я провел день глубочайших душевных переживаний.

За много лет впервые я испытал чувство нравственного удовлетворения и сознания честно и мужественно выполненного долга: я говорил в Государственной думе о современном состоянии России; я обратился к правительству с требованием открыть Государю истину на положение вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить Монарха о грозящей России опасности со стороны темных сил, коими кишит русский тыл, — сил, готовых использовать и переложить на Царя ответственность за малейшую ошибку, неудачу и промах его правительства в делах внутреннего управления в эти бесконечно тяжелые годы бранных испытаний, ниспосланных России Всевышним.

А мало ли этих ошибок, когда правительство наше все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лиц, забывших о родине и помнящих только о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем.

Как мне бесконечно жаль Государя, вечно мятущегося в поисках людей, способных занять место у кормила власти, и не находящего таковых; и как жалки мне те, которые, не взвешивая своих сил и опыта в это ответственное время, дерзают соглашаться занимать посты управления, движимые честолюбием и не проникнутые сознанием ответственности за каждый свой шаг на занимаемых постах.

В течение двух с половиной лет войны я был политическим мертвецом: я молчал; и в дни случайных наездов в Петроград, посещая Государственную думу, сидел на заседаниях ее простым зрителем, человеком без всякой политической окраски. Я полагал, как и полагаю сейчас, что все домашние распри должны быть забыты в минуты войны, что все партийные оттенки должны быть затушеваны в интересах того великого общего дела, которого требует от всех своих граждан, по призыву Царя, многострадальная Россия; и только сегодня, да, только сегодня, я позволил себе нарушить мой обет молчания и нарушил его не для политической борьбы, не для сведения счетов с партиями

других убеждений, а только для того, чтобы дать возможность докатиться к подножию трона тем думам русских народных масс и той горечи обиды великого русского фронта, которые накаплиются и растут с каждым днем на всем протяжении России, не видящей исхода из положения, в которое ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от коих прочно забрал в руки Григорий Распутин и Императрица Александра Федоровна, этот злой гений России и Царя, оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране и народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения.

Тяжело записывать эти строки, но дневник не терпит лжи: живой свидетель настроений русской армии от первых дней войны, великой войны, я с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния царского имени в войсковых частях, и, увы! не только среди офицерской, но и в толще солдатской среды, и причина тому одна — Григорий Распутин.

Его роковое влияние на Царя через посредство Царицы и нежелание Государя избавить себя и Россию от участия этого грязного, развратного и продажного мужика, в вершении государственных дел, толкающих Россию в пропасть, откуда нет возврата.

Боже мой! что застилает глаза Государя? что не дает ему видеть творящееся вокруг?!

Как жалки его министры, скрывающие истину и под давлением себялюбивых интересов играющие судьбами династии! Когда этому конец, и будет ли?

Что заставляет молчать русских сановников и лиц, приближенных Царю при Дворе?

Трусость. Да, только одна беспредельная трусость и боязнь утратить свое положение, и в жертву этому приносят интересы России.

Они боятся сказать Государю правду.

Яснее чем когда-либо понял я это 3 ноября, когда, возвращаясь с поездом моим с Румынского фронта, я был приглашен Государем в Могилеве к обеду и делал доклад Ему о настроениях наших армий в районе Рени, Браилова и Галаца.

Помню, как сейчас, перед обедом блестящую и шумливую толпу великих князей и генералов, поджидавших вместе со мною выхода Государя к столу и деливших впечатлениями военных событий и событий внутренней жизни России. Один за другим они подходили и заговаривали со мною: вы делаете доклад Царю? Вы будете освещать ему положение дел? Скажите ему о Штюмере. Укажите на пагубную роль Распутина. Обратите его внимание на разлагающее влияние того и другого на страну.

Не жалейте красок, Государь вам верит, и ваши слова могут оказать на него соответствующее впечатление.

— Слушаюсь, Ваше Высочество! Хорошо, генерал! — отвечал я то одному, то другому — направо и налево, а в душе у меня становилось с каждым мгновением все тяжелее и печальнее: как, думал я, неужели мне, проводящему всю войну на фронте и живущему одними только военными интересами наших армий, приходится сказать Государю о том, о чем ежедневно ваш долг говорить ему, ибо вы в курсе всего того, что продельывает Распутин и его присные над Россией, прикрываясь именем Государя и убивая любовь и уважение к нему в глазах народа.

— Почему вы молчите? Вы, ежедневно видящие Государя, имеющие доступ к нему, ему близкие. Почему толкаете на путь откровений меня, приглашенного Царем для других целей и столь далекого сейчас от событий внутренней жизни России и от политики, которую проводят в ней калифы на час, ее появляющиеся и лопающиеся, как мыльные пузыри, бездарные министры.

«Труссы!» — думал я тогда, «Труссы!» — убежденно повторяю я и сейчас.

Жалкие себялюбцы, все получившие от Царя, а неспособные даже оградить его от последствий того пагубного тумана, который застлал его духовные очи и лишил его возможности в чаду придворной лести и правительственной лжи правильно разбираться в истинных настроениях его встревоженного народа.

И вот я сказал, и тогда ему в ставке и сейчас в Государственной думе, на всю Россию горькую истину и как верный, неподкупный слуга его, принеся в жертву интересам родины личные мои интересы, осветил ту правду, которая от него скрывалась, но которую видела и видит вся скорбная Россия.

Да, я выразил то несомненно, что чувствуют лучшие русские люди, без различия партии, направления и убеждений. Я это понял, когда сходил с трибуны Государственной думы после моей двухчасовой речи.

Я это понял из того потока приветствий, рукопожатий и неподдельного восторга, который сквозил на всех лицах и обступившей меня после моей речи толпы, — толпы, состоявшей из представителей всех классов общества, ибо Таврический дворец в день 19 ноября был переполнен тем, что называют цветом нации в смысле культурности, общественного и официального положения.

Я знаю, что ни одного фальшивого звука не было в моей речи.

Я чувствую, что в ней не сквозила хамская наглость Гучкова, но что вся, проникнутая чувством верноподдан-

нейшей любви, она должна показать Государю, что вся Россия, от крайнего правого крыла до представителей левых партий, не лишенных государственного смысла, одинаково оценивают создавшееся положение и одинаково смотрят на тот ужас, который представляет собою Распутин в качестве неугасимой лампы в царских покоех.

Да, все, что находилось сегодня в Таврическом дворце, на скамьях, внизу и на хорах, все это были мои единомышленники, и только три-четыре человека на всю Государственную думу с Марковым и Замысловским во главе остались чуждыми тем чувствам, которыми жили мы, взывавшие к Государю и просившие у него избавить и себя и Россию от той новой казни египетской, какую представляет собою Распутин.

Но что нужды? Кому больше, чем самим себе, вредят эти патриоты казенного образца, готовые встать на запятки ко всякой власти и любовно пестуемые людьми типа Протопопова, Штюмерера, Воейкова и компании, знающими им цену, а вернее, расценивающими их в тот или другой момент жизни государства, сообразно обстановке и обстоятельствам.

Когда я выходил из Таврического дворца, уставший, истомленный и обессилевший от рукопожатий и приветствий, меня нагнал в Екатерининской зале Кауфман-Туркестанский, состоящий главным уполномоченным Красного Креста при ставке Государя и отъезжающий завтра в ставку, и, обнявши меня, сказал, что распорядился доставить себе один экземпляр стенограммы моей речи, каковую повезет Государю и лично передаст Ему.

Возвратившись домой, узнал дома от жены любопытную подробность.

После окончания моей речи к ней, сидевшей на хорах, подходило много дам высшего петроградского круга и аристократии, просивших передать мне сочувствие по поводу всего мною сказанного, и в числе этих дам подошла баронесса Икскуль фон Гильденбант, одна из самых ярых поклонниц Распутина, в салоне коей он постоянно бывает запросто, как свой человек, и просила жену мою также принять и от нее по адресу моему горячий привет и «восхищение» всем мною сказанным и вместе с тем просить меня в один из ближайших дней не отказать отобедать у нее вместе с некоторыми ее друзьями.

Мы долго хохотали над этим приглашением, цель которого для меня сразу стала ясной: почтенная баронесса, очевидно, хотела свести меня с Распутиным, будучи уверенной, что и я поддамся его гипнозу и после свидания с ним окажусь его фанатичным поклонником.

20 ноября.

Сегодня весь день я буквально не имел покоя, сидя дома и работая у своего письменного стола: телефон мой трещал с утра до вечера, знакомые и незнакомые лица выражали сочувствие всему мною сказанному вчера; и должен признаться, что степень этого сочувствия поднялась до такого градуса, что дальнейшее пребывание у себя в кабинете мне сделалось невыносимым; нет положения более глупого, по-моему, чем молчаливо выслушивать похвалы себе, не смея перебить говорящего и разливающегося соловьем в твою пользу.

Бесконечное число лиц заносило мне сегодня свои визитные карточки в знак сочувствия.

Среди них была масса от членов Государственного Совета и, что мне особенно дорого, от старика графа С. Д. Шереметева, которого я привык любить и уважать наравне с покойным близким мне А. А. Нарышкиным, ибо оба они рыцари без страха и упрека.

Из звонивших по телефону меня заинтриговал один собеседник, назвавшийся князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон.

После обычных приветствий он, не удовлетворившись этим, просил разрешения побывать у меня в один из ближайших дней, по возможности скорее, для выяснения некоторых вопросов, связанных, как он сказал, с ролью Распутина при Дворце, о чем по телефону говорить «неудобно».

Я просил его заехать завтра, в 9 час. утра.

Любопытно узнать, о чем он хочет говорить и что ему нужно?

21 ноября.

Сегодня, ровно в 9 час. утра, ко мне приехал князь Юсупов.

Это молодой человек лет 30 в форме паж, выполняющий, очевидно, военный ценз на звание офицера.

Мне он очень понравился и внешностью, в которой сквозит непередаваемое изящество и порода, и, главным образом, духовной выдержкой. Это, очевидно, человек большой воли и характера, качества, мало присущие русским людям, в особенности аристократической среды.

Он просидел у меня более двух часов.

«Ваша речь не принесет тех результатов, которые вы ожидаете», — заявил он мне сразу. «Государь не любит, когда давят на его волю, и значение Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Фе-

доровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо Государь занят в ставке военными операциями».

«Что же делать?» — заметил я. Он загадочно улыбнулся и, пристально посмотрев мне в глаза немигающим взглядом, процедил сквозь зубы: «Устранить Распутина». Я засмеялся.

«Хорошо сказать, — заметил я, — а кто возьмется за это, когда в России нет решительных людей, а правительство, которое могло бы это выполнить само и выполнить искусно, держится Распутиным и бережет его как зеницу ока».

«Да, — ответил Юсупов, — на правительство рассчитывать нельзя, а люди все-таки в России найдутся». — «Вы думаете?» — «Я в этом уверен! И один из них перед вами».

Я вскочил и зашагал по комнате.

«Послушайте, князь, этим не шутят. Вы мне сказали то, что давным-давно сидит гвоздем в моей голове. Я понимаю не хуже вашего, что одними думскими речами горю не помочь, но утопающий хватается за соломинку, и я за нее схватился. Выход, о котором вы говорите, не представляется для меня неожиданным, больше того, несколько лет тому назад, при жизни покойного В. А. Дедюлина, бывшего, как вы знаете, дворцовым комендантом, я специально ездил к нему в Царское Село, состоял с ним в близких отношениях, исключительно затем, чтобы убедить его в необходимости немедленно ликвидировать Распутина, создав для этого подходящую обстановку, ибо уже и тогда мне было ясно, что Распутин является роковым человеком для Династии и, естественно, для России».

«И что же?» — спросил Юсупов. «Как видите, ничего: Распутин жив и по сей день. Дедюлин, очевидно, не дерзнул взяться за это дело, ибо ужас положения в том, что масса высших сановников наших, типа Саблеров, Раевых, Добровольских, Протопоповых, Штюермеров, Воейковых, строят свою карьеру на Распутиных, и малейшая оплошность лица, которое пожелало бы избавить Россию от этой язвы, стоило бы головы инициатору, с одной стороны, и, с другой, — содействовала бы вящему укреплению значения при Дворе этого гада».

«Вы правы, — заметил Юсупов. — Знаете ли вы, что Распутин охраняется сыщиками, поставленными со стороны трех учреждений?»

«Что вы!»

«Да, да. Его охраняют шпики от Министерства Императорского Двора, по желанию Императрицы, шпики от Министерства Внутренних Дел и шпики от... отгадайте от кого еще?»

«Не сумею вам сказать!»

«Не удивляйтесь!.. и шпики от банков».

Я усмехнулся. Князь, заметил я, я перестал удивляться чему бы то ни было в России. Я ничего не ищу, ничего не добиваюсь, и если вы согласны принять участие в деле окончательного избавления России от Распутина, то вот вам моя рука, обсудимте все возможности этой операции и возьмемся за ее выполнение, если найдем еще несколько подходящих лиц, не привлекая к делу никого из слуг в целях соблюдения тайны.

«Двоих я могу уже вам указать, — с живостью заметил Юсупов, пожимая мне руку. — Если вы свободны сегодня, приезжайте ко мне, они у меня будут, и вы с ними познакомитесь. Мы обсудим вопрос, и если четырех нас окажется мало, то подыщем еще кого-либо из наших друзей, а я вам сообщу мой план, исполнимость коего будет находиться в прямой зависимости от степени душевного спокойствия Григория Ефимовича и желания его посетить мой дом вечером в один из ближайших дней».

На этом мы расстались.

22 ноября.

Вчера вечером я был у Юсупова. Я приехал в 8 час., когда он был еще один.

Через полчаса вошел молодой офицер Преображенского полка поручик С., показавшийся мне человеком мало подвижным, но энергичным, а еще через 10 минут не вошел, а влетел в комнату высокий статный красавец, в котором я немедленно узнал Великого Князя Дмитрия Павловича.

Мы познакомились друг с другом и, не откладывая дела в долгий ящик, принялись за обсуждение вопроса о способе ликвидации Распутина.

Выяснилось, что Распутин давно ищет случая познакомиться с молодой графиней П., известной петроградской красавицей, бывающей в доме Юсуповых.

«Графини сейчас в Петрограде нет, — заявил нам хозяин Ф. Ф. Юсупов, — она в Крыму и в Петроград даже не собирается, но при последнем посещении моем Распутина я заявил ему, что графиня на днях возвращается в Петроград, где будет несколько дней, и что если он, Распутин, хочет, то я могу его с нею познакомить у себя в доме в тот вечер, когда графиня будет у моих родных.

Распутин с восторгом принял это предложение и просил заблаговременно только предупредить его о дне, когда у нас будет графиня, дабы, в свою очередь, устроиться так, чтобы в этот день «она», то есть Императрица, не позвала бы его в Царское Село.

Вы видите, господа, — добавил Юсупов, — что при этом условии покончить с Распутиным не составит труда;

вопрос лишь в том, каким способом от него избавиться, как обезопасить себя от слежки шпииков, дабы подозрения после смерти Распутина не пали на нас, и куда девать его труп».

После продолжительного обсуждения поставленных Юсуповым вопросов мы пришли к единогласному заключению о необходимости покончить с Распутиным только путем отравления его, ибо местоположение дворца Юсуповых на Мойке, как раз против полицейского участка, расположенного по ту сторону реки, исключало возможность стрельбы из револьвера, хотя бы и в стенах подвального этажа, в коем помещалась столовая молодого Юсупова, куда он предполагал провести Распутина, привезя его к себе во дворец в назначенный день.

Вместе с тем стало совершенно очевидным, что четырех лиц недостаточно для удачного выполнения намеченной операции, ввиду нежелания нашего привлекать к делу кого-либо из прислуги и необходимости иметь своего верного шофера, без коего все дело казалось нам неосуществимым.

Я предложил взять в качестве такового старшего врача моего отряда, работавшего в течение двух лет со мною на войне, д-ра С. С. Лазаверта. Предложение мое было принято, и, побеседовав на тему о политическом положении России еще с полчаса, мы расстались, уговорившись собраться 24 ноября в 10 часов вечера в моем поезде, стоявшем на товарной станции Варшавского вокзала, откуда я намеревался, пополнив мой отряд Красного Креста всем необходимым, в средних числах декабря двинуться на Румынский фронт, в Яссы, для работы в районе наших армий этого фронта.

24 ноября.

Сегодня я провел весь день в разъездах с д-ром Лазавертом, озабочиваясь пополнением моего поезда всем необходимым перед отъездом его на фронт.

Был в главном управлении Креста, где царит обычная бестолочь и занимаются интригами, орденами и писанием бумаг в ущерб живому делу.

В 12 час. дня заехал к принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, у которого завтракал после обычного доклада, от принца проехал в Государственную думу.

Как бесконечно глубоко я уважаю этого благородного, чистого и честного, самоотверженно служащего святому делу помощи раненым старика.

Он напоминает мне моего отца и по характеру и по темпераменту, я отношусь к нему с сыновней преданностью и любовью и знаю, что он в свою очередь также меня любит и глубоко мне верит.

Да, он горяч, он вспыльчив, он подвержен вспышкам минутного гнева, толкающего его иногда на безрассудные решения, в коих он потом сам первый кается и готов извиниться перед всяким, кого незаслуженно обидел, как бы ни был мал тот, который стал жертвой его внезапного гнева, — но он весь чистота, весь кристалл, его благородная душа ищет только добра и блага. Я не знаю, что было бы с санитарным делом на фронте, если бы принц А. П. Ольденбургский по временам не исправлял бы властно и не карал бы жестоко тех, которые в личных интересах и в погоне за чином или орденом принимают все меры к сокрытию санитарных безобразий и недочетов в деле помощи раненым и больным солдатам, — недочетов, которые так ярко и вышукло бросаются в глаза всякому, кто вникает в наше военно-санитарное дело при посещении нашего западного и восточного фронтов.

Конечно, вокруг принца целая орава недостойных людей: взяточников, проходимцев, карьеристов, изучивших его слабые стороны и подыгрывающихся под них.

Многое из того, что делает, в силу дурных советов яйца выеденного не стоит, хотя и обходится в большие деньги, но все это пустяки сравнительно с тою пользою, которую приносит фронту этот глубокий старик, вечно кипящий юношеским пылом и молодою энергией, бесконечно добрый в душе, о чем свидетельствует одна только его старческая улыбка, когда в редкие минуты он видит, что начатое им дело, порученное честному человеку, приносит желанные плоды.

Сегодня у меня было пренеприятное столкновение во время доклада у принца с главным инспектором санитарной части северного фронта Двукраевым, правою рукою Евдокимова, дорожащего этим типом молодого, но из ранних.

Вот, признаться, тройка, которую я давно сбросил бы с Тарпейской скалы: Евдокимова, главного медицинского инспектора, и двух его присяжных — Гюбенета западного фронта и Двукраева северного; сколько зла приносят они нашим армиям — и не перечеть, а самое главное и ужасное зло — это вечное их стремление скрыть истину и ставить палки в колеса учреждениям Красного Креста, работающим на фронте, ибо им кажется, что каждый отряд не их ведомства, работающий в наших армиях, эвакуирующий и питающий раненых, является живым укором их деятельности, свидетельствуя о малой ее продуктивности и слабой постановке.

Мое столкновение с Двукраевым на этой почве закончилось тем, что я обозвал его профессиональным лгуном при принце, за что Двукраев вызвал меня на дуэль,

предусмотрительно оговорившись, что будет драться по окончании войны, и что теперь не время.

Я в ответ только засмеялся ему в глаза и заявил, что своих слов обратно не беру, а советую ему больше думать о наших раненых, чем о способах скорейшего получения новых орденов, которые сыплются на него дождем, за доклады о фиктивном благополучии санитарной части на вверенном ему северном фронте.

Принц остановил дальнейший обмен любезностей между нами, сухо распрощавшись с Двукраевым, и мы пошли завтракать.

Что будет дальше — не знаю, по всем вероятностям, Двукраев постарается воспретить мне въезд на северный фронт в район действующих армий, ибо я, по его мнению, вижу то, что видеть мне не полагается, и не могу согласиться с системой прикрывать безобразия и работать под девизом: «Все обстоит благополучно».

Только в восемь часов вечера приехал я к себе на поезде, на Варшавский вокзал, и прошел в вагон-библиотеку, чтобы распорядиться и приготовить все нужное к нашему совещанию, начало которого назначено было мною сегодня на 10 часов.

Отпустив санитаров и шоферов из поезда, спустив шторы в вагоне-библиотеке, я стал ждать.

Ровно в 10 часов в автомобиле Дмитрия Павловича приехал он сам с Юсуповым и поручиком С.

Я познакомил их с д-ром Лазавертом, и мы приступили сообща к дальнейшему обсуждению нашего плана, причем князь Юсупов показал нам полученный им от В. Маклакова цианистый калий как в кристалликах, так и в распущенном уже виде в небольшой склянке, которую он в течение всего пребывания своего в вагоне то и дело взбалтывал.

Заседание наше длилось около двух часов, и мы сообща выработали следующий план: в назначенный день или, вернее, ночь мы все собираемся у Юсупова ровно в 12 часов ночи. В половине первого, приготовив все, что нужно, в столовой у Юсупова, помещающейся в нижнем этаже его дворца, мы поднимаемся наверх, в его кабинет, откуда он, Юсупов, выезжает к 1 ч. ночи за Распутиным на Гороховую в моем автомобиле, имея шофером д-ра Лазаверта.

Привезя Распутина к себе, Юсупов проводит его прямо в столовую, подъехав к ней со двора, причем шофер должен вплотную подогнать автомобиль к входной двери с таким расчетом, чтобы с открытием дверцы автомобиля силуэты выходящих из него не были бы видны сквозь решетку на улицу кому-либо из проходящей публики как по эту сторону Мойки, так и по ту, где в № 61 находится полицейский участок и помимо всего могут прогуливаться

шпики, ибо нам неизвестно, уведомляет ли всегда и уведомит ли на этот раз также Распутин своих телохранителей, где он проводит добрую половину ночи.

По приезде Распутина в дом Юсупова д-ра Лазаверт, скинув с себя шоферские доспехи, по витой лестнице, ведущей от входа мимо столовой в гостиную князя, присоединяется к нам, и мы, то есть Дмитрий Павлович, я, С. и Лазаверт, становимся наверху у витой лестницы на всякий случай, дабы оказать помощь находящемуся внизу, в столовой, Юсупову в случае необходимости, если бы внезапно дело пошло не так, как нужно.

После смерти Распутина, которая, по нашим соображениям, должна была бы наступить через десять-пятнадцать минут по его прибытии во дворец и в зависимости от дозы выпитого им в мадере яду, князь Юсупов подымается наверх к нам, после чего мы все спускаемся обратно в столовую и, сложив в узел возможно большее из одежды Распутина, передаем это поручику С., который, облачившись в распутинскую шубу (С. по комплекции и росту в шубе может быть принят шпиками, коих мы все-таки опасались, за Распутина, прикрыв лицо поднятым воротником) и взяв узелок вещей Распутина, выходит с великим князем во двор и садится в автомобиль, на коем доктор Лазаверт опять за шофера; автомобиль направляется к моему поезду на Варшавский вокзал, где к этому времени в моем классном вагоне должна быть жарко затоплена печь, в каковой моя жена и жена д-ра Лазаверта должны сжечь все то из одежды Распутина, что привезут С. с великим князем.

Вслед засим Лазаверт и его пассажиры погружают мой автомобиль на платформу, входящую в состав поезда, и засим пешком или на извозчиках отправляются на Невский во дворец великого князя Сергея Александровича; откуда, сев в автомобиль великого князя Дмитрия Павловича, возвращаются уже в этом автомобиле на Мойку, во дворец Юсупова, и опять-таки со двора, подъехав вплотную к дому, поднимаются в гостиную, где князь Юсупов и я должны поджидать их возвращения.

Вслед засим, спустившись все вместе в столовую, мы обворачиваем труп в какую-либо подходящую материю и, уложив мумию в крытый автомобиль великого князя, отвозим его в заранее намеченное место и бросим в воду, привязав к телу цепями двухпудовые гири, дабы труп не всплыл случайно на поверхность через какую-либо прорубь, хотя это представлялось нам едва ли возможным, ибо вследствие жестоких морозов все в Петрограде и его окрестностях — реки, речки и каналы — были покрыты толстым слоем льда, и приходилось подумать и подыскать место, свободное от ледяной коры, куда мы могли бы

опустить труп убитого Распутина. На этом закончилось наше заседание.

Для дальнейшей разработки деталей мы решили обратиться 1 декабря вновь у меня в поезде, также в 10 час. вечера; до этого времени сделать основательную рекогносцировку в окрестностях Петрограда тех мест, которые могли оказаться подходящими для погребения в воде Распутина, причем я взялся объехать окрестности с д-ром Лазавертом в качестве шофера на своем автомобиле, а Юсупов на автомобиле великого князя, управлять коим взялся Дмитрий Павлович, дабы даже в этих поездках не прибегать к помощи наших шоферов-солдат.

В 12 часов ночи мы распрощались друг с другом и разъехались по домам, причем я взял на себя еще поручение купить цепи и гири на Александровском рынке для задуманного предприятия.

26 ноября.

Сегодняшний день опять калейдоскоп впечатлений и, по обыкновению, с самого утра.

Сию и разбираюсь в корреспонденции — звонок, подают пакет от председателя совета правой фракции профессора Левашова. Вскрываю: бумага с просьбою, чтобы я вернулся в лоно правой фракции, в коей я занимал место члена совета, до 18 ноября и из коей вышел накануне моей думской речи; мотив — в столь тяжелые времена такие люди, как я, особенно ценны для фракции.

Прочел я бумагу, свернул ее, спрятал, и мне стало бесконечно больно, горько и обидно.

Я понял между строк этого письма причину, заставившую г-на Левашова, Маркова и компанию обратиться ко всем с призывом и просьбой о моем возвращении.

Дело донельзя просто: эти господа увидели, что речь моя в Думе 19 ноября была отражением всего того, что думает и чувствует вся честная Россия, все в ней государственно настроенные умы без различия партий и направлений.

Марковы, Замысловские и Левашовы поняли, что их тройка пресмыкающихся перед всякой властью, какою бы она ни была, осталась одинокою в России; что правые в России не с ними, а со мною; что я являюсь выразителем желаний и чаяний русского народа, а не они, лижущие сапоги Протопопова и ставшие его горячими поклонниками с момента, когда этот проходимец стал, на горе Царя и России, министром внутренних дел и благосклонно улыбнулся их бездарному органу «Земщине», не способной подняться до критики власти и искательно смотрящей в руку министра внутренних дел, подкармливающего ее из государственного сундука в размере, зависящем от сте-

пени преданности и низкопоклонства ее писак министру внутренних дел и его политики.

Как мне памятно последнее заседание фракции перед моей речью, заседание 18 ноября в нашей фракционной комнате 36 в Государственной думе, где я конспективно изложил всю мою речь фракции и просил сделать мне честь говорить в Думе от ее имени, в чем мне было отказано.

По лицам сидевших я видел, что три четверти — мои горячие сторонники; но разве фракция у нас свободна в выражении своих взглядов; она в большей своей части терроризована Марковым, который вкупе с Замысловским не дают ей думать самостоятельно и честно, по-своему обращая, в особенности крестьян, в какое-то думское быдло, а в редкие моменты, когда даже это быдло возмущается и хочет думать по-своему, угрожают членам Думы тем, что в случае неудобного для правительства голосования Думы по тому или другому вопросу последняя будет разогнана и ответственность за ее разгон ляжет на членов нашей фракции, которые своими голосами дали перевес голосующим в Думе несогласно с видами правительства, и крестьянство, опасаясь, сделать ли ложный шаг или даже просто лишиться звания члена Думы, покоряется марковским доводам и становится игрушкой его служащей правительству роли.

А в результате что?

А то в результате, что левые и кадеты получают в руки новый козырь, чтоб дискредитировать правых в России, говорят не без оснований народу: «Поглядите, люди добрые! Кто они, эти правые! Губернатор крадет на местах — они его прикрывают, полагая, что это способ сберечь престиж власти, деятельность коей видна всем, с нею соприкасающимся. Министр, подлец, толкает Россию к гибели, обманывает Государя на каждом шагу, и это на местах все видят, а они кадят министру и расточают ему фимиам тем гуще, чем свободнее, по собственному усмотрению распоряжается этот министр десятиmillionным фондом.

Нет, мне такая политика так называемых правых ориентаций, так сказать, собственного кармана, мне она глубоко омерзительна, и я совершенно не способен мириться с тем, чтобы марали мне мои государственные идеалы люди, в представлении коих Россия олицетворяется шитым мундиром говорящего от ее имени подлеца на любом ответственном министерском посту, добравшегося до власти, обманувшего Государя, и распоряжающегося государственным сундуком; таких господ я, как правый, по моему глубокому разумению, обязан безжалостно разоблачать, и это разоблачение всей честной Россией будет пониматься не как попытка дискредитировать власть, а

как намерение оздоровить ее в корне и сделать неподдающимся для других недостойных тянуть к кормилу государственного корабля.

Вот мысли, которые вихрем крутились у меня в голове сегодня, после прочтения пригласительной бумаги фракции вернуться в ее лоно.

Само собою разумеется, я оставляю этот призыв без ответа. С гг. Марковым, Замысловским и Левашовым мне не по пути.

Нам не столкнуться все равно ни в будущем, ни в особенности сейчас, в тяжелые годы войны, когда нужно прилагать все усилия к духовному объединению русских граждан, вне всякой зависимости от того, какой они нации и религии, а ставя в упор только каждому вопрос: «Любишь ли ты Россию и Государя, и хочешь ли ты искренно победы нашего оружия над упорным и сильным врагом?»

Гг. Марковым и Замысловским, в их политических, партийных шорах, не подняться выше своей уездной колокольни в тот день, когда на Россию нужно глядеть с колокольни Ивана Великого и суметь многое забыть, простить и со многим, во имя любви к общей родине, душевно примириться...

Около 12 час. дня ко мне позвонили по телефону из дворца великого князя Кирилла Владимировича и передали, что Его Высочество просит меня заехать к нему сегодня по важному делу около 2-х часов.

Я ответил, что буду, и решил поехать, хотя великий князь Кирилл, как и оба милые его братья, всегда внушали мне чувство глубочайшего отвращения, вместе с их матерью великой княгиней Марией Павловной, имени коей я не мог слышать хладнокровно на фронте в течение всего моего пребывания там с первых дней войны.

Я чувствую, что Владимировичи и их мамаша, оставшаяся закоренелой немкой и германофилкой, не только вредят нашим армиям на фронте, но и беспрестанно подкатываются под Государя, прикрываясь идейными мотивами блага России.

Они не оставили мысли о том, что корона России когда-нибудь может перейти к их линии, и не забыть мне рассказа Ивана Григорьевича Щегловитова о том, что в бытность его министром юстиции к нему однажды разлетелся великий князь Борис Владимирович с целью выяснения вопроса: имеют ли по законам Российской империи право на престолонаследие они, Владимировичи, а если не имеют, то почему?

Щегловитов, ставший после этого разговора с великим князем Борисом предметом их самой жестокой ненависти и получивший от них кличку Ваньки Каина, разъяснил великому князю, что прав у них на престолонаследие нет

вследствие того, что Великая Княгиня Мария Павловна, мать их, осталась и после брака своего лютеранкой.

Борис уехал несолоно хлебавши, но через некоторое время представил в распоряжение Щегловитова документ, из коего явствовало, что великая княгиня Мария Павловна из лютеранки уже обратилась в православную...

В два часа дня я входил в подъезд дворца великого князя Кирилла на улице Глинки и через несколько минут был им принят.

Официальным мотивом приглашения меня, как я понял из первых слов его разговора, было желание его жены Виктории Федоровны, милейшей и умнейшей женщины, родной сестры румынской королевы Марии, дать мне несколько поручений к румынской королеве ввиду отъезда моего с санитарным поездом на Румынский фронт через Яссы; но, в сущности, это было лишь претекстом для нашего свидания со стороны великого князя, а хотелось ему, видимо, другого: он желал, по-видимому, освещения с моей стороны настроения тех общественных групп, в которых я вращаюсь, а попутно ему хотелось раскусить, отношусь ли я лично отрицательно лишь к правительству Императора или же оппозиционность моя подымается выше.

По-видимому, мое направление его не удовлетворило: он понял, что со мной рассуждать и осуждать Государя не приходится, и очень быстро прекратил тот разговор, который сам начал в этой области.

Я прошел с ним к Виктории Федоровне и, посидев у нее $\frac{1}{4}$ часа, обещал направить к ней мою жену, которой великая княгиня хотела поручить сделать некоторые закупки для румынской королевы.

Выходя из дворца великого князя, я, под впечатлением нашего с ним разговора, вынес твердое убеждение, что они вместе с Гучковым и Родзянко затевают что-то недопустимое, с моей точки зрения, в отношении Государя, но что именно — я так и не мог себе уяснить.

28 ноября.

Сговорившись по телефону с Юсуповым, заехал к нему сегодня в 1 час дня, дабы вместе с ним осмотреть то помещение в нижнем этаже его дворца, которое должно стать ареной нашего действия в день ликвидации Распутина.

Подъехал я с главного подъезда и прошел в кабинет князя сквозь невероятный строй челяди, толпящейся у него в передней.

«Послушайте, князь, — говорю ему, — неужели вся эта орава так и останется сидеть в передней с ливрейным арапом во главе в предстоящую нам ночь распутинского раута?»

Он засмеялся. «Нет, — говорит, — успокойтесь, останутся лишь два дежурных на главном подъезде, а все остальное будет отпущено вместе с арапом».

Мы прошли с Юсуповым в столовую, помещающуюся, как я сказал, в полуподвале его дворца.

Там работали люди, проводившие электричество.

Столовая имеет вид пока еще довольно растерзанный: в ней идет полный ремонт; но помещение это для приема дорогого гостя крайне удобное, глухое, и мне думается, сужу по толщине стен, что если бы даже пришлось здесь стрелять, то звук от выстрела не был бы слышен на улице, ибо окна, их два в комнате, крайне малы и находятся почти на уровне тротуара.

После осмотра помещения мы поднялись вновь наверх, в гостиную князя, и через четверть часа я поехал в Государственную думу с целью повидаться с В. А. Маклаковым, более тесное участие коего в нашем предприятии казалось нам с Юсуповым полезным, хотя Юсупов и полагал, что Маклаков не согласится на активную роль.

Поймав Маклакова в Думе, я, как говорится, сразу взял быка за рога и, усевшись с ним рядом у бюста Императора Александра II, заявил ему, что для успеха нашего дела нас мало, и что крайне желательно его участие как в нашем последнем совещании по этому вопросу, так и в выполнении намеченного плана.

Маклаков на меня воззрился, впился в меня взглядом и после продолжительного молчания заявил, что едва ли он может быть полезен, как активный деятель, в самой ликвидации Распутина, но что после таковой, если что-либо у нас выйдет негладко и мы попадемся, он не только готов помочь нам юридическим советом, но и охотно выступить нашим защитником на суде, если дело дойдет до такого.

Вместе с тем, прозондировав у меня приблизительный день, когда мы должны осуществить намеченное, он как-то радостно объявил мне, что даже независимо от своей воли лишен возможности стать более тесным соучастником нашим, ибо к этому времени должен выехать в Москву, где ему придется пробыть около недели.

«Но вот о чем я вас горячо прошу, — с живостью добавил он, — если дело удастся, не откажите немедленно послать мне срочную телеграмму, хотя бы такого содержания: «Когда приезжаете». Я пойму, что Распутин уже не существует и что Россия может вздохнуть свободно».

Я вздохнул. «Типичный кадет», — подумал я, но мне ничего не оставалось другого, как согласиться на его просьбу, и мы расстались.

29 ноября.

Все утро провел в хлопотах; сначала ездил в Александровский рынок с женой на извозчике покупать гири и цепи, каковые с большими предосторожностями мы свезли на поезде и разместили частью в аптеке, а частью за книгами в вагоне-библиотеке, во избежание любопытства нашей поездной прислуги.

Затем в 1 час дня, после завтрака, я выехал с Лазавертом на моем автомобиле осматривать окрестности Петрограда, согласно решению нашего последнего совещания.

Лазаверт сел за шофера, и мы прокатились без малого четыре часа по жестокому морозу, всматриваясь в каждую прорубь Невы, речонки и болота под Петроградом и оценивая степень их пригодности для намеченного дела.

В начале шестого, продрогшие и иззябшие, возвратились мы домой и еле отогрелись большими дозами *tingturae copiaci*. В сущности, из всего нами осмотренного подходящими, по-моему, оказались лишь два места: одно — плохо освещаемый по ночам канал, идущий от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу, в каковом канале есть небольшая прорубь, и другое — за пределами города на старой Невке у моста, ведущего к островам.

Интересно знать, что высмотрели Юсупов с великим князем и не привлекли ли их внимание эти же проруби?

30 ноября.

Видел доспехи, приобретенные д-ром Лазавертом сегодня за 600 руб. по моему поручению: шоферская доха, нечто в роде папахи с наушниками, и шоферские перчатки.

Лазаверт облачался во все это при мне и выглядит типичным шофером — хлыщеватым и нахальным. Все купленное он свез до времени в гостиницу «Асторию», в которой живет в дни наших наездов в Петроград.

1 декабря.

Сейчас 1 час ночи. Только что из поезда моего уехали великий князь Юсупов и поручик С.

Мы намечали дальнейшие детали задуманного.

Юсупов и я хотели бы приблизить момент его осуществления и закончить все не позже 12 декабря; но, оказывается, у великого князя Дмитрия Павловича все вечера вплоть до 16 декабря разобраны, а на вечер, который, по словам Юсупова, был более всего подходящим для выполнения нашего плана, у Дмитрия Павловича была назначена какая-то пирушка с офицерами-однополчанами и ни отменить ее, ни перенести на другой срок великий князь не мог, так как, оказывается, сам назначил день это-

го собрания и какая-либо перемена его могла бы вызвать толки.

Из слов Юсупова я понял, что Распутин проявляет чрезвычайное нетерпение скорее познакомиться с интересующей его дамой и сам напоминает и торопит его по телефону не откладывать дела в долгий ящик.

Юсупов был на днях у Распутина и сообщил ему, что заранее уведомит о дне свидания, но что сейчас еще в точности определить этот день не может, ибо графиня, интересующая Григория Ефимовича, еще не приехала и проедет в Царское Село через Петроград не раньше средних чисел декабря.

«Я заезжал к Распутину, — заявил сам Юсупов, — главным образом, для того, чтобы уяснить себе вопрос: оповещает ли вообще Распутин, выезжая в свои ночные похождения, шпики о месте своего пребывания по ночам и, в частности, намерен ли он уведомить их о том, что будет у меня».

«К сожалению, — добавил князь, — этот вопрос останется для меня и посейчас открытым, ибо ни сам Распутин, ни его любимая секретарша, фрейлина Головина, почти круглые сутки проводящая у него в квартире, определенного ответа мне не дали».

«Как он к вам относится, Феликс? — спросил Юсупова великий князь. — Вы пользуетесь его доверием?»

Юсупов рассмеялся: «О, вполне! Я вне подозрения. Я ему очень нравлюсь. Он сетует, что я не занимаю административного поста, и обещает сделать из меня большого государственного человека».

«Ну и вы?..» — многозначительно взглянув на Юсупова и затягиваясь папиросой, кинул ему великий князь.

«Я? — потупившись, опустив ресницы и приняв иронический вид, ответил Юсупов. — Я скромно заявил ему, что чувствую себя слишком малым, неопытным и неподготовленным для службы на административном поприще, но что я донельзя польщен столь лестным обо мне мнением известного своею пронизательностью Григория Ефимовича».

Мы все рассмеялись.

«C'est ravissant, mais c'est vraiment ravissant», — несколько раз воскликнул великий князь.

Перед самым концом нашего совещания нами было решено в целях отвести подозрения шпики, если таковые будут уведомлены Распутиным о месте его пребывания в вечер посещения им Юсуповского дворца, еще сделать следующее: Распутин, как известно, постоянно кутит по ночам в «Вилла Родэ» с женщинами легкого поведения; в этом учреждении он считается завсегдаем, своим чело-

веком и хорошо известен всей прислуге; посему нами было решено, чтобы в момент, когда великий князь с поручиком С. отправятся после смерти Распутина на вокзал в мой поезд сжигать там одежду убитого, поручик С. из телефонной будки Варшавского вокзала позвонил в «Вилла Родэ», вызвал заведующего этим учреждением и спросил: прибыл ли уже Григорий Ефимович? здесь ли он? и в каком кабинете?

Дождавшись ответа, само собою разумеется, должен был последовать отрицательный, С. кладет трубку, но предварительно, как бы про себя, у трубки и так, чтобы его слышал заведующий «Вилла Родэ», произносит: «Ага! так его еще нет? Ну, значит, сейчас приедет!»

Проделать это мы признали необходимым на случай, если бы нити исчезновения Распутина привели бы сыска ко дворцу Юсупова.

У нас был готовый ответ: да, Распутин был здесь, провел с нами часть вечера, а затем заявил, что едет в «Вилла Родэ».

Естественно, что судебные власти обратились бы к администрации «Вилла Родэ» с вопросом: был ли здесь Распутин, и сразу выяснилось бы, что его здесь ожидали, что о нем осведомлялись, что спрашивали, когда он приедет, и если Распутин не приехал, а исчез, то это вина не наша, а самого Григория Ефимовича, который, очевидно, избрал себе сотоварищем для кутежа человека, ни нам, ни полиции не известного...

Расходясь, мы решили назначить выполнение нашего плана в ночь с 16 на 17 декабря и, во избежание могущих возникнуть подозрений, собраться еще лишь один раз опять у Юсупова 13 или 14 декабря, сговорившись между собою по телефону словами: «Ваня приехал».

4 декабря.

Сегодня утром получил записку от редактора «Исторического Вестника», милейшего Б. Б. Глинского, с просьбой непременно прибыть на заседание об-ва «Русской Государственной Карты», коего я состою председателем, а он товарищем председателя.

Заседание состоится завтра, в 8 1/2 час., в экономическом клубе на Самсониевской. Я ответил Глинскому, что непременно буду.

Невольно при чтении записки Глинского припомнилась мне история возникновения этого общества, мною созданного при обстановке в высшей степени трудной.

Бог мой! С какими муками рождаются в России чистые, хорошие, национальные, патриотические учреждения. Попробуй начать что-либо, кадеты, русская власть, из боязни

прослыть ретроградом, дает жизнь самым нелепым, самым антигосударственным учреждениям и организациям, а постучись к этой же власти правый, которого вообще труднее раскатать к деятельности, чем левого, и, кроме препон, препятствий и палок в колеса, такой правый ничего другого у правительства не найдет. Стоит вдуматься в то, что проделывают с народом, перевоспитывая его на свой лад хотя бы «лигой образования», ее учебниками, ее учителями, кадеты. Эта вреднейшая партия в России, этот вечно тлеющий очаг русской революции. И что же? Борется ли с этим правительство? Ничего подобного! А если и борется, то только мертвыми циркулярами министерства просвещения; живой воды от него не жди, а между тем в характере народного образования в государстве таятся зерна как его расцвета, так и его гибели; зато с каким остервенением взялась русская правящая власть кромсать и калечить устав созданного мною Филаретовского об-ва народного образования, целью коего я наметил активную борьбу делом, а не словом с растлевателями лиги образования, для которых образование народа не есть цель, а лишь средство к достижению преступной цели — революционизации народных масс. И так всегда, всюду и во всем. Чего стоило мне проведение устава об-ва «Русской Государственной Карты» после победоносной войны!

Казалось бы, что может быть более патриотичного, более отвечающего моменту! Ан нет! Месяцы проходили в канцелярской волоките, и правительственное veto дамочным мечом повисло над моим проектом, а между тем вся Германия покрыта сетью обществ, подобных тому, которое я задумал, хотя там они неизмеримо менее необходимы, чем у нас в России, ибо германское правительство и, в частности, министерство иностранных дел в Германии, национальны, а наши правители и зевсы, восседающие на Мойке со времени Нессельроде, за редкими исключениями, давно забыли о том, какой они национальности и чьи интересы представляют, заботясь лишь о красоте стиля, а la Горчаков, своих ног и дипломатических бумаг, художественно выполняемых на французском языке не без перцу билибинского остроумия.

Россия и русские интересы у них на заднем плане, и любой англичанин или немец, а сейчас уже и японец, подкурив русскому дипломату как следует, могут обвести его вокруг своего пальца и заставить поступиться насущнейшими интересами и потребностями России в любой момент.

Как сейчас помню мой визит к Штюрмеру на острова летом (он жил в Елагином дворце по должности премьер-министра) в один из моих приездов в Петроград с фронта.

Штюрмер принял меня дружески, но скривил невестную рожу, когда я ему объяснил, с нужною осторожностью, чтобы не задеть нашего министерства иностранных дел, цель и задачи проектируемого мною об-ва.

«Германия, — заявил я Штюрмеру, — покрыта сетью аналогичных учреждений; задача каждого из них нарисовать народу карту будущих границ Германии с севера, юга, востока и запада, в случае победоносного окончания ею войны».

«Общество, которое я создаю и в которое войдут писатели, ученые, публицисты, профессора всех партий и направлений, будет также иметь целью нарисовать русскому народу будущую карту России и обосновать исторически, географически и этнографически ее возможные границы, дабы в момент заключения нами мира русский народ понимал бы, чего он имеет право требовать, а русская дипломатия могла бы в своих притязаниях на ту или другую территорию опираться на волю русского народа, принесшего столь большие жертвы отечеству в годину брани и имеющего, в силу этого, нравственное право быть сознательным вдохновителем русской дипломатии, которая, опираясь на волю народную, может говорить тверже на мирном конгрессе, увереннее и с тою властью, которая должна быть присуща представителям России».

Штюрмер слушал меня и, когда я кончил, заявил: «Конечно, В. М., это общество не может принести вреда, хотя явится как бы органом контроля в момент мирных переговоров наших над дипломатическим ведомством, мною возглавляемым, но и существенной пользы от такого общества я не вижу. Дело в том, добавил он мне многозначительно, что я, как министр иностранных дел, вызвал уже к себе профессора Дмитрия Ивановича Иловайского и просил его набросать мне схему наших территориальных приобретений на западе, дабы явиться во всеоружии в дни мирных переговоров».

Как ни серьезен был предмет нашего разговора, но при упоминании имени Д. И. Иловайского, которому Штюрмер уготовил место нимфы Эгерии при своей особе по иностранным делам, я не мог не улыбнуться. И в самом деле, можно ли себе представить роль, более жалкую роли русского уполномоченного на будущем мирном конгрессе, натасканного 80-летним Д. И. Иловайским, почти впадшим уже в детство от преклонных лет и, естественно, совершенно неспособного ориентироваться в современной европейской конъюнктуре и в той роли, которую должна занять Россия как славянская держава среди народов Европы по окончании мировой войны.

Мы расстались со Штюрмером холоднее, чем встретились, и лишь несколько месяцев спустя, благодаря содействию товарища моего по думе и моего приятеля министра внутренних дел А. Н. Хвостова, я добился утверждения устава моего об-ва «Государственной Карты», которое и оказалось в высшей степени жизненным, заинтересовав собою виднейших представителей нашей общественной и политической мысли всех направлений.

Вот что припомнилось мне при чтении приглашения Глинского приехать завтра на заседание общества...

Весь день ездил по делам снабжения моего поезда, который должен прибыть в Румынию в блестящем виде, ибо, говорят, наша армия там нуждается решительно во всем.

Достал: сапоги для солдат, благодаря содействию принца Ольденбургского; ценнейшие медикаменты, которые передали мне американцы; массу белья, раздобытого графиней Мусин-Пушкиной, и, наконец, приобрел еще для вагона-библиотеки целую серию русских и иностранных классиков и библиотеки для солдат, которые раздам по полкам нашим воинам на чужбине.

Возвратился домой поздно невероятно уставшим, но бесконечно счастливым удачей всех моих в этой области начинаний.

Вечером, по обыкновению, читал оды Горация в подлиннике, в коих каждый раз нахожу все новые и новые красоты. Он положительно никогда, мне кажется, не способен прискучить!

Что за прелесть, например, ода:

Odi profanum vulgus et arceo, или: O navis referent in mare te novi fluctus!

Какая жалость, что латинский язык, этот язык богов, в таком загоне в нашей средней школе!

5 декабря.

Утром заехал, как всегда, в Государственную думу получить почту, ибо если просрочить два-три дня, то набирается столько писем со всей России, что не успеваешь в них толком разобраться и подчас дельное пробегаешь не с должным вниманием.

Разговорился с членом Государственной думы графом Капнистом, шедшим на заседание какой-то думской комиссии.

По обыкновению, вопрос коснулся того, что составляет сейчас ужас России, — политики Протопопова.

«Нет, граф, — заметил я, — я все-таки удивляюсь не тому, что Протопопову предложен был пост министра внутренних дел, а тому, что он его принял, ведь как-никак он кажется человек с мозгами и должен же понимать,

что не ему с его административным опытом вести в такое время управление русского государственного корабля».

«Вы плохо его знаете, — заметил с живостью Капнист. — Во-первых, он крайне самонадеян, а во-вторых, честолюбив. Представьте, что он мне сказал на днях в ответ на мой ему попрек, что он не у места».

«Да, — говорит, — тебе хорошо говорить; ты граф, ты Капнист, ты богат, у тебя деньги куры не клюют, тебе нечего искать и не к чему стремиться; а я в юности давал уроки по полтиннику за час, и для меня пост министра внутренних дел то положение, в котором ты не нуждаешься».

«А! — добавил Капнист, — как вам нравится такая идеология?»

Я пожал плечами: «Пошляк! Считающий, по-видимому, что министерские посты должны быть уделом пробивающих себе дорогу, вне зависимости от их талантов, и что они должны являться компенсацией некогда судьбою обойденным».

Днем заезжал на Мойку в склад белья Императрицы, находящийся в ведении жены военного министра Сухомлиновой. Дело в том, что в головных отрядах моих на фронте устраиваются бани для солдат и поэтому, сколько белья ни возьми из Петрограда, все его оказывается мало.

Я не выношу Сухомлинову, эту, по-моему, международную авантюристку типа Марии Тарновской; но дело прежде всего, и, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Полгода тому назад сестра моя, работавшая в складе Императрицы в Зимнем дворце и отказавшаяся от работы только после того, как разговорным языком там стал почти исключительно немецкий, посоветовала мне обратиться к заведующей складом, княжне Оболенской с просьбой дать мне известное количество белья.

Я последовал ее совету и, по указанию княжны Оболенской, послал телеграмму Императрице Александре Федоровне, в коей изложил мою просьбу, но, как и следовало ожидать (я рассчитывал, что дело обойдется без Императрицы и ограничится простым распоряжением Оболенской), Александра Федоровна, которая меня терпеть не может, в просьбе моей отказала, о чем я и получил ответ через графа Ростовцева.

Ответ очень обидный, ибо в нем было сказано, что Императрица со своими курьерами посылает периодически белью в армию.

Я мысленно назвал себя дураком за то, что обратился, хотя и не для себя, с просьбою к Александре Федоровне: курьеры, которые действительно развозят белью по армиям, но раздают его тыловым армейским учреждениям, которые по горло всем снабжены в ущерб босому и голому

фронту, снабжением исключительно коего я занимаюсь, рассылая и развозя медикаменты, белье, сапоги, табак и книги по окопам.

У Сухомлиновой на мойке работает целый муравейник девиц и дам. Работа, видимо, спорится, но что скверно, так это то, что тут же, в качестве адъютантов, неведомо для каких поручений, примостилось NN-ное количество тыловых прапоров ускоренного выпуска из богатых семейств всяких званий; все это ходит в защитных френчах, пороку никогда не нюхало и нюхать не будет.

По временам в этот склад в кургузой тужурке, петан-лерчиком, чином сходит военный министр Сухомлинов, находящийся, очевидно, сужу по манере обращения с ним его жены, в бесконечном ей подчинении и решительно на все смотрящий ее глазами.

Раздобыв белья у Сухомлиновой, проехал к принцу Ольденбургскому по весьма важному вопросу: русская армия в последнее время на всех фронтах несла большие потери от немецких удушливых газов; я выяснил на фронте одну из причин этого ужасного явления: она заключается в том, что почтенное интендантство наше периодически посылает в полки противогазовые маски Зелинского в обрез, то есть по числу солдат в полку, не давая возможности полкам иметь хотя бы самый минимальный излишек масок, в качестве запаса.

В результате получается следующее: полк в составе 4000 штыков получил сегодня, допустим, 4000 предохранительных масок, которые и поступили как предмет обмундирования ко всем рядовым, на завтра бой, полк потерял на поле сражения треть или четверть своего состава. Через неделю пришло пополнение, снабдить его масками полк не может, а на просьбу о снабжении полкового командира сверху, справившись по своим ведомостям, отвечают, не считаясь с боевою деятельностью полка за это время: «Ваш полк такого-то числа снабжен полностью противогазовыми масками и дать больше сейчас не можем иначе, как в ущерб другим частям». Сегодня пришла бумага, а завтра немцы, выпустив ядовитые газы, истребляют пришедшее в полк пополнение, не имеющее масок.

Принц А. П. Ольденбургский отнесся в высшей степени сочувственно к изложенному мною, обещал исплотать мне для раздачи, где нужно, на фронте 25 000 масок Зелинского и, независимо от того, указать интендантству, чтобы впредь в полки посылалось масок с расчетом на пополнение каждого полка.

Лишь в 7 часов я возвратился домой, пообедал и в 8 ¹/₂ час. входил на заседание об-ва «Русской Государственной Карты».

Глинский хотел мне как председателю общества уступить председательство на заседании, но я отказался. Как человек слишком определенных политических взглядов, называемых крайними правыми, я не люблю отпугивать своею особою от создаваемых мною учреждений людей умных, полезных, но недостаточно политически мужественных: и посему, выполняя всю черную работу в том деле, которое я создаю, я первое место и казовую роль всегда предоставляю людям, которые хотят и могут работать, но политическая окраска коих не столь определена и ярка, как моя; и, чуждый мелкого честолюбия, я вижу, как дело, мною созданное, двигается, не отпугивая, а притягивая к себе других полезных и нужных людей.

Сегодня, ввиду соединенного собрания секций общества по Персидской, Турецкой, Австрийской и Германской границам, собралось очень много народу. Я застал А. А. Башмакова, Д. И. Вергуна, профессора Ф. И. Успенского, профессора Жилина, А. Ф. Васильева и много незнакомых мне лиц статских и военных в генеральских погонах, фамилии коих я так и не узнал. Дело в том, что председателями секций кооптируются в каждую нужные люди, активные работники и знатоки вопроса, и упомянуть всех представляется затруднительным.

Заседание затянулось. Было крайне интересным, но чего я не люблю так это привычек некоторых из наших знатоков произносить длинные речи по вопросам, ясным для всех присутствующих, с исключительною целью блеснуть своею осведомленностью.

Удивительно создан русский человек, средний русский человек, делающий историю России; он никогда не может добиться положительных, реальных результатов, принимая что-либо, ибо всего ему мало, и он вечно вдается в крайности. В России нет лучшего способа провалить какое-нибудь дело, прочно и хорошо поставленное и твердо обоснованное, как предложить нечто большее тому, что намечено к осуществлению. Толпа, и даже не простая, а интеллигентная толпа, непременно ухватится за «благодетеля», внесшего свой корректив в разумное осуществимое, но в сравнительно скромное предложение, и все пойдет к черту.

Вот уж действительно *le mieux* у нас в России *l'ennemi du mal*. И Гракхи с первых же шагов были бы заброшены у нас камнями. Стоило послушать только, что говорил сегодня на заседании известный славянофил, дядька Черномор, как я его называю, длиннородый А. Ф. Васильев, чтобы понять, до каких абсурдов можно довести дело, отдай мы его в руки ученым теоретикам славянофильского лагеря. Когда Васильев заговорил о будущих русских

границах на западе и стал проводить нашу с Австрией в будущем пограничную межу, и я и многие из присутствующих буквально не могли удержаться от смеха, хотя он каждое территориальное приобретение наше старался так или иначе обосновать либо исторически, либо географически, либо этнографически.

«Афанасий Васильевич! — говорю я ему, — ведь вы рисуете прямо фантастические границы, нужно дать такую карту, которая была бы приятна русскому народу, но и приемлема для Европы и признана нашими союзниками, а ведь на то, что вы рисуете, может пойти только сумасшедший из них».

Он на меня воззрился: «Что нам, — говорит, — Европа, ведь и здесь живут славяне, ведь и это исконное ваше», — и тычет пальцем по карте.

Председателю после часовой речи Васильева с трудом удалось остановить фонтан его политического блудословия и фантастических славянских грез, после чего заседание опять вошло в русло продуманного обсуждения наших пограничных линий на востоке и западе по проекту карт, составленных специалистами из числа членов общества.

В 12 часов ночи, до окончания заседания, я покинул его и возвратился домой.

7 декабря.

Начались заседания экстренного съезда объединенного дворянства.

Цель занятий: выработка и поднесение всеподданнейшего адреса Государю, с указанием на грозную опасность, которой подвергается и династия и Россия, вследствие влияния на все органы государственного управления безответственных темных сил, то есть иначе говоря, Распутина и всей его придворной чиновно-бюрократической клики. Жить становится с каждым днем все более и более невыносимо.

Государь совершенно не видит или не хочет видеть той пропасти, в которую толкает Родину его злой гений — Александра Федоровна.

Я вслушиваюсь в речи дворян на собрании, которое чрезвычайно многолюдно, ибо вернулся в лоно обратно объединенного дворянства целый ряд губерний, отделившихся было раньше, вследствие принципиальных разногласий с советом объединенного дворянства по вопросам политического характера, и мне становится понятным все более и более, что адрес дворянства будет проникнут и чувством глубокой верноподданнейшей преданности, и чувством достойной смелости, исключаящей возможность

звуков холопского раболепия и попытки затушевать горькую действительность.

Речи дворян на собрании полны достоинства, проникнуты глубочайшею скорбью и забвением всяких личных интересов сословия, считающего своим нравственным долгом в это тяжелое время сказать царю правду без обиняков, ту правду, которую видит и знает весь русский народ, но которую от Царя скрывают льстецы, лицемеры и придворные холопы в расшитых золотом мундирах.

Председательствует на собрании князь Куракин, умный, дельный и проникнутый глубоким патриотизмом человек.

Диссонансов в речах почти не слышится; стушевались обычные типы, столь примелькавшиеся на очередных заседаниях объединенного дворянства, почитающие гвоздем его работы объединительный дворянский обед у Контана или у Медведя.

Не видно ни астраханского дворянина Сергеева, ни болтуна дворянина Павлова: они исчезли, стушевались, им здесь сегодня не место, ибо дворянство не просит ничего для себя, не говорит о своих нуждах и сословных интересах, а как первое сословие Империи идет к царю от имени Его народа с целью оберечь самого Царя, как первую святыню русской государственности.

Я редко видал большее единодушие, чем наблюдаемое мною на знаменательном, историческом сегодняшнем съезде.

Граф А. А. Бобринский, этот осторожный политик, тонкий, умный и честный придворный человек, и пронизательный В. И. Гурко говорят одинаковым языком со скромным дворянином из далекого медвежьего угла России, приехавшим с накопившимся чувством душевной боли и горечи.

Да, дворянство не умерло, как ни хоронят его перья газетных писак кадетского лагеря, и не может быть того, чтобы Царь не внял голосу своих слуг, с риском для себя идущих к Нему с горькими словами не прикрашенной верноподданнической правды.

Редкие голоса протеста общему настроению вызывают гадливое чувство к говорящим, которые, очевидно, и в данное время хотят что-либо заполучить для себя, подыгрываясь к тем темным силам, против которых ополчается дворянство в полном единении со всем русским народом.

Речь сенатора Охотникова, выступившего в такой роли порицателя дворянских настроений, встречена была глубоким молчанием собрания, раскусившего, что в Охотникове говорит холоп, а не верноподданный честный царский слуга.

Я слушал его, когда он говорил, и знал этого «финансиста» по акцизу и многие темные стороны его деятельности в прошлом, с омерзением вглядывался в эту бритую физиономию, поучавшую дворянство понятиям долга, чести и верноподданнейшей преданности.

Превосходно говорил В. Гурко, не без позы, но дельно граф Олсуфьев и граф Мусин-Пушкин.

Во время перерыва я записался, намереваясь также коснуться некоторых положений проекта адреса, составленного специальной комиссией из членов совета объединенного дворянства и представителей губернии.

В конце речи своей я хотел переименовать лиц, которые могли бы с честью в данное время занять ответственные министерские посты; но В. Гурко, которому я сообщил о своем намерении, испуганно схватил меня за рукав и стал просить, Боже упаси, этого не делать: «Ведь вы знаете, результаты получатся как раз обратные: Государь подумает, что мы его хотим учить, и перечисленные вами лица, вместо того чтобы стать у власти, сразу попадут в разряд политических мертвецов с похоронами по первому разряду. Вы знаете, Царь терпеть не может указаний; ради Бога, в интересах дела, откажитесь от своего намерения».

Я согласился с ним и, подойдя к председательскому столу, вычеркнул свою фамилию из списка ораторов.

После незначительных прений, после перерыва проект всеподданнейшего адреса, прочтенный князем Куракиным под гром аплодисментов, не смолкавших по крайней мере пять минут в зале, был с самыми небольшими изменениями принят всем собранием, голосовавшим по губерниям, и дворяне стали расходиться молча с сознанием честно исполненного большого патриотического долга.

Во время самого голосования адреса внимание мое привлекла одна фигура, нравственная физиономия коей стала предо мною на этом собрании во весь свой неприглядный рост. Эта фигура Новоскольского, Курской губ., предводителя дворянства, блестящего современного поэта-памфлетиста Мятлева.

Кто из проживающих в Петрограде, посещающих великосветские салоны и гостиницы, не списывал порою там для себя того или другого модного стихотворения Мятлева, затрагивавшего всегда очень зло и остроумно русские общественные и политические болячки и не щадившего в своих стихотворениях даже Царя.

«Как... вы не читали последнего стихотворения Мятлева?» — удивленно спрашивают вас обыкновенно X, Y, Z, и немедленно кто-либо из присутствующих в салоне вынимает из записной книжки клочок бумаги с последним

из произведений поэта, преимущественно памфлетического характера.

«Вот, — говорят вам, — спишите для себя», — и вы тут же списываете стихотворение, которое ходит по рукам анонимкой и облетает не только весь Петроград в кратчайший срок, но весьма быстро и всю Россию.

Резко и зло бичует сатира Мятлева все то, что считает достойным своего внимания, выставляя порою в крайне смешном виде и не щадя самого Императора.

Последнее обстоятельство всегда меня донельзя раздражало, ибо, по моему крайнему разумению, Царь не может фигурировать в сатирических произведениях, как бы талантливы они ни были, ибо это затрагивает престиж того, кто в глазах народа должен стоять на высоком пьедестале и чье имя не может трепаться в балагане. Так думал я раньше, так думаю и сейчас.

Дерзкий и наглый человек, думал я о Мятлеве в то время, как окружающие меня при чтении его произведений произносили: «Как ловко пишет, или отделал, бестия, ну и смельчак!» И вот сегодня, на дворянском съезде, я увидел, что из себя в нравственном смысле представляет этот «смельчак», поэт Мятлев: явившись на съезд в роли курского губернского предводителя, ввиду отсутствия милейшего князя Л. И. Дундукова-Изъединова, Мятлев, почувствовав, что принятие адреса Курскою губернией делает его более всего ответственным за голосование, вследствие занятого им случайно положения стал прилагать все усилия к тому, чтобы курское дворянство высказалось против принятия адреса, отредактированного специальной комиссией дворянского съезда, ибо, по мнению его, Мятлева, дворянство таким языком Царю говорить не может.

Я положительно ушам своим не верил, видя его мятущимся среди своих дворян и упрашивающим их не присоединяться к другим губерниям, единодушно высказавшимся за адрес.

«Так вот ты кто? — с гадливым чувством повторял себе я. — Из-за угла, анонимно в памфлетах высмеивать Царя и трепать его имя ты считаешь возможным, а здесь возвысить свой голос со всем дворянством открыто, честно и прямо не по тебе. Холоп, — думал я, — дрожащий за свои камергерские штаны и боящийся утратить свой камергерский ключ, и когда? в такое время!..»

9 декабря.

В городе передаются опять самые фантастические слухи о переменах на высших правительственных постах. Сегодня заезжал в Думу, где по рукам уже ходит телеграмма, посланная, как говорят, Распутиным Императрице Алек-

сандре Федоровне, пребывающей в ставке; апокриф ли эта телеграмма или действительно существует такая, но из уст в уста передается ее текст: «Пока Дума думает да гадает, у Бога все готово: первым будет Иван, вторым назначим Степана». Объясняют это так: Щегловитов намечается Распутиным на пост премьера и Белецкий министром внутренних дел. Так ли это или нет, увидим в ближайшем будущем. Все может быть, ибо каждый день приносит нам все новые и новые сюрпризы.

Александра Федоровна распоряжается Россией, как своим будуаром, но назначаемые на министерские посты, благодаря ей и Распутину, люди чувствуют себя настолько не прочно, что даже не переезжают на казенные квартиры, а остаются на своих частных.

Наше время напоминает страницы царствования Павла Петровича: никто не может быть уверен в завтрашнем дне, и люди, взысканные милостью сегодня, завтра могут очутиться на улице.

Я не в состоянии без боли видеть все это и мысленно задаю себе вопрос: «Неужели Государь не в силах заточить в монастырь женщину, которая губит Его и Россию, являясь злым гением русского народа и династии Романовых. Неужели Государь не видит, куда она толкает нас? Как дискредитирует она монархический принцип и позорит самое себя, будучи, в чем я уверен, чистой в отношениях своих к Распутину, который сумел околдовать ее лишь на религиозной почве». А что говорят! «Царь с Егорием, а Царица с Григорием» — вот что собственными ушами я слышал вчера в группе молодых солдат, проезжая по Загородному, мимо казарм Семеновского полка. Каково это слышать нам, монархистам, а можно ли наказывать пошляка, балагура, говорящего вслух о том, что молча с горечью наблюдают все.

Боже мой! чем бы я ни занимался, где бы я ни был, с кем бы я ни был, о чем бы я ни говорил, — червем точит меня мысль везде и всюду: жив он — этот позор России, каждый час можно ожидать какой-либо новой неожиданности, каждый день он марает все более и более Царя и его семью. Уже грязная клевета черни касается на этой почве чистых и непорочных Великих Княжон — Царских дочерей, а этот гад, этот хлыст забирает что день, то больше и больше силы, назначая и смещая русских сановников и обдывая через шарлатанов вроде Симоновича и князя Михаила Андронникова свои грязные денежные дела.

Все то чистое и честное, что по временам дерзает высказать свой голос у царского трона против него, подвергается немедленной немилости и опале. Нет того административного поста, как бы высок он ни был, кото-

рый гарантировал бы безопасность вельможе, дерзнувшему указать Царю на недопустимость дальнейшего влияния Распутина на ход русской политики и государственных дел. Где честнейший и благороднейший А. Д. Самарин, занимавший пост обер-прокура Святейшего Синода? Он уволен. Он оказался не на месте, ибо не мог мириться с ролью исполнителя распутинской воли; не мог терпеть на епископских постах монахов вроде Варнавы, Мардария и Путьяты, и на место его посажен через Распутина какой-то директор женских курсов Раев, темная и совершенно неизвестная личность, а в помощники ему для вершения дел церкви теми же путями прошел юродивый князь Жевахов, вся заслуга коего в том, что он успел понравиться Елизавете Федоровне своею брошюрой о святителе Иосафе Горленко, доводящемся Жевахову каким-то дальним родственником по отцовской или материнской линии.

Где начальник дворцовой канцелярии князь Владимир Орлов? Он высказался против Распутина и должен был немедленно покинуть Двор.

Где генерал В. Ф. Джунковский? Его постигла та же участь, несмотря на тесную близость его к Царю.

Где фрейлины княжны Орбелиани и Тютчева, бывшая столько лет воспитательницей великих княжен?

Их нет при Дворе, ибо они дерзнули поднять свой голос против Распутина.

В силе лишь тот, кому покровительствует этот гад, и само собою разумеется, первое место поэтому при дворе занимают Месалина Анна Вырубова и прощельга-аферист дворцовый комендант Владимир Воейков.

Государь подпал совершенно под влияние своей супруги; он считает вмешательством в свои семейные дела всякое напоминание ему со стороны вернейших и честнейших его слуг о тлетворной роли Распутина при Дворе. Бог мой, как я понимал при чтении воспоминаний Бисмарка его ненависть к Императрице — жене Вильгельма I.

Бывший министром путей сообщения Рухлов мне как-то говорил, что, когда однажды он во время своего доклада в Царском Селе Царю коснулся имени Распутина в связи с каким-то вопросом, Государь немедленно перестал его слушать, стал барабанить пальцами по столу и, обернувшись лицом к саду, начал напряженно смотреть в окно.

Рухлов тотчас же понял, что дальнейший разговор в этом направлении может для него плохо окончиться, и, прервав доклад по поднятому вопросу, связанному с именем Распутина, перешел к другому.

Честность, порядочность, идейность, самоотверженность сейчас не ставятся ни в грош, и у власти могут находиться лишь те, которые в лучшем случае способны

закрывать глаза на все проделываемое Распутиным и готовы беспрекословно исполнять приказания его чудовищно безграмотных записок, рассылаемых день за днем в огромном количестве по всем ведомствам и административным учреждениям Петрограда, начиная от министров и кончая мелкими чиновниками.

Неисполнение воли Распутина, излагаемой в ультимативном тоне, влечет за собою в ближайшем будущем месть хлыста строптивому чиновнику и назначение на его место другого, послушного, податливого и не способного сопротивляться его воле.

Императрица Александра Федоровна, глядящая на все, на всех, и на вся глазами Распутина, делит служащих во всех правительственных учреждениях на две группы: «наши» и «не наши».

Первая поощряется всеми мерами, вторую исподволь сплавляют, замещая опрастанные места «нашими».

Принц А. П. Ольденбургский рассказывал на днях, на что он напоролся в ставке, куда ездил с докладом к Государю; прибыв в Могилев, он пожелал быть принятым молодой Императрицей, проживающей в дни пребывания своего в Могилеве не во дворце с Императором, а в своем поезде на вокзале.

Принц не мог быть принят Царицей, ибо она еще спала, несмотря на сравнительно поздний час.

Осведомившись о причине того, почему Императрица почивает и не больна ли она, принц получил ответ, что Ее величество здорова, но вчера до глубокой ночи занимались с А. С. Вырубовой государственными делами. Заинтересовавшись, что именно сейчас беспокоит Императрицу, старик-принц узнал, что Александра Федоровна с фрейлиной Вырубовой отмечали добрую половину ночи плюсами и минусами по адрес-календарю чинов петроградского бюрократического мира, разделяя их на своих сторонников и на противников.

Честный и благородный принц долго не мог прийти в себя от изумления и горечи, удостоверившись, что общенное ему было неоспоримым фактом.

Что ждет нас завтра? Вот вопрос, который вправе поднять всякий мало-мальский вдумывающийся в причину той политической абракадабры, которая царит сейчас в России. Я лично впереди просвета не вижу никакого, ибо воля Государя скована, а при этом условии не может быть никакой устойчивости в политическом курсе, и это ярко и выпукло понял я из одного факта, сравнительно мелкого, но в высшей степени характерного.

3 ноября, во время доклада моего Государю в Могилеве обо всем том, чего я свидетелем был на Румынском фронте,

в районе Рени, Браилова, Галаца, характеризуя обстановку, я остановился на деятельности адмирала М. М. Веселкина, в течение почти двух лет войны занимавшего крупный военно-административный пост в этом районе, ставшего большим знатоком создавшейся здесь у нас военной обстановки и проявившего недюжинный административный талант и кипучую энергию по снабжению наших войск всем необходимым, что было крайне ценно, так как румыны, вступив с нами в союз, перед самым объявлением войны центральным державам, решив, что мы их снабдим нужным, продали с большим для себя барышом решительно все, что имели, как в смысле продовольствия, так и в смысле военного снаряжения... Австрии, рассчитывая, что от нас получат необходимое; в результате этой их финансовой операции у них в Румынии стало хоть шаром покати, и русская армия оказалась в безвыходном положении, которое усугублялось вспыхнувшей вдоль устья Дуная холерой и ужасающим состоянием одноколейного, поляковской постройки, железнодорожного пути по русской территории, совершенно не приспособленного к выполнению задач военного времени и не удовлетворявшего самым минимальным запросам продовольственного, военного, санитарного и перевозочного характера наших армий, которые нуждались, живя в полуодетом, полуобутом и полуголодном состоянии.

Веселкин работал здесь не покладая рук и днем и ночью, вникая решительно во все, чуждый буквоедства, формализма и канцелярщины; и не один десяток тысяч русских солдат, приехавших сюда в изможденном от голода виде, был обязан ему духовной и физической поддержкой.

Невероятный ругатель и сквернослов, как большинство русских моряков, но человек бесконечно доброй души и отзывчивый, Веселкин принимал героические меры к снабжению наших армий всем необходимым, а необходима была даже телефонная проволока для связи наших штабов, ибо подлецы-румыны даже всю свою проволоку запродали накануне вступления с нами в союз своим будущим противникам.

Веселкин говорил мне в бытность мою в Рени, что собирается в Могилев к Государю с целью доложить ему о безобразиях всего здесь происходящего вследствие отсутствия нужных мостов через Дунай и неприспособленности железнодорожного пути, каковой может быть приведен в должный вид в кратчайший срок, если наши тыловые инженерные юпитеры за это горячо примутся.

«Без этих мер, — добавил мне Веселкин, — нам на этом фронте успеха не добиться никогда».

Государь Император, бывший в Рени задолго до моего пребывания здесь и видевший работу Веселкина, которого очень любил, оценил ее, что видно из слов его частной телеграммы Императрице, о каковой телеграмме мне передавали в Рени местные почта-телеграфные власти.

Государь телеграфировал Александре Федоровне так: «Видел Мишу Веселкина, он оказывает неоценимые услуги местному краю» и т. д. и т. д. Большая телеграмма Государя Царице, посланная из Рени, была частного характера и была подписана Ники или Никс.

И вот в день доклада моего Государю, 3 ноября, когда я описывал обстановку этого фронта и коснулся благотворной деятельности Веселкина, Государь донельзя оживился, был чрезвычайно доволен моею его характеристикой и, перебивая мой доклад, сказал:

«Да, да, я давно знаю Веселкина, это прекрасный, дельный администратор, на своем месте, в особенности при данной боевой обстановке, я очень его ценю и крайне им дорожу. Мне приятен ваш отзыв о нем».

Это было 3 ноября в Могилеве, а 7 того же ноября произошло следующее в Петрограде: в 11 час. утра я вошел в Государственную думу, направляясь в Бюджетную комиссию, где происходило заседание.

На пути, в Екатерининском зале, навстречу мне идет морской министр И. К. Григорович; мы здороваемся, и с первых же слов последний спрашивает:

«В. М., вы давно с фронта и откуда?»

Едва я успел открыть рот и сказать: «Сегодня, с Румынского», — как Григорович, перебивая меня, хватает сочувственно за плечо и с горечью восклицает:

«Да? А бедный-то наш М. М. Веселкин?»

«Что такое?» — спрашиваю.

«Уволен», — уныло говорит мне Григорович.

«Не может быть! Зачем же вы это сделали? — восклицаю я, — когда он там так полезен, так необходим, и Государь, знающий о его работе, самого лестного о нем мнения».

Григорович горько усмехнулся.

«В том-то и дело, что уволил его не я и что морское министерство узнало об этом последним, а уволен он прямо со Ставки вчера, неведомо по каким проискам и за что, и на место его уже назначен адмирал Ненюков».

«Послушайте, — говорю, — Иван Константинович, вы мне рассказываете что-то поистине несуразное: ведь Государь еще 3 ноября мне его хвалил».

«Да, — заметил с ударением Григорович, — но ведь это было 3-го, а сегодня у нас 7-е, и вы знаете лучше, чем кто-либо другой, что у нас в России сейчас оценка личности, в особенности стоящей на административном посту,

совершается не по деятельности администратора, а происходит в зависимости от настроений в «сферах».

Я вздохнул, пожал плечами, и мы расстались. Можно ли надеяться на какой-либо «курс» в России при наличии явлений, подобных этому?

10 декабря.

Слышал сегодня, что главноуполномоченный Красного Креста при ставке Государя Кауфман-Туркестанский уволен со своего места. Увольнение произошло, говорят, на почве распутинских интриг, ибо Императрица Александра Федоровна крайне возмутилась тем, что Кауфман не только сочувственно отозвался Государю о моей речи 19 ноября, но и привез стенограмму ее для прочтения Его Величеству.

11 декабря.

Сегодня заезжал в Думу с целью просить членов Думы осмотреть мой санитарный поезд перед отправлением его на Румынский фронт. Меня неоднократно просили многие из сотоварищей, слышавших, как они говорили, хорошего о моих отрядах на фронте, ознакомить их с постановкой у меня дела.

Я пригласил членов Думы пожаловать на Варшавский вокзал в 9 час. утра 17 декабря, когда я вечером собираюсь выехать на фронт.

Выбрал я этот день нарочно, ибо, если в ночь на 17-е удастся благополучно покончить с Распутиным, то не может быть ничего лучшего, как через несколько часов после этого, как ни в чем не бывало, показывать мой поезд большому числу людей, интересующихся делом, и иметь возможность отвлечь свои мысли от кошмара пережитой ночи.

Вопрос лишь в том, выдержат ли мои нервы и смогу ли я поспать хоть несколько часов в те часы ночи, которые останутся мне для сна после кончины Распутина и перед посещением поезда членами Думы?

А поезд мой посмотреть стоит: я с гордостью и удовлетворением смотрю на результат моих хлопот по его снабжению, и мне сладко думать, что все это я раздам там, на позициях, на чужбине, родным героям: солдату и офицеру, стоящим на страже русской чести и проводящим бессменно третий год войны бок о бок в тесном братском единении друг с другом, неся равные лишения и живя в одинаковых условиях в суровых окопах.

12 декабря.

Сегодня был на заседании совета Главного управления Красного Креста. Вот учреждение, поражающее косностью; толковых всего лишь два или три человека, и среди

них Ордин и человекек себе на уме Чаманский, вертящий там всем и играющий первую скрипку, конечно, не без большой выгоды для себя.

Славный председатель Ильин спеленат, как младенец, и на положении не то бонзы, не то далай-ламы, остальные частью статисты, на ролях свадебных генералов, а частью просто превосходительная шантрапа, привыкшая считать за дело только бумагу под номером и чуждая всякой отзывчивости живому и великому делу милосердия.

Чего стоит одна лишь фигура барона А. Ф. Майндорфа, с которого песок сыплется уже, по-видимому, лет 20 и который тем не менее в совете Креста все еще на положении активного деятеля.

Просидел я с полчаса, прослушал бесконечные дебаты о том, дать ли или не дать пособие в 40 руб. сестрам X, Y, Z. Меня стошнило от этой деловитости, и я уехал.

13 декабря.

Сегодня утром звонок в телефон: «Ваня приехал», — значит, мы собираемся.

В 10 час. я был у Юсупова, куда приехал с д-ром Лазавертом.

Дмитрий Павлович и поручик С. были уже там.

Юсупов доложил нам, что Распутин согласился приехать к нему 16-го вечером и что все идет в этом отношении превосходно.

Мы вновь повторили друг другу выработанный нами план действия, решив, по смерти Распутина, бросить труп его в Старую Невку, где место уединеннее в ночные часы, чем вдоль канала, идущего от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу.

В добавление к раньше нами намеченному мы решили поставить большой граммофон в тамбуре, ведущем из гостиной князя, находящейся наверху, к его столовой, куда по приезде прямо должен пройти Распутин, помещающейся, как я уже сказал, в полуподвальном этаже дворца.

Граммофон будет поставлен у витой лестницы рупором к ней, и в момент прибытия Распутина во дворец граммофон будет заведен, ибо хотя граммофон и слабое и приевшееся развлечение, но тем не менее развлечение, игрой его будут достигнуты две цели: во-первых, Распутин может подумать, что собравшееся наверху дамское общество слушает музыку и вследствие этого молодая графиня, знакомства с коей он так жаждет, не может к нему тотчас же сойти, а во-вторых, игра граммофона могла бы заглушить наши голоса, если бы мы прослушали стук подъезжающего автомобиля и продолжали бы громко беседовать между собою наверху.

Закусив и выпив чаю, в 11 час. мы разъехались по домам, причем Юсупов перед самым моим отъездом вынул

из письменного стола средней величины двухфунтовую каучуковую гирю, подобную тем, коими делают ручную комнатную гимнастику.

«Как вам это нравится?» — спросил он меня.

«А для чего вам это?»

«Так, — заметил он многозначительно, — на всякий случай, этот подарочек я получил от В. А. Маклакова; мало ли что не случится!»

«Н-нда», — протянул я.

Мы распрощались, и я уехал.

14 декабря.

Сегодня, ввиду предстоящего отъезда на фронт, я перевез мою семью в поезд, ибо на время рождественских каникул сыновей моих беру санитарями, а жену мою, прошедшую уже курсы сестер милосердия и все прошлое лето состоявшею старшею сестрою на одном из головных пунктов моего отряда, беру работать в качестве сестры милосердия на том перевязочно-питательном пункте, который я развернул в Румынии. Переезд их занял у меня сегодня большую половину дня.

После обеда я распрощался окончательно с моею городской квартирой и занял обычное купе в вагоне моего санитарного поезда.

15 декабря.

Д-р Лазаверт, купив кисть и краску защитного цвета, весь день сегодня, облачившись в кожаный фартук, провозился над автомобилем, который будет служить нам завтрашнюю ночь и привезет высокого гостя.

На всех автомобилях моего отряда большими красными буквами стоит написанный мой девиз: «sempet idem». Приходится замазывать надпись, ибо в противном случае по этой надписи нити следствия сразу привели бы судебные власти при случайно неудачливом обороте дела к Юсуповскому дворцу и к моему поезду.

К вечеру автомобиль оказался в порядке. Завтра придется лишь поднять на нем верх и заблаговременно отпустить по квартирам в город шоферов под предлогом дать им попрощаться с семьями перед отъездом, назначенным мною на 17 декабря вечером, а в сущности освободиться от их назойливого любопытства и расспросов о том, куда едет д-р Лазаверт поздно ночью, не желая пользоваться их услугами. И без того сегодня, когда он возился у автомобиля, поездная прислуга, окружив его со всех сторон, то и дело спрашивала его, зачем он вымарывает надпись. Лазаверт очень удачно отбрехался: «Как тронемся в путь, ребята, — сказал он им, — опять надпишем по ста-

рому, и будет так, как было, а завтра ночью еду кутить с... — и он подмигнул, — а потом кататься на острова, и нельзя, чтобы видели автомобиль генерала, то есть мой, в такой час в неподходящем месте». Любопытные этим удовлетворились и успокоились.

16 декабря.

Сейчас 7 час. вечера. Я весь день не выезжал в город, а сидел и читал у себя в купе, ибо распоряжаться уже нечем — поезд готов к отъезду, а видеть посторонних людей мне противно.

В 8 1/2 часов на трамвае поеду на малое заседание Городской думы, где просижу, чтобы убить время, до без четверти 12 ночи, когда к думской каланче должен подъехать Лазаверт, одетый шофером, с пустым автомобилем, и отсюда я, сев в него, поеду во дворец Юсупова.

Я чувствую величайшее спокойствие и самообладание. На всякий случай беру с собою стальной кастет и револьвер мой, великолепную вещь, системы «Sauvage», кто знает, может быть, придется действовать либо тем, либо другим.

Не знаю почему, но у меня весь день сегодня вертится в голове стих оды Горация.

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem milhi, quem tili
Finem di dederint... Leuconoe!¹

Да! Но только там дело шло совсем о другом, а наша Левконоя несколько иного сорта... Да! scire nefas! А впрочем, ждать не за горами...

18 декабря.

Глубокая ночь. Вокруг меня полная тишина. Плавно качаясь, уносится вдаль мой поезд. Я еду опять на новую работу, в бесконечно дорогой мне боевой обстановке, на далекой чужбине, в Румынии.

Я не могу заснуть; впечатления и события последних 48 часов вихрем проносятся вновь в моей голове, и кошмарная, на всю жизнь незабываемая ночь 16 декабря встает ярко и выпукло пред моим духовным взором.

Распутина уже нет. Он убит. Судьбе угодно было, чтобы я, а не кто иной избавил от него Царя и Россию, чтобы он пал от моей руки. Слава Богу, говорю я, слава Богу, что рука великого князя Дмитрия Павловича не обогрета этой грязной кровью — он был лишь зрителем, и только.

---

¹ Не спрашивай, не пытайся, Левконоя, нам знать не дано, какой конец уготовили тебе и мне боги!

Чистый, молодой, благородный, царственный юноша, столь близко стоящий к престолу, не может и не должен быть повинным хотя бы и в высокопатриотическом деле, но в деле, связанном с пролитием чьей бы то ни было крови, пусть эта кровь будет и кровью Распутина.

Как ни тяжело, но нужно постараться привести в порядок мои мысли и занести в дневник с фотографической точностью весь ход происшедшей драмы, имеющей столь большое историческое значение.

Как ни тяжело, но постараюсь воскресить события и занести их на бумагу.

В половине десятого вечера 16 декабря я покинул мой поезд на Варшавском вокзале и на трамвае отправился в Городскую думу.

Подъезжаю и вижу, что зал не освещен; швейцар сообщает мне, что заседание не состоялось за неприбытием законного числа гласных, а прибывшие, подождав, разошлись.

«Братец, — говорю, — мне некуда деваться, открой мне кабинет товарища головы, дай бумаги, я напишу здесь несколько писем, пока приедет за мной мой автомобиль». Швейцар исполнил мою просьбу, и я около часу времени провел в писании писем некоторым друзьям.

Без четверти 11, то есть ровно за час до того времени, как я назначил Лазаверту заехать за мной в Думу, я запечатал последнее письмо и остался в нерешительности того, что мне делать: одеться и выйти на улицу с тем, чтобы там ждать автомобиль, было неудобно и могло вызвать какие-либо подозрения, ибо я был в военной форме и могло показаться странным, что в двенадцатом часу ночи стоит без всякого дела на панели в военной форме озирающаяся фигура.

Я решил оставить время провести у телефона и, вызвав приятельницу мою, артистку Н., проболтал с нею до начала двенадцатого.

Дальнейшее пребывание в Думе было, однако, неудобным, и я, одевшись, когда часы на думской каланче пробили четверть двенадцатого, вышел на панель, опустил письма в почтовый ящик и стал гулять по думскому переулку.

Погода была мягкая, мороз не превышал 2°—3°, и порошил редкий мокроватый снег.

Каждая минута мне представлялась вечностью, и мне казалось, что каждый, проходивший мимо меня, подозрительно меня оглядывает и за мною следит.

Часы пробили половину двенадцатого, пробили три четверти двенадцатого, я положительно не находил себе места; наконец, без десяти минут двенадцать я увидел

вдали, со стороны Садовой, яркие огни моего автомобиля, услышал характерный звук его машины, и через несколько секунд, сделав круг, д-р Лазаверт остановился у панели.

«Ты опять опоздал!» — крикнул я ему.

«Виноват, — ответил он искательным голосом, — заправлял шину, лопнула по дороге».

Я сел в автомобиль рядом с ним и, повернув к Казанскому собору, мы поехали по Мойке.

Автомобиля моего решительно нельзя было узнать с поднятым верхом, он ничем не отличался от других, встречавшихся нам по пути.

Согласно выработанному нами плану, мы должны были подъехать не к главному подъезду Юсуповского дворца, а к тому малому, к которому Юсупов намеревался подвезти и Распутина, для чего требовалось предварительно въехать во двор, отделявшийся от улицы железной решеткой, с двумя парами таких же железных ворот, которые, по уговору, должны были быть к этому часу открытыми.

Подъезжая ко дворцу, однако, видим, что обе пары ворот закрыты; полагая, что еще рано, мы, не уменьшая хода автомобиля, проехали мимо дворца и там, замедлив ход, сделали круг через площадь Мариинского театра и вновь вернулись на Мойку по Прачечному переулку. Ворота оказались опять закрытыми.

Я был вне себя. «Давай к главному подъезду! — крикнул я Лазаверту. — Пройду через парадное, и, когда откроют железные ворота, въедешь и станешь с автомобилем вон у этого малого входа».

Я позвонил. Двери открыл мне солдат, и я, не сбрасывая шубы, оглянувшись, есть ли еще кто-либо в подъезде (на скамейке сидел еще один человек в солдатской форме, и больше не было никого), повернул в дверь налево и прошел в помещение, занимаемое молодым. Юсуповым.

Вхожу и вижу: в кабинете сидят все трое.

«А! — воскликнули они разом *vous voilà*. — А мы вас уже пять минут как ждем, уже начало первого».

«Могли бы прождать и дольше, — говорю, — если бы я не догадался пройти через главный подъезд. Ведь ваши железные ворота к маленькой двери, — обратился я к Юсупову, — и по сию минуту не открыты».

«Не может быть, — воскликнул он, — я сию же минуту распорядюсь», — и с этими словами он вышел.

Я разделся. Через несколько минут в шоферском костюме по лестнице со двора вошли д-р Лазаверт и Юсупов.

Автомобиль был поставлен на условленное место, у маленькой двери во дворе, после чего мы впятером прошли

из гостиной через небольшой тамбур по витой лестнице вниз в столовую, где и уселись вокруг большого, обильно усаженного пирожными и всякою снедью чайного стола.

Комната эта была совершенно неузнаваема; я видел ее при отделке и изумился умению в такой короткий срок сделать из погреба нечто вроде изящной бомбоньерки.

Вся она была разделена на две половины, из коих одна ближе к камину, в котором ярко и уютно пылал огонь, представляла собою миниатюрную столовую, а другая, задняя, нечто среднее между гостиной и будуаром, с мягкими креслами, с глубоким изящным диваном, перед коим на полу лежала громадная, исключительной белизны, шкура-ковёр белого медведя. У стенки под окнами в полумраке был помещен небольшой столик, где на подносе стояло четыре закупоренных бутылки с марсалай, мадерой, хересом и портвейном, а за этими бутылками виднелось несколько темноватого стекла рюмок. На камине, среди ряда художественных старинных вещей, было помещено изумительной работы распятие, кажется мне, выточенное из слоновой кости.

Помещение было сводчатым, в стиле старинных расписных русских палат.

Мы уселись за круглым чайным столом, и Юсупов предложил нам выпить по стакану чая и отведать пирожных до тех пор, пока мы не дадим им нужной начинки.

Четверть часа, в продолжение коих мы сидели за столом, показалась мне целою вечностью, между тем особенно спешить было не к чему, так как Распутин предупредил еще раньше Юсупова, что шпики всех категорий покидают его квартиру после 12 ночи, и, следовательно, толкнись Юсупов к Распутину до половины первого, он как раз мог напороться на церберов, охранявших «старца».

Закончив чаепитие, мы постарались придать столу такой вид, как будто его только что покинуло большое общество, вспугнутое от стола прибытием нежданного гостя.

В чашки мы поналивали немного чаю, на тарелочках оставили кусочки пирожного и кекса и набросали немного крошек около помятых несколько чайных салфеток; все это необходимо было, дабы, войдя, Распутин почувствовал, что он напугал дамское общество, которое поднялось сразу из столовой в гостиную наверх.

Приведя стол в должный вид, мы принялись за два блюда с пти-фурами. Юсупов передал д-ру Лазаверту несколько камешков с цианистым калием, и последний, надев раздобытые Юсуповым перчатки, стал строгать ножом яд на тарелку, после чего, выбрав все пирожные с розовым кремом (а они были лишь двух сортов; с розовым и шоколадным кремом) и отделив их верхнюю половину,

густо насыпал в каждое яду, после чего, наложив на них снятые верхушки, придавал им должный вид. По изготовлении розовых пирожных мы перемешали их на тарелках с коричневыми, шоколадными, разрезали два розовых на части и, придав им откусанный вид, положили к некоторым приборам.

Засим Лазаверт бросил перчатки в камин, мы встали из-за стола и, придав некоторый беспорядок еще и стульям, решили подняться уже наверх. Но, помню как сейчас, в эту минуту сильно задымил камин, в комнате стало сразу угарно, и пришлось провозиться по крайней мере еще десять минут с очисткой в ней воздуха. Наконец, все оказалось в порядке.

Мы поднялись в гостиную. Юсупов вынул из письменного стола и передал Дмитрию Павловичу и мне по склянке с цианистым калием в растворенном виде, каковым мы должны были наполнить до половины две из четырех рюмок, стоявших внизу, в столовой, за бутылками, через двадцать минут после отъезда Юсупова за Распутиным.

Лазаверт облачился в свой шоферской костюм. Юсупов надел штатскую шубу, поднял воротник и, попрощавшись с нами, вышел.

Шум автомобиля дал нам знать, что они уехали, и мы молча принялись расхаживать по гостиной и тамбуру у лестницы вниз.

Было тридцать пять минут первого. Поручик С. пошел проверить, в порядке ли граммофон и наложена ли пластинка; все было на месте.

Я вынул из кармана отдавливавший его мой тяжелый «соваж» и положил его на стол Юсупова.

Время шло мучительно долго. Говорить не хотелось. Мы изредка лишь перебрасывались отдельными словами и, посоветовавшись о том, можно ли курить и не дойдет ли дым сигары или папиросы вниз (Распутин не хотел, чтобы сегодня, в день его посещения, у князя Юсупова были гости-мужчины), стали усиленно затягиваться сигарой, а С. и Дмитрий Павлович папиросами.

Без четверти час великий князь и я, спустившись в столовую, налили цианистый калий, как было условлено, в две рюмки, причем Дмитрий Павлович выразил опасение, как бы Феликс Юсупов, угощая Распутина пирожными, не съел бы второпях розового и, наливая вино в рюмки, не взял бы по ошибке рюмки с ядом. «Этого не случится, — заметил я уверенно великому князю, — Юсупов отличается, как я вижу, громадным самообладанием и хладнокровием».

Исполнив свое дело, мы вновь поднялись наверх, чутко прислушиваясь к малейшим звукам, доходившим с улицы.

«Едут!» — полушепотом заявил я вдруг, отходя от окна.

Поручик С. кинулся к граммофону, и через несколько секунд раздался звук американского марша «Янки-дудль», который и посейчас по временам преследует меня.

Еще мгновение — слышим сухой стук автомобиля уже во дворе, хлопающуюся дверцу автомобиля, топот встряхивающих снег ног внизу и голос Распутина: «Куда, милой?» Засим дверь от столовой закрылась за обоими приехавшими, и через несколько минут снизу по лестнице поднялся к нам д-р Лазаверт в своем обыкновенном костюме, снявший и оставивший внизу шоферские доху, папаху и перчатки.

Затаив дыхание, мы прошли в тамбур и стали у перил лестницы, ведущей вниз, друг за другом в таком порядке: первым к лестнице я с кастетом в руках, за мною великий князь, за ним поручик С., последним д-р. Лазаверт. Мне трудно определить, сколько времени в напряженнейшем ожидании провели мы в застывших позах у лестницы, стараясь не дышать, не двигаться и вслушиваясь буквально в каждый шорох, происходивший внизу, откуда доносились к нам голоса разговаривавших то порою в виде односложных звуков, то в связной речи, но расслышать того, что говорилось, мы не могли; полагаю, что мы простояли у лестницы не менее получаса, бесконечно заводя граммофон, который продолжал играть все тот же «Янки-дудль».

Того, чего мы ожидали, не произошло, а ожидали мы хлопанья пробок и откупоривания Юсуповым бутылок, стоявших, как я уже сказал, внизу. Это должно было стать показателем, что дело идет на лад и что через несколько минут после этого Распутин окажется трупом. Но... время шло, мирная беседа внизу продолжалась, а собеседники, очевидно, не пили и не ели еще ничего.

Наконец, слышим, дверь снизу открывается. Мы на цыпочках бесшумно кинулись обратно в кабинет Юсупова, куда через минуту вошел и он.

«Представьте себе, господа, — говорит, — ничего не выходит, это животное не пьет и не ест, как я ни предлагаю ему обогреться и не отказываться от моего гостеприимства.

«Что делать?»

Дмитрий Павлович пожал плечами: «Погодите, Феликс: возвращайтесь обратно, попробуйте еще раз и не оставляйте его одного, не ровен час, он поднимется за вами сюда и увидит картину, которую менее всего ожидает, тогда придется его отпустить с миром или покончить шумно, что чревато последствиями».

«А как его настроение?» — спрашиваю я у Юсупова.

«Н-не важное, — протягивая, отвечает последний, — можете себе представить, он как будто что-то предчувствует».

«Ну, идите, идите, Феликс! — заторопил Юсупова великий князь. — Время уходит».

Юсупов опять спустился вниз, а мы вновь заняли в том же порядке свои места у лестницы.

Прошло еще добрых полчаса донельзя мучительно уходившего для нас времени, когда, наконец, нам ясно слышалось хлопанье одной за другой двух пробок, звон рюмок, после чего говорившие до этого внизу собеседники вдруг замолкли.

«Пьют, — прошептал мне над самым ухом Дмитрий Павлович, — ну, теперь уже ждать недолго!»

Мы застыли в своих позах, спустившись еще на несколько ступеней по лестнице вниз. Но... прошло еще четверть часа, а мирный разговор и даже порою смех внизу не прекращались.

«Ничего не понимаю, — разведя руками и обернувшись к Великому князю, прошептал я ему. — Что он, заколдован, что ли, что на него даже цианистый калий не действует!»

Дмитрий Павлович пожал плечами.

«Погодите, слышите, вот, кажется, уже внизу что-то неладно!»

И действительно, как будто послышался оттуда стон. Но это оказалось aberrацией слуха, и через минуту снизу опять послышалось мирное журчание речи одного из собеседников и односложные слова, по-видимому, со стороны другого.

Мы поднялись по лестнице вверх и всю группую вновь прошли в кабинет, куда через две или три минуты неслышно вошел опять Юсупов, расстроенный и бледный: «Нет, — говорит, — невозможно! Представьте себе, он выпил две рюмки с ядом, съел несколько розовых пирожных, и, как видите, ничего, решительно ничего, а прошло уже после этого минут, по крайней мере, пятнадцать! Ума не приложу, как нам быть, тем более что он уже забеспокоился, почему графиня не выходит к нему так долго, и я с трудом ему объяснил, что ей трудно исчезнуть незаметно, ибо там наверху гостей не много, но что, по всем вероятностям, минут через десять она уже сойдет; он сидит теперь на диване мрачным, и, как я вижу, действие яда сказывается на нем лишь в том, что у него беспрестанная отрыжка и некоторое слюнотечение».

«Господа, что вы посоветуете мне?» — закончил Юсупов.

«Возвращайтесь обратно, — заметили мы ему, — яд должен наконец сделать свое дело, а если тем не менее

действие его окажется безрезультатным, поднимайтесь к нам по прошествии пяти минут обратно, и мы решим, как покончить с ним, ибо время уходит, теперь глубокая ночь, и утро может нас застать с трупом Распутина в вашем дворце».

Юсупов медленно вышел и прошел вниз.

В это время я обратил внимание на то, что доктора Лазаверта нет среди нас. Еще несколько раньше я заметил, что этот крепчайшего телосложения человек чувствует себя от волнения положительно дурно: он то нервно шагал по кабинету, апоплексически краснея и в изнеможении опускаясь в глубокие кресла под окном, то хватался за голову, обводя нас всех блуждающим взглядом.

«Что с вами, доктор?» — спросил я его.

«Мне дурно! — ответил полупшепотом. — У меня чрезвычайно напряжены нервы. Мне кажется, я не выдержу. Я никогда не думал, что я так мало способен держать себя в руках. Поверите ли, меня сейчас может повалить пятилетний ребенок».

Я крайне удивился, ибо за все время пребывания в моем отряде д-ра Лазаверта, неоднократно работавшего на передовых позициях не только под орудийным, но и под пулеметным огнем неприятеля, за что он был награжден двумя Георгиевскими крестами, он проявил себя человеком большой выдержки, самообладания и несомненного мужества.

«Да, — подумал я, — храбрость там одно, а здесь совсем другое».

«Где Лазаверт?» — спросил я поручика С. по уходе Юсупова.

«Не знаю, — ответил последний, — должно быть, у автомобиля!»

«Странно», — подумал я и намеревался уже спуститься за ним, как вдруг увидел его бледным, осунувшимся, входящим в дверь кабинета.

«Доктор, что с вами?» — воскликнул я.

«Мне стало дурно, — прошептал он, — я сошел вниз к автомобилю и упал в обморок, к счастью, ничком, снег охладил мне голову, и только благодаря этому я пришел в себя. Мне стыдно, В. М., но я решительно ни к чему не гожусь».

«Доктор, доктор, — проходя в это время мимо нас и качая головой, промолвил Дмитрий Павлович, — вот не сказал бы!»

«Ваше Высочество! — разводя руками и как бы извиняясь, ответил Лазаверт. — Виноват не я, а моя комплекция».

Мы оставили Лазаверта в покое, предоставив его самому себе, и стали ждать.

Через минут пять Юсупов появился в кабинете в третий раз.

«Господа, — заявил он нам скороговоркой, — положение все то же: яд на него или не действует, или ни к черту не годится; время уходит, ждать больше нельзя; решим, что делать. Но нужно решать скорее, ибо гад выражает крайнее нетерпение тому, что графиня не приходит, и уже подозрительно относится ко мне».

«Ну что ж, — ответил великий князь, — бросим на сегодня, отпустим его с миром, может быть, удастся сплавить его как-нибудь иначе в другое время и при других условиях».

«Ни за что! — воскликнул я. — Неужели вы не понимаете, Ваше Высочество, что, выпущенный сегодня, он ускользает навсегда, ибо разве он поедет к Юсупову завтра, если поймет, что сегодня был им обманут. Живым Распутин отсюда, — отчеканивая каждое слово, полушепотом продолжал я, — выйти не может, не должен и не выйдет».

«Но как же быть?» — заметил Дмитрий Павлович.

«Если нельзя ядом, — ответил я ему, — нужно пойти ва-банк, в открытую, спуститься нам или всем вместе, или предоставьте мне это одному, я его уложу либо из моего «соважа», либо разможжу ему череп кастетом. Что вы скажете на это?»

«Да, — заметил Юсупов, — если вы ставите вопрос так, то, конечно, придется остановиться на одном из этих двух способов».

После минутного совещания мы решили спуститься вниз всем и предоставить мне уложить его кастетом, а Лазаверту на всякий случай Юсупов в руки всунул свою каучуковую гирию, хотя первый и заявил ему, что он едва ли будет в состоянии что-либо сделать, ибо так слаб, что еле передвигает ноги.

Приняв это решение, мы гуськом (со мною во главе), осторожно двинулись к лестнице и уже спустились было к пятой ступеньке, когда внезапно Дмитрий Павлович, взяв меня за плечо, прошептал мне на ухо: «Attendez moment!» — и, поднявшись вновь назад, отвел в сторону Юсупова. Я, С. и Лазаверт прошли обратно в кабинет, куда немедленно вслед за нами вернулись Дмитрий Павлович и Юсупов, который мне сказал:

«В. М., вы ничего не будете иметь против того, чтобы я его застрелил, будь что будет? Это и скорее и проще».

«Пожалуйста, — ответил я, — вопрос не в том, кто с ним покончит, а в том, чтобы покончить и непременно этой ночью».

Не успел я произнести эти слова, как Юсупов быстрым, решительным шагом подошел к своему письменному

стола и, достав из ящика его браунинг небольшого формата, быстро повернулся и твердыми шагами направился по лестнице вниз.

Мы молча кинулись вслед за ним и стали на старые позиции, поняв, что сейчас уже ждать придется недолго.

Действительно, не прошло и пяти минут с момента ухода Юсупова, как после двух или трех отрывочных фраз, произнесенных разговаривавшими внизу, раздался глухой звук выстрела, вслед затем мы услышали продолжительное... А-а-а! и звук грузно падающего на пол тела.

Не медля ни одной секунды, все мы, стоявшие наверху, не сошли, а буквально кубарем слетели по перилам лестницы вниз, толкнувши стремительно своим напором дверь столовой; она открылась, но кто-то из нас зацепил штепсель, отчего электричество в комнате сразу потухло.

Ощупью, ошарив стенку у входа, мы зажгли свет, и нам представилась следующая картина: перед диваном в части комнаты, в гостиной, на шкуре белого медведя лежал умирающий Григорий Распутин, а над ним, держа револьвер в правой руке, заложенной за спину, совершенно спокойным стоял Юсупов, с чувством непередаваемой гадливости вглядываясь в лицо им убитого «старца».

Крови не было видно; очевидно, было внутреннее кровоизлияние, и пуля попала Распутину в грудь, но, по всем вероятностям, не вышла.

Первым заговорил великий князь, обратившись ко мне: «Нужно снять его поскорее с ковра, на всякий случай, и положить на каменные плиты пола, ибо, чего доброго, просочится кровь и замарает шкуру, давайте снимем его оттуда».

Дмитрий Павлович взял убитого за плечи, я поднял его за ноги, и мы бережно уложили его на пол ногами к уличным окнам и головою к лестнице, через которую вошли.

На ковре не оказалось ни единой капли крови, он был только немного примят упавшим телом.

Молча окружили мы затем труп убитого, которого я сейчас увидел в первый раз в жизни и которого знал до этой минуты только по фотографиям, из коих одну большую карточку, где Распутин был изображен в кругу своих поклонников из среды петроградской придворной аристократии за чайным столом, полученную мною от командира 3-го стрелк. гвард. полка генерала А. П. Усова, я переснял в большом количестве экземпляров и с оскорбительной надписью для его поклонников, коих фамилии подписал на карточках, раздал в конце ноября членам Государственной думы и разослал по редакциям всех петроградских газет.

Сейчас я стоял над этим трупом, и меня волновали самые разнообразные и глубокие чувства; но первым из них, как теперь помню, было чувство глубочайшего изумления перед тем, как мог такой, на вид совершенно обыденный и отвратительный типа Силена или Сатира, мужик влиять на судьбы России и на ход жизни великого народа, страна коего в сущности представляет часть света, а не государство.

Чем околдовал ты, негодай, думал я, и Царя, и Царицу?

Как завладел ты Царем до такой степени, что твоя воля стала его волею, что ты был фактическим самодержавцем в России, обратив помазанника Божьего в послушного, беспрекословного исполнителя твоей злонамеренной воли и твоих хищнических appetитов? И, стоя здесь, над этим трупом, я невольно припомнил рассказ Юсупова о том, чем угощал Царя, через посредство своего приятеля тибетского лекаря Бадмаева, Распутин.

«Зачем ты, Феликс, — сказал как-то раз Распутин Юсупову, — не бываешь у Бадмаева, нужный он человек, полезный человек, ты иди к нему, милой, больно хорошо он лечит травочкой, все только травочкой своею.

Даст он тебе махонькую, ма-ахонькую рюмочку настойки из травушки своей, и у-ух! как бабы тебе захочется, а есть у него и другая настоечка, и того меньше рюмочку даст он тебе, попьешь ты этой настоечки в час, когда на душе у тебя смутно, и сразу тебе все пустяком покажется, и сам сделаешься ты такой добренькой, добренькой, такой глу-упенькой, и будет все равным-равно».

Не этой ли настойкою, думал я, стоя над трупом Распутина, угощал ты в последнее время постоянно русского Царя, отдавшего бразды правления над великой Россией и над своим народом Змею Горынычу, — роковой для России женщине, супруге своей Александре Федоровне, возмнившей себя второю Екатериною Великою, а тебя, Государь, приравнявшею к Петру III и не постеснявшейся в письме своем к Великой Княгине Виктории Федоровне написать ей, что бывают моменты в истории жизни народов, когда при слабоволии законных их правителей женщины берутся за кормило правления государством, ведомым по уклону мужскою рукою, и что Россия такие примеры знает...

Я стоял над Распутиным, впившись в него глазами. Он не был еще мертв: он дышал, он агонизировал.

Правой рукою своею прикрывал он оба глаза и до половины свой длинный ноздреватый нос, левая рука его была вытянута вдоль тела; грудь его изредка высоко подымалась, и тело подергивали судороги. Он был шикарно,

но по-мужицки одет: в прекрасных сапогах, в бархатных навыпуск брюках, в шелковой богато расшитой шелками, цвета крем, рубаше, подпоясанной малиновым с кистями толстым шелковым шнурком.

Длинная черная борода его была тщательно расчесана и как будто блестела или лоснилась даже от каких-то специй.

Не знаю, сколько времени простоял я здесь; в конце концов раздался голос Юсупова: «Ну-с, господа, идемте наверх, нужно кончать начатое!» Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество и притворив слегка двери.

В гостиной, поочередно поздравив Юсупова с тем, что на его долю выпала высокая честь освобождения России от Распутина, мы заторопились окончанием нашего дела.

Был уже четвертый час ночи, и приходилось спешить.

Поручик С. наскоро облачился поверх своей военной шинели в шикарную меховую шубу Распутина, надел его боты и взял в руки его перчатки; вслед за ним Лазаверт, уже несколько оправившийся и как будто успокоившийся, облачился в шоферское одеяние, и оба они, предводительствуемые великим князем Дмитрием Павловичем, сели на автомобиль и уехали на вокзал к моему поезду с тем, чтобы сжечь одежду Распутина в моем классном вагоне, где к этому часу должна была топиться печь, после чего им полагалось на извозчике доехать до дворца великого князя и оттуда на его автомобиле приехать за телом Распутина в Юсуповский дворец.

Мы с Феликсом Юсуповым остались вдвоем, и то ненадолго, он через тамбур прошел на половину своих родителей, коих в Петрограде, как кажется, в это время не было, а я, закулив сигару, стал медленно прохаживаться у него в кабинете наверху в ожидании возвращения уехавших соучастников, с которыми предполагалось вместе увязать труп в какую-либо материю и перетащить в автомобиль великого князя.

Не могу определить, долго ли продолжалось мое одиночество, знаю только, что я чувствовал себя совершенно спокойным и даже удовлетворенным, но твердо помню, как какая-то внутренняя сила толкнула меня к письменному столу Юсупова, на котором лежал вынутый из кармана мой «соваж», как я взял его и положил обратно в правый карман брюк и как вслед засим под давлением той же неведомой силы я вышел из кабинета, дверь от коего в тамбур была закрыта, и очутился в тамбуре совершенно без всякой цели.

Не успел я войти в этот тамбур, как мне послышались чьи-то шаги уже внизу у самой лестницы, затем до меня долетел звук открывающейся в столовую, где лежал Рас-

путин, двери, которую вошедший, по-видимому, не прикрыл.

«Кто бы это мог быть?» — подумал я, но мысль моя не успела еще дать себе ответа на заданный вопрос, как вдруг снизу раздался дикий, нечеловеческий крик, показавшийся мне криком Юсупова: «Пуришкевич, стреляйте, стреляйте, он жив! Он убегает!»

«А-а-а!..» — и снизу стремглав бросился вверх по лестнице кричавший, оказавшийся Юсуповым; на нем буквально не было лица; прекрасные большие голубые глаза его еще увеличились и были навывкате; он в полубессознательном состоянии, не видя почти меня, с обезумевшим взглядом, кинулся к выходной двери на главный коридор и пробежал на половину своих родителей, куда я его видел уходящим, как я уже сказал, перед отъездом на вокзал великого князя и поручика С.

Одну секунду я остался оторопевшим, но до меня совершенно ясно стали доноситься снизу чьи-то быстрые грузные шаги, пробиравшиеся к выходной двери во двор, то есть к тому подъезду, от которого недавно отъехал автомобиль.

Медлить было нельзя ни одно мгновение, и я, не растерявшись, выхватил из кармана мой «соваж», поставил его на «feu» и бегом спустился по лестнице.

То, что я увидел внизу, могло бы показаться сном, если бы не было ужасной для нас действительностью: Григорий Распутин, которого я полчаса тому назад созерцал при последнем издыхании, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль железной решетки, выходящей на улицу, в том самом костюме, в котором я видел его сейчас почти бездыханным.

Первое мгновение я не мог поверить своим глазам, но громкий крик его в ночной тишине на бегу: «Феликс, Феликс, все скажу царице...» — убедил меня, что это он, что это Григорий Распутин, что он может уйти благодаря своей феноменальной живучести, что еще несколько мгновений, и он очутится за вторыми железными воротами на улице, где, не называя себя, обратится к первому, случайно встретившемуся прохожему с просьбою спасти его, так как на его жизнь покушаются в этом дворце, и... все пропало. Естественно, что ему помогут, не зная, кого спасают, он очутится дома на Гороховой, и мы раскрыты.

Я бросился за ним вдогонку и выстрелил.

В ночной тиши чрезвычайно громкий звук моего револьвера пронесся в воздухе — промах!

Распутин поддал ходу; я выстрелил вторично на бегу — и... опять промахнулся.

Не могу передать того чувства бешенства, которое я испытал против самого себя в эту минуту.

Стрелок, более чем приличный, практиковавшийся в тире на Семеновском плацу беспрестанно и попадавший в небольшие мишени, я оказался сегодня не способным уложить человека в 20 шагах.

Мгновения шли... Распутин подбежал уже к воротам, тогда я остановился, изо всех сил укусил себя за кисть левой руки, чтоб заставить себя сосредоточиться, и выстрелом (в третий раз) попал ему в спину. Он остановился, тогда я, уже тщательнее прицелившись, стоя на том же месте, дал четвертый выстрел, попавший ему, как кажется, в голову, ибо он снопом упал ничком в снег и задержал головой. Я подбежал к нему и изо всей силы ударил его ногою в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снег и как будто бы желая ползти вперед на брюхе; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами.

Я был уверен, что сейчас его песня действительно спета и что больше ему не встать.

Простояв над ним минуты две и убедившись в том, что сторожить его дольше бесполезно, я быстрыми шагами направился обратно через ту же маленькую дверь во дворец, но помню ясно, что в промежуток моей стрельбы по Распутину по панели на улице прошло два человека, из коих второй, услышав выстрел, кинулся в сторону от решетки и побежал.

«Что делать? Что делать?» — твердил я себе вслух, пройдя в гостиную. Я один, Юсупов невменяем; прислуга в дело не посвящена, труп лежит там у ворот, каждую минуту может быть замечен случайным прохожим, и пойдет история. Мне самому не втащить его, ибо одна мысль о возможности прикоснуться к Григорию Распутину вызвала во мне отвращение и гадливое чувство, но медлить было нельзя.

Нет, решил я, раз дело пошло не так, как мы рассчитывали сначала, то и дальше должно пойти своим путем. Положим, выстрела Юсупова в комнатах прислуга могла не слышать, но нельзя допустить мысли, чтобы два солдата, сидящие в передней у главного входа, не могли бы услышать четырех громчайших выстрелов во дворе из моего «соважа», и я быстрыми шагами направился через тамбур к главному подъезду.

При виде меня два сидевшие там солдата сразу вскочили.

«Ребята, — обратился к ним, — я убил...» При этих словах они как-то вплотную придвинулись ко мне, как бы желая меня схватить. «...Я убил, — повторил я, — убил

Гришку Распутина, врага России и Царя». При последних моих словах один из солдат, взволновавшись до последней степени, бросился меня целовать, а другой промолвил: «Слава Богу, давно следовало!»

«Друзья! — заявил я. — Князь Феликс Феликсович и я надеемся на полное ваше молчание. Вы понимаете, что, раскройся дело, Царица нас за это не похвалит. Сумеете ли вы молчать?»

«Ваше превосходительство! — с укоризной обратились ко мне оба. — Мы русские люди, не извольте сомневаться, выдавать не станем».

Я обнял и поцеловал того и другого и попросил их немедленно оттащить труп Распутина от решетки во дворе и втянуть его в маленькую переднюю, что находилась у лестницы перед входом в столовую.

Распорядившись этим и узнав, куда прошел Юсупов, я направился к нему, чтоб его успокоить.

Я застал его в ярко освещенной уборной, наклонившимся над умывальной чашкой, он держался руками за голову и без конца отплевывался.

«Голубчик! Что с вами, успокойтесь, его уже больше нет! Я с ним покончил! Идем со мной, милый, к вам в кабинет». Испытывавший, очевидно, тошноту, Юсупов посмотрел на меня блуждающим взглядом, но повиновался, и я, обняв его за талию, бережно повел на его половину.

Он шел, все время повторяя: «Феликс, Феликс, Феликс, Феликс...» Очевидно, что-то произошло между ним и Распутиным в те короткие мгновения, когда он спустился к мнимому мертвецу в столовую, и это случившееся сильно запечатлелось в его мозгу.

Мы проходили через тамбур как раз в то время, когда солдаты Юсупова втаскивали труп в переднюю там у лестницы, вниз.

Юсупов, увидев, над кем они возятся, выскользнул от меня, бросился в свой кабинет, схватил с письменного стола резиновую гирю, данную ему Маклаковым, и, повернувшись обратно, бросился вниз по лестнице, к трупу Распутина. Он, отравлявший его и видевший, что яд не действует, стрелявший в него и увидевший, что и пуля его не взяла, очевидно, не хотел верить в то, что Распутин уже мертвое тело, и, подбежав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску, с каким-то диким остервенением и в совершенно неестественном возбуждении.

Я, стоявший наверху у перил лестницы, в первое мгновение ничего не понял и оторопел, тем более что, и к моему глубочайшему изумлению, Распутин даже и теперь еще, казалось, подавал признаки жизни!

Перевернутый лицом вверх, он хрипел, и мне совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачок правого, открытого глаза, как будто глядевшего на меня бессмысленно, но ужасно (этот глаз я и сейчас вижу перед собой).

Но вслед за сим я пришел в себя и крикнул солдатам скорее оттащить Юсупова от убитого, ибо он может забрызгать кровью и себя и все вокруг и в случае обысков следственная власть, даже без полицейских собак, по следу крови раскроет дело.

Солдаты повиновались, но им стоило чрезвычайных усилий оттянуть Юсупова, который как бы механически, но с остервенением, все более и более возраставшим, колотил Распутина по виску.

Наконец, князя оттащили. Оба солдата под руки подняли его наверх и всего сплошь забрызганного кровью опрометчиво усадили на глубокий кожаный диван в кабинете.

На него было страшно смотреть, до такой степени ужасен был его вид и со стороны внешней, но и со стороны внутренней, с блуждающим взглядом, с подергивавшимся лицом и бессмысленно повторявшим: «Феликс, Феликс, Феликс, Феликс...»

Я приказал солдатам поскорее достать где-нибудь материи, обернуть ею плотнее труп с головы до ног и туго связать его спеленатого веревкой.

Один из них принялся за исполнение моего приказа, а другого я позвал через несколько минут наверх и, услышав от него, что стоявший на посту, на углу Прачешного и Максимилиановского переулков, городской, приходивший осведомляться о том, почему здесь стрельба, через полчаса будет сменен другим и должен будет доложить своему начальству обо всем происшедшем в его районе во время его дежурства, приказал позвать его к себе.

Через десять минут городской был введен солдатом в кабинет. Я быстро окинул его взглядом с ног до головы и сразу понял, что это тип служакки старого закала и что я допустил ошибку, позвав его сюда; но делать было нечего, приходилось считаться со случившимся.

«Служивый! — обратился я к нему. — Это ты заходил несколько времени тому назад» справиться о том, что случилось и почему стреляют?»

«Так точно, ваше превосходительство!» — ответил он мне.

«Ты меня знаешь?»

«Так точно, — ответил он вновь, — знаю».

«Кто же я такой?»

«Член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич!»

«Верно! — заметил я. — А этот барин тебе знаком?» — указал я на сидевшего в том же состоянии князя Юсупова.

«И их знаю», — ответил мне городской.

«Кто это?»

«Его сиятельство князь Юсупов!»

«Верно! Послушай, братец, — продолжал я, положив руку ему на плечо. — Ответь мне по совести: ты любишь батюшку Царя и мать Россию; ты хочешь победы русскому оружию над немцем?»

«Так точно, ваше превосходительство, — ответил он. — Люблю Царя и Отечество и хочу победы русскому оружию».

«А знаешь ли ты, — продолжал я, — кто злейший враг Царя и России, кто мешает нам воевать, кто нам сажает Штюрмеров и всяких немцев в правители, кто Царицу в руки забрал и через нее расправляется с Россией?»

Лицо городского сразу оживилось.

«Так точно, — говорит, — знаю, Гришка Распутин!»

«Ну, братец, его уже нет: мы его убили и стреляли сейчас по нем. Ты слышал; но можешь сказать, если тебя спросят — знать не знаю и ведать не ведаю! Сумеешь ли ты нас не выдать и молчать?»

Он призадумался. «Так что, ваше превосходительство, если спросят меня не под присягою, то ничего не скажу, а коли на присягу поведут, тут делать нечего, раскрою всю правду. Грех соврать будет».

Я понял, что всякие разговоры не приведут ни к чему, и, узнав от него, что дежурство его кончается через полчаса и что полицмейстером этого района является полковник Григорьев, человек, насколько я знал, очень порядочный и хорошей семьи, я отпустил его с миром, решив положиться на судьбу в дальнейшем.

Вошел солдат и доложил мне, что труп уже упакован.

Я спустился посмотреть: тело было плотно запеленато в какую-то синюю материю; мне показалось даже, что это была оконная занавеска, туго перевязанная веревкой; голова была закрыта. Теперь я увидел, что Распутин — несомненный труп и ожить уже не может.

Делать было нечего, приходилось терпеливо дожидаться возвращения великого князя, Лазаверта и поручика С., и я, поднявшись в последний раз в кабинет Юсупова и передав его в руки слуг с просьбою помочь ему немедленно обмыться, переодеться с ног до головы и переобуться, сел в кресло и стал ждать.

Минут через пять послышался стук автомобиля, и великий князь со своими спутниками быстро поднялись по лестнице со двора в кабинет.

Дмитрий Павлович был почти в веселом настроении; но, взглянув на меня, понял, что что-то случилось.

Озираясь вокруг, спросил он меня, я в двух словах разъяснил приехавшим, в чем дело, прося торопиться, но последняя просьба моя была излишней: они сами поняли, что медлить было нельзя ни одной минуты, и мы, поручив Юсупова попечениям одного из его солдат, втянули труп Распутина в автомобиль великого князя, туда же положили две двухпудовые гири и цепи, привезенные мною в квартиру Юсупова этой ночью, и, усевшись в автомобиль, двинулись к месту условленного потопления трупа убитого.

Теперь шофером был великий князь, рядом с ним поместился поруч. С., а в карету сели с правой стороны д-р Лазаверт, с левой я, а на трупе уместился второй солдат из слуг Юсупова, коего мы решили взять с целью помочь нам сбросить в прорубь тяжелое тело.

Уже в пути я заметил, что в карете оказались и шуба Распутина, и его боты. «Почему это не сожжено в поезде, — спросил я д-ра Лазаверта, — как было условлено, и вы все это привезли обратно?»

«Потому, — ответил он, — что шуба целиком в печь не влезла, само собою разумеется, а ваша жена сочла невозможным заняться распарыванием и разрезыванием этой шубы на части и сжиганием ее по кускам.

У нее даже на этой почве вышло столкновение с Дмитрием Павловичем, и шубу, и боты так и пришлось привезти обратно. Мы сожгли его верхнюю поддевку, перчатки и, не помню, еще что-то».

«Шубу и калоши придется выбросить с трупом в воду», — добавил он.

«А вы протелефонировали, господа, — спросил я его вновь, — в «Вилла Родэ», согласно уговору?»

«Да, конечно, — ответил он, — это сделано!»

Мы замолкли и в таком состоянии продолжали наш путь.

Автомобиль по городу шел сравнительно медленно. Час был очень поздний, и великий князь, очевидно, опасался быстрою ездой возбудить какие-либо подозрения полиции.

Окна автомобиля были спущены. Свежий морозный воздух бодряще действовал на меня. Я был совершенно покоен, несмотря на все пережитое, но мысли одна за другой, все вертевшиеся вокруг Распутина и его прошлого, и тех усилий, которые употреблялись даже членами

императорской фамилии для избавления Царя от этого гада, мысли отчетливые и ясные и картины этой борьбы против Распутина вихрем пронеслись в моей голове.

Я вспомнил мое посещение великого князя Николая Михайловича в начале ноября, тотчас же по возвращении моем с фронта, — посещение, опять-таки связанное с именем Распутина. Я вспомнил, как редактор «Историч. вестника» Глинский, позвонив мне по телефону, передал приглашение великого князя Николая Михайловича приехать к нему в любой день и час, когда мне это будет удобно; вспомнил, как я боролся с самим собой: ехать или не ехать, ибо великий князь Николай Михайлович, в своих исторических трудах выставлявший в крайне неприглядном виде своих царственных дедов и прадедов и марававший их, мне казался крайне несимпатичным.

Но я решился, назначил день моего визита и поехал.

Меня встретил в кабинете дряхлеющий лев в генерал-адъютантских погонах, говоривший почему-то с восточным акцентом и с первых же слов остановившийся на ужасном положении, в которое поставлена Россия и династия Романовых благодаря исключительному влиянию на царя, через Александру Федоровну, Распутина.

Я поразился откровенности великого князя, с которым познакомился лишь сейчас, в момент, когда к нему вошел; но, видимо, у него в душе накопилось слишком много, и он хотел проверить себя и свое настроение по настроению других русских людей, иных взглядов даже и направлений, чем его собственное (я узнал потом от Юсупова, который у него завтракал в этот день, что через два часа после моего визита у него был с визитом Бурцев).

Он говорил сам почти все время, не останавливаясь, изредка вопросительно взглядывая на меня, отвечавшего ему либо одобрительным наклоном головы, либо коротким «да», «верно», «конечно, так».

«Вы знаете, В. М., — говорил великий князь, — что почти вся наша семья Романовых подала Государю записку о Распутине, прося взять бразды правления над Россией в свои руки и прекратить вмешательство в государственные дела Императрицы Александры Федоровны, во всем инспирируемой этим хлыстом; из записки, как и следовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ее даже не подписал, ибо видел ее бесцельность и понял, что записка специальная только по этому вопросу не даст результатов для дела, а приведет к плачевным результатам для подписавших.

Я сделал иначе: получив серьезное поручение от Государя и выполнив его, я написал доклад по существу порученного мне дела, и в этом докладе ярко и выпукло,

но как бы между прочим указал на весь ужас современных общественных настроений России, с которыми хорошо знаком, — настроений, являющихся следствием распутинского над Россией «радения» и вмешательства во все дела чужой нации и России царской жены.

Написав доклад, — продолжал великий князь, — я в бытность Государя в Петрограде попросил его назначить мне день для личного и устного ему его изложения, добавив Царю: «Боюсь, однако, что после моего доклада ты прикажешь арестовать меня и выслать подальше от столицы с казаками».

«Разве доклад так страшен у тебя? — ответил мне Государь, назначая день. — Ну, что делать, прослушаем, надеюсь, все обойдется мирно». И я ему доложил, а в результате — ко мне немилость, опала и полное охлаждение. Хотите, — закончив рассказ, обратился великий князь, — я вам прочту этот доклад?» Я выразил желание его послушать, и Николай Михайлович прочел мне небольшую, но очень сильно и резко написанную записку, в коей обращалось внимание Государя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела династии грозит гибель, а Российской империи — катастрофа.

Я вспомнил, что, когда великий князь кончил чтение записки, я несколько минут под впечатлением прослушанного сидел как загипнотизированный и пришел в себя только после того, как великий князь, предлагая мне сигару, добавил: «Вы знаете, этот доклад я представил Императрице Марии Федоровне, находящейся в Киеве, через князя Шервашидзе, и хотите знать о нем мнение матери-Царицы — вот оно», — и, порывшись в бумагах, великий князь дал прочесть мне телеграмму. В ней стояло только три слова французскими буквами и подпись: «bravo! bravo! bravo! — Marie». «Но осторожный Шервашидзе, — добавил великий князь, — по-видимому, боялся оставить среди бумаг старой Царицы столь компрометантную бумагу, как моя записка, и вот при этом письме ко мне (Николай Михайлович протянул мне письмо Шервашидзе), выражающем опасение, что я могу остаться без нужного для меня документа, возвратил мне мою записку, вызвавшую столь яркое сочувствие и одобрение мне со стороны Царицы-матери...»

Вот что припомнилось мне сейчас в карете, когда в ногах моих лежал бездыханный труп «старца», которого мы увозили к месту его вечного упокоения.

Я выглянул в окошко. Мы выехали уже за город, о чем говорили окружающие дома и бесконечные заборы. Освещение вокруг было крайне скудное. Дорога стала

скверной, попадались ухабы, на которых лежавшее у наших ног тело подпрыгивало, несмотря на сидевшего на нем солдата, и я чувствовал, как по мне пробегала нервная дрожь всякий раз, когда на ухабе моего колена касался мягкий и еще не успевший, несмотря на мороз, окончательно застыть отвратительный для меня труп.

Наконец, вдали показался мост, с которого мы должны были сбросить в прорубь тело Распутина.

Дмитрий Павлович замедлил ход, въехал на мост с левой стороны и остановился у перил.

Яркие фонари автомобиля на одно мгновение ударили снопом своего света в сторожевую будку, находившуюся на той стороне моста справа, но вслед за сим великий князь потушил огонь, и даль очутилась во мраке. Мотор машины продолжал стучать на месте.

Бесшумно, с возможною быстротой открыв дверцы автомобиля, я вскочил наружу и встал у самых перил; за мною последовали солдат и д-р Лазаверт; к нам подоспел сидевший рядом с великим князем поручик С., и мы вчетвером (Дмитрий Павлович стоял перед машиной насто-роже), раскачав труп Распутина, с силою бросили его в прорубь, бывшую у самого моста; позабыв привязать к трупу цепями гири, каковые побросали вслед за трупом впопыхах одну за другою, а цепи засунули в шубу убитого, каковую также бросили в ту же прорубь. Засим, обшарив впотьмах автомобиль и найдя в нем один из ботов Распутина, д-р Лазаверт швырнул его также с моста.

Все это было делом не более двух-трех минут, после чего в автомобиль сели д-р Лазаверт, поручик С. и солдат, а я уместился рядом с Дмитрием Павловичем, и мы, зажгя опять огни в автомобиле, двинулись через мост дальше.

Как мы не были замечены на мосту, представляется мне и по сей день донельзя удивительным, ибо, проезжая мимо будки, мы заметили около нее сторожа, который, однако, спал крепким сном и не проснулся, по-видимому, даже в тот момент, когда, въехав на мост с трупом, мы внезапно осветили его будку и направили свет фонарей и на него самого.

Проехав мост, великий князь пустил автомобиль быстрее, но машина была у него не в порядке, мотор давал перебои, и приходилось даже несколько раз останавливаться, ибо машина не хотела двигаться вперед.

Д-р Лазаверт в таких случаях соскакивал, возился у свечек автомобиля, прочищал их, и мы кое-как вновь пускались в путь.

Последняя починка и остановка случилась с нами на Каменоостровском проспекте, почти насупротив Петропавловской крепости, где, починившись, мы двинулись

уже скорее и благополучно прибыли во дворец Сергея Александровича, где проживал Дмитрий Павлович.

По дороге я рассказал великому князю обо всем, что произошло во дворце Юсупова в часы, когда Дмитрий Павлович уехал сжигать вещи убитого, и, закончив свой рассказ, сказал ему: «А вы знаете, Дмитрий Павлович! Я считаю большой ошибкой с нашей стороны то, что мы кинули труп в воду, а не оставили его где-нибудь на виду. Мне кажется, что могут появиться лже-Распутины, так как это ремесло довольно выгодное».

«Может быть, вы и правы, — заметил великий князь, — но ведь сделанного не переделаешь».

Въехав в ворота дворца, мы, выходя из автомобиля, к крайнему изумлению нашему, нашли в нем второй незамеченный нами бот Распутина и усмотрели на ковре, устилавшем автомобиль, пятна просочившейся крови убитого.

Великий князь приказал своей прислуге, встретившей нас у крыльца и производившей на меня впечатление посвященной во все дела, сжечь ковер и калошу Распутина, после чего поручик С., д-р Лазаверт и я распрощались с Дмитрием Павловичем и, выйдя из дворца, на двух извозчиках отправились на Варшавский вокзал, поручик С. забрать оттуда свою жену, которая в течение этой ночи находилась у моей жены, а я и д-р Лазаверт уснуть в течение тех нескольких часов, которые оставались нам до посещения моего поезда с целью его осмотра членами Государственной думы, которые должны были прибыть на вокзал в 9 час. утра.

Был уже 6-й час утра, когда, рассчитавшись с извозчиком на мосту Варшавского вокзала, мы пробрались к своему вагону, нас никто не заметил, все вокруг спало мертвым сном.

В коридоре вагона при виде нас мелькнула белая се-стринская косынка моей жены, ожидавшей нашего возвращения, и мы бесшумно проскользнули каждый в свое купе, где я тотчас же заснул, не раздеваясь!

Еще не было половины девятого в день 17 декабря, когда, кто бы сказал, свежие и бодрые, несмотря на проведенную ночь, мы с доктором Лазавертом, расставив дневальных санитаров у вагонов, стали поджидать думских гостей; они явились в начале десятого с А. И. Шингаревым как врачом во главе, и детальнейший осмотр поезда длился почти до полудня, причем оба мы давали гостям все нужные разъяснения, характеризуя работу наших отрядов.

В начале первого члены Государственной думы уехали, а я, сев на автомобиль, заехал к матери попрощаться, в

Государственную думу послать телеграмму в Москву В. Маклакову «Когда приезжаете?» — обозначавшую, как было обусловлено, что Распутин убит.

Из Государственной думы я проехал во дворец принца Ольденбургского с целью увидеть управляющего его канцелярией генерала Кочергина и, наконец, в четвертом часу, заехал еще на Инженерную, в Главное управление Красного Креста, чтобы встретиться с управляющим его делами — Чаманским.

Все эти визиты, изыскивая для них предлог я, не нуждавшийся уже решительно ни в чем для поезда, делал с единственной целью для того, чтобы меня сегодня, с самого раннего утра, видели за обычным делом посторонние мне люди разнообразных профессий и классов общества и могли бы, если бы понадобилось, удостовериться, что я был таким же сегодня, каким они меня знали всегда.

В пятом часу вечера я возвратился на поезд, погрузил и второй мой автомобиль, отдав распоряжение в своей канцелярии добиться у администрации дороги отхода моего поезда не позже 8 часов вечера, но едва я успел уже у себя в поезде сесть за стол со всем персоналом моего отряда, как слышу, подъезжает автомобиль и поручик С., выйдя из него, направляется ко мне.

Мы прошли в мое купе, где С. передал мне просьбу Дмитрия Павловича немедленно приехать к нему во дворец.

Я сел с ним в автомобиль, и мы поехали.

Во дворце я застал, кроме хозяина, еще и Юсупова, оба они были чрезвычайно взволнованы, пили чашку за чашкой черный кофе и коньяк, заявив, что не ложились спать вовсе этой ночью и что день провели донельзя тревожно, ибо Императрица Александра Федоровна уже осведомлена об исчезновении и даже смерти Распутина и называет нас виновниками его убийства.

Фрейлина Головина, секретарша Распутина, сообщила, куда поехал Григорий Ефимович вечером, вся полиция и все сыскное отделение уже поставлены на ноги в целях разыскать труп убитого и найти все нити этого дела.

«Я, — заметил мне Юсупов, — должен был из-за этого гада застрелить одну из лучших моих собак и уложить ее на том месте во дворе, где снег окрасился кровью убитого вами «старца».

Сделал я это на случай, если наши шерлоки холмсы, попав на верный след исчезнувшего Распутина, пожелают анализировать кровь или прибегнуть к полицейским собакам. Я, — закончил он, — всю оставшуюся часть ночи провел с моими солдатами над приведением дома в порядок, а теперь, как видите, В. М., мы сочиняем письмо

Александр Фёдоровне с Дмитрием Павловичем, которое и надеемся сегодня же ей доставить».

Я принял участие в дальнейшем изложении этого письма, которое мы и закончили часа через полтора после моего прибытия.

Когда письмо было закончено и запечатано, Дмитрий Павлович вышел из кабинета отправить его по назначению, хотя мы все трое чувствовали некоторую неловкость друг перед другом, ибо все в письме написанное было умело продуманной ложью и изображало нас в виде незаслуженно оскорбленной добродетели.

Воспользовавшись его уходом, я спросил Юсупова: «Скажите, князь, что произошло у вас с Распутиным в те немногие минуты, когда вы в последний раз спустились в столовую, откуда мы ушли все вместе, как вы помните, оставив его, казалось, при последнем издыхании на холодном полу?»

Юсупов болезненно усмехнулся: «Произошло то, — ответил он мне, — чего я не забуду во всю мою жизнь: спустившись в столовую, я застал Распутина на том же месте, я взял его руку, чтобы прощупать пульс, — мне показалось, что пульса не было, тогда я приложил ладонь к сердцу — оно не билось; но вдруг можете себе представить мой ужас, Распутин медленно открывает во всю ширь один свой сатанинский глаз, вслед за ним другой, впивается в меня взглядом непередаваемого напряжения и ненависти и со словами: «Феликс! Феликс! Феликс!» вскакивает сразу с целью меня схватить, я отскочил с поспешностью, с какой только мог, а что дальше было, не помню».

В эту минуту возвращается великий князь Дмитрий Павлович, и я, попрощавшись и обнявшись с ним, Юсуповым и поручиком С., уехал в автомобиле великого князя обратно в поезд, а в 10 час. вечера двинулся в путь на фронт, покинув русскую столицу, которую предполагали покинуть на следующий день и Дмитрий Павлович и Юсупов, собиравшийся к жене в Крым, в Кореиз.

Таков был ход событий всего происшедшего с вечера 16 декабря по вечер 17-го...

Светает. Я дописываю эти строки при первых проблесках зарождающегося зимнего дня.

Еще темно, но я чувствую, что день уже близок. Я не могу заснуть. Вихрем пронесится в разгоряченном мозгу моем рой быстро сменяющих одна другую мыслей. Я не могу забыть; я думаю о будущем, не мелком, не личном; нет, а о будущем того великого края, который дороже мне семьи и жизни, — края, который зову Родиной.

Боже мой! Как темно грядущее в эти тяжелые годы ниспосланных нам рукою Всевышнего бранных испытаний!

Вынесем ли мы всю тяжесть бремени духовной непогоды или обессилим и, уставшие и измученные, веру в себя потерявшие, утратим и то место в мире, которое занимали мы в течение многих веков нашего исторического существования?

Кто скажет? кто ответит? кто сдернет завесу и рассеет туман, застилающий грядущие дали?

Великий ли народ, способный в русле национальной реки пробивать себе путь вперед, поглощая в водах своих другие племена и мелкие народы, или? или для нас все кончено, и мы, изжившиеся, измельчавшие и растленные ходом времени, обречены стать лишь ареною борьбы между собою других племен, других народов, почитающих славянство низшею расою, способною лишь утучнять чужие поля стран, шествующих по костям его к свету, к знанию и к мировому господству, коего нам достичь судьбой не дано?!

Кто скажет? кто ответит? кто предречет поток событий в густом молочном тумане просыпающегося дня?..

18 декабря 1916 года.

В пути.

КНЯЗЬ Ф. Ф. ЮСУПОВ

КОНЕЦ РАСПУТИНА (Воспоминания)

Ф. Ф. Юсупов
«Конец Распутина» (Воспоминания)
Париж, 1927 г.

Юсупов (граф Сумароков-Эльстон) Феликс Феликсович (1887—1967) — князь, муж княгини Ирины Александровны, племянницы императора Николая II. За участие в убийстве Распутина был выслан в свое имение «Ракитное» Курской губернии, где прожил до Февральской революции. Эмигрировал в 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

До сих пор я не решался печатать моих записок о Распутине.

Мне не хотелось до времени касаться тех событий, которые роковым образом связаны с царствованием мученически погибшего Государя Императора Николая II.

Однако о событиях этих, не переставая, говорят и пишут. И если, с одной стороны, иностранная бульварная пресса создает самые пошлые и клеветнические произведения на эту тему, то, к сожалению, с другой стороны, из-под пера самих русских выходят не менее отвратительные сочинения в том же роде, способные тешить нездоровое любопытство серой толпы.

Обе эти крайности одинаково затрудняют трезвый и объективный анализ прошлого. Особенно вредно они влияют на наше молодое поколение, которое растет вдали от Родины и рано или поздно должно будет принять участие в строительстве новой России.

Мы не имеем права питать легендами сознание умственно созревшей молодежи. И не при помощи легенд воспитывается настоящая любовь к Родине и чувство долга перед ней...

Чтобы избежать тяжелых разочарований и ошибок в будущем, необходимо знать ошибки прошлого: знать правду вчерашнего дня. Мне, как близкому свидетелю некоторых событий этого вчерашнего дня, и хочется рассказать о них все, что я видел и слышал. Ради этого я решил преодолеть в себе то тягостное чувство, которое подымается в душе при близком соприкосновении с минувшим, особенно при воспоминании об его страшной развязке в подвале Ипатьевского дома.

Когда Распутин черной тенью стоял около престола, негодовала вся Россия. Лучшие представители высшего духовенства поднимали свой голос на защиту Церкви и Родины от посягательств этого преступного проходимца. Об удалении Распутина умоляли Государя и Императрицу лица, наиболее близкие Царской семье.

Все было безрезультатно. Его темное влияние все больше и больше укреплялось, а наряду с этим все сильнее

нарастало недовольство в стране, проникая даже в самые глухие углы России, где простой народ верным инстинктом чуял, что у вершин власти творится что-то неладное.

И потому, когда Распутин был убит, его смерть была встречена всеобщим ликованием.

Теперь у многих взгляд на вещи настолько изменился, что убийство Распутина называют «первым выстрелом революции», толчком и сигналом к перевороту.

Так ли это?

Ошеломленные ужасами русского бунта, измученные изгнаннической жизнью, русские люди многое забыли из прошлого.

Советская власть превратила нашу Родину в такой ад крошечный, что по сравнению с ним всякий иной строй, государственный и общественный, кажется райским блаженством. Владычество III Интернационала показало всему миру беспредельность преступления.

Перед советскими застенками, где вся техника XX века призвана для содействия невиданному утонченному зверству физических пыток и душевных истязаний, меркнет все.

Подавленный этим кошмаром, русский беженец иногда склонен делать недопустимое сравнение коммунистической России с Россией дереволуционной и выводить такое заключение: «Пусть лучше было бы двадцать Распутиных, только бы не разрушалась прежняя жизнь».

Ему кажется теперь, что самое сопротивление Распутину и его влиянию было революционным восстанием против государственного порядка и что, если бы с Распутиным мирились и никто бы его не трогал, не случилось бы и страшного переворота, погубившего страну.

Такое суждение есть явный результат реакции, овладевшей общественным сознанием. Реакция во многих случаях бывает так же слепа и нетерпима к трезвому мышлению, как и революция.

Насколько несправедливы подобные выводы и обвинения по отношению к борьбе с распутинским засилием, можно показать, назвав лишь несколько лиц, открыто выступивших в этой борьбе: великая княгиня Елизавета Федоровна, митрополит С.-Петербургский и Ладожский Антоний, митрополит Владимир, обер-прокурор Св. Синода А. Д. Самарин, бывший премьер П. А. Столыпин и председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

Повернулся ли язык назвать этих людей изменниками и врагами Родины?

А ведь они были убежденными противниками Распутина и боролись против него «за Веру, Царя и Отечество», за спасение России от революции.

Революция пришла не потому, что убили Распутина. Она пришла гораздо раньше. Она была в самом Распутине, с бессознательным цинизмом предававшим Россию, она была в распутинстве, — в этом клубке темных интриг, личных эгоистических расчетов, истерического безумия и тщеславного искания власти. Распутинство обвилось престол непроницаемой тканью какой-то серой паутины и отрезало Монарха от народа.

Лишившись возможности разбираться в том, что происходило в России, русский Император уже не мог отличать друзей от врагов. Он отвергал поддержку тех, которые могли помочь Ему спасти страну и династию, и опирался на людей, толкавших к гибели и Престол и Россию.

Нет сомнения в том, что на долю Императора Николая II выпало тяжелое царствование.

В течение многих десятилетий велась в России разрушительная работа подпольных революционных сил, имевших за границей свой «главный штаб» и большие денежные средства. Революционный террор то усиливался, то утихал, но никогда не прекращался. Государственная власть в России вынуждена была занимать оборонительное положение. Вести эту борьбу, не раздражая общественных сил страны, было очень трудно, почти невозможно. Общество негодовало на так называемые «репрессии» и считало своим долгом поддерживать самые крайние течения, не отдавая себе отчета в их опасности.

После твердой власти Императора Александра III, подавившей революционные проявления, от его Наследника ожидали предоставления общественным силам более широкого участия в делах государства. Император Николай II отказался от всяких уступок. Но принятая Им на себя задача сохранения непоколебимых основ самодержавия не соответствовала личным свойствам Монарха. Народ всегда охотно подчиняется тому, в ком чувствует твердость и силу власти. Отсутствие этой твердости в характере молодого Государя инстинктивно угадала вся Россия. При первой возможности революционные организации подняли голову, а неудача малопопулярной японской войны дала толчок и более широким кругам к поддержке открытых революционных выступлений.

* * *

В 1905 году по России пронесся первый шквал революции. Его удалось подавить. Было достигнуто внешнее успокоение, но революционная пропаганда продолжала медленно разъедать авторитет Царской власти.

В крестьянских массах аграрные беспорядки 1905 года и революционный лозунг «земля и воля» разбудили тем-

ные инстинкты анархии и жажду захвата. Рабочие, особенно в больших центрах, тоже не могли забыть призыва к борьбе с капиталом.

Что касается образованных классов, то левонастроенные слои интеллигенции мечтали о демократической республике с социалистическим оттенком, а более умеренные ее круги увлекались самым крайним парламентаризмом. Богатая буржуазия, в свою очередь, стремилась к власти и к политическому влиянию в стране.

Преобладающее большинство русской интеллигентной молодежи того времени, студенчество в особенности, бредило революцией, зачастую превращая аудитории университетов в места политических сходов. И взрослым, и юным революция казалась единственным путем к установлению социальной справедливости и общего благоденствия в России.

Мечтательно-наивный идеализм русского интеллигента превратил революцию в некоторое подобие религии, которая требует подвигов и самоотречения, которая имеет своего рода «святых». Политические преступники, сосланные в Сибирь или скрывшиеся за границу, в особенности же казненные убийцы-террористы, и казались именно такими героями, достойными самого благоговейного почитания.

В то время в русском образованном обществе действовал какой-то психоз, который отражался и в литературе, и в публицистике. Люди, зачастую очень почтенные и образованные, в большинстве своем совершенно не умели разбираться в основах государственной жизни России. Они подвергали жесточайшей и самой пристрастной критике весь тогдашний строй, с почти детской слепотой отрицая бесспорные заслуги русских Царей, на протяжении веков создавших мощь великой Империи. Благодаря этому и за границей составилось совершенно ложное представление о монархической России.

Между тем к началу великой войны Россия поражала ростом своего благосостояния. Финансы ее были в блестящем положении, промышленность и сельское хозяйство развивались со сказочной быстротой, строились новые железные дороги, расширялось дело народного образования, многие части государственного аппарата по своей организации и работе были на блестящей высоте.

Но русская интеллигенция того времени, руководившая общественным мнением страны при помощи прессы и Государственной думы, не склонна была считаться с практическими фактами; для нее ее отвлеченная политическая идеология была выше всего. Она считала своим долгом прежде всего бороться с началами самодержавия

и усиленно подчеркивать в глазах народа все его отрицательные стороны.

К сожалению, в то время около престола совершались события, которые могли дать много поводов для всякого рода самых тяжелых недоразумений и вызвать недовольство в стране.

Когда над отдельным человеком или даже над целым народом должна разразиться беда, — кажется, будто все обстоятельства складываются именно так, чтобы способствовать несчастью.

Частная жизнь Царской семьи роковым образом переплелась с событиями политическими. Личные особенности характеров Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны, которые при иных условиях не оказали бы, быть может, даже заметного влияния на Их царствование, сыграли трагическую роль в судьбе и России, и всей Династии.

Император Николай II, в бытность свою Наследником престола, получил прекрасное образование, но не успел приобрести достаточной подготовки к сложным и трудным обязанностям Монарха. Император Александр III, крепко державший власть в своих мощных руках, умер в расцвете сил, и бремя самодержавия обрушилось на молодого неопытного Цесаревича.

Следуя за гробом отца, приехал в Петербург молодой Император вместе со своей невестой, принцессой Алисой Гессенской, которая, едва успев вступить в Россию, уже надела траур. Ей не удалось предварительно ознакомиться ни со своим новым отечеством, ни с обществом, ни с его традициями и привычками. В то время как другие русские Государыни, в бытность свою Цесаревнами, постепенно осваивались с русскими условиями жизни и постепенно узнавали своих будущих подданных, встречаясь с ними в более простой обстановке, — супруга Императора Николая II сразу стала Императрицей и заняла то высокое положение, которое требует огромного знания окружающих людей и менее всего дает возможность их узнать.

К молодой Императрице и общество, и народ присматривались с особенным вниманием, которое не могло ее не смущать. Очень застенчивая и нервная по природе, Она ушла в себя, казалась скрытной, а иным даже сухой и неприветливой. Это обстоятельство с первых шагов повредило Ее популярности, тем более что Ее часто сравнивали с вдовствующей Императрицей Марией Федоровной, очень любимой в России, чарующая простота которой покоряла сердца ее верноподданных.

Личная жизнь молодых Царя и Царицы не могли дать Им того беззаботного счастья, которому, казалось бы, все

благоприятствовало. Император Николай II женился под свежим впечатлением утраты любимого Отца и в тот момент, когда Ему пришлось принять на себя всю тяжесть и ответственность русской короны. Императрица Александра Федоровна искренно хотела делить с Государем Его заботы, давала Ему советы, может быть, и не всегда удачные, в силу Ее малого знакомства с Россией. Таким образом, уже с первых лет Императрица начала приобретать привычку к влиянию на государственные дела. В русском обществе это не вызвало одобрения: говорили о слабости воли у Государя, порицали Государыню за властолюбие.

Молодая Царица скоро почувствовала, что Ей не удалось пробудить к себе искренних симпатий в новом отечестве, по крайней мере, среди сановных и светских кругов столицы. Она стала еще нервнее и еще более замкнулась в семейной жизни, страдая от того, что Ее добрые намерения не поняты и не оценены. Чем дальше, тем больше у Нее развивалась обостренная подозрительность ко всему.

Так, например, Ей казалось, что рождение одной за другой четырех дочерей, вместо ожидаемого сына-Наследника, является причиной ее непопулярности в стране.

Влияли на душевное состояние Императрицы и неудачи, вроде японской войны, и проявления революционного террора, и события 1905 года, не говоря уже о страшном впечатлении Ходынки, которым было омрачено самое начало царствования.

Приняв православие, она со всей экзальтированностью новообращенной вдалась в ревностное исполнение всех внешних требований своей новой веры, не проникнув в ее внутреннюю сущность, сложную и глубокую. Болезненно религиозная по натуре, Она все сильнее погружалась в мистицизм. Ее скорее влекло к таинственно-темным оккультным силам, к спиритизму и всякого рода волшебству. Она стала интересоваться юродивыми, предсказателями, ясновидящими.

Когда появился в Петербурге один французский оккультист, доктор Филипп, о котором говорили, что он тайно послан масонскими организациями к русскому двору, Императрица слепо уверовала в его силу. Филипп появился еще до рождения Наследника, и на его сверхъестественную помощь возлагала Государыня свои материнские надежды. Потом он неожиданно уехал. Говорили, что организации, пославшие его в Россию, остались им недовольны и отозвали его обратно.

Через некоторое время после отъезда Филиппа появился в Петербурге новый «пророк», но уже чисто русского типа — Григорий Распутин, сибирский мужик, принявший облик благочестивого русского странника-богомольца. На

Императрицу он произвел очень сильное впечатление. Когда лица, покровительствовавшие первым шагам Распутина в Петербурге, потом разобрались в его нравственных качествах и пытались его удалить от двора, — ничего уже сделать было невозможно, он слишком прочно занял свое место.

Влияние Распутина на Императрицу началось благодаря вмешательству Вырубовой, которая занимала совершенно исключительное положение в Царском Селе.

Появление Вырубовой около Императрицы и то значение, которое она приобрела в Царской Семье, — такая же трагически-роковая случайность, как и появление Распутина.

Императрица сблизилась с ней при следующих обстоятельствах. Вырубова, тогда еще Танеева, дочь начальника собств. Е. У. В. канцелярии, тяжело заболела тифом. Ей приснилось, что Императрица Александра Федоровна вошла в ее комнату и взяла ее за руку. После этого она стала поправляться и только и мечтала о том, чтобы увидеть наяву свою высокую покровительницу.

Императрице, конечно, рассказали об этом сновидении, и по свойственной Ей доброте Ей захотелось навеситить больную, и Она к ней поехала. С этой встречи началось обожание Вырубовой Императрицы.

Очень ограниченная умственно, мало развитая, но хитрая, к тому же истеричка по натуре, Вырубова была склонна к преувеличению своих чувств. Государыня поверила ее искренности и, тронутая такой исключительной преданностью, после ее выздоровления приблизила ее к себе.

Неудачное замужество Вырубовой и ее разрыв с мужем вызвали у Императрицы искреннюю жалость к «бедной Ане» и усилили чувство Ее привязанности к этому ничтожному существу. Так возникла между ними самая тесная дружба.

Инстинкт подсказал Вырубовой весь ее дальнейший образ действий. Несмотря на свое положение приближенной Императрицы, она, по психологии своей, была скорее ловкой горничной, ищущей всеми способами исключительного доверия своей госпожи. Внушая Императрице уверенность в своей беспредельной ей преданности, в своем слепом и неизменном обожании, Вырубова одновременно внушала Ей и чувство недоброжелательства ко всем остальным, кто ее окружал. Она с негодованием и отчаянием говорила Императрице, что Государыню не умеют ценить не только в обществе, но и среди родственников — членов императорского дома. Только одна она, Вырубова, боготворит свою Государыню, она одна умеет Ее по-настоящему понять.

При всем своем умственном убожестве Вырубова все же сообразила, что чем больше она изолирует от всех Императрицу, тем сильнее укрепитя влияние на Нее самой Вырубовой, как единственного верного друга. Привязанность ее к Императрице, несомненно, была искренней, но далеко не бескорыстной, потому что она вокруг этой дружбы впоследствии сплела целую сеть интриг.

Для того чтобы приблизить Распутина к Императрице, Вырубова оказалась как нельзя более подходящим человеком. Ловкому «старцу» не трудно было заставить эту истеричку уверовать в свою святость, для того чтобы она своими внушениями повлияла и на Государыню.

Когда Распутину удалось приобрести авторитет в Царской семье и Императрица стала, в свою очередь, считать его великим праведником, Вырубова почуяла, какие возможности открываются перед ней. В этой ничтожной женщине проснулась самая низменная жажда власти. Сама по себе дружба Императрицы уже давала ей исключительное положение, а с появлением Распутина значение Вырубовой выросло еще сильнее: она стала ближайшим доверенным лицом Императрицы — единственной посредницей между Нею и «старцем».

Надо думать, что и Распутин, держась за Вырубову, как за самое удобное орудие в своих руках, поощрял доверие к ней Императрицы.

Трудно предположить, чтобы Вырубова, став в центре распутинского влияния и постоянного его вмешательства в государственные дела, имела бы какие-нибудь политические планы. Она была слишком глупа для сложных замыслов; но ее пьянила роль «влиятельного человека». Сплетая постоянные интриги, поддерживая одних, устраняя других, она упивалась этой игрой в могущество.

Впрочем, влияние Распутина на государственные дела при сотрудничестве Вырубовой началось не сразу. Оно стало возможным лишь в той очень замкнутой обстановке, в которой протекала жизнь Царской семьи, после того как Государь избрал своей постоянной резиденцией не Петербург, а Царское Село.

Император Николай II был застенчив по природе, избегал частых публичных появлений и предпочитал тихую жизнь в интимном семейном кругу.

К этой жизни он привык еще с юных лет, потому что Император Александр III сравнительно недолгие годы своего царствования большей частью провел тоже не в Петербурге, а в Гатчине.

Но обстановка царствования при Императоре Николае II была совершенно иная, нежели при Его державном

Отце: наступили бурные годы, и удаление Государя от столицы вызывало самые пагубные последствия.

Император Николай II ближе всего был знаком с военными кругами. Его деятельность как Монарха почти целиком проходила в Царском Селе, куда к Нему ездили для докладов Его министры. Он очень много и усидчиво работал, но не видел близко своей страны, и страна Его не знала. Лишь те, которые имели доступ в Царское Село, встречались с Монархом, необычайно обаятельным, чарующим ласковой простотой своего обращения, горячо любящим Россию.

Замкнутому образу жизни Государя особенно способствовала Императрица Александра Федоровна. Она все больше отходила не только от петербургского общества, но даже и от Императорской фамилии.

В уединенной обстановке Царского Села Государь проводил свободное время с Императрицей. Умный, чуткий, но в высшей степени мягкий по натуре, Он незаметно привыкал в некоторых случаях подчинять свою волю настойчиво-властному характеру Государыни. Она стала его единственным другом, так заполнившим Его жизнь, что влиянию других близких лиц уже не оставалось места.

Императрица страдала болезнью нервной системы и тяжелым неврозом сердца; это действовало на Ее душевное состояние и часто омрачало атмосферу в Царской семье. Недомогания Императрицы волновали и огорчали Государя, увеличивая Его семейные заботы. Но самым тяжелым испытанием для Них явилась неизлечимая болезнь столь долгожданного единственного сына, Цесаревича Алексея. У Него обнаружилась гемофилия, наследственный недуг, передававшийся мужскому поколению по женской линии. Императрица, нежно любящая мать, страдала вдвойне: Ее терзали и постоянные опасения за жизнь Цесаревича, и мучительное сознание того, что Она сама передала Ему эту болезнь.

Болезнь Наследника старались скрыть. Скрыть до конца ее было нельзя, и скрытность только увеличивала всевозможные слухи, которые вообще порождались в обществе, благодаря уединенной жизни Государя. Казалось, какой-то таинственный покров был брошен на Царскую семью. Он разжигал любопытство, подстрекал недоброжелательство и меньше всего заставлял думать и догадываться о том, как мучились Отец и Мать за своего ребенка, в какой постоянной тревоге Они жили.

При таких условиях широкое поле действий открывалось для Распутина.

Государыня слепо уверовала в его сверхъестественную силу и старалась убедить в этом и Государя.

Она верила, что только чудо может спасти Ее сына. Распутин внушил Ей, что именно он может совершить это чудо и что, пока он будет близок к Царской семье, Цесаревич останется жив и здоров.

Она верила также, что и Россию может спасти только Распутин, которому дарованы «высшая мудрость, знание людей и предвидение всех событий».

В этой болезненно-мистической атмосфере протекала жизнь и деятельность Императора Николая II около больной Императрицы, близ Вырубовой и Распутина... Временами Государь пытался бороться с окружающими влияниями и даже удалял Распутина, но побороть до конца того, что уже как бы вросло в Его жизнь, Он не имел сил.

Начало войны, сопровождавшееся огромным патриотическим подъемом во всей стране, было моментом радостного просветления и для Государя, и для России. Казалось, было забыто всякое недовольство Верховной Властью, — Царь и весь народ, без различия партий, слились в одно непобедимое целое, но это единство и взаимное доверие длилось недолго.

Война приняла затяжной характер. Ее гнет испытывала не только армия, но и вся страна: требовались великие жертвы...

Но ничего не изменилось в действиях Верховной Власти: Распутин опять зловещим призраком появился в Царском Селе... Люди хмурились от военных неудач: то тут, то там слышалось страшное слово «измена». Нелюбимой Императрице раздраженное чувство толпы, особенно под влиянием тайной немецкой пропаганды, приписывало чудовищные преступления. Эти клеветнические слухи об Императрице старательно распространялись в России немецкими агентами и теми революционными организациями, которые работали заодно с Германией и на ее деньги. Самым гнусным приемом такой пропаганды со стороны немцев было усиленное подчеркивание немецкого происхождения Императрицы и навязывание Ей немецкого патриотизма. Последнее особенно было ложно, так как Государыня Александра Федоровна не любила Пруссии и ненавидела Императора Вильгельма. Клевета не миновала и Государя: говорили, что Он, под влиянием Императрицы, будто бы возглавлявшей немецкую партию, готовится к подписанию сепаратного мира.

На самом же деле Государь не только, будучи на престоле, отвергал самую мысль о сепаратном мире, но и после отречения своего, в прощальном приказе по армии, не объявленном по приказанию Временного правительства, призывал и армию, и Россию бороться до конца с неприятелем, в полном согласии с союзниками. Больше того:

Он отказался от всякой помощи со стороны Императора Вильгельма даже в тот момент, когда вся Царская семья находилась в Екатеринбурге в руках большевиков и, живя в ужасных условиях, была на краю гибели.

Нужно было при помощи самых решительных мер уничтожить все поводы для подозрения и клеветы. Приняв на себя Верховное Командование и находясь постоянно в Ставке, Государь надорванными душевными силами и под гнетом тяжелого морального утомления почти уступил свою власть Императрице.

Тогда распутинская клика подняла голову с сознанием своей окончательной победы, а Императрица Александра Федоровна, преисполненная лихорадочной энергии и самых лучших намерений, в больном своем неведении, хотела верить, что при помощи «избранного Богом» «старца» именно Она и спасет страну...

* * *

На высоком открытом берегу реки Туры раскинулось село Покровское. Посередине села, на возвышенном месте, церковь, а кругом во все стороны ровными рядами улиц идут крестьянские дома, крепкие, построенные из векового леса.

Во всем здесь чувствуется довольство: на улицах бесчисленные стада домашней птицы, в каждом дворе много скота: коровы, овцы, свиньи; выносливые маленькие лошади местной породы кажутся вылитыми из стали. Внутренность домов блестит чистотой, на светлых окнах цветы в горшках.

Если выйти из села на берег Туры — перед глазами тот сибирский простор, которого, кажется, нигде в мире нет: вольно раскинулись поля и степи, пересекаемые березовыми рощами, а за ними — бесконечный, непроходимый лес, хвойный и лиственный, называемый в Сибири урманом. В урмане летом много всяких ягод: малина, черная и красная смородина, ежевика, лесная клубника стелется красным ковром на полянах; дичи в лесу в изобилии; трава и цветы вырастают почти в рост человека.

Зато селений не видно нигде кругом. Они здесь редки, как и вообще в Сибири: расположены иногда на сотни верст одно от другого; города еще реже. Железная дорога, пролегающая через уездный город Тюмень, проходит очень далеко от Покровского. Зимой сообщаются на лошадях: завернувшись поверх теплой меховой шубы еще в собачью доху, которая лучше всего спасает от здешних морозов, мчатся в легких санях по сверкающей, как серебряная лента, снежной дороге. Лошади быстры, не знают усталости; монотонно звенят бубенцы, убаюкивая седока, мелькают

мимо белые равнины, потом лес обступит со всех сторон: гигантскими колоннами поднимаются кедры и сосны, отряхая снег с пушистых хвойных вершин. Днем яркое солнце, ослепительное от снега, ночью — луна или далекие звезды, а иногда вспыхнет по небу голубовато-зеленым заревом северное сияние и вокруг кажется тогда сказкой.

Летом из Покровского вверх по Туре можно доплыть до Тюмени, а к северу, вниз по течению, Тура приводит в Тобол, по которому ходят пароходы до губернского города Тобольска. К нему уже никакая железная дорога не доходит, — городок маленький, глухой, но в нем сосредоточивалось все управление огромной Тобольской губернии, занимающей северо-западную часть Сибири и равной по размерам целому европейскому государству.

По Туре и Тоболу, из Тюмени в Тобольск, летом 1917 года везли в заточение Императора Николая II и Его семью. Пароход проходил мимо Покровского, и Императрица, как рассказывал потом один из добровольных спутников Царской семьи, долго и задумчиво смотрела с палубы на берег, провожая глазами медленно уходившие вдаль крыши крестьянских домов и высокую белую колокольню.

В селе Покровском родился и вырос Григорий Распутин. Отсюда ходил он в свои таинственные странствования, отсюда попал и в Петербург.

Сибиряки — народ смешанного происхождения. Жизнь случайно занесла в этот богатый край их дедов и отцов, как течение реки приносит камчи и песок. В западной Сибири, главным образом в лесах и вообще в скрытых местах, живут, крепко сохраняя старинные обычаи и строго религиозный уклад жизни, старообрядцы разных толков, которые пришли сюда в давние времена спасаться от преследований правительства. Старообрядцы живут замкнуто и твердо хранят, вместе с древними богослужебными книгами в тяжелых переплетах, память о своем прошлом, но о нем стараются не говорить и не думать. Другие жители Сибири — потомки беглых и ссыльнокаторжных; какое кому дело до того, что предки некоторых из них прошли в кандалах через всю Сибирь? Сами они живут богато и независимо, выросли они на полной воле, вдали от всякого начальства и никому кланяться не привыкли. Сибиряки по характеру люди смелые, суровые, но и в большинстве своем очень честные. Воровство они жестоко клеймят и часто наказывают своим судом. Единственный человек, которому они решатся в оскорбительной форме напомнить о его происхождении — это вор, особенно — конокрад. Существует специальное сибирское слово «варнак». «Варнак» — значит бродяга, беглый каторжник; хуже наименования нет.

Этим названием с молодых лет был отмечен Григорий Распутин в своем селе.

В его роду сказалась преступная кровь предков: сын конокрада, он сам стал вором и конокрадом. В этом позорном и рискованном ремесле упражнял он свою ловкость и хитрость, свои хищные инстинкты. Не раз его ловили на месте преступления и били; били жестоко. Случалось, что приезжающие полицейские стражники едва успевали спасти ему жизнь: окровавленного, почти изувеченного, вырывали они его из тяжелых мужицких рук.

Иной бы умер от таких побоев, но Распутин все выносил и становился еще крепче, точно железо от ударов кузнечного молота.

Крестьянский труд и оседлая жизнь не могли привлекать его воровскую натуру. Его тянуло к бродяжничеству. Он часто куда-то уходил из Покровского, иногда пропадал подолгу. Во время одной из его продолжительных отлучек пронесся слух о том, что Распутин где-то спасается и живет строгим подвижником не то в каком-то глухом раскольничьем скиту, не то в одном из отдаленных монастырей.

Возможно, что в его беспокойной душе проснулись какие-то смутные искания и что на время он, даже искренно, потянулся к религии. Но чистое учение православной Церкви было чуждо всему внутреннему складу Распутина: темный мистицизм самой извращенной секты скорее всего мог его пленить.

Нет точных сведений о том, где именно странствовал Распутин, с кем встречался. Определенно установлено лишь то, что он часто навещал один православный монастырь, где жили сосланные туда для «исправления» сектанты.

Сибирские монастыри были скорее похожи на большие богатые имения, чем на обители строго благочестивых аскетов. Немногочисленные монахи, поглощенные хозяйственными делами монастыря, не обращали внимание на поселенных у них «сектантов». Распутин мог вести с ними очень откровенные беседы, вникать во все тайны их культа, по внешности оставаясь в то же самое время ревностным и смиренным странником-богомольцем.

Та огромная внутренняя сила, которая была заложена самой природой в этом жутком человеке, несомненно исключительном при всей своей порочности, привлекала к нему особое внимание. Он, как индусский факир, мог не есть и не спать. Тренируя себя подвигами внешнего благочестия, он еще больше развивал в себе свои волевые способности. Окружающим он мог казаться чуть ли не «святым», в то самое время как в его душе царил непроницаемый, чисто дьявольский мрак.

Распутин был находкой для сектантов, и они его по-своему очень оценили.

Интересовалось им и православное духовенство, не подозревавшее того, что этот постник и молитвенник ведет двойную игру. Свою склонность к сектантству Распутин держал в тайне с самого начала, а наружно всячески искал близости с представителями Церкви, общение с которыми ему было необходимо для других целей.

Он старался чисто механически усвоить кое-что из священного писания, из духовно-нравственных наставлений и приобрести облик «Божьего человека», «старца» духовно мудрого и прозорливого.

При большой памяти, исключительной наблюдательности и огромных способностях к симуляции он в этом успел. Конечно, в то время ему и в голову не приходила его будущая карьера. Не только в Петербург, но даже в европейскую Россию, от которой сибиряки чувствуют себя совершенно обособленными и удаленными, он и не собирался. Вернее всего, что праздная и бродячая жизнь странника занимала его сама по себе и казалась приятнее непрерывного крестьянского труда у себя дома.

Случайная встреча с одним молодым миссионером-монахом, впоследствии епископом, решила его судьбу. Монах этот был человек очень образованный, глубоко верующий, но детски-чистый и наивный.

Он поверил искренности Распутина и, в свою очередь, познакомил его с епископом Феофаном, который привез самозванного «подвижника» в Петербург.

Обыкновенный мужик легко бы растерялся в столице. Он запутался бы в сложных нитях и сплетениях придворных, светских и служебных отношений, не говоря уже о том, что у него не хватило бы смелости, особенно на первых порах, держать себя так независимо и развязно, как держался Распутин.

А между тем свободное обращение и фамильярный тон, который позволял себе со всеми, вплоть до высокопоставленных лиц, этот бывший конокрад, в значительной степени способствовали его успеху.

Распутин вошел в царский дворец так же спокойно и непринужденно, как входил в свою избу в селе Покровском. Это не могло не произвести сильного впечатления и, конечно, заставило думать, что только истинная святость могла поставить простого сибирского мужика выше всякого раболепства перед земной властью.

А мужик в шумном и многолюдном Петербурге все, что ему было нужно, заметил, запомнил и сообразил.

Он почти безошибочно разобрался в некоторых характерах и быстро учел слабые стороны тех, на кого он хотел

и мог влиять. Свое поведение он согласовал с обстоятельствами: в Царском Селе он являлся под личиной праведника, посвятившего себя Богу; в светских гостиных, среди своих поклонниц, стеснялся уже гораздо меньше и, наконец, у себя дома или в отдельном кабинете ресторана, в интимной компании своих сообщников давал полную волю своему пьяному и развратному разгулу.

В некоторых, к счастью, весьма ограниченных, кругах высшего петербургского общества, где оккультизм всякого рода имел самое широкое распространение, где люди искали волнующих ощущений в спиритических сеансах, тянулись ко всему острому и необычайному в области нездоровой мистики, Распутин стяжал себе выдающийся успех.

Как ни скрывал он своей принадлежности к сектанству, люди, при близком соприкосновении с ним, может быть, бессознательно чувствовали, что в нем, помимо его собственной темной силы, живет и действует какая-то жуткая стихия, которая к нему влечет. Эта стихия была — хлыстовство, с его пьяно-чувственной мистикой. Хлыстовство все построено на сексуальных началах и сочетает самый грубый материализм животной страсти с верою в высшие духовные откровения.

Молитвенные собрания, «радения», хлыстов имеют целью одновременно доводить до высшей степени и религиозное исступление, и эротический экстаз. По верованиям хлыстов, в момент наибольшего истерически-сексуального возбуждения Святой Дух нисходит на человека, и свальный грех, которым зачастую заканчиваются хлыстовские моления, есть не что иное, как действие божественной благодати.

В основе хлыстовства есть несомненно что-то языческое: танец, начинающийся с медленных ритмических движений, затем переходящий в безумное кружение, ослепительный блеск множества свечей, зажигаемых в комнате во время «молений», и дикая любовная оргия.

В темных тайниках народной души, видимо, сохранились чувства и образы далекой древности, которые вылились в формах кощунственного искажения христианской веры.

Характерно, что хлысты не только не разрывают официальной связи с православной Церковью, но посещают ее богослужения, признают все ее таинства и очень часто причащаются, находя, что принятие Святых Тайн дает им особую силу для «призывания Святого Духа».

Свой чудовищный разврат Распутин оправдывал типично хлыстовскими рассуждениями и внушал иногда женщинам, что близость с ним отнюдь не является грехом.

Распутин ездил из дома в дом, засыпаемый приглашениями. Одни хотели видеть его из любопытства, другие, особенно в начале, интересовались его святостью и прозорливостью, третьи — больные натуры — поработались ему окончательно.

Когда Распутин приобрел влияние в политических сферах, его окружили еще более тесным кольцом. Перед ним заискивали, ему дарили подарки и давали взятки, кормили его обедами, спаивали вином... Распутин пользовался популярностью только в определенном кругу своих поклонниц и тех лиц из правящих кругов, которые нуждались в его поддержке. Остальной же здравомыслящий Петербург относился к нему отрицательно.

Его жизнь в Петербурге превратилась в сплошной праздник, в хмельной разгул беглого каторжника, которому неожиданно привалило счастье.

Понятно, что в конце концов у него вскружилась голова от сознания своей силы, от подобострастия окружающих, от непривычного количества денег и невиданной роскоши. Его цинизм дошел до последних границ. Да разве и могло быть иначе? Мог ли он стесняться с теми сновниками, которые дожидались у него в передней, с теми женщинами, которые готовы были почтительно целовать его грязные руки?

Чем сильнее он чувствовал свое могущество, тем меньше уважал окружающих. Но от разгула и опьянения властью он и сам опускался, теряя всякое чувство меры, всякую осторожность.

Конец его явился характерным завершением всей его жизни.

В ледяную воду Невы было брошено его тело, до последней минуты старавшееся преодолеть и яд, и пулю. Сибирский бродяга, отважившийся на слишком рискованные дела, не мог умереть иначе; только там, у него на родине, в волнах Тобола или Туры, едва ли бы кто искал труп убитого конокрада Гришки Распутина.

Распутинство и большевизм — два явления, которые как будто не имеют между собой никакой внутренней связи. В действительности же эта связь огромна.

Распутин был олицетворением той темной силы, которая поднималась с самого дна русской жизни и несла в себе полное попрание и разложение всех нравственных начал. Он вместе с тем был и прообразом грядущих ужасов и грядущего хамства. «Мужик в смазных сапогах», как он сам говорил про себя, «вошел во дворец и гулял по царским паркетам». Этими грязными сапогами он рас-

топтал вековую веру народа в чистоту и справедливость царского служения.

В личности Распутина, во всей его «карьере» был заложен надвигавшийся большевизм, с его невежеством, алчностью, цинизмом и развратом, с темной похотью власти, не знающей никакой ответственности перед Богом и людьми. Он стал орудием в руках врагов России... Одни ли немцы были ее врагами тогда? Не стояла ли за спиной Распутина какая-то иная сила, которая искала не только политического ослабления России, но еще нравственного разложения и разрушения великой нации, для утверждения над ней своего дьявольского господства?

Распутин обманул Государя и Императрицу, доверившихся ему.

Большевики обманули весь русский народ, который слепо пошел за ними в каком-то диком опьянении чисто хлыстовским экстазом революции.

Распутин был бессознательно как бы первым «комиссаром» большевизма, приблизившимся к престолу, чтобы растоптать его мощь, угасить его величие.

За ним двинулись остальные...

Распутинство парализовало Верховную власть, потому что не встретило на своем пути крепкого и организованного противодействия влиятельных кругов, которые бы руководствовались бескорыстной идеей долга и чисто нравственными побуждениями.

Большевизму тоже не оказалось преграды. Дряблость, растерянность, честолюбие, партийная слепота и личные расчеты, отсутствие единой национальной идеи, обольщение революцией — все это ядовитым туманом окутало русских людей, оказавшихся у власти после падения монархии. В тумане подкрались враги России и нанесли ей давно уже рассчитанный удар.

Одурманенный, сбитый с толку народ в такой момент легко попал в их руки.

Большевизм бросил свой якорь в самое грязное и топкое дно. Он зацепился за отбросы всех классов общества, привел за собой целую армию инородцев, для которых Россия не могла быть отечеством: она была и есть для них чужой дом, отданный им на разграбление и поругание.

Великая страна стала очагом самого ужасного разврата, самых чудовищных преступлений ее врагов. Неслыханные издевательства начались над беззащитным народом. Россию превратили в мировую лабораторию для выработки ядов, предназначенных для отравления всего человечества... И во всем мире не нашлось и не находится до сих пор такой силы, которая решительно и твердо стала бы

на защиту, даже не русского народа, как такового, а всех высших ценностей человеческой морали и культуры.

Цивилизованные страны живут бок о бок с проказой большевизма, протягивают свою руку слугам дьявола и не задыхаются от того нравственного гниения и смрада, который, наподобие удушливых газов, распространяет по всему миру преступная организация III Интернационала.

Народы и их правительства как будто не понимают того, что большевизм не есть только форма государственного устройства, тесно замкнутая в рамки «Советов», но прежде всего и больше всего явление нравственного порядка, страшная и сложная болезнь современного человечества. Эта болезнь в первую голову поражает моральное чувство людей: она выедаёт совесть, стыд, элементарное чувство долга и чести. Она парализует и уничтожает все то, что приобретено веками духовной культуры и постепенно превращает человека в цивилизованного зверя, управляемого низшими инстинктами, утратившего все потребности высшего порядка.

Большевизм в силу всего этого больше всего борется с христианством: темная стихия бездны хочет как бы поглотить самое небо... Недаром Советы устраивали у себя «суд над Богом», осуждали и отвергали Его.

Ужасная смерть Императора, убитого со всей своей семьей шайкой озверелых бандитов, смерть целого ряда членов Императорской фамилии, кровь миллионов русских людей и, наконец, великий подвиг русской православной Церкви, заплатившей тысячами жизней за свою верность Христианской Идее, — еще не всех нас научили пониманию нашего долга перед Родиной даже теперь, в страшные годы полного разрушения России.

Русская Церковь — корень и вершина России, — одна только и устояла под натиском революции. Она победила в самой себе яд распутиинства, который и ее пытался отравить, не поддавшись ударам, угрозам, разложению и разврату большевизма. Она спасала и спасает душу русского народа, все его величайшие нравственные ценности. Ей и в будущем предстоит огромная задача морального очищения всей России.

Очищение необходимо. Без него не может строиться новая жизнь, не может утвердиться никакой государственный порядок. Всякая форма власти, если она не будет тесно связана с лучшими основами нравственной жизни народа, окажется бессильной и непрочной и может вызвать повторение страшной катастрофы 1917 года, когда обрушилась многовековая твердыня престола, утратившего, благодаря распутиинству, свой моральный авторитет.

Документы, обличающие большевизм и советскую власть, печатаются на всех языках. О большевизме вы-

росла целая литература, далеко, впрочем, не исчерпывающая до конца всю его страшную правду...

Весь мир читает книги, написанные кровью, и весь мир продолжает оставаться равнодушным не только к положению России, но и к своей собственной дальнейшей судьбе...

Мелкие расчеты, узконациональные и узколичные интересы, грубая жажда жизни и искание удачи сегодняшнего дня заслоняют глаза современного человечества; оно не хочет видеть, как, изнемогая и истекая кровью, борется с дьяволом в полном одиночестве Великая Страна.

Не сказывается ли в этом тоже своеобразное «распутинство», которым одержима наша эпоха, люди нашего времени вообще?

Париж, 1926 г.

I

С Распутиным я встретился впервые в семье Г., в Петербурге, в 1909 году.

Семью Г. я знал давно, а с одной из дочерей, М., был особенно дружен.

Так как все, связанное с именем Распутина, обычно вызывает невольное чувство брезгливого предубеждения, мне хочется сказать здесь несколько слов о М. Г., чтобы выделить ее из распутинской клики.

По природе своей она была на редкость чиста, добра, отзывчива и необыкновенно впечатлительна. Но в ее характере было много той нервной экзальтации, благодаря которой душевные порывы у нее всегда преобладали над сознанием. Религия играла главную роль в ее жизни. Но религиозное чувство ее носило на себе отпечаток болезненного мистицизма и все было проникнуто стремлением к сверхъестественному, чудесному. Излишне доверчивая по натуре, она к тому же совершенно не способна была разбираться ни в людях, ни в фактах. Если что-нибудь ее поражало, она слепо отдавалась впечатлению, целиком поддавала под влияние того, кому однажды поверила, и уже не отличала добра от зла.

При этих условиях не приходилось удивляться появлению Распутина в семье Г.

В 1909 году я уже застал М. Г. горячей его поклонницей. Она искренне и твердо верила в его праведность, в его душевную чистоту, видела в нем Божьего избранника, почти сверхъестественное существо.

Распутин же, со свойственной ему прозорливостью, почувял и разгадал ее душевное состояние и всецело овладел

ее доверием. М. Г. была слишком чиста, чтобы понять, сколько грязи и ужаса было в этом человеке, слишком наивна, чтобы сознательно и трезво разбираться в его действиях. Она обрела высшую радость в полном духовном порабощении своей личности, была счастлива, найдя «святого руководителя», и не только сама не задумывалась над тем, что представлял собой этот ее духовный наставник, но всякий раз как-то внутренне пугливо уходила сама в себя, когда чувствовала, что ей пытаются открыть на него глаза. Нарисовав в своем воображении идеальный образ «божественного старца», она как бы уже совсем не замечала настоящего Распутина.

При первой же нашей встрече М. Г. заговорила о нем. По ее словам, он был человек редкой духовной силы, преисполненный Божьей благодати, ниспосланный в мир, чтобы очищать и исцелять людские сердца и руководить нашей волей, мыслями и делами.

Помню, что я отнесся скептически к ее рассказу, хотя особых данных против Распутина в то время еще не имел, да и слышал про него очень мало. К тому же, зная характер М. Г., я решил, что это просто очередное увлечение экзальтированной натуры.

Однако что-то в ее словах было такое, что невольно пробудило мое любопытство к Распутину; я стал подробнее о нем расспрашивать. М. Г. с большим оживлением и восторгом начала мне рассказывать о «светлой личности старца».

Ее рассказ был сплошным славословием Распутину: он и целитель, и молитвенник, и бессребреник, и примиритель враждующих, и утешитель печальных; он — избранник Божий, новый апостол; он выше всех остальных людей, в нем нет человеческих слабостей и пороков, и вся его жизнь — сплошной подвиг и молитва.

Слова М. Г., звучавшие горячо и убедительно, не вызвали во мне веры в чудесные дарования «старца», но пробудили мое любопытство и желание его увидеть. Я сказал ей, что мне хотелось бы познакомиться с таким замечательным человеком. М. Г. пришла в восторг, и наша встреча не замедлила состояться.

Через несколько дней я уже подъезжал к дому на Зимней Канавке, где жила семья Г. и где должно было произойти мое первое свидание со знаменитым «старцем».

Когда я вошел в гостиную, Распутина еще не было. М. Г. сидела со своей матерью за чайным столом. Обе были очень нервны и взволнованы; в особенности дочь, в которой, кроме того, чувствовалась еще какая-то внутренняя тревога. Было заметно, что она опасается моего первого впечатления от встречи со «старцем», потому что

хочет, чтобы и я проникся к нему полным благоговением. Настроение у матери и дочери было радостно-торжественное, такое, какое бывает, когда ждут прибытия в дом чудотворной иконы. Это настроение еще больше разжигало во мне любопытство и желание увидеть «удивительного человека». Впрочем, ждали мы все недолго. Скоро дверь из передней отворилась и в комнату семяющей походкой вошел Распутин. Он прямо приблизился ко мне и со словами: «Здравствуй, милый», — хотел меня обнять и поцеловать; я невольно отстранился от него. Он улыбнулся хитрой слащавой улыбкой и подошел к М. Г. и ее матери. Их обеих он самым бесцеремонным образом обнял и с ласковым, покровительственным видом поцеловал.

Его внешность мне не понравилась с первого взгляда; в ней было что-то отталкивающее. Он был среднего роста, коренастый и худощавый, с длинными руками; на большой его голове, покрытой взъерошенными спутанными волосами, выше лба виднелась небольшая плешь, которая, как я впоследствии узнал, образовалась от удара, когда его били за конокрадство. На вид ему было лет сорок. Он носил поддевку, шаровары и высокие сапоги. Лицо его, обросшее неопрятной бородой, было самое обычное, мужицкое, с крупными, некрасивыми чертами, грубым овалом и длинным носом: маленькие светло-серые глаза смотрели из-под густых нависших бровей испытующим и неприятно бегающим взглядом. Обращала на себя внимание его манера держаться: он казался непринужденным в своих движениях, и вместе с тем во всей его фигуре чувствовалась какая-то опаска, что-то подозрительное, трусливое, выслеживающее. Настороженное недоверие светилось и в его прозрачных глубоко сидящих глазах.

Впрочем, я рассмотрел его лицо не сразу. Поздоровавшись с нами и присев на минуту, он встал и некоторое время ходил по комнате своими быстрыми мелкими шагами, бормоча себе под нос какие-то несвязные фразы. Голос его был глух, произношение невнятное.

Мы молча пили чай и следили за ним: М. Г. с восторженным вниманием, я — с недоверием и любопытством.

Наконец, Распутин подошел к чайному столу и, опустившись в кресло рядом со мной, стал пытливо меня рассматривать.

Начался незначительный по своему содержанию разговор. Желая, очевидно, выдержать тон проповедника, просвещаемого силою свыше, он стал говорить в духе поучений. Скороговоркой, часто запинаясь, произносил он тексты из священного писания, применяя их безо всякой последовательности, и от этого его речь производила впечатление чего-то запутанного, хаотического.

Пока он говорил, я внимательно следил за выражением его лица и заметил, что в этом мужицком лице было действительно что-то необыкновенное. Меня все больше и больше поражали его глаза, и поражающее в них было отвратительным. Не только никакого признака высокой одухотворенности не было в физиономии Распутина, но она скорее напоминала лицо сатира: лукавое и похотливое. Особенность же его глаз заключалась в том, что они были малы, бесцветны, слишком близко сидели один от другого в больших и чрезвычайно глубоких впадинах, так что издали самих глаз даже и не было заметно, — они как-то терялись в глубине орбит. Благодаря этому иногда даже трудно было заметить, открыты у него глаза или нет, и только чувство, что будто иглы пронизывают вас насквозь, говорило о том, что Распутин на вас смотрит, за вами следит. Взгляд его был острый, тяжелый и пронизательный. В нем действительно чувствовалась скрытая нечеловеческая сила.

Кроме ужасного взгляда, поражала еще его улыбка, слащавая и вместе с тем злая и плотоядная; да и во всем его существе было что-то невыразимо гадкое, скрытое под маской лицемерия и фальшивой святости.

М. Г. была очень взволнована присутствием Распутина. Глаза ее блестели, на щеках появился нервный румянец. Она, так же как и ее мать, не спускала с него глаз и, затаив дыхание, ловила каждое слово «старца».

Но вот он встал, окинул нас всех притворно-любящим и ласковым взглядом и, обращаясь ко мне, произнес, указывая на М. Г.:

— Какого ты в ней друга имеешь верного. Слушать ее должен, а она твоя духовная жена будет. Да... Хвалила она мне тебя, рассказывала, а теперь и сам вижу, что очень вы оба хороши вместе, подходящие вы друг другу... А ты, милый, не знаю, как звать тебя по имени, далеко пойдешь, ох как далеко!

И с этими словами Распутин вышел из комнаты.

Я тоже уехал весь под впечатлением встречи с этим странным и загадочным человеком.

Через несколько дней я узнал от М. Г., что Распутину я очень понравился и он хочет снова со мной встретиться.

II

В скором времени, после моей первой встречи с Распутиным я уехал в Англию и поступил в Оксфордский университет.

Однажды в разговоре с одной английской принцессой, состоявшей в близком родстве с Императрицей Алексан-

дрой Федоровной, зашла речь о Распутине. Принцесса с большим интересом и волнением слушала мои рассказы о нем. Будучи женщиной очень умной, она тогда уже понимала всю опасность Распутина для России, ввиду его близости ко двору. В немногих словах она обрисовала духовный облик Императрицы Александры Федоровны и высказала опасение, что некоторые свойства характера русской Государыни, особенно ее склонность к болезненному мистицизму, могут создать тяжелые осложнения в будущем, если Распутин по-прежнему останется близок к Царской семье.

В то время мои родители жили в Петербурге, а лето проводили в Царском Селе. Императрица Александра Федоровна была очень расположена к моей матери и часто с ней виделась. Близость Распутина к Государю и к Императрице сильно беспокоила и возмущала мою мать, и она в своих письмах ко мне часто об этом упоминала.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, жившая всегда в Москве, была тесно связана с моей матерью многолетней дружбой. Она вполне разделяла все ее опасения и в свои редкие приезды в Петербург всеми силами старалась повлиять на Государя и Государыню, чтобы они удалили от себя зловредного «старца».

В то время еще очень немногие понимали всю опасность близости Распутина к Царскому Селу. Быть может, его появление при дворе и было случайным, но позднее, когда враги России и династии учли создавшуюся обстановку и поняли, насколько он был всемогущ и насколько подлинное «самодержавие» было в его руках, они сумели его использовать для своих целей.

Моя мать одна из первых поняла это и открыто выступила против Распутина.

Она имела продолжительную беседу с Императрицей и совершенно откровенно сказала Ей все, что думала по этому поводу.

Разговор этот произвел большое впечатление на Государыню. Она, по-видимому, почувствовала всю искренность и правоту ее доводов и, расставаясь с нею, в самых трогательных выражениях изъяснила желание видаться с нею возможно чаще. Но распутинская клика не дремала: она учла всю опасность такой близости, сумела снова завладеть больной душой Императрицы и постепенно отдала ее от моей матери; их дружеские отношения прекратились, и они почти больше не виделись.

Многие из лиц Императорской семьи, во главе с Государыней Императрицей Марией Федоровной, старались также воздействовать на Государя и Императрицу, но все было тщетно.

Началась борьба между теми, кто был искренно предан России и престолу, и теми, кто преступно пользовался влиянием Распутина, чтобы приблизиться к Государю и Императрице со своими личными корыстными целями, а также с темными политическими расчетами.

Осенью 1912 года я закончил свое образование в Оксфорде и переехал жить в Россию.

У меня было много планов на будущее, пока еще неясных. Встреча с Княжной Ириной Александровной¹ изменила мою судьбу, и в скором времени нас объявили женихом и невестой.

С детства я привык смотреть на Царскую семью, как на людей особенных, не таких, как мы все. В моей душе создалось поклонение перед ними, как перед существами высшими, окруженными каким-то недостижимым ореолом. Поэтому все, что говорилось и передавалось из уст в уста, все порочащие их имя слухи, меня глубоко возмущали, и я не хотел верить тому, что слышал.

Началась война. Ее объявление застало нашу семью в Германии. После ареста в Берлине, которому мы были подвергнуты по приказанию Императора Вильгельма, мы, наконец, благополучно добрались до Петербурга, после длинного путешествия через Данию и Швецию, вместе с Императрицей Марией Федоровной, которую мы застали в Копенгагене, на Ее обратном пути в Россию.

Несмотря на всеобщий патриотический подъем, вызванный войной, многие были настроены пессимистически. Мрачные мысли витали вокруг Царского Села.

Государь и Императрица, отрезанные от мира, отдаленные от своих подданных, окруженные кликой Распутина, решали события мировой важности.

Жутко становилось за Россию.

III

Итак, не было никакой надежды на то, чтобы Государь и Императрица поняли всю правду о Распутине и удалили его.

Какие же оставались способы избавить Царя и Россию от этого злого гения?

Невольно мелькала мысль: есть для этого лишь одно средство — уничтожить этого преступного «старца». Эта мысль зародилась во мне впервые во время одного разговора с моей женой и матерью в 1915 году, когда мы говорили об ужасных последствиях распутинского влия-

---

¹ Дочь великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны.

ния. Дальнейший ход политических событий снова вернул меня к этой мысли, и она все сильнее укреплялась в моем сознании.

За выступлениями членов Императорской фамилии против Распутина последовали выступления общественно-го характера как со стороны отдельных лиц, так со стороны различных общественных организаций, в виде докладных записок, резолюций съездов, коллективных обращений к Верховной власти, но Государь и Императрица оставались глухи ко всем просьбам, увещаниям, предостережениям и угрозам. Чем больше говорили Им против «старца», чем доказательнее были данные, обличавшие его, тем меньше прислушивались ко всему этому в Царском Селе.

Распутин был непоколебим на своем месте. Он так ловко умел притворяться и носить маску лицемерия, когда бывал в Царском Селе, что там не могли поверить никаким рассказам о его беспутном образе жизни. Ярким примером этого является следующий факт: генерал Джунковский, товарищ министра внутренних дел, желая убедить Государя и Императрицу, что возмутительные слухи, ходившие по городу относительно Распутина, вполне соответствовали истине, показал Им фотографию, снятую в одном из ресторанов, в то время, когда Распутин предавался там самому разнузданному кутежу. Несмотря на неопровержимость такого доказательства, Императрица не поверила этому, очень рассердилась и приказала произвести немедленное расследование, чтобы найти человека, который якобы загримировался под Распутина с целью его опорочить.

В то время как лучшие люди в России приходили в отчаяние от своих бесплодных усилий уничтожить корень зла, немецкая партия, имевшая в лице «старца» столь ценного помощника, конечно, торжествовала.

Уже до войны Распутин пользовался большим влиянием, которое во время войны еще сильнее возросло и укрепилось: постепенно все честные и преданные долгу люди увольнялись; увольнялись даже те, которые горячо любили лично самого Государя, и на место их приходили ставленники Распутина.

Между тем миллионы жизней погибали на фронте; покорно один за другим люди шли на смерть.

Героизм русских войск был исключительный, неслыханный.

Русская армия на огромном фронте, растянувшемся на тысячи верст, вела войну иногда в таких условиях, которых не могла бы выдержать никакая иная армия в мире. При страшных морозах, зачастую лишенные всякого продовольствия, люди сидели в занесенных снегом окопах, не по-

мышляя об отступлении. Бывало, что отдельные части, не получая вовремя достаточного военного снаряжения, падали под неприятельским огнем, на который не могли отвечать. Случалось, что целые полки шли в атаку, вооруженные палками и камнями вместо винтовок, и бросались врукопашную на закованных в сталь прусских солдат.

Русская армия не знала ни усталости, ни ропота, ни страха смерти не только в тех случаях, когда она защищала свою территорию, но и когда, жертвуя собой, должна была поддерживать своих союзников. Так, например, перед знаменитым боем на Марне целая армия генерала Самсонова, сознательно идя на верную смерть, ворвалась в Восточную Пруссию, чтобы оттянуть от французского фронта на русский часть неприятельских сил. Немцы, встревоженные неожиданным наступлением, уменьшили численность своих войск на западном фронте, французы одержали победу, а русские в Восточной Пруссии ради этой победы были принесены в жертву.

Россия чувствовала эти жертвы. Огромная страна в величайшем своем напряжении ощущала, как из ее организма струями бежит сильная и чистая кровь, кровь самых лучших, самых мужественных, радостно умиравших не только за русское, но и за общее дело.

И накопала тревога: все ли возможное делается для Армии? Достаточно ли добросовестны те, которым в тылу вверена забота о продовольствии и снаряжении войск? Ходили слухи о злоупотреблениях, даже об измене.

После того как Государь, переведя великого князя Николая Николаевича на Кавказский фронт, сам принял Верховное Командование, Распутин стал почти ежедневно бывать в Царском Селе и давать свои советы по государственным делам. Встречи его с Императрицей происходили, главным образом, в доме Вырубовой.

Ни одно крупное событие на фронте не решалось без предварительного совещания со «старцем». Из Царского Села по прямому проводу давались директивы в Ставку. Императрица требовала, чтобы Государь держал Ее в курсе всех военных и политических событий.

Получая самые последние сведения, иногда тайные и чрезвычайной важности, Императрица посылала за Распутиным и советовалась с ним, а если принять во внимание, кем он был окружен, то станет неудивительным, что при таких условиях в Германии заблаговременно знали почти о каждом нашем наступлении, также о всех планах и переменах военного и политического характера.

Германия принимала должные меры, чтобы обеспечить свои победы, а нам готовила гибель.

Я решил, не придавая особого значения всем волнуящим слухам, прежде всего фактически убедиться в предательской роли Распутина и получить неопровержимые данные об его измене.

Обстоятельства для этого складывались как нельзя лучше. Семья Г. жила в то время на Мойке, рядом с дворцом Великого Князя Александра Михайловича, где я временно помещался ввиду ремонта в нашем доме.

Как я уже говорил выше, меня с младшей дочерью этой семьи связывали давнишние дружеские отношения. Она часто приглашала меня к себе, но я бывал у нее редко, не желая окунуться в атмосферу распутинского кружка и тем более связывать свое имя с друзьями «старца», постоянно собиравшимися в доме ее матери.

Теперь, ввиду моего намерения разобраться до конца в личности Распутина и в его действиях, ближе познакомившись с ним самим, я решил воспользоваться приглашениями М. Г.

Между прочим, мне было интересно побеседовать и с самой М. Г. о происходящих в России событиях. Зная ее слепое поклонение Распутину, я, конечно, никак не мог считаться с ее взглядами, но я знал, что ее мнение является точным отражением того, что думают в Царском Селе.

Однажды, сговорившись предварительно с М. Г. по телефону, я отправился к ней.

От М. Г. я узнал, что Распутин постоянно спрашивает обо мне.

— Он очень хочет вас видеть, — сказала она, — и будет у меня на днях; я вам сообщу, когда.

Из разговора с ней я убедился, что Распутин по-прежнему пользуется неограниченным доверием как Императрицы, так и Государя и продолжает играть роль их ближайшего советника в политических и в семейных делах. М. Г. опять воспевала ему хвалы и с умилением говорила о том, что «старец» смиренно переносит «клевету», «гонения» и что, претерпевая незаслуженные страдания, он искупает этим наши грехи.

Слушая ее восторженные слова, я решил коснуться походов Распутина:

— Ну, а как же, по-вашему, такой праведный человек может совмещать свою святость с пьянством и кутежами?

М. Г. возмущилась моим вопросом. Она вся покраснела и с жаром стала мне возражать:

— Неужели вы не знаете, что все такие рассказы — сплошная ложь, черная клевета на него? Он окружен завистью и злобой. Это злые люди выдумывают разные обвинения, нарочно подтасовывают факты, чтобы его,

неповинного, очернить в глазах Государя и Государыни... Как это все ужасно!

— Но ведь существуют доказательства в виде фотографий и проверенных свидетельских показаний, — ответил я, — которые не оставляют никаких сомнений в том, что Распутин далеко не такой святой человек, как вы о нем рассказываете. Какой смысл, например, хотя бы цыганам говорить о том, что он к ним приезжает, пьянствует и танцует с ними? Его многие там встречали. А в ресторане «Вилла Родэ», где он всего чаще бывает, есть даже отдельный кабинет, носящий его имя... Как же вы это все объясняете?

— Вот, вот, вы так же говорите, как все, вы верите этому! — с возмущением воскликнула М. Г. — Поймите, что если даже он это и делает, то с особой целью: он хочет нравственно себя закалять путем воздержания от окружающих соблазнов.

— Ну, а министров Распутин назначает и смещает тоже для своего нравственного совершенствования? — спросил я, улыбаясь.

М. Г. рассердилась и ответила, что пожалуется на меня Григорию Ефимовичу.

Мне было тяжело видеть фанатическую веру несчастной девушки в чистоту и непогрешимость грязного проходимца. Она не воспринимала моих доводов о развращенности Распутина. Каждое мое слово разбивалось, как о скалу, об ее порабощенное сознание. Я понял, что она уже не может мыслить самостоятельно, не смеет ни на минуту критически отнестись к своему кумиру. Тогда я попытался с другой точки зрения осветить ей вред, который Распутин приносит Царской семье.

— Ну, хорошо. Допустим даже, что все разговоры о поведении Распутина — сплошной вымысел. Но ведь нельзя же не считаться с тем, как относится к нему общественное мнение не только России, но и всей Европы. И у нас, и за границей Распутина считают негодяем и шпионом... Его близость к престолу возмущает всю страну и беспокоит наших союзников. Разве это недостаточная причина, чтобы отстранить его от Государя и Императрицы?

— Никто не смеет обсуждать того, что делают Государь и Государыня: это никого не касается, — с возмущением сказала М. Г. — Они стоят выше всего, выше всякого общественного мнения.

— А если предположить, — сказал я, — что Григорий Ефимович является бессознательным орудием в руках врагов России, проводящих через него свои преступные замыслы, и что конечная цель этих замыслов — гибель

России... Тогда, как быть? Неужели, даже и при таких условиях, вы считаете полезным его присутствие в Царском Селе? Наконец, вы мне сами говорили, что Распутин с Государем и Императрицей не только молится и беседует о Боге, но обсуждает с Ними важные государственные дела. Ведь вам же известно, что ни одно решение не принимается без его согласия, ни один министр не назначается без его ведома. Поймите же, что, каков бы он ни был по своим душевным качествам, — плох или хорош, — он прежде всего темный, необразованный мужик, едва грамотный. Что же он может сам смыслить в сложных вопросах войны, политики, внутреннего управления? Какие он может давать в таких случаях советы? А если он тем не менее эти советы дает, то, очевидно, за его спиной стоят какие-то люди, которые, в свою очередь, тайно им управляют. Вам неизвестны ни эти люди, ни цели, которые они преследуют... Какое же право вы имеете утверждать, что все, без исключения, действия Григория Ефимовича хороши и полезны? Я вам опять повторяю, что близость к престолу человека с такой ужасной репутацией всюду подрывает авторитет Царской власти... Негодование растет, негодование всеобщее, а если там, наверху, вовремя не опомнятся, наступят такие события, которые все сметут...

В ответ на мою горячую речь М. Г. посмотрела на меня с ласковым сожалением, как на неосмысленного ребенка:

— Вы так говорите потому, что не знаете и не понимаете Григория Ефимовича... Познакомьтесь с ним ближе, и если он вас полюбит, то тогда вы сами убедитесь, какой он особенный и удивительный человек. В людях он ошибаться не может. Ему самим Богом дана такая прозорливость, что он сразу узнает все мысли — он их читает, посмотрев на человека... Поэтому-то его так и любят в Царском Селе и, конечно, доверяют ему во всем. Он помогает Государю и Государыне распознавать каждого, он оберегает Их от обмана, от всякого опасного влияния. Ах, если бы не Григорий Ефимович, то все бы давно погибло! — заключила М. Г. самым убежденным тоном.

Я прекратил бесполезный разговор, простился и ушел. Вернувшись домой, я стал обдумывать свой дальнейший образ действий. То, что я слышал от М. Г., только еще лишний раз подтвердило мне, что против Распутина одними словами бороться недостаточно. Бессильна логика, бессильны самые веские данные для убеждения людей с помраченным сознанием. Нельзя было больше терять времени на разговоры, а нужно было действовать решительно и энергично, пока еще не все потеряно.

Я решил обратиться к некоторым влиятельным лицам и рассказать им все, что я знал о Распутине.

Однако впечатление, которое я вынес из разговора с ними, было глубоко безотрадное.

Сколько раз прежде я слышал от них самые резкие отзывы о Распутине, в котором они видели причину всего зла, всех наших неудач, и говорили, что, не будь его, можно было бы еще спасти положение.

Но, когда я поставил вопрос о том, что пора от слов перейти к делу, мне отвечали, что роль Распутина в Царском Селе значительно преувеличена пустыми слухами.

Проявлялась ли в данном случае трусливая уклончивость людей, боявшихся рискнуть своим положением? Или они легкомысленно надеялись, что ничего страшного, даст Бог, не произойдет и «все образуется?» — я не знаю. Но в обоих случаях меня поражало отсутствие всякой тревоги за дальнейшую судьбу России. Я видел ясно, что привычка к спокойной жизни, жажда личного благополучия заставляли этих людей сторониться каких-либо решительных действий, вынуждающих их выйти из своей колеи. Мне кажется, они были уверены в одном, а именно, что старый порядок во всяком случае удержится. Этот порядок был тем стержнем, на котором они прочно сидели, как лист на ветке, а остальное их особенно не беспокоило. Выйдет ли Россия победительницей из страшной военной борьбы или вся кровь, пролитая русским народом, окажется напрасной, и ужасное поражение будет трагическим финалом огромного национального подъема, — не все ли им было равно? Меньше всего они способны были предполагать, что призрак грозной катастрофы надвигался все ближе и ближе и уже начинал принимать самые реальные очертания.

Правда, я встречал и таких, которые разделяли мои опасения, но эти люди были бессильны мне помочь. Один уже пожилой человек, занимавший тогда ответственный пост, сказал мне:

— Милый мой, что вы можете поделать, когда все правительство и лица, близко окружающие Государя, сплошь состоят из ставленников Распутина? Единственное спасение — убить этого мерзавца, но, к сожалению, на Руси не находится такого человека... Если бы я не был стар, то сам бы это сделал.

Видя, что помощи мне ждать неоткуда, я решил действовать самостоятельно.

Чем бы я ни занимался, с кем бы ни говорил, — одна навязчивая мысль, мысль избавить Россию от ее опаснейшего внутреннего врага, терзала меня.

Иногда среди ночи я просыпался, думая все о том же, и долго не мог успокоиться и заснуть.

— Как можно убить человека и сознательно готовиться к этому убийству?

Мысль об этом томила и мучила меня.

Но вместе с тем внутренний голос мне говорил: «Всякое убийство есть преступление и грех, но во имя Родины возьми этот грех на свою совесть, возьми без колебаний. Сколько на войне убивают неповинных людей, потому что они «враги отечества». Миллионы умирают... А здесь должен умереть один, тот, который является злейшим врагом твоей Родины. Это враг самый вредный, подлый и циничный, сделавший путем гнусного обмана Всероссийский престол своей крепостью, откуда никто не имеет силы его изгнать... Ты должен его уничтожить во что бы то ни стало...

Понемногу все мои сомнения и колебания исчезли. Я почувствовал спокойную решимость и поставил перед собой ясную цель: уничтожить Распутина. Эта мысль глубоко и прочно засела в моей голове и руководила уже всеми моими дальнейшими поступками.

V

Перебирая в уме тех друзей, которым бы я мог доверить свою тайну, я остановился на двоих из них. Это были — великий князь Дмитрий Павлович, с которым меня связывала давнишняя дружба, и поручик Сухотин, контуженный на войне и лечившийся в Петербурге.

Великий князь находился в Ставке, но ожидался в скором времени в Петербурге, а поручика Сухотина я видел почти ежедневно. Я решил, не откладывая, с ним переговорить и поехал к нему. В общих чертах изложив ему мой план, я спросил, хочет ли он принять участие в его исполнении. Сухотин согласился сразу, без малейшего колебания; он разделял мои взгляды на события и мои опасения.

В тот же день вернулся из Ставки в Петербург и Великий Князь Дмитрий Павлович. Приехав домой от Сухотина, я позвонил Великому Князю по телефону, и мы с ним условились, что я у него буду в пять часов дня. Я был уверен, что Великий Князь меня поддержит и согласится принять участие в исполнении моего замысла. Я знал, до какой степени он ненавидит «старца» и страдает за Государя и Россию.

Участию Великого Князя Дмитрия Павловича в заговоре против Распутина, в силу целого ряда причин, я придавал большое значение.

Я считал, что нужно быть готовым к самым печальным возможностям, к самым роковым событиям, но я не терял надежды и на то, что уничтожение Распутина спасет Царскую семью, откроет глаза Государю и Он, пробудившись от страшного распутинского гипноза, поведет Россию к победе.

Приближался решительный момент войны. К весне 1917 года предполагалось всеобщее наступление союзников на всех фронтах. Россия усиленно готовила к этому свою армию. Но нельзя было не сознавать, что для нанесения решительного удара врагу недостаточно одной технической подготовки фронта и тыла. Требовалось крепкое единодушие власти с народом, полное взаимного доверия и тот общенациональный подъем духа, которым было встречено объявление войны.

Между тем черная тень Распутина по-прежнему, как туча, нависла и над Ставкой, и над правящим Петербургом. Не дремала, конечно, и Германия: заплетая колючей проволокой подступы к своим укреплениям, она плела свои страшные сети и внутри России.

Германия следила за внутренним положением нашей Родины еще задолго до войны. Когда Император Вильгельм прилагал все свои старания к заключению союза между Германией и Россией, предвидя неминуемую всеобщую европейскую войну, он предупреждал Государя о Распутине и советовал Ему удалить от себя этого опасного и вредного человека. Германский Император понимал, что Распутин своей близостью к престолу компрометировал не только русского Царя, но и авторитет монархии вообще. Когда же союз с Германией был отвергнут, а затем и разразилась война, Вильгельм очень ловко использовал влияние Распутина. Германский генеральный штаб держал его невидимо в своих руках при помощи денег и искусно сплетенных интриг. Параллельно с этим немцы старались вызвать революцию и внутри страны, посылая к нам своих агентов и всячески поддерживая революционные организации, которые из-за границы подготавливали разрушение России.

Расчет на русскую революцию немцы, впрочем, делали и до войны. В Петербурге упорно говорили, что перед самым ее объявлением была случайно перехвачена и расшифрована телеграмма, посланная германским послом, графом Пурталесом, своему правительству в Берлин, в которой он сообщал, что момент для объявления войны наступил самый благоприятный, ибо Россия находится накануне революции. Кроме того, из содержания телеграммы ясно следовало, что Германия еще перед войной пересылала в Россию огромные суммы денег для пропаганды. Когда в первый период войны всеобщий патрио-

тический подъем в России обманул первоначальные расчеты немцев, они стали хлопотать о сепаратном мире, не оставляя тем не менее и революционной пропаганды.

С нетерпением я ждал свидания с великим князем Дмитрием Павловичем. В условленное время я отправился к нему во дворец и, застав его одного в кабинете, не медля приступил к изложению дела.

Подробно сообщив ему свой взгляд на создавшееся положение и рассказав ему о своем намерении, я спросил Великого князя, не желает ли он оказать мне свое содействие.

Великий князь, как я и ожидал, сразу согласился и сказал, что, по его мнению, уничтожение Распутина будет последней и самой действительной попыткой спасти погибающую Россию, что мысль об этом уже давно его мучила, но что он не представлял себе возможности ее осуществить. Я передал великому князю содержание моего последнего разговора с М. Г. Мой рассказ его несколько не удивил, так как он хорошо знал, что в Царском Селе все так рассуждают.

Великому князю через несколько дней нужно было вернуться в Ставку.

Он мне сказал, что долго там не останется, так как его там не любят и боятся его влияния; Воейков прилагает все усилия, чтобы отделаться от его присутствия около Государя, которого он совершенно забрал в свои руки.

Великий князь сообщил мне свои наблюдения над происходящим в Ставке. Он заметил, что с Государем творится что-то неладное. С каждым днем Он становится все более безразличным ко всему окружающему, ко всем происходящим событиям.

По его мнению, это все следствие злого умысла, что Государя спаивают каким-нибудь снадобьем, которое притупляюще действует на его умственные и волевые способности.

Наш разговор был прерван приездом каких-то гостей.

Мы условились с великим князем, что к его возвращению в Петербург (между 10 и 15 декабря) я разработаю план уничтожения Распутина и подготовлю все необходимое для его выполнения.

На этом мы расстались.

Итак, в принципе все было решено.

Со странным чувством возвращался я к себе домой. Я думал о том, что мысль, так меня волновавшая и мучившая, теперь из области моих личных переживаний начинает переходить в действительность... Еще так недавно она тяготила меня, как смутный бред, а теперь я уже не один: со мной мои единомышленники и друзья. Все теперь решено и все ясно.

Я ощущал огромное душевное облегчение.

Вечером ко мне заехал Сухотин. Я передал ему мой разговор с великим князем Дмитрием Павловичем, и мы приступили к обсуждениям дальнейшего образа действий.

Решено было, что прежде всего я войду в тесное общение с Распутиным, заручусь его доверием и постараюсь узнать от него самого как можно больше подробностей об его участии в политических событиях.

Затем предполагалось приложить все усилия, чтобы, не прибегая к крайним мерам, путем мирных уговоров или обещаний больших сумм денег отстранить его от Царского Села.

В случае же полной неудачи таких попыток оставалось одно — убить преступного «старца».

Но как и где привести в исполнение приговор над Распутиным?

Я предложил бросить жребий между нами троими. Тот, на кого он падет, должен будет застрелить Распутина у него на квартире.

VI

Через несколько дней ко мне позвонила по телефону М. Г. и сообщила:

— Завтра у нас будет Григорий Ефимович. Ему очень хочется с вами повидаться. И он, и я, мы очень просим вас завтра к нам прийти.

Я невольно вздрогнул, выслушав это приглашение... Сам собой открывался путь для достижения моей цели, но, идя по этому пути, я вынужден был обманывать человека, который искренно был ко мне расположен... Она не могла, да и не должна была подозревать, с какими намерениями я буду поддерживать знакомство с Распутиным. Однако и я, приняв известное решение, не мог и не должен был отступать перед ним.

Когда на следующий день я пришел к Г., я застал там М. Г. и ее мать.

Обе они уже давно мечтали о том, чтобы я подружился с Распутиным. Было очевидно, что их волнует предстоящая моя встреча с ним. Через некоторое время приехал и он сам.

С тех пор как я первый раз видел Распутина, он очень переменился.

Вероятно, обстановка, в которой теперь вращался и жил этот мужик, оторванный от свойственной ему здоровой физической работы, потонувший в полной праздности, проводящий свои ночи в кутежах, наложила на

него свой неизбежный отпечаток. Его лицо стало одутловатым, и он как-то весь обрюзг и опустился. Одет он был уже не в простую поддевку, а в шелковую голубую рубашку и бархатные шаровары. Весь его вид производил отталкивающее впечатление чего-то необычайно отвратительного. Держал он себя очень развязно.

Увидав меня, он прищурился и сладко улыбнулся, потом быстро подошел ко мне, обнял и поцеловал. Прикосновение Распутина вызвало во мне трудно преодолимое чувство гадливости, однако я пересилил себя и сделал вид, что очень рад встрече с ним.

Я заметил, что с М. Г. и ее матерью он обращался еще с большей фамильярностью, нежели прежде. Он хлопал их по плечу, по спине, а когда они предложили ему сесть к столу и выпить чаю, он даже не удостоил их ответом.

Он был в тот день чем-то озабочен, беспокойно ходил взад и вперед по комнате и несколько раз спрашивал М. Г., не вызывали ли его по телефону.

Но все же потом он сел рядом со мной и начал меня расспрашивать, что я делаю, где служу, скоро ли поеду на войну. Его покровительственный тон меня крайне раздражал, но я должен был казаться любезным и отвечал на его вопросы.

М. Г. с напряженным вниманием следила за нашим разговором.

Подробно узнав все, что его интересовало касательно меня, Распутин заговорил какими-то отрывочными, бессмысленными фразами о Боге, о братской любви. Я старался было вникнуть в содержание его речи, отыскать в ней что-нибудь оригинальное, своеобразное, но чем больше я к ней прислушивался, тем больше убеждался, что это все тот же набор слов, какой я слышал еще четыре года назад, при нашей первой встрече.

Слушая нелепое бормотание Распутина, я глядел на благоговейно-внимательные лица его поклонниц, боявшихся пропустить единый звук его бессвязной «проповеди», которая, конечно, казалась им полной глубокого и таинственного смысла

«До какого помрачения могут умственно и нравственно опуститься люди, — думал я, — этот обнаглевший негодяй бесстыдно их морочит, но они не хотят очнуться. Именно не хотят... Их приятно пьянит дурман этого распутинского наваждения; полуграмотный мужик, разваливающийся на мягких креслах, говорящий с апломбом первые попавшиеся слова, какие взбредут ему в голову, для них это — новое, невиданное; это волнует им нервы, наполняет их время, может быть, даже повергает в истерический экстаз... Но ведь этот мужик тешится не только над женской

экзальтированностью: он тешится над целой страной, он играет участью великого многомиллионного народа, толкает к гибели Россию и ее Царя».

Я вспомнил мой разговор с Великим Князем о тех лекарствах, которыми намеренно помрачали сознание Государя... Впрочем, не он один говорил мне об одурманивающих травах.

Распутин очень дружил с тибетским врачом Бадмаевым, жившим в то время в Петербурге. Бадмаев приехал в Россию еще при Императоре Александре III. Он был по происхождению тибетец и выдавал себя за высокообразованного врача, но по русским законам медицинская практика ему не была разрешена. Тем не менее он тайно принимал больных, и так как очень дорого брал и за свои советы, и за лекарства, которые, кстати, сам и изготовлял, то составил себе довольно большое состояние. Несколько раз за незаконное знахарство его привлекали к уголовной ответственности, однако он по-прежнему оставался в Петербурге и продолжал тайно лечить доверчивых людей, обращавшихся к нему за помощью.

Был ли Бадмаев действительно одним из настоящих тибетских ученых «лам», знающих все тайны тибетской медицины, основанной на многовековом изучении свойств различных растений, или он был только ловким знахарем, умевшим пользоваться некоторыми средствами, — решить трудно. Но как человек он представлял собой тип авантюриста самой низкой марки, ищущего денег и положения.

Он очень дружил с подонками петербургского политического мира, вроде известного проходимца, журналиста и дельца Манасевича-Мануйлова, князя М. М. Андронникова, темные интриги и мошенничества которых были разоблачены после революции.

Бадмаев всячески домогался влияния в политических сферах, и как только Распутин стал играть видную роль в Царском Селе, тибетский авантюрист не замедлил завязать с ним самую тесную дружбу.

Лечение Распутиным Государя и Наследника различными травами, конечно, производилось при помощи Бадмаева, которому, несомненно, были известны многие средства, незнакомые европейской науке. Сообщество этих двух людей — темного тибетца и еще более темного «старца» — невольно внушало ужас... И вспомнив обо всем этом, посмотрев на уверенно-небрежную позу Распутина, я понял, что никакая сила уже не может поколебать принятого мною решения.

Между тем разговор, вернее, речь Распутина продолжалась.

С благочестивых рассуждений он перешел на тему, которая близко его касалась. Он стал говорить о «несправедливом отношении к нему «злых людей», которые только и делают, что «клеветуют» на него, стараются его очернить в глазах Царя и Царицы. При этом он рассказывал о себе, что приносит людям счастье и что все те, которые находятся в дружеских отношениях с ним, угодны Господу Богу, а противящиеся ему всегда бывают наказаны.

Не раз слышав о том, что Распутин хвастается тем, что обладает даром исцелять всякие болезни, я решил, что самым удобным способом сближения с ним будет попросить его заняться моим лечением, тем более что как раз в это время я чувствовал себя не совсем здоровым. Я ему рассказал, что уже много лет я обращаюсь к разным докторам, но до сих пор мне не помогли.

— Вылечу тебя, — сказал Распутин, выслушав меня с большим вниманием. — Вылечу... Что доктора? Ничего не смыслят... Так себе, только разные лекарства прописывают, а толку нет... Еще хуже бывает от ихнего лечения. У меня, милый, не так, у меня все выздоравливают, потому что по-Божьему лечу, Божьими средствами, не то, что всякой дрянью... Вот сам увидишь.

В этот момент зазвонил телефон. Распутин, услышав его, прекратил беседу со мной и очень заволновался.

— Это меня, наверно, — сказал он и, обратившись к М. Г., повелительным тоном распорядился: — Сбегай да погляди, в чем дело, узнай там.

М. Г., ничуть не оскорбленная таким обращением, покорно встала и пошла на звонок.

Оказалось, что Распутина вызывали к телефону. Разговор длился недолго, он вернулся расстроенный, угрюмый, молча распростился с нами и поспешно уехал.

Эта встреча со «старцем» произвела на меня довольно неопределенное впечатление, и я решил пока не искать свидания с ним, но ждать, когда он сам захочет меня видеть.

Вечером в тот же день я получил записку от М. Г.: от имени Распутина она просила у меня извинения за то, что моя с ним беседа была прервана его внезапным отъездом, и приглашала меня опять приехать к ней на следующий день и в тот же час. В этой же записке она, по поручению «старца», просила меня захватить с собой гитару, так как Распутин очень любит цыганское пение и, узнав, что я пою, выразил желание меня послушать.

Теперь мне стало ясно, что он заинтересовался мною и хочет ближе со мной познакомиться.

Я уже больше не колебался ехать к М. Г., тем более что возлагал большие надежды на эту новую встречу.

Захватив с собой гитару, я в условленное время отправился в дом Г. и приехал, как и в первый раз, когда Распутина еще не было.

Воспользовавшись его отсутствием, я спросил у М. Г., почему он так внезапно уехал от них вчера.

— Ему сообщили, что одно важное дело приняло нежелательный оборот, — ответила она и добавила: — Но теперь, слава Богу, все улажено. Григорий Ефимович рассердился, накричал, а там испугались и послушались.

— Где «там»? — спросил я. М. Г. молчала и не хотела отвечать. Я стал настаивать.

— В Царском... — наконец, проговорила она неохотно. — Больше я вам ничего не скажу, — скоро сами услышите.

Позднее я узнал, что дело, столь тревожившее Распутина, касалось назначения Протопопова министром внутренних дел. Распутинская партия во что бы то ни стало желала провести это назначение, на которое Государь не соглашался. И вот стоило только Распутину самому съездить в Царское и, как выразилась М. Г., «рассердиться и накричать», — тотчас же все было исполнено согласно его воле.

— Разве и вы тоже принимаете участие в назначении министров? — спросил я М. Г.

Она смутилась и покраснела.

— Мы все, по мере наших сил, помогаем Григорию Ефимовичу, кто чем может. Ему все-таки трудно, он очень занят многими делами, и ему нужны помощники.

Наконец приехал Распутин. Он был весел и разговорчив.

— Ты прости меня, милый, за вчерашнее, — сказал он мне. — Ничего не поделаешь... Приходится худых людей наказывать: больно уже много их развелось за последнее время.

Затем, обращаясь к М. Г., он продолжал:

— Все сделал. Самому пришлось туда съездить... А как приехал, прямо на Аннушку¹ и наткнулся, она все хнычет, да хнычет, говорит: «Дело не выгорело; одна надежда на вас, Григорий Ефимович. Слава Богу, что приехали!» Иду и вижу, что Сама² тоже сердитая да надутая, а Он³ себе гуляет по комнате да насвистывает. Ну, как накричал маленько — приутихли... А уж как пригрозил, что уеду и вовсе их брошу, — тут сразу на все согласились... Да... Наговорили им,

---

¹ Вырубова

² Императрица

³ Государь

что то нехорошо, другое нехорошо... А что они сами-то понимают? Слушали бы больше меня; уж я знаю, что хороший он¹, да и в Бога верует, а это самое главное.

Распутин окинул всех самодовольным и самоуверенным взглядом, потом обратился к М. Г.:

— Ну, а теперь чайку попьем... Что же ты не угощаешь?

Мы прошли в столовую. М. Г. разлила нам чай, придвинув Распутину сладости и печенья разных сортов.

— Вот, милая, добрая, — заметил он, — всегда-то она обо мне помнит, — приготовит, что люблю... А ты принес с собой гитару? — спросил он меня.

— Да, гитара со мной.

— Ну, спой что-нибудь, а мы посидим да послушаем.

Мне стоило громадного усилия заставить себя петь перед Распутиным, но я все же взял гитару и спел несколько цыганских песен.

— Славно поешь, — одобрил он, — душа у тебя есть... Много души... А ну-ка еще!

Я пропел еще несколько песен, грустных и веселых, причем Распутин все настаивал, чтобы я продолжал пение. Наконец я остановился.

— Вот вам нравится мое пение, — сказал я ему, — а если бы вы знали, как у меня на душе тяжело. Энергии у меня много, желания работать тоже, а работать не могу — очень быстро утомляюсь и становлюсь больным...

— Я тебя мигом выправлю. Вот поедешь со мной к цыганам — всю болезнь как рукой снимет.

— Бывал я у них, да что-то не помогло.

Распутин рассмеялся:

— Со мной, милый, другое дело к ним ехать... Со мной и веселье другое и все лучше будет... — и Распутин рассказал со всеми подробностями, как он проводит время у цыган, как поет и пляшет с ними.

М. Г. и ее мать были смущены и озадачены такой откровенностью «праведного старца».

— Вы не верьте, — говорили они, — это Григорий Ефимович все шутит и нарочно на себя наговаривает.

Распутин за эту попытку защитить его репутацию настолько рассердился, что даже стукнул кулаком по столу и прикрикнул на обеих.

Мать и дочь сразу притихли.

«Старец» опять обратился ко мне:

— Ну, как? Поедешь со мной? Говорю, вылечу... Сам увидишь, вылечу и благодарить станешь... Да, кстати, и ее захватим с собой, — сказал он, указывая на М. Г.

---

¹ Протопопов

Она сильно покраснела, а мать ее сконфуженно начала увещевать Распутина:

— Григорий Ефимович, да что с вами? Зачем вы на себя клеветеете? Да еще и дочку мою сюда припутали. Куда ей ехать?.. Она все Богу с вами ходит молиться, а вы ее к цыганам зовете. Нехорошо так говорить.

— А ты что думаешь? — злобно посмотрев на нее, сказал Распутин. — Разве не знаешь, что со мною везде можно и греха в том никакого нет? Чего раскудахталась? А ты, милый, — заговорил он опять со мной, — не слушай ее, а делай, что я говорю, и все хорошо будет.

Предложение ехать к цыганам мне совсем не улыбалось, но прямо отказаться было нельзя, и я ответил Распутину на его приглашение уклончиво и неопределенно, ссылаясь на то, что нахожусь в Пажеском корпусе и не имею права ездить в увеселительные места.

Но Распутин настаивал на своем, уверяя, что он переоденет меня до неузнаваемости и все останется в секрете. Окончательного ответа он все же не добился: я лишь обещал позвонить ему вечером по телефону.

Распутин, видимо, почувствовал ко мне некоторую симпатию; на прощание он мне сказал:

— Хочу тебя почаще видеть, почаще... Приходи ко мне чайку попить, только уведошь заранее.

VII

Приехав домой, я застал у себя поручика Сухотина, который с нетерпением ждал моего возвращения от Г.

Второе свидание с Распутиным безусловно давало надежду на дальнейшее мое сближение с ним, необходимое для поставленной нами себе задачи. Но чего стоило таким путем подойти к этой цели!

После этих встреч у меня осталось непреодолимое чувство какой-то загрязненности: так, по существу, ужасна была вся обстановка поклонения этому грубому и наглому мужику его исступленных почитательниц.

Между прочим, при последнем моем разговоре с ним меня особенно неприятно поразило предложение Распутина, обращенное к М. Г., участвовать в его кутежах, и я не мог отогнать от себя тяжелой мысли о том, что нет пределов влиянию этого негодяя и нет границы порабощения слабых натур... Разве он способен щадить чистоту и наивность нерассуждающей веры?

Вечером я сказал «старцу» по телефону, что не могу ехать с ним к цыганам, так как на завтра у меня назначена в корпусе репетиция, к которой я должен усиленно го-

товиться. Подготовка к репетициям действительно занимала у меня много времени, благодаря чему мои свидания с Распутиным на время прекратились. Однажды, возвращаясь из корпуса и проезжая мимо дома, где жила семья Г., я встретился с М. Г. Она меня остановила:

— Как же вам не стыдно? Григорий Ефимович столько времени вас ждет к себе, а вы его совсем забыли! Если вы к нему заедете, то он вас простит. Я завтра у него буду; хотите, поедем вместе?

Я согласился.

На следующий день в условленный час я заехал за М. Г. Меня продолжала мучить мысль: неужели она решилась бы вместе с Распутиным поехать к цыганам? И что будет она мне отвечать, если я ей прямо поставлю вопрос об этом?

Когда мы сели в автомобиль, я сказал ей:

— Что означает предложение Григория Ефимовича взять вас вместе с нами в Новую Деревню к цыганам? Как надо понимать его слова?

М. Г. смутилась и на мой вопрос не дала мне прямого ответа. Я почувствовал, что мой разговор был ей крайне неприятен, и потому прекратил его.

Когда мы доехали до Фонтанки, моя спутница попросила меня остановить автомобиль и сказать шоферу, чтобы он ждал нас за углом. Это требовалось потому, что Распутина нельзя было посещать просто и открыто: его охраняла тайная полиция и записывала имена всех тех, кто к нему приезжал. А между тем М. Г. знала, до какой степени моя семья была настроена против «старца», и прилагала все свои старания к тому, чтобы мое сближение с ним оставалось тайной.

Мы дошли до ворот дома № 64 по Гороховой улице, прошли через двор и по черной лестнице поднялись в квартиру Распутина.

Дорогой М. Г. мне рассказала, что охрана помещается на главной лестнице и в состав охраны входят лица, поставленные от самого премьер-министра, от министра внутренних дел, а также от банковских организаций, но каких именно — она точно не знала.

Она позвонила.

Распутин сам отпер нам дверь, которая была тщательно заперта на замки и цепи.

Мы очутились в маленькой кухне, заставленной всякими запасами провизии, корзинами и ящиками. На стуле у окна сидела девушка, худая и бледная, со странно блуждающим взглядом больших темных глаз.

Распутин был одет в светло-голубую шелковую рубашку, расшитую полевыми цветами, в шаровары и высокие сапоги. Встретил он меня словами:

— Наконец-то пришел. А я ведь собирался было на тебя рассердиться: уж сколько дней все жду да жду, а тебя все нет!

Из кухни мы прошли в его спальню. Это была небольшая комната, несложно обставленная: у одной стены, в углу, помещалась узкая кровать; на ней лежал мешок из лисьего меха — подарок Анны Вырубовой; у кровати стоял огромный сундук. В противоположном углу висели образа с горящей перед ними лампадой. Кое-где на стенах висели царские портреты и лубочные картины, изображавшие события из священного писания.

Из спальни Распутин провел нас в столовую, где был приготовлен чай.

Там кипел самовар. Множество тарелок с печеньем, пирогами, сладостями и орехами, варенье и фрукты в стеклянных вазах заполняли стол, посередине которого стояла корзина с цветами.

Мебель была тяжелая, дубовая, стулья с высокими спинками и большой громоздкий буфет с посудой. На стенах висели картины, плохо написанные масляными красками; с потолка спускалась и освещала стол бронзовая люстра с большим белым стеклянным колпаком; у двери, выходящей в переднюю, помещался телефон.

Вся обстановка распутинской квартиры, начиная с объемистого буфета и кончая нагруженной обильными запасами кухни, носила отпечаток чисто мещанского довольства и благополучия. Литографии и плохо намалеванные картины на стенах вполне соответствовали вкусам хозяина, а потому, конечно, и не заменялись ничем иным.

Было видно, что столовая служила главной приемной комнатой «старца», в которой он вообще проводил большую часть своего времени, когда бывал дома.

Мы сели к столу, и Распутин начал угощать нас чаем.

Разговор сначала не клеился. Мне казалось, что Распутина сдерживало какое-то недоверие, а может быть, на его настроение действовал и телефон, который трещал без умолку и все время прерывал нашу беседу.

М. Г. чем-то была очень взволнована. Она то и дело вставала, выходила из-за стола, затем опять садилась.

Распутина, помимо телефона, несколько раз вызывали в соседнюю комнату, служившую ему кабинетом, где его ожидали какие-то просители. Вся эта суэта его раздражала, он нервничал и был не в духе.

В один из тех перерывов, когда он выходил в столовую, внесли огромную корзину цветов, к которой была приколата записка.

— Неужели это Григорию Ефимовичу? — спросил я М. Г.

Она утвердительно кивнула головой.

В этот момент вошел Распутин. Не обращая внимания на подношение, он сел за стол рядом со мной и налил себе чаю.

— Григорий Ефимович, — сказал я ему, — вам подносят цветы, точно какой-нибудь примадонне.

— Дуры... Все дуры балуют. Каждый день свежие носят, знают, что люблю, цветы-то...

Он рассмеялся:

— Эй, ты, — обратился он к М. Г., — пойди-ка в другую комнату, а мы тут с ним поболтаем.

М. Г. послушно встала и вышла.

Оставшись наедине со мной, Распутин пододвинулся и взял меня за руку.

— Ну, что, милый, — ласковым голосом произнес он, — нравится тебе моя квартира? Хороша?.. Ну вот, теперь и приезжай почаще, хорошо тебе будет...

Он гладил мою руку и пристально смотрел мне в глаза.

— Ты не бойся меня, — заговорил он вкрадчиво, — вот как поближе-то сойдемся, то и увидишь, что я за человек такой... Я все могу... Коли Царь и Царица меня слушают — значит, и тебе можно. Вот нынче увижу их да расскажу, что ты чай у меня пил. Довольны будут!

Это намерение Распутина сообщить в Царском Селе о моих посещениях его дома совсем меня не устраивало. Я знал, что Императрица сейчас же скажет об этом Вырубовой, которая отнесется к моей «дружбе» со «старцем» весьма подозрительно, ибо она не раз слышала лично от меня самые откровенные и неодобрительные отзывы о нем.

— Нет, Григорий Ефимович, вы там ничего не говорите обо мне. Чем меньше люди будут знать о том, что я у вас бываю, тем лучше. А то начнут сплетничать и дойдут слухи до моих родных, а я терпеть не могу всяких семейных историй и неприятностей.

Распутин согласился со мной и обещал ничего не рассказывать.

Беседа наша коснулась политики. Он начала нападать на Государственную думу:

— Там про меня только худое распускают да смущают этим Царя... Ну, да недолго им болтать: скоро Думу распущу, а депутатов всех на фронт отправлю; уж я им покажу, тогда и вспомнят меня.

— Григорий Ефимович, неужели вы на самом деле можете Думу распустить, и каким образом?

— Эх, милый, дело-то простое... Вот будешь со мной дружить, помогать мне, тогда все и узнаешь, а покамест вот я тебе что скажу: Царица уж больно мудрая правительница... Я с ней все могу делать, до всего дойду, а Он —

Божий человек. Ну, какой же Он Государь? Ему бы только с детьми играть, да с цветочками, да огородом заниматься, а не царством править... Трудновато Ему, вот и помогаем с Божьим благословением.

Я негодовал, слушая, с каким снисходительным пренебрежением этот зазнавшийся мужик-конокрад говорит о русском Императоре. Однако я сдержал себя и очень спокойным тоном стал говорить, что ведь он, Распутин, и сам не знает, какие люди его окружают, хорошие или плохие советы они ему дают, добиваясь того, чтобы он при помощи своего влияния в Царском Селе проводил их в жизнь.

— Почему вы знаете, Григорий Ефимович, чего от вас самих разные люди добиваются и какие у них цели? Может быть, они вами пользуются для своих грязных расчетов?

Распутин снисходительно усмехнулся:

— Что, Бога хочешь учить? Он, Бог-то, недаром меня послал Своему Помазаннику на помощь... Говорю тебе: пропали бы Они без меня вовсе. Я с Ними попросту: коли не по-моему делают, сейчас стукну кулаком по столу, встану и уйду, а Они за мной вдогонку бегут, упрашивать начнут: «Останься, Григорий Ефимович. Что прикажешь — все сделаем, только уж не покидай ты нас». Вот оно, милый, как Они меня любят да уважают. Намедни, — продолжал Распутин, — говорил я Им про одного человека, что назначить его нужно, а Они все оттягивают да оттягивают... Ну, я и пригрозил: «Уеду, говорю, от вас в Сибирь, а вы тут все без меня сгниете, да и мальчика своего погубите, коли от Бога отвернетесь и к дьяволу попадете». Вот как, милый. А тут еще всякие людишки около Них копошатся да нашептывают Им, что-де Григорий Ефимович дурной человек, зла Им желает... А на что я стану Им зло делать? Они люди хорошие, благочестивые...

— Григорий Ефимович, ведь этого мало еще, что вас любят Государь и Императрица, — сказал я, — ведь вы знаете, как о вас дурно говорят, что о вас рассказывают. И всем этим рассказам верят не только в России, но и за границей; там в газетах о вас пишут... Вот я и думаю, что если на самом деле вы любите Государя и Государыню, то вам следовало бы отстраниться от них и уехать подобра-поздорову к себе в Сибирь, а то, не ровен час, прихлопнуть вас могут... Что тогда будет?

— Нет, милый, ты ничего не знаешь, оттого так и говоришь, — ответил Распутин. — Господь этого не допустит. Коли Его воля была к Ним приблизить, значит, так надобно... А что людишки там говорят али заграничные газеты пишут — наплевать, пусть болтают, — только сами себя погубят.

Распутин встал и начал ходить нервными шагами взад и вперед по комнате.

Я внимательно следил за ним. Он был утрюм и сосредоточен.

Вдруг, резко повернувшись, он подошел ко мне, близко нагнулся к моему лицу и пристально на меня посмотрел.

Мне стало жутко от этого взгляда; в нем чувствовалась огромная сила.

Не отводя от меня глаз, Распутин погладил меня по спине, хитро улыбнулся и вкрадчивым, слащавым голосом спросил, не хочу ли я вина. Получив утвердительный ответ, он достал бутылку мадеры, налил себе и мне и выпил за мое здоровье.

— Когда опять ко мне приедешь? — спросил он.

В эту минуту вошла в столовую М. Г. и напомнила ему, что пора ехать в Царское Село и что автомобиль ждет.

— А я-то заболтался и позабыл, что дожидают меня там. Ну, ничего, не впервой им. Иной раз звонят, звонят по телефону, посылают за мной, а я нежду... А приеду неожиданно, — вот и радость большая, от этого и цены мне больше. Ну, прощай, милый, — обращаясь ко мне, сказал Распутин. Затем, взглянув на М. Г., он прибавил, указывая на меня: — Умный, умный. Только бы вот не сбили с толку... Станет ежели меня слушать — все будет хорошо. Правду я говорю. Вот растолкуй ты это ему, чтобы хорошенько понял... Ну, прощай, прощай. Заходи скорей. — И он меня обнял и поцеловал.

Дождавшись отъезда Распутина, М. Г. и я сошли по той же черной лестнице и, выйдя на Гороховую, направились к Фонтанке, где нас ожидал автомобиль.

Дорогой М. Г. опять делилась со мной своими чувствами к «старцу».

— Не правда ли, как у Григория Ефимовича хорошо и как в его присутствии забываешь все мирское? — говорила она. — Он вносит в человеческие души какое-то удивительное спокойствие.

Мне оставалось только согласиться с ней, но я тем не менее высказал ей следующую мысль:

— А вы знаете, — сказал я, — что Григорию Ефимовичу следовало бы как можно скорее покинуть Петербург?

— Почему? — испуганно спросила она.

— Да потому, что его скоро убьют. Я в этом совершенно уверен и советую вам сделать все, чтобы повлиять на него в должном направлении. Уехать ему необходимо.

— Нет, нет! — в ужасе воскликнула МГ Г. — Этого никогда не будет. Господь не отнимет его у нас. Поймите, что он — наше единственное утешение и поддержка. Если его не станет, то все пропало. Императрица верит, что, пока Григорий Ефимович здесь, с Наследником ничего не случится, а как только он уедет, то Наследник непременно

заболеет... Это уж не раз бывало, что с его отъездом Наследнику делалось плохо и приходилось Григорию Ефимовичу с дороги возвращаться. И удивительно: как только он вернется, мальчик сразу поправляется. Григорий Ефимович и сам говорит: «Если меня убьют, то и Наследнику не быть живому — непременно умрет».

Ведь на Григория Ефимовича было уже несколько покушений и Господь сохранил его, — продолжала М. Г. — Он теперь так осторожен и у него такая охрана, что за него нечего бояться.

Мы подъехали к дому, где жила семья Г.

— Когда я вас снова увижу? — спросила меня М. Г.

Я попросил ее мне позвонить после того, как она снова увидится со «старцем». Мне очень хотелось узнать, какое впечатление произвел на него мой последний с ним разговор.

Вспоминая все, что я только что слышал и от самого Распутина и от М. Г., я невольно сопоставлял это с нашим намерением удалить «старца» от Царской семьи мирным путем. Теперь мне становилось ясно, что никакими способами нельзя будет добиться его отъезда из Петербурга навсегда: он слишком твердо чувствует под собой почву, слишком дорожит своим положением. Усиленная охрана, следившая за каждым его шагом, внушала ему несомненную уверенность в полной его безопасности. Что же касается денег, которыми можно было бы его соблазнить, то едва ли и деньги могли бы его заставить отказаться от всех тех неограниченных преимуществ, которыми он пользовался.

«У Распутина, — думал я, — достаточно источников для получения необходимых ему средств на кутежи и пьянство. Все его несложные потребности могут быть удовлетворены с избытком, а, кроме того, быть может, у него есть способы для приобретения таких богатств, которых мы и не сможем ему предложить. Если он действительно немецкий агент или нечто в этом роде, то Германия не пожалеет золота ради своих выгод, ради своей победы».

Отчетливо рисовалась моему сознанию необходимость прибегнуть к последнему средству избавления России от ее злого гения...

VIII

Занятия в Пажеском корпусе по-прежнему отнимали у меня много времени, а строевые учения сильно меня утомляли.

Я возвращался из корпуса очень усталым, а вместо отдыха должен был обдумывать намеченную нами тяже-

лую задачу и принимать все нужные меры для ее выполнения.

Навязчивая мысль о Распутине томила меня точно болезнью. Я был не в силах остановить работу этой мысли, которая непрерывно вращалась в моем мозгу и заставляла меня с разных сторон обдумывать не только принятое нами решение, но также личность самого «старца» и тайну влияния этого странного и страшного человека.

Моему воображению рисовался чудовищный заговор против России, и в центре его стоял этот «старец», волею неумолимого рока или игрою несчастного случая ставший опасным орудием в руках наших врагов.

«Сознает ли он смысл всего того, что он делает? — думал я. — Нет, конечно, не сознает. Он не может понять, насколько сложна та паутина, которой он опутан, как тонка ухищренность и дьявольская изобретательность людей, им руководящих».

Темный, еле грамотный мужик, он не мог, конечно, во многом разбираться, многого не понимал. Беспринципный, циничный, жадный до денег, достигнув неожиданно для себя головокружительного успеха, он стал еще беспринципнее, циничнее и жаднее.

Неограниченное влияние в высших кругах, подвострастное поклонение психически расстроенных женщин, разгул без удержу и развращающая непривычная изнеженность погасили в нем последнюю искру совести, придушили всякую боязнь ответственности. Хитрый, в высшей степени приметливый, он несомненно обладал колоссальной силой гипноза. Мне не раз казалось, когда я смотрел ему в глаза, что, помимо всех своих пороков, он одержим каким-то внутренним «беснованием», которому он подчиняется, и в силу этого многое делает без всякого участия мысли, а по какому-то наитию, похожему на припадочное состояние. «Бесноватость» сообщает особенную уверенность некоторым его словам и поступкам, а потому люди, не имеющие твердых душевных и волевых устоев, легко ему подчиняются. Конечно, и его положение — первого советника и друга Царской семьи — помогает ему поработать людей, особенно тех, которых ослепляет всякая власть вообще.

Но кто же были те люди, которые так умели им пользоваться в своих целях и издали незаметно им руководить?

Едва ли он был достаточно осведомлен о их настоящих намерениях и о том, кто они такие в действительности. Имен их он не знал, так как вообще не помнил, как кого зовут, и имел обыкновение всем давать клички. Упоминая намеками о своих таинственных руководителях, он их на-

звал «зелеными». Лично он их, вероятно, и не видел никогда, а сносился с ними через третьих или даже четвертых лиц.

В одном из разговоров со мной он как-то мне сказал:

— Вот зеленые живут в Швеции, поедешь туда и познакомишься.

— А в России есть «зеленые»? — спросил я.

— Нет, только «зелененькие», друзья ихние, да еще наши есть, умные все люди, — ответил он.

Думая обо всем этом, об этой распутинской тайне, быть может, гораздо более сложной, чем он сам, я все же ждал дальнейших событий и обещанного телефона от М. Г.

Наконец она позвонила и сообщила, что Распутин снова приглашает меня с собой к цыганам.

Один раз мне уже удалось отделаться от этой поездки, и я надеялся избавиться от нее и теперь. Я опять сослался на репетицию в корпусе и сказал, что если Григорий Ефимович хочет меня видеть, то я опять приеду к нему пить чай. Мы условились, что на следующий день, как и в предыдущий раз, я заеду за М. Г. и мы с ней вместе отправимся к Распутину.

Мое второе посещение «старца» оказалось еще более интересным.

Мы почти все время были с ним вдвоем.

Он особенно был ласков со мной в этот день, и я ему напомнил о его обещании меня лечить.

— В несколько дней вылечу, вот сам увидишь. Пойдем в мой кабинет, там никто нам мешать не станет. Погоди только, вот раньше чайку напьемся, а там с Божьей помощью и начнем. Я помолюсь и болезнь из тебя выгоню, ты только слушай меня, милый, все тогда хорошо будет.

После чая Распутин провел меня в свой кабинет. Там я был впервые. Мы вошли в небольшую комнату с кожаным диваном и такими же креслами; огромный письменный стол был весь завален бумагами.

«Старец» уложил меня на диван, стал передо мной и, пристально глядя мне в глаза, начал поглаживать меня по груди, шее и голове.

Потом он вдруг опустился на колени и, как мне показалось, начал молиться, положив обе руки мне на лоб. Лица его не было видно, так низко он наклонил голову.

В такой позе он простоял довольно долго, затем быстрым движением вскочил на ноги и стал делать пассы. Видно было, что ему были известны некоторые приемы, применяемые гипнотизерами.

Сила гипноза Распутина была огромная.

Я чувствовал, как эта сила охватывает меня и разливается теплотой по всему моему телу. Вместе с тем я весь

был точно в оцепенении: тело мое онемело. Я попытался говорить, но язык мне не повиновался, и я медленно погружался в сон, как будто под влиянием сильного наркотического средства. Лишь одни глаза Распутина светились передо мной каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь и сливаясь в один яркий круг.

Этот круг то удалялся от меня, то приближался, и когда он приближался, мне казалось, что я начинаю различать и видеть глаза Распутина, но в эту самую минуту они снова исчезали в светящемся кругу, который постепенно отодвигался.

До моего слуха доносился голос «старца», но слов я различить не мог, а слышал лишь неясное его бормотанье.

В таком положении я лежал неподвижно, не имея возможности ни кричать, ни двигаться. Только мысль моя еще была свободна, и я сознавал, что постепенно подчиняюсь власти загадочного и страшного человека.

Но вскоре я почувствовал, что во мне, помимо моей воли, сама собой пробуждается моя собственная внутренняя сила, которая противодействует гипнозу. Она нарастала во мне, закрывая все мое существо невидимой броней. В сознании моем смутно всплывала мысль о том, что между мной и Распутиным происходит напряженная борьба и что в этой борьбе я могу оказать ему сопротивление, потому что моя душевная сила, сталкиваясь с силой Распутина, не дает ему возможности всецело овладеть мной.

Я попытался сделать движение рукой — рука повиновалась. Но я все-таки продолжал лежать в том же положении, ожидая, когда Распутин сам скажет мне подняться и встать.

Теперь я уже ясно различал его фигуру, лицо, глаза. Страшный яркий круг совершенно исчез.

— Ну, милый, вот на первый раз и довольно будет, — проговорил Распутин.

Он внимательно следил за мной, но, очевидно, мог наблюдать и заметить только одну сторону моих ощущений; мое сопротивление гипнозу ускользнуло от него.

Самодовольная улыбка играла на его лице, и он говорил со мной тем уверенным тоном, который дает человеку сознание его полного господства над другим. Очевидно, он не сомневался уже теперь в том, что и я покорился его силе, и мысленно причислил меня к своим послушным приверженцам.

Резким движением он потянул меня за руку. Я приподнялся и сел. Голова моя кружилась и во всем теле ощущалась слабость. Сделав над собой усилие, я встал с дивана и прошелся по комнате, но ноги мои были как парализованы и плохо мне повиновались.

Распутин продолжал следить за каждым моим движением.

— Это Божья благодать, — проговорил он, — вот увидишь, как скоро тебе полегчает и вся болезнь твоя пройдет.

Прощаясь, он взял с меня обещание опять приехать к нему в один из ближайших дней.

После этого гипнотического сеанса я много раз бывал у Распутина то с М. Г., то один.

Лечение продолжалось, и с каждым днем доверие «старца» ко мне возрастало.

Мы иногда подолгу с ним беседовали. Считая меня своим другом, непоколебимо уверовавшим в его божественную миссию, рассчитывая на мое содействие и поддержку во всем, Распутин не находил нужным передо мною скрываться и постепенно открыл мне все свои карты. Он настолько был убежден в силе своего влияния на людей, что не допускал даже мысли о том, что я могу не быть в его власти.

— Знаешь, милый, — сказал он мне однажды, — смысленный больно ты и говорить с тобой легко: все сразу понимаешь. Захочешь — хоть министром сделаю, только согласишься.

Такое предложение Распутина сильно меня смутило. Я знал, как ему легко всего добиться, и знал также, к какому скандалу это может привести.

Я с удовольствием вам буду помогать, только уж в министры меня не назначайте, — ответил я ему смеясь.

— Ты чего смеешься? — удивился Распутин. — Думаешь, не могу? Все могу. Что пожелаю, то и делаю, и все слушаются. Вот увидишь, будешь министром.

Настойчивый уверенный тон Распутина меня испугал не на шутку. Я уже рисовал себе всеобщее удивление, после того как в газетах прочтут о таком моем значении.

— Григорий Ефимович, ради Бога, не надо этого! — взмолился я. — Подумайте, какой же я министр. Да, наконец, на что мне это нужно... Гораздо лучше будет, если я стану вам помогать так, чтобы никто об этом не знал.

— Ну, пожалуй, пускай будет по-твоему, коли так, — согласился наконец Распутин. — А редко вот как этак говорит, — прибавил он, — все больше меня просят: то устрой, это устрой; всякому что-нибудь нужно.

— А как же вы эти просьбы исполняете? — спросил я.

— Пошлю кого к министру, кого к другому важному лицу с моей записочкой, чтобы устроили, а то и прямо в Царское... Так вот и распределяю.

— И вас все министры слушают?

— Все! — воскликнул Распутин. — Все... Ведь мной они поставлены, как же им меня-то не слушаться? Знают, что, коли пойдут против меня, несдобровать им. Сам премьер, и тот не смеет мне поперек дороги становиться. Вот нынче через своего знакомого пятьдесят тысяч предлагал, чтобы, значит, Протопопова сменить... Сам-то небось боится ко мне идти — приятелей своих подсылает. А Хвостов-то¹, каков гусь, а? Бегал, бегал ко мне, а как я его назначил, зазнался, да и поворотил против меня. Вестимо, сместили его, — наказан за дело. Теперича, поди, не раз спохватывается да и жалеет... Так-то вот, — после небольшой паузы прибавил Распутин. — Ты сам посуди: Царица сама у меня другом, как же им-то не повиноваться?

— Все меня боятся, все... Как тресну мужицким кулаком — все сразу и притихнет, — сказал Распутин, не без удовольствия взглядывая на свою узловатую руку.

— С вашей братьей, аристократами (он особенно как-то произносил это слово), только так и можно. Завидуют мне больно, что в смазных сапогах по царским-то хоромам разгуливаю... Гордости у них беда сколько! А от гордости-то у нас, милый, весь грех начинается. Ежели Господу хочешь угодить, первое дело убей свою гордыню.

Распутин цинично расхохотался и начал рассказывать, каким способом нужно подавлять в себе гордыню.

— А вот что, милый, — заговорил он, взглянув на меня со странной улыбкой. — Бабы эти хуже мужчин, с их-то и надо начинать. Да... Вот вожу я всяких барынь в баню, приведу их туда и говорю: раздевайся теперича и мой меня, мужика... Ну, ежели которые начнут жеманиться, кривляться, у меня с ними расправа короткая... тут вся гордыня и соскочит...

Я молча с ужасом его слушал, боясь своими вопросами или замечаниями прервать этот чудовищный рассказ, совершенно непередаваемый в печати. Он, видимо, был навеселе и говорил с непривычной откровенностью. Налив себе еще мадеры, он откашлялся и продолжал:

— А ты чего так мало пьешь? Вина, что ли, боишься? Оно-то самое лучшее лекарство будет. От всех болестей вылечивает и в аптеке не готовится. Настоящее Божье средство, и душе и телу крепость придает. А меня

---

¹ А. А. Хвостов был в 1914 году нижегородским губернатором, затем, благодаря интригам Распутина, был назначен министром внутренних дел. Сознывая опасность влияния Распутина на государственные дела, Хвостов вместе с начальником полиции генералом Курловым решил отравить «старца» Это покушение не удалось, так как генерал Курлов обманул Хвостова, передав ему вместо яда какую-то безвредную жидкость. Кроме того, он донес на Хвостова, который был немедленно уволен в отставку.

Господь Бог такой силой наградил, что предела этому нет. А знаешь ты Бадмаева? Ужо познакомлю тебя с ним. Вот у него лекарства какие хочешь, вот уж это настоящий доктор. Что там Боткины да Деревенки — ничего они не смыслят: пишут всякую дрянь на бумажках, думают, больной-то поправляется, а ему все хуже да хуже. У Бадмаева средства все природные, в лесах, в горах добываются, насаждаются Господом Богом, и, значит, Божеская благодать в них.

— Григорий Ефимович, — перебил я Распутина, — а что, Государя и Наследника тоже лечат этими средствами?

— Как не лечат. Даем им. Сама¹ и Аннушка² доглядывают за этим. Боятся они все, что Боткин узнает, а я им говорю: коли узнает кто из ваших докторов про эти мои лекарства, больному заместо пользы от них только большой вред будет. Ну, вот они и опасаются — все и делают втихомолку.

— Какие же это лекарства, которые вы даете Государю и Наследнику?

— Разные, милый, разные... Вот ему Самому-то дают чай пить, и от этого чаю благодать Божия в нем разливается, делается у него на душе мир, и все ему хорошо, все весело — да ай люли малина. Да и то сказать, — продолжал Распутин, — какой же он Царь-Государь? Божий он человек. Вот уж увидишь, как все устроим: все у нас будет по-новому.

— О чем вы говорите, Григорий Ефимович? Что будет по-новому?

— Ох, уж больно ты любопытный. Все бы тебе знать да знать... Придет время, все сам узнаешь.

Я никогда еще не видел Распутина столь разговорчивым. Очевидно, выпитое вино развязало ему язык. Мне же не хотелось упускать случая выведать от этого преступного «старца» возможно подробнее весь его дьявольский план. Я предложил ему еще выпить со мной. Мы долго молча наполняли наши стаканы. Распутин залпом опустошал свой, а я делал вид, что пью: подносил стакан ко рту и ставил его нетронутым на стол за вазой с фруктами, которая стояла между нами. Таким образом, Распутин пил один.

Когда одна бутылка крепкой мадеры была выпита, мой собеседник поднялся и, шатаясь, подошел к буфету за второй. Я опять наполнил ему его стакан, все так же делая вид, что наливаю и свой.

---

¹ Императрица.

² Вырубова

Осторожно возобновил я прерванный разговор:

— Григорий Ефимович, помните, вы мне недавно говорили, что хотите сделать меня вашим помощником. Я согласен вам помогать, но для этого мне необходимо знать, что вы надумали. Вот, например, вы только что говорили, что все будет по-новому, а как и что — я не знаю.

Распутин пристально посмотрел на меня, прищурился и, немного подумав, сказал:

— Вот что, дорогой: будет, довольно воевать, довольно крови пролито; пора всю эту канитель кончать. Что, немец разве не брат тебе? Господь говорил: «люби врага своего, как любишь брата своего», а какая же тут любовь?.. Сам-то¹ все артачится, да и Сама тоже уперлась; должно, опять там кто-нибудь их худому научает, а они слушают... Ну, да что там говорить! Коли прикажу хорошенько — по-моему сделают, да только у нас не все еще готово.

— Когда с этим делом покончим, на радостях и объявим Александру с малолетним сыном, а Самого-то на отдых в Ливадию отправим... Вот-то радость ему огородником заделаться! Устал он больно, — отдохнуть надо, да, глядишь, там, в Ливадии-то, около цветочков, к Богу ближе будет. А у него на душе много есть чего замаливать; одна война чего стоит — всю жизнь не замолишь!..

— Коли не та бы стерва², что меня тогда пырнула, был бы я здесь и уж не допустил бы до кровопролития... А то тут без меня все дело смастерили всякие там Сазоновы да министры окаянные; сколько беды наделали!

— А сама Царица — мудрая правительница, вторая Екатерина. Уж небось последнее-то время она и управляет всем сама, и погляди: что дальше, то лучше будет.

— Обещалась перво-наперво говорунов³ разогнать. К черту их всех! Ишь, выдумали что, против помазанников Божиих пойдут. А тут их по башке и стукнем. Давно бы их пора к чертовой матери послать... Всем, всем, кто против меня кричит, худо будет!!

Распутин все больше и больше горячился. Возбужденный вином и своими замыслами, он, казалось, и не думал ничего скрывать от меня:

---

¹ Государь.

² На жизнь Распутина покушались не раз, но безуспешно. В 1914 году крестьянка Гусева, которая жила с ним в продолжении нескольких лет, но в конце концов променяла его на монаха Илиодора, нанесла ему удар ножом в живот. Рана была настолько серьезна, что неделями он был между жизнью и смертью, и только благодаря его необыкновенно крепкому сложению он поправился. Когда Гусева была привлечена к ответственности, она объявила, что Распутин ее соблазнил. Ее отправили в дом умалишенных.

³ Распутин так называл членов Государственной думы.

— Я точно зверь травленный: все меня загрызть хотят... Поперек горла им стою. Все аристократы... За то народ меня уважает, что в мужицком кафтане да в смазных сапогах у самого Царя да у Царицы советником сделался. На то воля Божья! И дал мне Господь силу: все вижу да знаю, кто что замышляет...

— Вот недавно от генерала Рузского приходят ко мне, а я им прямо в лицо: «Зачем, — говорю, — пришли?» Ну, да уж обещал устроить; хороший он человек.

— Просят все меня евреям свободу дать... Чего ж, думаю, не дать? Такие же люди, как и мы — Божья тварь.

— Вот видишь, — продолжал Распутин, — работы-то сколько! А помощников нету, все самому надо делать, а везде-то не поспеешь... Ты — смышленный, мне и помогать будешь. Я тебя познакомлю с кем следует, и деньжонку загребешь... Только, пожалуй, тебе и ни к чему это: у тебя небось богатства-то побольше, чем у самого Царя? Ну, бедным отдашь, всякий рад лишний грош получить...

Резко прозвучал звонок и оборвал речь Распутина. Он засуетился. По-видимому, он кого-то ожидал к себе, но, увлекшись разговором со мной, забыл о назначенном свидании и, теперь вспомнив о нем, заволновался, опасаясь, чтобы вновь пришедшие не застали меня у него.

Быстро вскочив из-за стола, он провел меня через переднюю в свой кабинет и поспешно вышел оттуда. Я слышал, как торопливыми и неверными шагами он шел по передней, по дороге за что-то зацепил, уронил какой-то предмет и громко выругался. Он едва держался на ногах, но не терял при этом соображения. Невольно я подивился крепости этого человека.

Из передней до меня донеслись голоса вошедших. По-видимому, их было несколько человек; они вошли в столовую.

Я приблизился к дверям кабинета, которые выходили в переднюю, и начал прислушиваться. Разговор велся вполголоса, и разобрать его было очень трудно. Тогда я осторожно приоткрыл двери и в образовавшуюся таким образом щель, через переднюю и открытые двери столовой, увидел Распутина, сидящего за столом на том месте, где он только что беседовал со мной.

Совсем близко к нему сидели пять человек; двое других стояли за его стулом. Некоторые из них что-то быстро заносили в свои записные книжки.

Я мог рассмотреть тайных гостей Распутина: лица у всех были неприятные. У четырех был, несомненно, ярко выраженный еврейский тип; трое других, до странности похожие между собой, были белобрысые, с красными лицами и маленькими глазами. Одного из них, как мне по-

казалось, я где-то видел, но не мог вспомнить, где именно. Одеты они все были скромно; некоторые из них сидели, не снимая пальто.

Распутин среди них совсем преобразился. Небрежно развалившись, он сидел с важным видом и что-то им рассказывал.

Вся группа эта производила впечатление собрания каких-то заговорщиков, которые что-то записывали, шепотом совещались, читали какие-то бумаги. Иногда они смеялись.

У меня мелькнула мысль: не «зелененькие» ли это, о которых мне рассказывал Распутин?

После всего того, что я от него слышал, у меня не было сомнений, что передо мной было сборище шпионов. В этой скромно обставленной комнате с иконой Спасителя в углу и царскими портретами по стенам, видимо, решалась судьба многомиллионного народа.

Мне хотелось скорее покинуть эту проклятую квартиру, но кабинет Распутина, где я находился, имел только один выход и уйти оттуда незамеченным было невозможно. После некоторого времени, которое мне показалось бесконечным, появился, наконец, Распутин с веселым и самодовольным лицом. Мне трудно было бороться с тем чувством отвращения, которое я испытывал к этому негодяю, и потому я быстро простился с ним и вышел.

IX

После всех моих встреч с Распутиным, всего виденного и слышанного мной я окончательно убедился, что в нем скрыто все зло и главная причина всех несчастий России: не будет Распутина, не будет и той сатанинской силы, в руки которой попали Государь и Императрица. Казалось, сама судьба свела меня с этим человеком, чтобы я собственными глазами увидел, какую роль он играет, куда ведет нас всех его ничем не ограниченное влияние.

Чего еще было ждать?

Можно ли было щадить Распутина, который губил Россию и династию, который своим предательством увеличивал количество жертв на войне?

Есть ли хоть один честный человек, который не пожелал бы искренно его погибели?

Следовательно, вопрос состоял уже не в том, нужно ли было вообще уничтожить Распутина; а только в том, мог ли именно я брать на себя эту ответственность?

И я ее взял.

Я больше не мог продолжать эту отвратительную игру в «дружбу», которая так меня тяготила.

Первоначальный наш план, застрелить «старца» у него на квартире, оказался неудобным ввиду того напряженного состояния, в котором находилась вся страна: война была в полном разгаре, армия готовилась к наступлению, и факт открытого убийства Распутина мог быть истолкован, как демонстрация против Царской семьи.

Момент был слишком опасный для открытого выступления. Мне казалось, что Распутин должен исчезнуть таким образом, чтобы никто не знал, куда и при каких обстоятельствах он исчез. Виновники этого исчезновения тем более должны были оставаться неизвестными.

Я думал тогда, что члены Государственной думы, Пуришкевич и Маклаков, которые сознавали весь вред Распутина, сумеют дать мне хороший совет. Их речи, произнесенные с думской трибуны, неизгладимо запечатлелись в моей памяти.

Те, которые так горячо говорили против «старца», не могут не разделять моих соображений, не могут не одобрить моего намерения. Я верил, что они мне помогут.

Первый, к кому я обратился, был Маклаков. Предварительно условившись с ним о свидании, я отправился к нему на квартиру. Наш разговор был очень краток. В немногих словах я изложил ему мой план и спросил, каково его мнение.

Маклаков уклонился от определенного ответа. Колебание и недоверие прозвучало в его вопросе:

— Почему вы именно ко мне обратились?

— Я был в Думе и слышал вашу речь... — ответил я.

Мне было ясно, что он про себя одобряет мое намерение, но я не мог сразу решить, чем он руководствуется в своих уклончивых ответах: недоверием ли ко мне, как к мало знакомому человеку, или просто боязнь быть замешанным в опасном предприятии. Во всяком случае я после непродолжительной беседы с Маклаковым убедился, что иметь дело с ним не стоит.

Возвратившись домой, я протелефонировал Пуришкевичу и условился заехать к нему на другой день утром.

Свидание мое с ним носило совершенно иной характер, чем разговор с Маклаковым. Когда я заговорил о Распутине и сообщил о своем намерении с ним покончить, Пуришкевич со свойственной ему живостью и горячностью воскликнул:

— Это моя давнишняя мечта. Я всей душой готов помочь вам, если вы только пожелаете принять мои услуги, но ведь это не так легко, как вы думаете: чтобы добраться

до Распутина, надо пройти через целый строй сановников и шпиков, охраняющих его.

— Все это уже сделано, — ответил я и рассказал о моем сближении со «старцем», о наших беседах и т. д.

Пуришкевич слушал меня с большим интересом. Я назвал ему великого князя Дмитрия Павловича и поручика Сухотина, сообщил и о моем разговоре с Маклаковым.

Мое мнение о том, что Распутина надо уничтожить тайно, Пуришкевич вполне разделял.

Сознавая всю трудность исполнения нашего замысла, он, однако, нисколько не сомневался в его необходимости и в его громадном политическом значении. Он был твердо убежден, что все зло в Распутине и что, лишь удалив его, можно надеяться спасти страну от неминуемого развала.

Что касается Маклакова и его чрезмерной осторожности, то Пуришкевич его поведению ничуть не удивился. Он обещал при первой же встрече в свою очередь переговорить с ним и попытаться привлечь его на нашу сторону.

Получив согласие Пуришкевича принять активное участие в выполнении нашего намерения, я простился с ним с тем, чтобы на следующий день вечером он приехал ко мне на Мойку для совместной разработки общего плана действий.

На другой день, в пять часов, у меня собрались великий князь Дмитрий Павлович, Пуришкевич и поручик Сухотин.

После долгих обсуждений и споров все пришли к следующему заключению:

Нужно покончить с Распутиным при помощи яда как средства, наиболее удобного для сокрытия всяких следов убийства.

Мои друзья были вполне согласны с тем, что уничтожение Распутина должно носить характер внезапного исчезновения и содержаться в строжайшей тайне.

Местом события был выбран наш дом на Мойке. В нем было помещение, которое я вновь отделывал для себя; оно как нельзя лучше подходило для выполнения нашего замысла, а мои отношения с Распутиным давали мне полную возможность уговорить его приехать ко мне.

Такого рода планы вызвали во мне самое гнетущее чувство: перспектива пригласить к себе в дом человека с целью его убить была чересчур ужасна. Кто бы ни был этот человек, даже сам Распутин, но я не мог без содрогания представить себе свою роль в этом деле: роль хозяина, готовящего гибель своему гостю.

Мои друзья разделяли мое мнение, но после долгих обсуждений мы тем не менее пришли к заключению, что

в вопросе, касающемся судьбы России, не должно быть места никаким соображениям и переживаниям личного характера и что все мои нравственные тревоги и угрызения совести должны отойти на второй план.

Решение было принято, но время его осуществления зависело от некоторых случайных обстоятельств. Ремонт нашего дома не мог быть закончен ранее середины декабря, но до того времени и великий князь, и Пуришкевич должны были уехать на фронт и предполагали вернуться в Петербург как раз к тому сроку, когда ремонт должен был окончиться. В этом отношении все складывалось удачно, только на меня выпадала крайне тяжелая обязанность в течение еще двух недель поддерживать дружеские отношения с Распутиным.

Если и прежде мне было трудно видеться с человеком, уничтожение которого я считал необходимостью, то тем мучительнее становились для меня встречи с ним, после того как приговор наш был произнесен уже в окончательной форме.

Пуришкевич предложил нам принять в участники еще одно лицо — доктора Лазаверта. Мы согласились.

Вторичное наше собрание происходило в санитарном поезде Пуришкевича.

На этом совещании были выработаны все подробности наших совместных действий.

Наш план, окончательно утвержденный, состоял в следующем:

Я должен был по-прежнему видаться с Распутиным, усиливая его доверие к себе, и однажды пригласить его в гости, с тем чтобы его приезд в мой дом был обставлен строжайшей тайной.

В день, когда Распутин согласится у меня быть, я должен заехать за ним в двенадцать часов ночи и в открытом автомобиле Пуришкевича, с доктором Лазавертом в качестве шофера, привезти его на Мойку. Там во время чая дать ему выпить раствор цианистого калия.

После того как моментальным действием яда Распутин будет уничтожен, его труп, завернутый в мешок, увезти за город и сбросить в воду.

Для перевозки тела нужно было иметь закрытый автомобиль, и великий князь Дмитрий Павлович предложил воспользоваться своим. Это было особенно удобно: великокняжеский стяг, прикрепленный к передней части машины, избавлял нас от всяких подозрений и задержек в пути. Распутина я должен был принять у себя один, поместив остальных соучастников заговора в соседней комнате, дабы в случае необходимости они могли прийти мне на помощь.

Какой бы оборот ни приняло задуманное нами дело, мы условились во что бы то ни стало отрицать нашу причастность не только к убийству Распутина, но даже к покушению на убийство.

Место, куда мы сбросим труп Распутина, решено было отыскать уже по возвращении в Петербург великого князя и Пуришкевича.

Через несколько дней после нашего совещания оба они уехали на фронт.

В Петербурге оставался только поручик Сухотин, с которым я виделся почти ежедневно.

В этот период времени я вторично посетил Маклакова. Перед своим отъездом Пуришкевич просил меня сделать все возможное для того, чтобы привлечь Маклакова к самому близкому участию в нашем деле.

При новом свидании с Маклаковым я был приятно поражен происшедшей в нем переменой. Вместо уклончивых ответов я услышал от него полное одобрение всему нами задуманному, но на мое предложение действовать с нами сообща он ответил, что ему, быть может, придется в половине декабря по важным делам отлучиться на несколько дней в Москву. Тем не менее я посвятил его во все подробности нашего заговора.

Прощаясь со мной, он был любезен, пожелал нам полного успеха и, между прочим, подарил мне резиновую палку.

— Возьмите ее на всякий случай, — сказал он, улыбаясь.

Х

Тем временем мои занятия в Пажеском корпусе шли своим чередом. Полковник Фогель, который готовил меня к репетициям, по-прежнему приходил ко мне и часами объяснял мне военные науки.

Изредка бывал я у Распутина, подчиняясь необходимости поддерживать с ним отношения. Как ни был гадок мне этот человек, но еще более гадко было сидеть у него, разговаривать с ним. Эти посещения были для меня настоящей пыткой.

Однажды я зашел к нему за несколько дней до возвращения в Петербург великого князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича.

Распутин был в самом радостном настроении.

— Что это вы так веселы? — спросил я его.

— Да уж больно хорошее дельце-то сделал. Теперича недолго ждать: скоро и на нашей улице будет праздник.

— А в чем дело? — заинтересовался я.

— В чем дело, в чем дело? — старался передразнить меня Распутин. — Вот ты боишься меня, — продолжал он, — и перестал ко мне ходить, а много кой-чего интересного есть у меня тебе порассказать... А вот и не скажу, потому боишься меня, опасаяешься всего, а коли бы ты не боялся, — рассказал бы.

Я объяснил ему, что готовился все время к репетициям в корпусе, очень был занят и никак не мог вырваться, потому только и не приходил к нему. Но на все мои доводы Распутин твердил свое:

— Знаю, знаю, боишься меня, да и родные тебе не дозволяют. Мамаша твоя небось за одно с Лизаветой¹... Обе только и думают, как бы меня отсюда спровадить. Да нет, не удастся им, не послушают их. Уж так-то меня любят в Царском, так любят. И что больше напротив меня говорят, то больше и любят... Вот как!

— Григорий Ефимович, — сказал я, — ведь вы в Царском себя иначе ведете: вы там только о Боге и разговариваете, оттого вам и верят.

— Что ж, милый, мне о Боге с ними не говорить? Они все люди благочестивые, любят такую беседу... Все они понимают, все прощают и меня ценят... А насчет того, что им худое про меня наговаривают — это все ни к чему; все одно они худому не поверят, что ни говори... Я им и сам сказывал: будут, говорю, на меня клеветать, а вы вспомните, как Христа гнали — Он тоже за правду страдал. Ну вот они всех и выслушивают, а сделают по-своему, как им совесть велит.

С «Ним»² вот бывает подчас трудно; как от дому далеко уедет, так и начнет слушать худых людей. Вот и теперича сколько с «Ним» намучились. Я ему объясняю: довольно, мол, кровопролития, все братья, что немец, что француз... А война эта самая — наказание Божье за наши грехи... Так ведь куды! Уперся. Знай свое твердит: «Позорно мир подписывать».

А какой такой позор, коли своих братьев спасаешь? Опять, говорю, миллионы народу побьют.

Вот «Сама» — мудрая, хорошая правительница... А «Он» что? Что понимает? Не для этого сделан, Божий «Он» человек — вот что.

Боюсь одного, — продолжал Распутин, — как бы Николай Николаевич не помешал, коли узнает. Ему-то все только воевать, зря людей губить. Да теперича далече он,

---

¹ Великая княгиня Елизавета Федоровна

² Государь

руки-то коротки — не достанет. Подальше его и утнали затем, чтобы не мешал да не путался.

— А по-моему, большую ошибку сделали, — сказал я, — что Великого Князя сместили. Ведь его вся Россия боготворила, самый популярный человек.

— За это самое и сменили. Возгордился больно да высоко метил. Царица-то сразу поняла, откуда опасность идет.

— Неправда, Григорий Ефимович, Великий Князь Николай Николаевич совсем не такой человек: никуда он не метил, а исполнял свой долг перед Родиной и Царем. И с тех пор, как он ушел, ропот в стране увеличился. Нельзя было в такой серьезный момент отнимать у армии ее любимого вождя.

— Ну, уж ты, милый, не мудри: коли было сделано, так, значит, и надо, — правильно.

Распутин встал и начал ходить взад и вперед по комнате. Он был задумчив и что-то шепотом говорил про себя. Но вдруг он остановился, быстро подошел ко мне и резким движением схватил меня за руку. В его глазах засветилось странное выражение:

— Поедем со мной к цыганам. Поедешь — все тебе расскажу до капельки...

Я согласился, но в эту самую минуту зазвонил телефон. Оказалось, что Распутина вызывали в Царское. Я воспользовался тем, что наша поездка расстроилась, и предложил ему приехать ко мне в один из ближайших дней, чтобы вместе провести вечер.

Распутину давно хотелось познакомиться с моей женой, и, думая, что она в Петербурге, а родители мои в Крыму, он сказал, что с удовольствием приедет.

Жены моей в Петербурге еще не было — она находилась в Крыму с моими родителями, но мне казалось, что Распутин охотнее согласится ко мне приехать, если он этого знать не будет.

На этом мы с ним расстались.

Через несколько дней вернулись с фронта Великий Князь Дмитрий Павлович и Пуришкевич.

У нас было несколько совещаний, и на одном из них было решено пригласить Распутина в дом моих родителей на Мойке 16 декабря¹.

Я позвонил ему по телефону и спросил, согласен ли он приехать ко мне в этот вечер. Он ответил утвердительно, но с тем условием, чтобы я сам за ним

---

¹ К этому времени должна была вернуться из Крыма моя жена, посвященная в наши планы, но болезнь помешала ей к намеченному дню приехать в Петербург

заехал и таким же порядком отвез обратно. При этом он просил меня пройти к нему в квартиру по черной лестнице, обещая предупредить дворника о том, что один из его знакомых заедет за ним в двенадцать часов ночи.

Таким образом, Распутин рассчитывал уехать из дому незамеченным.

Мне было странно и жутко думать о том, как легко он на все согласился, как будто сам помогал нам в нашей трудной задаче.

Назначенный день приближался.

Ввиду того, что у меня было очень мало свободного времени, я просил Великого Князя Дмитрия Павловича выбрать место на Неве, куда можно будет сбросить труп Распутина после его уничтожения.

Вечером, в день нашего последнего совещания, ко мне приехал Великий Князь, очень уставший после нескольких часов, проведенных в поисках подходящего места на реке.

Мы долго с ним сидели и разговаривали в этот вечер. Он рассказывал мне о своем последнем пребывании в Ставке. Государь произвел на него удручающее впечатление. По словам великого князя, Государь осунулся, постарел, впал в состояние апатии и совершенно инертно относится ко всем событиям.

Слушая великого князя, я невольно вспомнил и все слышанное мною от Распутина. Казалось, какая-то бездна открывалась и готовилась поглотить Россию.

И думая обо всем этом, мы не сомневались в правоте нашего решения уничтожить того, кто еще усугублял и без того великие бедствия нашей несчастной Родины.

XI

Весь день 16 декабря я был занят подготовкой к экзамену в корпусе, назначенному на следующее утро.

Утром, в перерыве между занятиями, я заехал на Мойку в наш дом, чтобы отдать последние распоряжения.

Помещение, куда должен был вечером приехать Распутин, расположенное в подвальном этаже дома, только что вышло из ремонта.

Предстояло обставить его так, чтобы оно производило впечатление обычной жилой комнаты и не возбудило у Распутина никаких подозрений: ему могло показаться странным, если бы его провели в неудобный и холодный подвал.

Приехав домой, я застал там обойщиков, натягивавших ковры и вешающих занавеси.

Вновь отремонтированная комната была устроена в части винного подвала. Она была полутемная, мрачная, с гранитным полом, со стенами, облицованными серым камнем, и с низким сводчатым потолком. Два небольших узких окна, расположенных в уровень с землей, выходили на Мойку. Две невысокие арки делили помещение на две половины — одну более узкую, другую большую и широкую, предназначенную для столовой. Из узкой части комнаты входная дверь вела на лестницу, с первой площадки которой был выход во двор, а выше по ступенькам — ход в мой кабинет, находившийся в первом этаже дома.

Лестница, ведущая в кабинет, была неширокая, винтовая, из темного дерева.

Входивший в новое помещение попадал, таким образом, сначала в узкую его половину. Здесь уже стояли в неглубоких нишах две большие китайские вазы из красного фарфора, которые необычайно красиво выделялись на мрачной серой облицовке стен, оживляя ее двумя яркими пятнами.

Из кладовой принесли старинную мебель, и я занялся устройством столовой.

Как сейчас я вижу перед собой до мелочей всю эту комнату.

Резные, обтянутые потемневшей кожей стулья, шкафчики черного дерева с массой тайников и ящичков, массивные дубовые кресла с высокими спинками и кое-где небольшие столики, покрытые цветными тканями, а на них кубки из слоновой кости и различные предметы художественной работы.

Особенно запомнился мне среди всех этих вещей один шкаф с инкрустациями, внутри которого был сделан целый лабиринт из зеркал и бронзовых колонок. На этом шкафу стояло старинное Распятие из горного хрусталя и серебра итальянской работы XVII века.

В столовой был большой камин-очаг из красного гранита, на нем несколько золоченых кубков, тарелки старинной майолики и скульптурная группа из черного дерева. На полу лежал большой персидский ковер, а в углу, где стоял шкаф с лабиринтом и Распятием, шкура огромного белого медведя.

Посередине комнаты поставили стол, за которым должен был пить свой последний чай Григорий Распутин.

В устройстве помещения мне помогали смотритель нашего дома и мой камердинер. Им я поручил приготовить к одиннадцати часам вечера чай на шесть человек, закупить побольше всяких бисквитов и сладких пирожков, а также доставить из погреба вина. Я объяснил своим слу-

жащим, что у меня будут вечером гости и что, приготовив чай, они могут уйти в дежурную и ждать там, пока я их не позову.

Отдав все распоряжения, я поднялся к себе в кабинет, где меня уже ждал полковник Фогель. Занятия мои с ним окончились около шести часов вечера, и я поехал обедать во дворец великого князя Александра Михайловича.

Наскоро закусив, я вернулся обратно к себе на Мойку.

XII

К одиннадцати часам в новом помещении все было готово.

На столе стоял самовар и много разных печений и сладостей, до которых Распутин был большой охотник. На одном из шкафов приготовлен был поднос с винами и рюмками.

Я был еще один в доме и окидывал взглядом комнату и ее убранство.

Старинные фонари с разноцветными стеклами освещали ее сверху; тяжелые занавеси темно-красного штофа были опущены; топился большой гранитный камин, дрова в нем трещали, разбрасывая искры на каменные плиты.

Несмотря на то, что комната находилась почти под землей и была сама по себе мрачная, теперь, благодаря освещению и всей обстановке, от нее веяло удивительным уютом. При этом тишина подвального этажа создавала впечатление таинственности, какой-то отрезанности от всего мира. Казалось, что бы ни случилось здесь, все будет утаено от человеческих глаз, скроется навсегда в молчании этих каменных стен.

Раздался звонок; он извещал меня о приезде великого князя Дмитрия Павловича и остальных участников заговора.

Я вышел им навстречу. Вид у всех был бодрый, настроение приподнятое, но я заметил, что разговаривали все как-то слишком громко, были неестественно-веселы, чувствовалось, что нервы у всех крайне напряжены.

Мы прошли в столовую. Обстановка комнаты сильно подействовала на моих друзей, в особенности на великого князя, который был у меня в этом самом помещении накануне, когда еще ничего не было готово.

Войдя в столовую, все некоторое время стояли молча, рассматривая место близкого события.

Из шкафа с лабиринтом я вынул стоявшую там коробку с ядом, а со стола взял тарелку с пирожками; их было шесть: три шоколадных и три миндальных.

Доктор Лазаверт, надев резиновые перчатки, взял палочки цианистого калия, растолок их и, подняв отделяющийся верхний слой шоколадных пирожков, всыпал в каждый из них порядочную дозу яда.

В комнате царило напряженное молчание, мы все следили с жутким интересом за работой доктора.

Осталось еще всыпать порошок в приготовленные рюмки. Мы решили это сделать возможно позднее, чтобы яд не потерял своей силы при длительном испарении. Общее количество яда получилось огромное: по словам доктора, доза была во много раз сильнее той, которая необходима для смертельного исхода.

Для правдоподобности нужно было, чтобы на столе стояли небрунные чашки, как будто после только что выпитого чая. Я предупредил Распутина о том, что, когда у нас бывают гости, мы пьем чай в столовой, затем все поднимаются наверх, я же иногда остаюсь один внизу — читаю или чем-нибудь занимаюсь.

Мы наскоро сделали в комнате и на столе небольшой беспорядок, сдвинули стулья, налили чай в чашки. Тут же я условился с великим князем Дмитрием Павловичем, поручиком Сухотиным и Пуришкевичем, что после моего отъезда они поднимутся наверх в мой кабинет и станут там заводить граммофон, выбирая преимущественно веселые пластинки: это требовалось для того, чтобы поддерживать веселое настроение у Распутина и отогнать от него всякие подозрения. Я все же несколько опасался, чтобы вид подземелья не пробудил в нем каких-либо сомнений.

Закончив все приготовления, мы с доктором Лазавертом вышли. Он, переодевшись в костюм шофера, пошел заводить машину, стоявшую на дворе у малого подъезда, а я надел доху и меховую шапку со спущенными наушниками, скрывавшими мое лицо.

Мы сели, автомобиль тронулся.

Целый вихрь мыслей кружился в моей голове. Надежды на будущее окрыляли меня. За несколько коротких минут моего последнего пути к Распутину я много переделал и пережил.

Автомобиль остановился у дома № 64 на Гороховой улице.

Войдя во двор, я сразу был остановлен голосом дворника, который спросил: «Кого надо?»

Узнав, что спрашивают Григория Ефимовича, дворник не хотел было меня пускать; он настаивал, чтобы я назвал себя и объяснил причину моего посещения в столь поздний час.

Я ответил, что Григорий Ефимович сам просил меня приехать к нему в это время и пройти по черной лест-

нице. Дворник недоверчиво меня оглядел, но все же пропустил.

Войдя на неосвещенную лестницу, я вынужден был подниматься по ней ощупью. С большим трудом мне, наконец, удалось найти дверь распутинской квартиры.

Я позвонил, и в ответ на звонок голос «старца» спросил, не отворяя: «Кто там?»

Услыхав этот голос, я вздрогнул.

— Григорий Ефимович, это я приехал за вами, — ответил я ему.

Я слышал, как Распутин задвигался и засуетился. Дверь была на цепи и засове, и мне сделалось вдруг жутко, когда лязгнула цепь и заскрипела тяжелая задвижка в его руках.

Он отворил, я вошел в кухню.

Там было темно. Мне показалось, что из соседней комнаты кто-то смотрит на меня. Я инстинктивно приподнял воротник и надвинул шапку.

— Ты чего так закрываешься? — спросил Распутин.

— Да ведь мы же сговорились, чтобы никто про сегодняшнее не знал, — сказал я.

— Верно, верно... Я и своим ничего не говорил и «тайников»¹ всех услал. Пойдем, я оденусь.

Мы вошли с ним в его спальню, освещенную только лампадой, горевшей в углу перед образами. Распутин зажег свечу. Я заметил неубранную постель, — видно было, что он только что отдыхал. Около постели приготовлена была его шуба и бобровая шапка, на полу стояли высокие фетровые калоши.

Распутин был одет в белую шелковую рубашку, вышитую васильками, и подпоясан малиновым шнуром с двумя большими кистями.

Чернью бархатные шаровары и высокие сапоги на нем были совсем новые. Даже волосы на голове и бороде были расчесаны и приглажены как-то особенно тщательно, а когда он подошел ко мне ближе, я почувствовал сильный запах дешевого мыла: по-видимому, в этот день Распутин особенно много времени уделил своему туалету; по крайней мере, я никогда не видел его таким чистым и опрятным.

— Ну, что же, Григорий Ефимович. Пора двигаться, ведь первый час?

— А что, к цыганам поедем? — спросил он.

— Не знаю, может быть, — ответил я.

— А у тебя-то никого нынче не будет? — несколько встревожился он.

---

¹ Агенты тайной полиции.

Я его успокоил, сказав, что никого, ему неприятного, он у меня не увидит и что моя мать находится в Крыму.

— Не люблю я ее, твою мамашу. Меня-то уж она как ненавидит!.. Небось с Лизаветой¹ дружна. Против меня обе они подкопы ведут да клеветуют. Сама Царица сколько раз мне говорила, что они — самые мои злые враги...

— А знаешь, — вдруг неожиданно заявил Распутин, — что я тебе скажу? Заезжал ко мне вечером Протопопов и слово с меня взял, что я в эти дни дома сидеть буду. «Убить, — говорит, — тебя хотят; злые люди-то все недоброе замышляют...» А ну их! Все равно не удастся — руки не доросли.

— Да ну, что там разговаривать... Поедем.

Я взял его шубу с сундука и помог ему одеться.

— Деньги-то забыл, деньги! — вдруг засуетился Распутин, подбежал к сундуку и открыл его.

Я подошел поближе и, увидев там несколько свертков в газетной бумаге, спросил:

— Неужели это все деньги?

— Да, дорогой мой, все билеты. Сегодня получил, — скороговоркой ответил он.

— А кто вам их дал?

— Да так, добрые люди, добрые люди дали. Вот видишь ли, устроил им дельце, а они, хорошие, добрые, в благодарность на церковь-то и пожертвовали.

— И много тут будет?

— Что мне считать? У меня и времени нет для этого. Я, чай, не банкир. Вот Митьке Рубинштейну — это дело подходящее... У него страсть сколько денег. А мне к чему? Да я, коли вправду сказать, считать-то их не умею. Сказал им: пятьдесят тысяч несите, а то и трудиться не стану для вас. Вот и прислали. Может, и больше дали, кто их там знает.

— Приданое-то какое сделаю дочери, — продолжал Распутин. — Она у меня скоро замуж выходит за офицера: четыре Георгия, заслуженный. Ему и местечко хорошее приготовлено. «Сама» благословить обещалась.

— Григорий Ефимович, ведь вы говорили, что деньги эти пожертвованы на церковь...

— Ну что ж, что на церковь? Экая невидаль. Брак-то, чай, тоже Божье дело; Сам Господь дал свое благословение в Канне Галилейской... А на какое из этих дел деньги-то пойдут, не все ли Ему равно? Богу-то? — ответил, хитро улыбаясь, Распутин.

---

¹ Великая княгиня Елизавета Федоровна.

Невольно усмехнулся и я. Мне показалась забавной та простодушная наглость, с которой Распутин играл словами священного писания.

Взяв часть денег из сундука и тщательно замкнув его, он потушил свечу. Комната снова погрузилась в полумрак, и только из угла по-прежнему тускло светила лампада.

И вдруг охватило меня чувство безграничной жалости к этому человеку.

Мне сделалось стыдно и гадко при мысли о том, каким подлым способом, при помощи какого ужасного обмана я его увлекаю к себе. Он — моя жертва; он стоит передо мною, ничего не подозревая, он верит мне... Но куда девалась его прозорливость? Куда исчезло его чутье? Как будто роковым образом затуманилось его сознание и он не видит того, что против него замышляют. В эту минуту я был полон глубочайшего презрения к себе; я задавал себе вопрос: как мог я решиться на такое кошмарное преступление? И не понимал, как это случилось.

Вдруг с удивительной яркостью пронеслись передо мною, одна за другой, картины жизни Распутина. Чувства угрызания совести и раскаяния понемногу исчезли и заменились твердой решимостью довести начатое дело до конца. Я больше не колебался.

Мы вышли на темную площадку лестницы и Распутин закрыл за собой дверь.

Запоры снова загремели, и резкий зловещий звук разнесся по пустой лестнице. Мы очутились вдвоем в полной темноте.

— Так лучше, — сказал Распутин и потянул меня вниз. Его рука причиняла мне боль; хотелось закричать, вырваться... Но на меня напало какое-то оцепенение. Я совсем не помню, что он мне тогда говорил и отвечал ли я ему. В ту минуту я хотел только одного: поскорее выйти на свет, увидеть как можно больше света и не чувствовать прикосновения этой ужасной руки.

Когда мы сошли вниз, ужас мой рассеялся, я пришел в себя и снова стал хладнокровен и спокоен.

Мы сели в автомобиль и поехали.

Через заднее его окно я осматривал улицу, ища взглядом наблюдавших за нами сыщиков, но было темно и безлюдно.

Мы ехали кружным путем. На Мойке повернули во двор и остановились у малого подъезда.

Войдя в дом, я услышал голоса моих друзей. Покрывая их, весело звучала в граммофоне американская песенка. Распутин прислушался:

— Что это — кутеж?

— Нет, у жены гости, они скоро уйдут, а пока пойдёмте в столовую выпьем чаю.

Мы спустились по лестнице. Войдя в комнату, Распутин снял шубу и с любопытством начал рассматривать обстановку.

Шкаф с лабиринтом особенно привлек его внимание. Восхищаясь им, как ребенок, он без конца подходил, открывал дверцы и всматривался в лабиринт.

К моему большому неудовольствию, от чая и от вина он в первую минуту отказался.

«Не почуял ли он чего-нибудь? — подумал я, но тут же решил: — Все равно живым он отсюда не уйдет».

Мы сели с ним за стол и разговорились. Перебирали общих знакомых, вспоминали семью Г., Вырубову; коснулись и Царского Села.

— Григорий Ефимович, а зачем Протопопов к вам заезжал? Все боится заговора против вас? — спросил я.

— Да, милый, мешаю я больно многим, что всю правду-то говорю... Не нравится аристократам, что мужик простой по царским хоромам шляется — все одна зависть да злоба... Да что их мне бояться? Ничего со мной не сделают: заговорен я против злого умысла. Пробовали, не раз пробовали, да Господь все время просветлял. Вот и Хвостову не удалось — наказали и прогнали его. Да ежели только тронут меня — плохо им всем придется.

Жутко звучали эти слова Распутина там, где ему готовилась гибель.

Но ничто не смущало меня больше. В течение всего нашего разговора одна только мысль была в моей голове: заставить его выпить вина из всех отравленных рюмок и съесть все пирожки с ядом.

Через некоторое время, наговорившись на свои обычные темы, Распутин захотел чаю. Я налил ему чашку и придвинул тарелку с бисквитами. Почему-то я дал ему бисквиты без яда.

Уже позднее я взял тарелку с отравленными пирожками и предложил ему.

В первый момент он от них отказался:

— Не хочу — сладкие больно, — сказал он.

Однако вскоре взял один, потом второй... Я, не отрываясь, смотрел, как он брал эти пирожки и ел их один за другим.

Действие цианистого калия должно было начаться медленно, но, к моему большому удивлению, Распутин продолжал со мной разговаривать как ни в чем не бывало.

Тогда я решил предложить ему попробовать наши крымские вина. Он опять отказался.

Время шло. Меня начинало охватывать нетерпение. Я налил две рюмки, одну ему, другую себе; его рюмку я поставил перед ним и начал пить из своей, думая, что он последует моему примеру.

— Ну, давай, попробую, — сказал Распутин и протянул руку к вину. Оно не было отравлено.

Почему и первую рюмку вина я дал ему без яда — тоже не знаю.

Он выпил с удовольствием, одобрил и спросил, много ли у нас вина в Крыму. Узнав, что целый погреб, он был очень этим удивлен. После пробы вина он разошелся.

— Давай-ка теперь мадеры, — попросил он.

Когда я встал, чтобы взять другую рюмку, он запротестовал:

— Наливай в эту.

— Ведь нельзя, Григорий Ефимович, не вкусно все вместе — и красное и мадера, — возразил я.

— Ничего, говорю, лей сюда...

Пришлось уступить и не настаивать больше.

Но вскоре мне удалось как будто случайным движением руки сбросить на пол рюмку, из которой пил Распутин; она разбилась.

Воспользовавшись этим, я налил мадеры в рюмку с цианистым калием. Вошедший во вкус питья, Распутин уже не протестовал.

Я стоял перед ним и следил за каждым его движением, ожидая, что вот сейчас наступит конец.

Но он пил медленно, маленькими глотками, с особенным вкусом, присущим знатокам вина.

Лицо его не менялось. Лишь от времени до времени он прикладывал руку к горлу, точно ему что-то мешало глотать, но держался бодро, вставал, ходил по комнате, и на мой вопрос: что с ним? — сказал, что — так, пустяки, просто першит в горле.

Прошло несколько томительных минут.

— Хорошая мадера. Налей-ка еще, — сказал мне Распутин, протягивая свою рюмку.

Яд продолжал не оказывать никакого действия: «старец» разгуливал по столовой.

Не обращая внимания на протянутую им мне рюмку, я схватил с подноса вторую с отравой, налил в нее вино и подал Распутину.

Он и ее выпил, а яд не проявлял своей силы...

Оставалась третья и последняя...

Тогда я с отчаяния начал пить сам, чтобы заставить Распутина пить еще и еще.

Мы сидели с ним друг перед другом и молча пили.

Он на меня смотрел, глаза его лукаво улыбались и, казалось, говорили мне: «Вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего со мной не можешь поделать».

Но вдруг выражение его лица резко изменилось: на смену хитрой слащавой улыбке явилось выражение ненависти и злобы.

Никогда еще не видал я его таким страшным.

Он смотрел на меня дьявольскими глазами.

В эту минуту я его особенно ненавидел и готов был наброситься на него и задушить.

В комнате царил напряженная зловещая тишина.

Мне показалось, что ему известно, зачем я его привел сюда и что намерен с ним сделать. Между нами шла как будто молчаливая, глухая борьба; она была ужасна. Еще одно мгновение, и я был бы побежден и уничтожен. Я чувствовал, что под тяжелым взглядом Распутина начинаю терять самообладание. Меня охватило какое-то странное оцепенение: голова закружилась, я ничего не замечал перед собой. Не знаю, сколько времени это продолжалось.

Очнувшись, я увидел Распутина, сидящего на том же месте: голова его была опущена, — он поддерживал ее руками, — глаз не было видно.

Ко мне снова вернулось прежнее спокойствие, и я предложил ему чаю.

— Налей чашку, жажда сильная, — сказал он слабым голосом.

Распутин поднял голову. Глаза его были тусклы, и мне показалось, что он избегает смотреть на меня.

Пока я наливал чай, он встал и прошелся по комнате. Ему бросилась в глаза гитара, случайно забытая мной в столовой.

— Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое, — попросил он, — люблю, как ты поешь.

Трудно было мне петь в такую минуту, а он еще просил «что-нибудь веселенькое».

— На душе тяжело, — сказал я, но все же взял гитару и запел какую-то грустную песню.

Он сел и сначала внимательно слушал. Потом голова его склонилась над столом, я увидел, что глаза его закрыты, и мне показалось, что он задремал.

Когда я кончил петь, он открыл глаза и посмотрел на меня грустным и спокойным взглядом:

— Спой еще. Больно люблю я эту музыку: много души в тебе.

Я снова запел.

Странным и жутким казался мне мой собственный голос.

А время шло, — часы показывали уже половину третьего утра... Больше двух часов длился этот кошмар.

«А что будет, если мои нервы не выдержат больше?» — подумал я.

Наверху тоже, по-видимому, иссякло терпение. Шум, доносившийся оттуда, становился все сильнее. Я боялся, что мои друзья, не выдержав, спустятся вниз.

— Что так шумят? — подняв голову, спросил Распутин.

— Вероятно, гости разъезжаются, — ответил я, — пойду посмотреть.

Наверху, в моем кабинете, великий князь Дмитрий Павлович, Пуришкевич и поручик Сухотин с револьверами в руках бросились ко мне навстречу. Они были спокойны, но очень бледны с напряженными, лихорадочными лицами.

Посыпались вопросы:

— Ну что, как? Готово? Кончено?

— Яд не подействовал, — сказал я.

Все, пораженные этим известием, в первый момент молча замерли на месте.

— Не может быть, — воскликнул великий князь.

— Ведь доза была огромная!

— А он все принял? — спрашивали другие.

— Все! — ответил я.

Мы начали обсуждать, что делать дальше.

После недолгого совещания решено было всем сойти вниз, наброситься на Распутина и задушить его. Мы уже стали осторожно спускаться по лестнице, как вдруг мне пришла мысль, что таким путем мы погубим все дело: внезапное появление посторонних людей сразу бы раскрыло глаза Распутину, и неизвестно, чем бы тогда все кончилось. Надо было помнить, что мы имели дело с необыкновенным человеком.

Я позвал моих друзей обратно в кабинет и высказал им мои соображения. С большим трудом удалось мне уговорить их предоставить мне одному покончить с Распутиным. Они долго не соглашались, опасаясь за меня.

Взяв у великого князя револьвер, я спустился в столовую.

Распутин сидел за чайным столом, на том самом месте, где я его оставил. Голова его была низко опущена, он дышал тяжело.

Я тихо подошел к нему и сел рядом. Он не обратил на мой приход никакого внимания.

После нескольких минут напряженного молчания он медленно поднял голову и взглянул на меня. В глазах его

ничего нельзя было прочесть — они были потухшие, с тупым, бессмысленным выражением.

— Что, вам нездоровится? — спросил я.

— Да, голова что-то отяжелела и в животе жжет. Дай-ка еще рюмочку — легче станет.

Я налил ему мадеры; он выпил ее залпом и сразу подбодрился и повеселел.

Обменявшись с ним несколькими словами, я убедился, что сознание его было ясно, мысль работала совершенно нормально. И вдруг неожиданно он предложил мне поехать с ним к цыганам. Я отказался, ссылаясь на поздний час.

— Ничего, они привыкли. Иной раз всю ночь меня поджидают. Бывает, вот в Царском-то задержат меня делами какими важными али просто беседой о Боге... Ну, а я отсюда на машине к ним и еду. Телу-то, поди, тоже отдохнуть требуется... Верно я говорю? Мыслями с Богом, а телом-то с людьми. Вот оно что! — многозначительно подмигнув, сказал Распутин.

В эту минуту я мог от него ожидать всего, но ни в коем случае такого разговора...

Просидев столько времени около этого человека, проглотившего громадную дозу самого убийственного яда, следя за каждым его движением в ожидании роковой развязки, мог ли я предположить, что он позовет меня ехать к цыганам? И особенно поражало меня то, что Распутин, который все чуял и угадывал, теперь был так далек от сознания своей близкой смерти.

Как не заметил он своими прозорливыми глазами, что за спиной у меня в руке зажат револьвер, который через мгновение будет направлен против него.

Думая об этом, я почему-то обернулся назад, и взгляд мой упал на хрустальное Распятие; я встал и приблизился к Нему.

— Чего ты там так долго стоишь? — спросил Распутин.

— Крест этот люблю; очень он красив, — ответил я.

— Да, хорошая вещь, должно быть, дорогая... А много ли ты за него заплатил?

Он подошел ко мне и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— А по мне, так ящик-то занятнее будет... — и он снова раскрыл шкаф с лабиринтом и стал его рассматривать.

— Григорий Ефимович, вы бы лучше на Распятие посмотрели да помолились бы перед Ним.

Распутин удивленно, почти испуганно посмотрел на меня. Я прочел в его взоре новое, незнакомое мне выражение: что-то кроткое и покорное светилось в нем. Он близко подошел ко мне, не отводя своих глаз от моих, и, казалось, будто он увидел в них то, чего не ожидал. Я понял, что наступил последний момент.

«Господи, дай мне сил покончить с ним!» — подумал я и медленным движением вынул револьвер из-за спины. Распутин попрежнему стоял передо мною, не шелохнувшись, со склонившейся направо головой и глазами, устремленными на Распятие.

«Куда выстрелить, — мелькнуло у меня в голове, — в висок или в сердце?»

Точно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил.

Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь, на медвежью шкуру.

В это время раздался шум на лестнице — это были мои друзья, спешившие мне на помощь. Они второпях зацепили за электрический выключатель, который находился на лестнице у входа в столовую, и потому я вдруг очутился в темноте...

Кто-то наткнулся на меня и испуганно вскрикнул.

Я не двигался с места, боясь впопыхах наступить на тело.

Наконец, зажгли свет.

Все бросились к Распутину.

Он лежал на спине; лицо его от времени до времени подергивалось, руки были конвульсивно сжаты, глаза закрыты. На светлой шелковой рубашке виднелось небольшое красное пятно; рана была маленькая и крови почти не было заметно.

Мы все, наклонившись, смотрели на него.

Некоторые из присутствующих хотели еще раз выстрелить в него, но боязнь лишних следов крови их остановила.

Через несколько минут, не открывая глаз, Распутин совсем затих.

Мы осмотрели рану: пуля прошла навывлет в области сердца. Сомнений не было: он был убит.

Великий князь и Пуришкевич перенесли тело с медвежьей шкуры на каменный пол. Затем мы погасили электричество и, закрыв на ключ дверь столовой, поднялись все в мой кабинет.

Настроение у всех было повышенное. Мы верили, что событие этой ночи спасет Россию от гибели и позора.

XIV

Согласно нашему плану, великому князю Дмитрию Павловичу, поручику Сухотину и доктору Лазаверту теперь предстояло исполнить следующее:

Во-первых, устроить фиктивный отъезд Распутина из нашего дома на тот случай, если тайная полиция про-

следила его, когда он к нам приехал. Для этого Сухотин должен был изобразить Распутина, надев его шубу и шапку, и в открытом автомобиле Пуришкевича, вместе с великим князем и доктором, выехать по направлению к Гороховой.

Во-вторых, нужно было, захватив одежду Распутина, завезти ее на Варшавский вокзал, чтобы сжечь в санитарном поезде Пуришкевича и там же, на вокзале, оставить его автомобиль. С вокзала надо было добраться на извозчике до дворца великого князя, взять там его закрытый автомобиль и возвратиться на Мойку.

В автомобиле великого князя Дмитрия Павловича предстояло увезти труп Распутина из нашего дома на Петровский остров.

Доктора, заменявшего шофера, мы просили, при отъезде из нашего дома, ехать возможно скорее и постараться запутать следы.

Остались на Мойке только Пуришкевич и я. Мы прошли с ним в мой кабинет и там, ожидая возвращения уехавших, беседовали и мечтали о будущем Родины, теперь избавленной навсегда от ее злого гения.

Мы верили, что Россия спасена и что с исчезновением Распутина для нее открывается новая эра, верили, что мы всюду найдем поддержку и что люди, близко стоящие к власти, освободившись от этого проходимца, дружно объединятся и будут энергично работать.

Могли ли мы тогда предполагать, что те лица, которым смерть Распутина развязывала руки, с таким преступным легкомыслием отнесутся и к совершившемуся факту, и к своим обязанностям?

Нам в голову не приходило, что жажда почета, власти, искание личных выгод, наконец, просто трусость и подлое угодничество у большинства возьмут перевес над чувствами долга и любви к Родине.

После смерти Распутина сколько возможностей открывалось для всех влиятельных и власть имущих... Однако никто из них не захотел или не сумел воспользоваться благоприятным моментом.

Я не буду называть имен этих людей; когда-нибудь история даст должную оценку их отношению к России.

Но в эту ночь, полную волнений и самых жутких переживаний, исполнив наш тягостный долг перед Царем и Родиной, мы были далеки от мрачных предположений.

Вдруг среди разговора я почувствовал смутную тревогу и непреодолимое желание сойти вниз, в столовую, где лежало тело Распутина.

Я встал, вышел на лестницу, спустился до запертой двери и открыл ее.

У стола, на полу, на том месте, где мы его оставили, лежал убитый Распутин.

Тело его было неподвижно, но, прикоснувшись к нему, я убедился, что оно еще теплое.

Тогда, наклонившись над ним, я стал нащупывать пульс, биения его не чувствовалось: несомненно, Распутин был мертв.

Из раны мелкими каплями сочилась кровь, падая на гранитные плиты.

Не зная сам зачем, я вдруг схватил его за обе руки и сильно встряхнул. Тело поднялось, покачнулось в сторону и упало на прежнее место; голова безжизненно висела на боку.

Постояв над ним еще некоторое время, я уже хотел уходить, как вдруг мое внимание было привлечено легким дрожанием века на левом глазу Распутина. Тогда я снова к нему приблизился и начал пристально всматриваться в его лицо: оно конвульсивно вздрагивало, все сильнее и сильнее. Вдруг его левый глаз начал приоткрываться... Спустя мгновение правое веко, также задрожав, в свою очередь приподнялось, и... оба глаза, оба глаза Распутина, какие-то зеленые, змеиные, с выражением дьявольской злобы впились в меня...

Я застыл в немом ужасе. Все мускулы моего тела окаменели. Я хотел бежать, звать на помощь, но ноги мои не двигались, голос не повиновался...

Как в кошмаре, стоял я прикованный к каменному полу...

И тут случилось невероятное.

Неистовым резким движением Распутин вскочил на ноги; изо рта его шла пена. Он был ужасен. Комната огласилась диким ревом, и я увидел, как мелькнули в воздухе сведенные судорогой пальцы... Вот они, точно раскаленное железо, впились в мое плечо и старались схватить меня за горло. Глаза его скосились и совсем выходили из орбит.

Оживший Распутин хриплым шепотом непрерывно повторял мое имя.

Обуявший меня ужас был не сравним ни с чем.

Я пытался вырваться, но железные тиски держали меня с невероятной силой. Началась кошмарная борьба.

В этом умирающем, отравленном и простреленном трупе, поднятом темными силами для отмщения своей гибели, было что-то до того страшное, чудовищное, что я до сих пор вспоминаю об этой минуте с непередаваемым ужасом.

Я тогда еще яснее понял и глубже почувствовал, что такое был Распутин: казалось, сам дьявол, воплотившийся в этого мужика, был передо мной и держал меня своими цепкими пальцами, чтобы никогда уже не выпустить.

Но я рванулся последним невероятным усилием и освободился.

Распутин, хрипя, повалился на спину, держа в руке мой погон, оборванный им в борьбе. Я взглянул на него: он лежал неподвижно, весь скрючившись.

Но вот он снова зашевелился.

Я бросился наверх, зовя на помощь Пуришкевича, находившегося в это время в моем кабинете.

— Скорее, скорее револьвер! Стреляйте, он жив!.. — кричал я.

Я сам был безоружен, потому что отдал револьвер великому князю. С Пуришкевичем, выбежавшим на мой отчаянный зов, я столкнулся на лестнице у дверей кабинета. Он был поражен известием о том, что Распутин жив, и начал поспешно доставать свой револьвер, уже спрятанный в кобуру. В это время я услышал за собой шум. Поняв, что это Распутин, я в одно мгновение очутился у себя в кабинете; здесь на письменном столе я оставил резиновую палку, которую «на всякий случай» мне дал Маклаков. Схватив ее, я побежал вниз.

Распутин на четвереньках быстро поднимался из нижнего помещения по ступенькам лестницы, рыча и хрипя, как раненый зверь.

Весь как-то съезжившись, он сделал последний прыжок и достиг потайной двери, выходящей на двор. Зная, что дверь заперта на ключ и ключ увезен уехавшими менять автомобиль, я встал на верхнюю площадку лестницы, крепко сжимая в руке резиновую палку.

Но каково же было мое удивление и мой ужас, когда дверь распахнулась и Распутин исчез за ней в темноте!..

Пуришкевич бросился вслед за ним. Один за другим раздались два выстрела и громким эхом разнеслись по двору.

Я был вне себя при мысли, что он может уйти от нас. Выскочив на парадную лестницу, я побежал вдоль набережной Мойки, надеясь, в случае промаха Пуришкевича, задержать Распутина у ворот.

Всех ворот во дворе было трое, и лишь средние не были заперты. Через решетку, замыкавшую двор, я увидел, что именно к этим незапертым воротам и влекло Распутина его звериное чутье.

Раздался третий выстрел, за ним четвертый...

Я увидел, как Распутин покачнулся и упал у снежного сугроба.

Пуришкевич подбежал к нему. Постояв около него несколько секунд и, видимо, решив, что на этот раз он убит наверняка, быстрыми шагами направился обратно к дому. Я его окликнул, но он не услышал меня.

Осмотревшись вокруг, убедившись, что все улицы пустыны и выстрелы никого еще не встревожили, я вошел во двор и направился к сугробу, за которым упал Распутин.

Он уже не проявлял никаких признаков жизни. На его левом виске зияла большая рана, которую, как я впоследствии узнал, нанес ему Пуришкевич каблуком.

Между тем в это время с двух сторон ко мне шли люди: от ворот, как раз к тому месту, где находился труп, направлялся городской, а из дома бежали двое из моих служащих... Все трое были встревожены выстрелами.

Городового я задержал на пути. Разговаривая с ним, я нарочно повернулся лицом к сугробу так, чтобы городской был вынужден стать спиной к тому месту, где лежал Распутин.

— Ваше сиятельство, — начал он, узнав меня, — тут были выстрелы слышны; не случилось ли чего?

— Нет, ничего серьезного, глупая история: у меня сегодня была вечеринка, и кто-то из моих товарищей, выпив лишнее, стал стрелять и напрасно потревожил людей.

Если кто-нибудь тебя станет спрашивать, что здесь произошло, скажи, что все обстоит благополучно.

Разговаривая с городовым, я довел его до ворот и затем вернулся к тому месту, где лежал труп. Около него стояли мои служащие. Пуришкевич поручил им перенести тело в дом. Я подошел ближе к сугробу.

Распутин лежал, весь скрючившись и уже в другом положении.

«Боже мой, он все еще жив!» — подумал я.

На меня снова напал ужас при мысли, что он опять вскочит и начнет меня душить; я быстро направился к дому. Войдя в свой кабинет, я окликнул Пуришкевича, но его там не оказалось. Ужасный, кошмарный шепот Распутина, звавшего меня по имени, все время звучал в моих ушах. Мне было не по себе. Я прошел в мою уборную, чтобы выпить воды. В это время вбежал Пуришкевич.

— Вот вы где, а я всюду вас ищу! — воскликнул он.

В глазах у меня темнело, мне казалось, что я сейчас упаду.

Пуришкевич, поддерживая меня под руку, повел в кабинет. Но не успели мы в него войти, как пришел камердинер и доложил, что меня хочет видеть все тот же городской, который на этот раз взошел через главный подъезд, минуя двор.

Оказалось, что выстрелы были услышаны в участке, откуда у городского потребовали объяснений по телефону. Первоначальными его показаниями местные полицейские власти не удовлетворились и настаивали на сообщении всех подробностей.

Пуришкевич, увидав вошедшего в это время городского, быстро подошел к нему и начал говорить повышенным голосом:

— Ты слышал про Распутина? Это тот самый, который губил нашу Родину, нашего Царя, твоих братьев-солдат... Он немцам нас продавал... Слышал?

Городовой стоял с удивленным лицом, не понимая, чего от него хотят, и молчал.

— А знаешь ли ты, кто с тобой говорит? — не унимался Пуришкевич. — Я член Государственной думы Владимир Митрофанович Пуришкевич. Выстрелы, которые ты слышал, убили этого самого Распутина, и, если ты любишь твою Родину и твоего Царя, — ты должен молчать...

Я с ужасом слушал этот разговор. Остановить его и вмешаться было совершенно невозможно. Все случилось слишком быстро и неожиданно, какой-то нервный подъем всецело овладел Пуришкевичем, и он, очевидно, сам не сознавал того, что говорил.

— Хорошее дело совершили. Я буду молчать; а вот коли к присяге поведут, тут, делать нечего — скажу все, что знаю; грех утаить, — проговорил наконец городской.

Он вышел. По выражению его лица было заметно, что то, что он сейчас узнал, глубоко запало в его душу.

Пуришкевич выбежал за ним.

Когда они ушли, мой камердинер доложил, что труп Распутина перенесен со двора и положен на нижней площадке винтовой лестницы. Я чувствовал себя очень плохо; голова кружилась, я едва мог двигаться; но все же, хотя и с трудом, встал, машинально взял со стола резиновую палку и направился к выходу из кабинета.

Сойдя по лестнице, я увидел Распутина, лежавшего на нижней площадке.

Из многочисленных ран его обильно лилась кровь. Верхняя люстра бросала свет на его голову, и было до мельчайших подробностей видно его изуродованное ударами и кровоподтеками лицо.

Тяжелое и отталкивающее впечатление производило это кровавое зрелище.

Мне хотелось закрыть глаза, хотелось убежать куда-нибудь далеко, чтобы, хотя на мгновение, забыть ужасную действительность, и вместе с тем меня непреодолимо влекло к этому окровавленному трупу, влекло так настойчиво, что я уже не в силах был бороться с собой.

Голова моя разрывалась на части, мысли путались; злоба и ярость душили меня.

Какое-то необъяснимое состояние овладело мной.

Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало...

Все Божеские и человеческие законы в эту минуту были попраны.

Пуришкевич говорил мне потом, что зрелище это было настолько кошмарное, что он никогда его не забудет.

Тщетно пытались остановить меня. Когда это наконец удалось, я потерял сознание.

В это время великий князь Дмитрий Павлович, поручик Сухотин и доктор Лазаверт приехали в закрытом автомобиле за телом Распутина.

Узнав от Пуришкевича обо всем случившемся, они решили меня не беспокоить.

Завернув труп в сукно, они положили его на автомобиль и уехали на Петровский остров. Там с моста тело Распутина было сброшено в воду.

XV

Я проснулся после глубокого сна в таком состоянии, точно очнулся от тяжелой болезни или после сильнейшей грозы вышел на свежий воздух и дышал всей грудью среди успокоенной и обновленной природы.

Сила жизни и ясность сознания вновь вернулись ко мне.

Вместе с моим камердинером мы уничтожили все следы крови, которые могли выдать происшедшее событие.

Когда в доме все было вычищено и прибрано, я вышел во двор принимать дальнейшие меры предосторожности.

Надо было какой-нибудь причиной объяснить выстрел, и я решил пожертвовать одной из дворовых собак. План был простой: сказать, что гости, уезжая от меня, увидели на дворе собаку и один из них, будучи навеселе, застрелил ее.

Мой камердинер, взяв револьвер, пошел во внутренний двор, где была привязана собака, завел ее в сарай и застрелил. Труп ее мы протащили по двору, по тому самому месту, где полз Распутин, для того, чтобы затруднить анализ крови, а затем бросили его за снежный сугроб, где еще так недавно лежал убитый «старец». Чтобы сделать невозможными поиски полицейских собак, мы налили камфары на кровавые пятна, видневшиеся в снегу.

Когда внешняя сторона сокрытия следов убийства была закончена, я призвал всех случайных свидетелей события и объяснил им смысл происшедшего. Они молча меня слушали, и по выражению их лиц видно было, что все решили непоколебимо хранить тайну.

Уже светало, когда я вышел из дому и отправился во дворец великого князя Александра Михайловича.

Все та же мысль, что сделан первый шаг для спасения России, наполняла меня бодростью и светлой верой в будущее.

Войдя в свою комнату во дворце, я застал в ней брата моей жены, князя Федора Александровича, не спавшего всю ночь в ожидании моего возвращения.

— Слава Богу, наконец ты... Ну, что?

— Распутин убит, но я не могу сейчас ничего рассказывать, я слишком устал, — ответил я.

Предвидя на завтра целый ряд осложнений и неприятностей и сознавая, что мне необходимо набраться новых сил, я лег и заснул крепким сном.

XVI

Я проспал до десяти.

Едва я открыл глаза, как мне пришли сказать, что меня желает видеть полицмейстер Казанской части, генерал Григорьев, по очень важному делу.

Наскоро одевшись, я вышел в кабинет, где меня ожидал генерал Григорьев.

— Ваше посещение, вероятно, связано с выстрелами во дворе нашего дома? — спросил я.

— Да, я приехал, чтобы лично узнать все подробности дела. У вас не был в гостях вчера вечером Распутин?

— Распутин? Он у меня никогда не бывает, — ответил я.

— Дело в том, что выстрелы, услышанные в вашем дворе, связывают с исчезновением этого человека, и градоначальник мне приказал в кратчайший срок узнать, что произошло у вас этой ночью.

Соединение выстрелов на Мойке с исчезновением Распутина обещало большие осложнения. Прежде чем дать тот или иной ответ на поставленный мне вопрос, я должен был все взвесить, сообразить и внимательно обдумать каждое слово.

— Откуда у вас эти сведения? — спросил я.

Генерал Григорьев рассказал мне, как к нему рано утром явился пристав в сопровождении городского, дежурившего около нашего дома, и заявил, что ночью, в три часа, раздалось несколько выстрелов, после чего городской прошел по своему району, но везде было тихо, безлюдно, и дежурные дворники спали у ворот. Вдруг его кто-то окликнул и сказал: «Иди скорей, тебя князь требует». Городовой пришел на зов. Его провели в кабинет. Там он увидел меня и еще какого-то господина, который подбежал к нему и спросил: «Ты меня знаешь?» — «Никак

нет», — отвечал городской. «О Пуришкевиче слышал?» — «Так точно». — «Если ты любишь Царя и Родину, поклянись, что никому не скажешь; Распутин убит». После этого городского отпустили, и он вернулся сначала на свой пост, но потом испугался и решил о случившемся доложить по начальству.

Я слушал внимательно, стараясь выразить на своем лице полное удивление. Я был связан клятвенным обещанием с участниками заговора не выдавать нашей тайны, так как мы в то время все еще надеялись, что нам удастся скрыть следы убийства. Ввиду остроты политического момента Распутин должен был исчезнуть бесследно. Когда же генерал Григорьев кончил свой рассказ, я воскликнул:

— Это прямо невероятная история! И как глупо, что из-за этого городского, не понявшего того, что ему было сказано, может теперь выйти большая неприятность... Я вам сейчас подробно расскажу все, как было.

Ко мне вчера вечером приехали ужинать несколько друзей и знакомых. В числе их были: великий князь Дмитрий Павлович, Пуришкевич, несколько офицеров. В этот вечер было выпито много вина, и все были очень веселы.

Когда гости стали разъезжаться, я вдруг услышал на дворе два выстрела один за другим, а затем, выйдя на подъезд, я увидел одну из наших дворовых собак, лежащую убитой на снегу. Один из моих друзей, будучи навеселе, уезжая, выстрелил из револьвера и случайно попал в нее. Боясь, что выстрелы привлекут внимание полиции, я послал за городским, чтобы объяснить ему их причину. К этому времени уже почти все гости разъехались, остался только один Пуришкевич. Когда вошел ко мне городской, то Пуришкевич подбежал к нему и начал что-то быстро говорить. Я заметил, что городской смутился. О чем у них шел разговор — я не знаю, но из ваших слов мне ясно, что Пуришкевич, будучи тоже сильно навеселе и рассказывая об убитой собаке, сравнил ее с Распутиным и пожалел, что убит не «старец», а собака. Городской, очевидно, не понял его. Только таким образом я могу объяснить это недоразумение. Очень надеюсь, что все скоро выяснится, и если правда, что Распутин исчез, то его исчезновение не будут связывать с выстрелом на нашем дворе.

— Да, теперь причина для меня совершенно ясна. А скажите, князь, кто у вас еще был, кроме великого князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича?

— На этот вопрос не могу вам ответить. Дело, само по себе пустячное, может принять серьезный оборот, а мои друзья — все люди семейные, на службе и могут невинно пострадать.

Я вам очень благодарен, князь, за сведения, — сказал генерал. — Сейчас поеду к градоначальнику и сообщу ему то, что от вас слышал. Все, вами сказанное, проливает свет на случившееся и вполне обеспечивает вас от каких-либо неприятностей.

Я попросил генерала Григорьева передать градоначальнику, что хотел бы его видеть и чтобы он сообщил мне, в котором часу может меня принять.

Как только полицмейстер уехал, меня позвали к телефону; звонила М. Г.

— Что вы сделали с Григорием Ефимовичем? — спросила она.

— С Григорием Ефимовичем? Что за странный вопрос?

— Как? Он у вас вчера не был?.. — уже с испугом проговорила М. Г. — Так где же он? Ради Бога, приезжайте скорее, я в ужасном состоянии...

Предстоящая беседа с М. Г. была для меня невыразимо тяжелой: что я ей скажу, ей, которая относилась ко мне с такой неподдельной дружбой, с таким доверием и не сомневалась ни в одном мною сказанном слове?

Как я ей посмотрю в глаза, когда она спросит у меня: «Что вы сделали с Григорием Ефимовичем?»

Но ехать к ней было нужно, и через полчаса я входил в гостиную семьи Г.

В доме чувствовался переполох; лица у всех были взволнованные и заплаканные, а М. Г. была просто неузнаваема. Она кинулась ко мне навстречу и голосом, полным невыразимой тревоги, проговорила:

— Скажите мне, ради Бога, скажите, где Григорий Ефимович? Что вы с ним сделали? Говорят, что он убит у вас и именно вас называют его убийцей.

Я постарался ее успокоить и рассказал подробно уже сложившуюся в моей голове историю.

— Ах, как все это ужасно! А Императрица и Аня уверены, что он убит этой ночью и что это сделано у вас и вами.

— Позвоните сейчас в Царское и попросите Императрицу принять меня — я Ей все объясню. Сделайте это поскорее, — настаивал я.

М. Г., согласно моему желанию, позвонила по телефону в Царское, откуда ей ответили, что Императрица меня ждет.

Я уже собирался уходить, чтобы ехать к Государыне, но в это время подошла ко мне М. Г., на лице которой, помимо тревоги, вызванной исчезновением Распутина, мелькало теперь новое мучительное беспокойство.

— Не ездите в Царское, не ездите, — обратилась она ко мне умоляющим голосом. — Я уверена, что с вами что-

нибудь случится. Они вам не поверят, что вы не причастны. Там все в ужасном состоянии... На меня очень рассержены, говорят, что я предательница. И зачем только я вас послушала — не надо было мне туда звонить, это ужасная ошибка! Ах, что я сделала!

Во всем обращении со мной М. Г., в ее волнении за меня чувствовалась такая глубокая дружеская привязанность, что мне стоило огромных усилий тут же не сознаться ей во всем. Как мучительно было для меня в эту минуту обманывать ее, такую добрую и доверчивую.

Она близко подошла ко мне и, робко взглянув на меня своими добрыми и чистыми глазами, перекрестила.

— Храни вас Господь. Я буду молиться за вас, — тихо проговорила она.

Я уже собирался уходить, как вдруг раздался звонок: это был телефон из Царского Села от Вырубовой, которая сообщила, что Императрица заболела, не может меня принять и просит письменно изложить Ей все, что мне было известно относительно исчезновения Распутина.

— Слава Богу, я так рада, что вы туда не поедете! — воскликнула М. Г.

Простившись, я вышел на улицу и, пройдя несколько шагов, встретил одного моего товарища по корпусу. Увидя меня, он подбежал взволнованный:

— Феликс, ты знаешь новость? Распутин убит!

— Не может быть! А кто его убил?

— Говорят, у цыган, но кто — пока еще не установлено.

— Слава Богу, если только это правда... — сказал я.

Он поехал дальше, очень довольный, что первый сообщил мне сенсационную новость, а я отправился обратно во дворец за ответом от градоначальника.

Ответ этот уже был получен: генерал Балк меня ждал.

Когда я приехал к нему, то я заметил в градоначальстве большую суету. Генерал сидел в своем кабинете за письменным столом. Вид у него был озабоченный.

Я сказал ему, что приехал специально для выяснения недоразумений, вызванного словами Пуришкевича. Недоразумение это я желал выяснить возможно скорее, потому что в тот же день вечером я собирался ехать в отпуск в Крым, где меня ожидала моя семья, и мне бы не хотелось, чтобы меня задержали в Петербурге допросами и всякими формальностями.

Градоначальник ответил, что мои показания, данные генералу Григорьеву, вполне удовлетворительны и затруднений с моим отъездом никаких не предвидится, но он должен меня предупредить, что получил приказание от Императрицы Александры Федоровны произвести обыск

в нашем доме на Мойке ввиду подозрительных ночных выстрелов и толков о моей причастности к исчезновению Распутина.

— Моя жена — племянница Государя, — сказал я, — лица же Императорской фамилии и их жилища — неприкосновенны, и всякие меры против них могут быть приняты только по приказанию самого Государя Императора.

Градоначальник должен был со мной согласиться и тут же по телефону отдал распоряжение об отмене обыска.

Точно тяжелое бремя скатилось с моих плеч. Я боялся, что ночью при уборке комнат мы много могли не заметить, поэтому во что бы то ни стало не надо было допускать обыска до тех пор, пока вторичным осмотром и самой тщательной чисткой не будут уничтожены все следы случившегося.

Довольный, что мне удалось устранить обыск, я простился с генералом Балк и возвратился на Мойку.

Мои опасения оправдались. Обходя столовую и лестницу, я заметил, что при дневном освещении на полу и на коврах виднеются коричневые пятна. Я позвал своего камердинера, и мы снова произвели чистку всего помещения. Работа у нас шла быстро, и в скором времени в доме все было закончено.

Только во дворе, около подъезда, заметны были большие пятна крови. Счистить их было невозможно, кровь глубоко впиталась в каменные плиты. Появление этих пятен можно было объяснить только трупом собаки, которую протащили по ступеням подъезда.

«Ну, а если обыск все-таки будет сделан, — подумал я, — и кровь взята на исследование? Тогда дело может принять серьезный оборот». Необходимо было как-нибудь скрыть следы. Для этого мы решили забросать ступени густым слоем снега, предварительно смазав кровавые пятна масляной краской под цвет камня.

Теперь, казалось, главное было сделано, и следственные власти направлены по ложному пути.

Был уже второй час дня. Я поехал завтракать к великому князю Дмитрию Павловичу. В общих чертах он мне рассказал, как они увозили труп Распутина.

Вернувшись с закрытым автомобилем на Мойку и найдя меня в невменяемом состоянии, великий князь сначала хотел остаться со мной и привести меня в чувство. Но медлить было нельзя — близился рассвет. Тело Распутина, плотно завернутое в сукно и туго перевязанное веревкой, положили в автомобиль. Великий князь сел за шофера, рядом с ним Сухотин, а внутри разместились Пуришкевич, доктор Лазаверт и мой камердинер. Доехав до Петропавловского моста, автомобиль остановился. Вдали

виднелась будка часового. Боясь, что шум мотора и яркий свет фонарей его разбудят, великий князь совсем остановил машину и погасил огни.

Среди приехавших царила полная растерянность. Все суетились и нервничали. Сбрасывая труп в прорубь, они даже забыли привесить к нему гири и, уже окончательно потеряв голову, вместе с трупом сбросили почему-то шубу и калоши Распутина¹. Извлечь их из проруби обратно не было никакой возможности, потому что надо было торопиться и не быть застигнутым врасплох.

На беду, испортился мотор, но великий князь быстро его починил, завел машину и, повернув автомобиль около самой будки, в которой часовой продолжал спать, поехал домой.

В заключение своего рассказа великий князь высказал предположение, что труп, по всей вероятности, течением реки уже унесен в море.

Я со своей стороны рассказал все мои утренние похождения и разговоры.

После завтрака зашел поручик Сухотин. Мы его просили съездить отыскать Пуришкевича и привезти его во дворец, так как в этот день, вечером, он должен был со своим санитарным поездом уехать на фронт, я уезжал в Крым, а великий князь на следующий день отправлялся в Ставку.

Необходимо было всем нам собраться, чтобы сговориться, как поступать в случае задержки, ареста или допроса кого-нибудь из нас.

Времени у меня было очень мало, и я решил, не теряя ни минуты, согласно желанию Императрицы, написать Ей. Когда письмо было готово, я его прочитал великому князю; он его одобрил.

Я не привожу содержания этого письма, чтобы не повторять объяснений, данных мной генералу Григорьеву. Оно было очень сжато и носило характер докладной записки. Великий князь тоже захотел написать Императрице, но ему помешал приезд Пуришкевича и Сухотина.

На общем совещании мы решили всем говорить только то, что было уже сказано генералу Григорьеву, повторено М. Г., градоначальнику и Императрице в моем к Ней письме. Что бы ни случилось, какие бы новые улики ни были найдены против нас, мы не должны были менять своих показаний.

Итак, нами был сделан первый шаг. Открыт был путь тем людям, которые были в курсе всего случившегося и

---

¹ Одежду Распутина не успели увезти и сжечь целиком, как предполагалось первоначально

могли продолжать начатое нами дело борьбы против распутиинства. Мы же должны были временно отойти в сторону.

На этом решении мы расстались.

XVII

От великого князя я отправился к себе на Мойку узнать, нет ли там чего-нибудь нового. Когда я туда приехал, мне сказали, что днем были допрошены все мои люди. Результат допроса мне был неизвестен, но из рассказов моих служащих можно было вывести о нем скорее благоприятное впечатление.

Мне этот допрос не понравился. Боясь быть задержанным разными формальностями и опоздать на праздники к моим родным, я решил поехать к министру юстиции Макарову, чтобы выяснить, в каком положении находится дело.

В министерстве, как и в градоначальстве, царило большое волнение. У министра сидел прокурор, с которым я столкнулся в дверях, входя в кабинет министра, причем прокурор посмотрел на меня с нескрываемым любопытством.

Министра юстиции я видел впервые, и он сразу мне понравился. Это был худощавый старик с седыми волосами и бородой, с приятным лицом и мягким голосом.

Я ему объяснил причину моего приезда и по его просьбе повторил опять с самого начала и со всеми подробностями заученную историю. Когда я в моем рассказе коснулся разговора Пуришкевича с городовым, Макаров меня остановил:

— Я Владимира Митрофановича хорошо знаю и знаю также, что он никогда не пьет. Если не ошибаюсь, он даже член Общества трезвости.

— Могу уверить вас, — ответил я, — что на этот раз Владимир Митрофанович изменил себе и своему Обществу, если он в таком состоит членом, как вы говорите. Ему было трудно отказаться от вина, так как я справлял новоселье, и мы все уговорили его выпить с нами, а с непривычки несколько рюмок сильно на него подействовали.

Закончив мои объяснения, я спросил министра, обеспечены ли мои служащие от дальнейших допросов и каких-либо неприятностей, так как они все волнуются за свою судьбу ввиду моего отъезда сегодня вечером в Крым.

Он меня успокоил, сказав, что, по всей вероятности, полицейские власти ограничатся сделанным уже допро-

сом. С своей стороны он обещал не допускать в нашем доме каких-либо обысков и не придавать значения городским слухам и сплетням.

Прощаясь со мной, министр на мой вопрос, могу ли я покинуть Петербург, ответил утвердительно. Провожая меня, он еще раз выразил сожаление, что из-за такого недоразумения у меня столько хлопот и неприятностей.

Из министерства юстиции я отправился к моему дяде, Председателю Государственной думы Родзянко. Он и его жена знали о нашем решении покончить с Распутиным и ждали с нетерпением услышать подробности. Войдя к ним в гостиную, я увидел, что они оба взволнованы и о чем-то громко спорят. Моя тетка подошла ко мне со слезами на глазах, обняла и благословила, а Михаил Владимирович своим громовым голосом обратился ко мне со словами одобрения.

В эту минуту я особенно оценил их искренность и сердечность. Вдали от своих, совершенно одинокий, я переживал очень тяжелые минуты, и такое чисто отеческое отношение ко мне подбодрило и успокоило меня. Долго у них я оставаться не мог, так как мой поезд уходил в девять часов вечера, а у меня еще ничего не было уложено. В коротких словах сообщив им об обстоятельствах убийства, я с ними распрощался.

— Теперь мы отойдем в сторону и предоставим действовать другим, — сказал я, уходя. — Дай Бог, чтобы общими усилиями можно было воздействовать на Государя и дать Ему возможность увидеть всю правду, пока еще не поздно. Более благоприятный момент для этого трудно себе представить.

— Я уверен, что убийство Распутина будет понято как патриотический акт, — ответил Родзянко, — и что все, как один человек, объединятся и спасут погибающую Родину.

От Родзянко я отправился во дворец великого князя Александра Михайловича

Войдя в переднюю, я услышал от швейцара, что дама, которой я будто бы назначил прийти ко мне в семь часов вечера, уже ждет меня в кабинете.

Никакой дамы я не ждал к себе. Нечаянный визит этот показался мне очень странным, и я попросил швейцара в общих чертах описать мне ее внешность. Я узнал, что она одета во все черное, причем лица ее почти нельзя разглядеть, так как оно скрыто под густой вуалью.

Предчувствуя что-то недоброе, я решил пройти в спальню, минуя кабинет, и оттуда посмотреть на таинственную посетительницу.

Каково же было мое удивление, когда я, заглянув через приоткрытую слегка дверь в кабинет, узнал в ожидавшей меня даме одну из ярых поклонниц Распутина.

Я позвал швейцара и отдал распоряжение передать непрошенной гостье, что я вернусь домой лишь очень поздно вечером. Затем, быстро уложив свои вещи, я пошел обедать.

На лестнице, подымаясь в столовую, я встретил моего товарища, английского офицера Освальда Рейнера. Он знал обо всем и очень за меня волновался. Я его успокоил, сказав, что все пока обстоит благополучно.

За обедом присутствовали три старших брата моей жены, которые тоже ехали в Крым, их воспитатель англичанин Стюарт, фрейлина великой княгини Ксении Александровны, С. Д. Евреинова, Рейнер и еще несколько человек¹.

Все были потрясены таинственным исчезновением Распутина и передавали самые невероятные слухи, которые ходили по городу. Некоторые не верили в гибель «старца», уверяя, что он жив и все случившееся только выдумка. Другие, ссылаясь на «достоверные источники» и чуть ли не на свидетелей-очевидцев, рассказывали, что «старец» убит во время кутежа у цыган. Были и такие, которые во всеуслышание заявляли, что убийство Распутина произошло у нас в доме на Мойке и я — один из его участников. Менее доверчивые думали, что едва ли я сам принимал личное участие в убийстве, но во всяком случае считали меня осведомленным во всех его подробностях и приставали ко мне с расспросами. На меня устремлялись испытующие взоры в надежде что-нибудь прочесть на моем лице. Но я был спокоен, вместе со всеми радовался событию, благодаря чему подозрения по моему адресу у присутствующих постепенно рассеялись.

Телефон в это время звонил без конца, так как в городе упорно связывали исчезновение Распутина с моим именем. Звонили родные, знакомые, члены Государственной думы, звонили представители и директора разных предприятий и заводов, заявляя, что их рабочие постановили установить мне охрану.

Я всем отвечал, что слухи относительно моего участия в убийстве Распутина ложны и что я совершенно не причастен к этому делу.

До отхода поезда оставалось всего полчаса. Простившись с присутствующими, мы отправились на вокзал. Со мной в автомобиле сели братья моей жены князя Андрей, Федор и Никита; Стюарт и Рейнер. Подъезжая к вокзалу, я заметил, что на лестнице собралось большое количество дворцовой полиции. Меня это удивило: не отдан ли приказ

¹ Кроме князя Федора Александровича и Рейнера, никто из присутствующих за обедом не был посвящен в наш заговор.

о моем аресте? — подумал я. Мы вышли из автомобиля и поднялись по лестнице. Когда я поравнялся с жандармским полковником, он подошел ко мне и, очень волнуясь, что-то невнятно проговорил.

— Нельзя ли погромче, господин полковник, — сказал я, — а то я ничего не слышу.

Он немного оправился и громко произнес:

— По приказанию Ее Величества выезд из Петербурга вам запрещен. Вы должны вернуться обратно во дворец великого князя Александра Михайловича и оставаться там впредь до особых распоряжений.

— Очень жаль, меня это совсем не устраивает, — ответил я, и, обернувшись к своим спутникам, повторил им Высочайшее повеление.

Для них мой арест был полной неожиданностью. Князя Андрей и Федор решили, что они не поедут в Крым и останутся со мной, а князь Никита отправится со своим воспитателем.

Мы пошли провожать наших отъезжающих. Полиция последовала за нами, как будто боялась, что я сяду в поезд и уеду.

Картина нашего шествия по вокзалу была, по-видимому, незаурядная, так как публика останавливалась и с любопытством нас разглядывала.

Я вошел в вагон поговорить с князем Никитой. Полицейские снова заволновались. Я их успокоил, сказав, что никуда от них не скроюсь, а лишь хочу проститься с уезжающими.

Поезд тронулся, и мы пошли обратно к автомобилю.

«Странно чувствовать себя арестованным, — думал я, возвращаясь домой, — что со мной будет?».

Дома были очень удивлены нашему возвращению и недоумевали: что бы все это могло означать?

Я чрезвычайно устал за день и, очутившись в своей комнате, лег отдохнуть. По моей просьбе со мной остались князь Федор и Рейнер; они оба были взволнованы и опасались за мою судьбу.

Во время нашего разговора вбежал в комнату князь Андрей и объявил о приезде великого князя Николая Михайловича.

Это позднее посещение не предвещало мне ничего хорошего. Он, очевидно, приехал, чтобы подробно узнать от меня, в чем дело, и приехал как раз в то время, когда я устал, хотел спать и когда мне было не до разговоров.

Великий князь Николай Михайлович совмещал удивительные противоречия в своем характере. Ученый историк, человек большого ума и независимой мысли, он в обращении с людьми иногда принимал чрезмерно шутили-

вый тон, страдал излишней разговорчивостью и мог даже проболтаться о том, о чем следовало молчать.

Он не только ненавидел Распутина и сознавал весь его вред для России, но и вообще по своим политическим воззрениям был крайне либеральный человек. В самой резкой форме высказывая критику тогдашнего положения вещей, он даже пострадал за свои суждения и на время был выслан из Петербурга в свое имение Херсонской губернии, Грушевку.

Едва успели князь Федор и Рейнер закрыть за собой дверь, как вошел в комнату великий князь Николай Михайлович. Он обратился ко мне со словами:

— Ну, рассказывай, что ты натворил?

Я сделал удивленное лицо и спросил его:

— Неужели ты тоже веришь всяким пустым слухам? Ведь это все сплошное недоразумение, в котором я совершенно ни при чем.

— Да, рассказывай это другим, а не мне! Я все знаю, со всеми подробностями, знаю даже имена дам, которые были у тебя на вечере.

Эти последние слова великого князя показали мне, что он ровно ничего не знает и лишь нарочно притворяется осведомленным, чтобы легче меня поймать. Я ему подробно рассказал все ту же историю о вечере и о застреленной собаке.

Великий князь как будто поверил моему рассказу, но на всякий случай, уходя, хитро улыбнулся.

Мне было ясно, что он не в курсе дела и в душе очень сердится и досадует на то, что ничего от меня не узнал.

После отъезда великого князя Николая Михайловича князья Андрей и Федор и Рейнер снова пришли ко мне. Я им сказал, что завтра утром перееду в Сергиевский дворец к великому князю Дмитрию Павловичу, чтобы быть вместе с ним до определения нашей участи. Затем я подробно объяснил им, что они должны отвечать в случае допроса. Все трое обещали мне точно следовать моим указаниям и, простившись со мной, ушли.

Долго я не мог уснуть. События предыдущей ночи проносились передо мною, мысли сменяли одна другую...

Наконец, голова моя отяжелела, и я заснул.

XVIII

На следующий день, рано утром, я переехал в Сергиевский дворец. Великий князь Дмитрий Павлович, увидев меня, очень удивился, так как был уверен, что я уехал накануне в Крым.

Я сообщил ему о своем аресте и о решении переселиться к нему ввиду осложнившихся обстоятельств и возможности всяких репрессий в отношении нас обоих. Рассказал я ему также о всех своих встречах и разговорах. Великий князь, в свою очередь, передал мне во всех подробностях, как он провел свой день накануне и как вечером отправился в Михайловский театр, откуда ему пришлось уехать, так как его предупредили, что публика собирается устроить ему овацию. По возвращении из театра домой он узнал, что в Царском Селе его упорно считают одним из главных участников убийства Распутина. Тогда он позвонил по телефону Императрице Александре Федоровне, прося его принять, но она наотрез отказалась его видеть.

Побеседовав еще немного с великим князем, я прошел в отведенную мне комнату, послал за газетами и стал их просматривать, ища откликов печати на совершившееся событие. Но в газетах ничего не было, кроме краткого сообщения о том, что «в ночь с 16 на 17 декабря убит старец Григорий Распутин».

Утро прошло спокойно, но около часа дня, во время нашего завтрака, командующий Главной квартирой генерал-адъютант Максимович позвонил по телефону и заявил великому князю, что он, по повелению Императрицы, арестован, и просил его не покидать своего дворца. При этом генерал Максимович обещал вскоре приехать сам для объяснений.

Великий князь после этого разговора вернулся в столовую очень расстроенным.

— Феликс, — сказал он мне, — я арестован по приказанию Императрицы Александры Федоровны... Она не имеет на это никакого права; только Государь может отдать приказ о моем аресте.

Пока мы обсуждали этот вопрос, приехал генерал Максимович. Его провели в кабинет великого князя. Когда великий князь к нему вышел, генерал встретил его следующими словами:

— Ее Величество просит Ваше Высочество не покидать вашего дворца...

— Что же это значит, арест?

— Нет, это не арест, но Ее Величество все-таки настаивает, чтобы Вы не покидали Вашего дворца.

Великий князь повышенным голосом ответил:

— Я вам заявляю, что вы имеете в виду меня арестовать. Передайте Ее Величеству, что я подчиняюсь Ее приказанию.

Простившись с генералом Максимовичем, великий князь вышел из кабинета.

В течение дня великого князя Дмитрия Павловича по очереди посетили все члены Императорского дома, находившиеся в тот момент в Петербурге. Они все были взволнованы арестом великого князя и превышением власти со стороны Императрицы Александры Федоровны, которая приказала лишить свободы члена Императорской фамилии на основании только одного предположения о его причастности к убийству Распутина.

В этот день великий князь получил телеграмму от великой княгини Елизаветы Федоровны из Москвы, где тоже связывали мое имя с исчезновением Распутина. Зная мои дружеские отношения с великим князем и не подозревая, что и он является одним из участников уничтожения «старца», великая княгиня просила его в своей телеграмме передать мне, что она молится за меня и благословляет мой патриотический поступок.

Эта телеграмма сильно нас скомпрометировала. Протопопов перехватил ее и снял с нее копию, которую послал в Царское Село Императрице Александре Федоровне, после чего Императрица решила, что и великая княгиня Елизавета Федоровна является тоже участницей заговора.

Телефон у нас звонил непрерывно, причем чаще всех звонил великий князь Николай Михайлович и сообщал нам самые невероятные сведения.

Он заезжал к нам по нескольку раз в день, делая вид, что все знает, и стараясь нас поймать на каждом слове. Выискивая разные способы узнать всю правду, он притворился нашим сообщником, в надежде, что мы по рассеянности как-нибудь проговоримся.

Он не удовлетворялся одними разговорами по телефону и постоянными посещениями нас, но принимал еще самое живое участие в поисках трупа Распутина. Одевшись в доху и подняв воротник так, чтобы его невозможно было узнать, он разъезжал на извозчике по островам в надежде напасть на какой-нибудь след.

В один из приездов к нам он, между прочим, рассказал, что Императрица Александра Федоровна определенно считает нас обоих виновниками смерти Распутина и требует нашего немедленного расстрела, но все удерживают Императрицу от такого решения; даже сам Протопопов советует обождать приезда Государя из Ставки. Государю послана телеграмма, и Его ждут со дня на день.

В тот день, когда великий князь Николай Михайлович объявил нам эту новость, М. Г. сообщила мне не менее тревожное известие о том, что на нас обоих готовится покушение, и советовала принять меры предосторожности. Оказалось, что накануне она была невольной свидетельницей того, как на квартире Распутина двадцать

человек его самых ярких сторонников поклялись за него отомстить.

Этот день был особенно утомительным и для великого князя и для меня, и мы были рады, когда все наши посетители уехали.

Было трудно в присутствии посторонних все время держаться настороже, сохранять полное хладнокровие и стараться своим спокойным отношением к событиям и слухам рассеивать подозрения о нашей причастности к убийству Распутина.

Оставшись одни, мы долго разговаривали и обменивались впечатлениями.

Я еще никогда до сих пор не видел великого князя Дмитрия Павловича таким простым и сердечным. Весь ужас пережитого оставил глубокий след в его чуткой душе, и я был счастлив находиться около него в эти тяжелые минуты и разделять с ним его вынужденное одиночество.

XIX

На другой день, 19 декабря, утром Государь приехал из Ставки.

Сопровождавшие Его рассказывали, что после получения известия о смерти Распутина Он был в таком радостном настроении, в каком Его не видали с самого начала войны.

Очевидно, Государь сам почувствовал и поверил, что с исчезновением «старца» с Него спадут тяжелые оковы, которые Его связывали и которых Он не имел сил с себя сбросить. Но лишь только Он возвратился в Царское Село, как Его душевное состояние резко изменилось, и он снова оказался всецело под влиянием окружающих.

В городе по-прежнему носились всевозможные слухи. Ими жили все слои общества сверху донизу, им верили и очень волновались.

Известие о нашем предстоящем расстреле дошло до рабочих больших заводов и вызвало среди них сильное брожение. На своих собраниях они постановили спасти нас и устроить нам негласную охрану.

Хотя мы и были в положении арестованных и, кроме членов Императорской фамилии, в Сергиевский дворец никого не пускали, наши друзья и знакомые тем не менее к нам пробирались. Приходили также офицеры разных полков, которые заявляли, что их части, как один человек, станут на нашу защиту. Они находились под сильным

впечатлением совершившегося события и предлагали великому князю разные планы решительных действий, на которые он, конечно, не мог согласиться.

В этот день у нас перебивало особенно много народа. Уже с утра начали съезжаться во дворец члены Императорского дома.

Помню, как я вошел с великим князем в его кабинет, где застал почти всю Императорскую семью, которая меня забросала вопросами. Накануне они были исключительно заняты фактом ареста великого князя и ни о чем другом не говорили; теперь же они хотели узнать подробности исчезновения Распутина, но услышали от меня все тот же рассказ.

Перед обедом приехал великий князь Николай Михайлович и сообщил нам, что труп Распутина найден в проруби Петровского моста.

Вечером снова заехал генерал Максимович и на этот раз, уже от имени Государя, объявил великому князю, что он арестован.

Ночь мы провели беспокойно. Около трех часов нас разбудили, предупредив о появлении во дворце каких-то подозрительных личностей, пробравшихся по черному ходу. Служащим они объяснили, что посланы охранять дворец, но ввиду того, что у этой «охраны» не оказалось никаких документов, ее выгнали вон, а у всех входов и выходов поставили служащих дворца.

20-го днем к чаю опять собрались почти все члены Императорского дома.

Они снова обсуждали арест великого князя Дмитрия Павловича, на этот раз уже официально утвержденный приказом Государя. Никто из них не мог примириться с фактом ареста члена Императорской фамилии. Они рассматривали его как событие государственной важности, заслуживающее наибольшего внимания. Никто не думал о том, что были вопросы более серьезные, что от тех или иных действий Государя в эти дни зависит судьба страны, судьба престола и династии, наконец, исход войны, которая не могла закончиться победой без полного единения между Верховной властью и народом.

Конец Распутина выдвигал сам собой вопрос и о конце распутинства, о новом курсе всей политики, которая теперь или никогда должна была освободиться от паутины преступных интриг.

После отъезда членов Императорского дома пришел генерал Лайминг, бывший воспитатель великого князя Дмитрия Павловича, который жил во дворце и часто нас навещал. Он нам рассказал подробности извлечения трупа Распутина из реки.

Следствие по делу исчезновения Распутина поручено было вести начальнику охранного отделения полковнику Глобачеву. Этот последний сообщил прокурору Петроградской судебной палаты о том, что в результате розысков была найдена на Петровском мосту «калоша № 11 черного цвета, покрытая пятнами свежей крови». Калоша эта была доставлена на квартиру Распутина, где домашние признали ее принадлежащей убитому. Кроме того, снег, покрывавший мост, весь был исчерчен следами ног и автомобильных шин, причем следы автомобиля близко подходили к самым перилам моста.

Таким образом, по мнению полковника Глобачева, нить к раскрытию убийства следовало искать не на Мойке в доме № 94, а на противоположном конце города, то есть на Петровском мосту.

После этого доклада начались дальнейшие розыски и был произведен осмотр Петровского моста. Туда прибыли все высшие представители административного и судебного мира.

Достаточно назвать должности, которые они занимали, чтобы стало ясно, какое значение имел Распутин, какой «государственной катастрофой» являлась в глазах правительства и Верховной власти его смерть.

При осмотре моста присутствовали, как гласит отчет по делу об убийстве Распутина, — «высшие чины министерства юстиции с министром во главе, прокурор Петроградской судебной палаты, товарищ прокурора, судебный следователь по особо важным делам и представитель министерства внутренних дел...».

Все эти важные чины государства с напряженным вниманием и огромным служебным усердием старались разобраться в загадочном для них событии.

Допрашивали постового городского, сторожей расположенной неподалеку пивной, сторожей убежища Императорского театрального общества для престарелых артистов... Допрос этот никаких результатов не дал. Тогда был сделан новый осмотр моста, самый тщательный. Следственные власти на этот раз нашли новое доказательство убийства — обрывки рогожи со следами крови. Затем их внимание было привлечено еще и следующим обстоятельством: в одном месте на перилах моста снег оказался сброшен, и получилось впечатление, как будто на этих перилах лежал какой-то предмет. Это еще больше склоняло следователей думать, что убийство Распутина произошло именно здесь, на Петровском мосту, в глухой части города, на самой его окраине, а не в другом месте и, конечно, не на Мойке, которая находится на противоположной стороне Петербурга.

Два основания заставляли следственную власть отстаивать такое предположение.

Во-первых, им казалось, что перевозка трупа должна была бы оставить где-нибудь на улицах следы крови. Между тем весь город был осмотрен, а кровавых пятен нигде не нашли.

Во вторых, вызывала подозрение находка калоши убитого: было трудно предположить, чтобы труп, перед тем как его увезти с места преступления, одевали так старательно, что не забыли даже и высокие зимние калоши.

Таким образом, следствие рисовало себе следующую картину: Распутин был убит на самом мосту, его тело некоторое время лежало перекинутым на перилах, а затем с перил было сброшено в прорубь, находившуюся как раз против того места моста, где была найдена запачканная кровью рогожа и где на перилах был сметен снег.

Немедленно были вызваны водолазы; в течение двух с половиной часов производили они обследование речного дна, но трупа найти не удалось.

Водолазы высказали предположение, что течением Невы, особенно быстрым в этом месте, труп мог быть под льдом отнесен далеко от Петровского моста. Сильные морозы заставили на время приостановить поиски водолазов; мост был оцеплен и у перил поставлена охрана...

Один из городских речной полиции, прорубая лед, случайно заметил, недалеко от полыньи, примерзший ко льду рукав бобровой шубы.

О своей находке он немедленно известил начальника речной полиции. Тогда было отдано распоряжение прорубить лед около этого места. Работа была проведена очень энергично, и через пятнадцать минут из воды был извлечен труп Распутина, оказавшийся на дне реки, приблизительно в тридцати саженях от Петровского моста.

Все тело убитого было покрыто таким толстым слоем льда, что под ним трудно было распознать черты его лица.

Когда эту ледяную оболочку осторожно сняли, следственные власти увидели обезображенный труп Распутина; голова убитого в нескольких местах оказалась прошибленной и волосы на ней кое-где вырваны клочьями (вероятно, при падении с моста тело ударилось головой об ледяной край проруби), борода примерзла к одежде; на лице и на груди виднелись сгустки запекшейся крови; один глаз был подбит...

Руки и ноги Распутина были плотно связаны веревкой, причем кулак правой руки убитого был крепко сжат. Все тело было завернуто в накинутую на плечи бобровую шубу, рукав которой, всплыв кверху и примерзнув ко льду, указал место нахождения трупа.

Был составлен официальный акт о нахождении тела, которое перенесли в стоявший на берегу деревянный сарай и покрыли рогожей.

В это время к Петровскому мосту прибыли: министр внутренних дел Протопопов, главный начальник Петербургского военного округа, начальник охранного отделения и другие чины администрации. Прокурорскому надзору поручено было составить подробный протокол наружного осмотра трупа и обстоятельств, при которых он был найден.

Товарищ прокурора Галкин, на которого была возложена эта обязанность, временно даже перенес свою канцелярию в один из частных домов поблизости Петровского моста.

В одиннадцать часов утра в сопровождении высших чинов следственные власти отправились в сарай и приступили к тщательному осмотру трупа.

Убитого раздели. На теле его обнаружены были две раны, нанесенные огнестрельным оружием: одна в области груди, около сердца, другая на шее. Врачи признали обе раны смертельными.

Прислуга убитого, вызванная к месту, где лежал труп, опознала в нем Григория Распутина, проживавшего на Гороховой улице в доме № 64 и бесследно исчезнувшего в ночь на 17 декабря.

В двенадцать часов к телу Распутина были допущены обе его дочери и жених одной из них, подпоручик Папхадзе. Дочери возбудили ходатайство о перенесении тела к ним на квартиру, но власти не дали на это своего согласия. Весть о том, что тело Распутина найдено, быстро распространилась по городу, и к Петровскому мосту потянулась вереница карет и автомобилей, но власти сделали категорическое распоряжение никого не допускать в сарай, где лежал труп.

Через некоторое время был привезен деревянный гроб, куда положили убитого, но предварительно его дважды сфотографировали: сначала в одежде, потом раздетым.

Веревки, которыми были связаны руки и ноги, бобровая шуба и некоторые вещи были опечатаны и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Гроб с тело перевезли в Чесменскую богадельню для вскрытия.

Еще задолго до прибытия лиц, назначенных производить вскрытие, вся местность возле Чесменской богадельни была оцеплена значительным отрядом конной и пешей полиции.

Вскрытие тела Распутина продолжалось до первого часа ночи и происходило в присутствии целого ряда вид-

ных должностных лиц, представителей полиции и чиновника министерства внутренних дел. Операцию вскрытия производил один из профессоров судебного кабинета Военно-медицинской академии при участии нескольких полицейских врачей.

Снова, в течение двух часов тщательным образом осматривался труп Распутина, причем при этом вторичном осмотре, помимо двух огнестрельных ран, на теле обнаружены были сильные кровоподтеки.

При вскрытии в желудке была найдена тягучая масса темно-бурого цвета, но исследовать ее не удалось, так как по приказанию Императрицы Александры Федоровны вскрытие было прекращено.

Неизвестно, каковы были другие распоряжения Императрицы, но около двух часов ночи генерал Григорьев вызвал в богадельню автомобиль. К этому же времени в покойницкую был доставлен богато отделанный дубовый гроб; тело уложили в него и отправили на прибывшем автомобиле неизвестно куда... Маршрут отправки трупа Распутина никому сообщен не был: его везли агенты охранного отделения, специально присланные для этого в Чесменскую богадельню.

XX

21 декабря вечером в Сергиевском дворце, к нашему удивлению, вдруг появились солдаты. Выяснилось, что это был караул, присланный военными властями, по приказанию председателя Совета министров, который узнал, что приверженцы Распутина готовят на нас покушение.

Почти одновременно с этим караулом попыталась проникнуть к нам «стража» уже совершенно иного свойства.

К генералу Лаймингу явился агент охранного отделения, будто бы посланный министром внутренних дел Протопоповым. Он заявил, что министр, получив сведения о том, что жизнь великого князя Дмитрия Павловича подвергается опасности, поручил своим агентам охранять дворец.

Великий князь, узнав об этом, ответил, что в протопоповской охране он не нуждается, и, кстати, попросил генерала Лайминга потребовать у пришедших агентов документы, подтверждающие, что они действительно присланы Протопоповым. Никаких удостоверений у них не оказалось, и они тотчас же были удалены из дворца, но это не помешало им караулить нас снаружи и следить за всеми, кто к нам приезжал и уезжал от нас.

Не довольствуясь одним внешним наблюдением, поклонники Распутина делали новые попытки пробраться к

нам. Во втором этаже дворца, который соединялся с нижним его помещением винтовой лестницей¹, был устроен англо-русский лазарет; туда под видом посещения раненых стали ходить самые подозрительные типы из распутинской банды. Тогда старшая сестра лазарета, леди Сибель Грей, посоветовала нам закрыть ход на лестницу и приставить к ней часового, что и было исполнено.

Мы очутились как будто в осажденной крепости, откуда лишь издали могли следить за событиями.

Мы читали газеты, слушали рассказы и разговоры тех, кто к нам приезжал.

Каждый приносил свое мнение, свою оценку происходящего. Чаще всего мы наталкивались на боязнь всякой смелой инициативы и на пассивное ожидание завтрашнего дня.

Люди, имевшие возможность действовать, боязливо сторонились, как бы нарочно давая дорогу какой-то слепой силе рока, которая одна должна была решить судьбу России.

Даже те, которые служили Родине и Царю во имя долга, понимали этот долг в узких служебных рамках, в пределах своих министерств и департаментов. В своем близоруком и раболепном усердии они не видели и не сознавали всей важности момента, не решались перешагнуть через известные границы своих полномочий. Преданность Монарху, даже самая искренняя, выражалась у них прежде всего в желании ему угодить, в нерассуждающем механическом повиновении Верховной власти, в боязни компрометировать себя близостью к какой бы то ни было «оппозиции».

Между прочим, характерно было то, что даже те немногие, которые стояли у власти не по выбору Распутина и никакой связи с ним не имели, боялись ехать к нам в Сергиевский дворец.

А между тем только согласованный образ действий всех, кто по родству и по положению имел возможность влиять на Государя, мог привести к каким-нибудь благим результатам.

Если Государь, узнав о смерти «старца», в радостном настроении ехал из Ставки, следовательно, Он сознавал весь вред Распутина для России, но Он не был в состоянии сохранить то же отношение к убийству Распутина в обстановке Царского Села, где негодование против нас было настолько велико что подымался вопрос о самом суровом наказании нам, даже о расстреле нас обоих, о чем нам передавали со всех сторон.

---

¹ Великий князь занимал нижний этаж дворца.

При таких условиях могли ли чего-нибудь достигнуть отдельные лица, которые поодиночке высказывали свое мнение Государю и отходили в сторону с сознанием исполненного долга?

Убежденный фаталист, твердо уверенный в бесплезности бороться с судьбой, Император Николай II под конец своего царствования был измучен не только волнениями и неудачами политического характера, но и всеми теми болезненными явлениями, которыми Он был окружен. Это несомненно убило в Нем всякую возможность активного сопротивления.

Чтобы пробудить в Государе его собственную инициативу и поддержать его собственную волю, нужно было противопоставить влияниям близко окружающих какую-то очень внушительную и крепко организованную силу.

Если бы Он увидел, что большинство членов Императорской фамилии и все честные люди на высших государственных должностях дружно сплотились во имя спасения престола и России, быть может, Он не только откликнулся бы на их требования, но был бы им благодарен за нравственную поддержку и за избавление от тех цепей, которыми Он был связан.

Но из каких элементов могла сложиться эта крепкая организованная сила?

Где были люди, способные поступиться своими интересами, забыть свои личные расчеты?

Годы распутинского влияния, основанного на подпольных интригах, заразили своим ядом высшие бюрократические круги, развили у большинства недоверие друг к другу, отравили скептицизмом и подозрительностью самых лучших и честных.

Итак, одни боялись серьезных решений, другие ни во что уже больше не верили, наконец, третьи просто ни о чем не хотели думать...

Когда, проводив своих посетителей, мы с великим князем Дмитрием Павловичем оставались одни, мы припоминали все слышанное за день: разговоры, слухи, факты и делились своими впечатлениями; выводы получались самые безотрадные...

Одна за другой гасли наши недавние радостные надежды, ради которых мы решились на убийство Распутина и пережили весь кошмар незабываемой ночи с 16 на 17 декабря.

Точно книгу, страницу за страницей, перелистывал я в моей памяти все пережитое: знакомство с Распутиным, медленно созревшее во мне решение его уничтожить, мучительную игру в «дружбу» с этим отвратительным

человеком, тяжелый обман, к которому я должен был прибегнуть, и все нечеловеческое напряжение душевных сил, которое мне требовалось, чтобы иметь мужество выдержать до конца принятую на себя роль.

Сколько было во мне и во всех нас чисто юношеской веры в то, что одним ударом можно победить зло!

Нам казалось, что Распутин был лишь болезненным наростом, который нужно было удалить, чтобы вернуть русскую монархию к здоровой жизни, и не хотелось думать, что этот «старец» является злокачественным недугом, пустившим слишком глубокие корни, которые продолжают свое разрушительное дело даже после принятия самых крайних и решительных мер.

Еще печальнее было бы предположить тогда, что появление Распутина не было несчастной случайностью, а стояло в какой-то видимой внутренней связи с тем незаметным процессом разложения, который совершался уже в какой-то части русского государственного организма.

Во всяком случае уже в те дни нашего ареста в Сергиевском дворце мы поняли и почувствовали, как трудно повернуть колесо истории даже при наличии всех самых искренних стремлений и самой горячей готовности к жертве...

Но мы до последнего момента все еще хотели надеяться на лучшее.

Надеялась и верила в лучшее вся страна.

Грандиозный патриотический подъем захватил Россию; особенно ярко проявлялся он в обеих столицах. Все газеты были переполнены восторженными статьями; совершившееся событие рассматривалось как сокрушение злой силы, губившей Россию, высказывались самые радужные надежды на будущее, и чувствовалось, что в данном случае голос печати был искренним отражением мыслей и переживаний всей страны. Но такая свобода слова оказалась непродолжительной: на третий день особым распоряжением всей прессе было запрещено хотя бы единым словом упоминать о Распутине. Однако это не помешало общественному мнению высказываться иными путями.

Улицы Петербурга имели праздничный вид; прохожие останавливали друг друга и, счастливые, поздравляли и приветствовали не только знакомых, но иногда и чужих. Некоторые, проходя мимо дворца великого князя Дмитрия Павловича и нашего дома на Мойке, становились на колени и крестились.

По всему городу в церквах служили благодарственные молебны, во всех театрах публика требовала гимна и с энтузиазмом просила его повторения.

В частных домах, в офицерских собраниях, в ресторанах пили за наше здоровье; на заводах рабочие кричали нам «ура».

Несмотря на строгие меры, принятые властями для нашей полной изоляции от внешнего мира, мы тем не менее получали множество писем и обращений самого трогательного содержания. Нам писали с фронта, из разных городов и деревень, с фабрик и заводов; писали различные общественные организации, а также частные лица.

Приходили к нам и угрожающие письма от поклонниц и сторонников Распутина с клятвами отомстить нам за смерть «старца» и даже убить нас.

Великая княгиня Мария Павловна-младшая, приехавшая из Пскова, где был расположен штаб командующего армиями северного фронта, передавала нам свои впечатления. Она рассказывала, что в армии смерть Распутина вызвала огромное воодушевление и веру в то, что Государь теперь разгонит окружившую Его распутинскую клику и приблизит к себе честных и верных Ему людей.

Одно слово Царя, один его призыв к новой жизни и даже к новым жертвам на пользу Родины — все было бы забыто, все прощено.

В эти дни меня вызвал к себе председатель Совета министров А. Ф. Трепов.

Я много возлагал надежд на свидание с ним, но мне пришлось разочароваться.

Под конвоем меня привезли в автомобиле в министерство внутренних дел.

Министр вызвал меня по приказанию Государя, который желал во что бы то ни стало узнать, кто именно убил Распутина.

А. Ф. Трепов встретил меня очень любезно, напомнил о своем близком знакомстве с моими родителями и просил меня видеть в нем не официальное лицо, а старого друга моей семьи.

— Вы меня, вероятно, вызывали по приказанию Государя Императора? — спросил я его.

Он утвердительно кивнул головой.

— Следовательно, все, что я вам скажу, будет передано Его Величеству?

— Да, разумеется, я своему Государю лгать не могу.

— Так неужели после того, что вы мне сказали, вы думаете, что я сознаюсь, если бы, предположим, я даже и убил Распутина? Или тем более выдам вам виновных, если бы я их знал?

— Передайте Его Величеству, что лица, уничтожившие Распутина, сделали это только с одной целью — спасти

Царя и Родину от неминуемой гибели. Но позвольте спросить лично вас, — продолжал я, — неужели власти будут терять время на розыски убийц Распутина теперь, когда каждая минута дорога и остается какая-то, вероятно, последняя, возможность спасти положение?

— Вы посмотрите, какое серьезное значение придает вся Россия уничтожению этого проходимца, какой энтузиазм оно вызывает всюду. В распутинском правительстве полная растерянность. А Государь? Я убежден, что в глубине души Он тоже радуется случившемуся и ждет от всех вас помощи. Надо объединиться и действовать, пока не поздно. Неужели никто не сознает, что мы находимся накануне ужаснейшей революции, и если Государя силой не извлекут из заколдованного круга, в котором Он находится, то он сам, вся Царская семья и все мы будем сметены народной волной.

— Революция неминуема, если ее не предотвратит резкая перемена политики сверху.

Министр слушал меня с вниманием и удивлением.

— Скажите, князь, — вдруг обратился он ко мне, — откуда у вас такое присутствие духа и умение владеть собой?

Я ничего не ответил. Он мне тоже ничего не сказал. Мы простились.

Разговор мой с председателем Совета министров был последней попыткой нашего обращения к высшим правительственным сферам.

XXI

Судьба великого князя Дмитрия Павловича и моя все еще не разрешалась.

В Царском Селе происходили бесконечные совещания о том, как с нами поступить.

21 декабря прибыл в Петербург отец моей жены, великий князь Александр Михайлович. Узнав о грозившей нам опасности, великий князь приехал из Киева, где он находился в качестве начальника авиационных частей русской армии. Немедленно по своем приезде он заехал к нам в Сергиевский дворец, а затем отправился в Царское Село, чтобы выяснить наше положение.

Следствием свидания великого князя Александра Михайловича с Государем явился высочайший приказ, чтобы великий князь Дмитрий Павлович немедленно покинул Петербург и отправился в Персию в распоряжение начальни-

ка персидского отряда генерала Баратова. Сопровождать его в пути было приказано его бывшему воспитателю генералу Лаймингу и флигель-адъютанту графу Кутайсову.

В 11 часов вечера приехал градоначальник и доложил, что поезд великого князя отойдет в два часа ночи.

Мне тоже было приказано покинуть Петербург и местом ссылки назначено было наше имение «Ракитное» в Курской губернии.

Мой поезд отходил в 12 часов ночи.

Для наблюдения за мной был назначен офицер, преподаватель Пажеского Его Величества корпуса капитан Зеньчиков, а до места высылки меня должен был сопровождать помощник начальника охранного отделения Игнатъев.

И капитан Зеньчиков, и Игнатъев, оба получили лично от Протопопова самые строгие инструкции о том, чтобы держать меня в полной изоляции от всех.

Великому князю и мне было очень тяжело расставаться друг с другом.

Несколько дней, проведенных нами вместе на положении арестованных в его дворце, стоили, пожалуй, нескольких лет: столько было нами пережито и передумано, столько сначала мечтали мы оба о счастливых переменах для России и столько надежд похоронили потом.

Теперь судьба насильственно нас разъединила, и мы не знали, когда мы встретимся и при каких обстоятельствах. Впереди было мрачно; томили предчувствия тяжелых событий...

В половине двенадцатого ночи за мной приехал великий князь Александр Михайлович и повез меня на вокзал.

Публику на платформу не допускали — везде стояли наряды полиции.

Великий князь Александр Михайлович, прощаясь со мной, сказал, что он сам завтра выезжает из Петербурга и нагонит меня в пути.

С тягостным чувством я сел в вагон... Ударил третий звонок, пронзительно свистнул паровоз, и платформа поплыла мимо, потом исчезла совсем. Скоро исчез и Петербург. За окном была зимняя ночь, спящие в сумраке снежные поля, по которым одиноко мчался поезд.

И я был одинок со своими мыслями, которые пронеслись в моей голове под однообразный стук колес увозившего меня поезда.

* * *

Потом началось разрушение России:

Отречение Государя.

Агония Временного правительства, обреченного уже с первого дня своего возникновения.

Наконец, под грохот орудий и трескотню пулеметов, обстреливавших обе столицы, пришли большевики — жуткая, кровавая власть III Интернационала, угрожающая спокойствию всего мира.

Сколько ужасов перенесла наша Родина, сколько миллионов жизней в ней погибло, сколько памятников культуры уничтожено!

Совершилась небывалая в истории эмиграция: массы людей, по числу равные населению целого государства, покинули свою страну и разошлись изгнанниками по всему земному шару.

Годы длится скитальчество бездомных русских, и никто из нас не знает, когда наступит час возврата; все ли его дождутся или, быть может, только наши дети доживут до светлого дня избавления России.

Изгнанники России всегда живут надеждою на будущее и памятью о прошлом. Последняя, быть может, сильнее, ибо мы не знаем будущего. В прошлом у каждого дорогие ему образы: своих погибших близких, своей прежней жизни; образы своей страны — мощной, широкой, прекрасной.

Воспоминание каждому раскрывает картину за картиной; от мучительного влечения к ним тоскливо изнывает сердце: русская природа с ее могучим простором, русские города, осиянные золотом церковных куполов; линии востока в древних башнях, в очертаниях старых храмов; покой и размах силы во всей прежней русской жизни.

Обрушилась в бездну великая Россия, великая не только по своим размерам и военной мощи, но и по своему государственному и культурному прошлому.

Большинство иностранцев ее не знало. Они верили анекдотам о «варварской стране», управляемой «царями-деспотами при помощи кнута и нагайки». Этим нелепым вымыслом мы в значительной степени обязаны рассказам и сочинениям тех прежних политических эмигрантов, большей частью инородцев по происхождению, из среды которых вышли Ленины, Троцкие и Зиновьевы.

Западный мир верил этим сказкам и не видел России настоящей; не знал ее истории. Он забыл о том, как в течение веков, заслоняя Европу от монгольского нашествия, русский народ выносил на себе всю тяжесть татарского ига и не погиб под его гнетом и как усилиями Московских Царей образовалось единое сильное государство. Запад забыл и о Петре, и о Екатерине, и о их преемниках, которые целью своей ставили просвещение страны и ее широкое культурное развитие. При покровительстве Царей создавались высшие школы, процветала наука, развивались искусство, литература, музыка, давшие

всему миру немало великих имен, которыми восхищаются теперь и в Новом и в Старом Свете. Едва ли кто знает на Западе и о том, что дочь Петра Великого Императрица Елизавета, основательница первого русского университета, отменила в России смертную казнь, и с той поры она никогда не применялась у нас, кроме исключительных случаев военного суда над политическими преступниками, угрожавшими целостности государства.

Судьбе угодно было, после трехсотлетия великой созидательной работы, уготовить трагический конец той русской династии, о которой Пушкин сказал: «Романовы — отечества надежда».

Болезнь «распутинства», как проказа, захватила последнее царствование и погубила и Императорскую Россию и ее последнего Царя, образ которого с особенной болью вспоминается теперь каждым истинным русским человеком.

Если победителей не судят, то к побежденным большинство всегда бывает неумолимо. Царь, при котором погибла Россия, который и сам так ужасно погиб со всей своей семьей, разве Он не «побежденный» в глазах многих?

Он обладал властью, которая была сильнее Его самого и уничтожила Его, когда обрушилась с высоты вековых основ.

Царствование Императора Николая II могло бы быть блестящей страницей в истории Русского государства, если бы революция не поразила Россию почти накануне победного окончания войны, стоившей русскому народу неисчислимых жертв и огромного героического напряжения.

Благополучно доведя войну до конца, Россия могла бы стать первой державой мира, а ее Государь — верховным арбитром Европы, каким был в свое время Император Александр I, после войны 1812—1814 гг., закончившейся триумфальным въездом в Париж русского Царя.

Но Российская империя пала почти на пороге своего торжества, а русский Государь погиб от руки гнусных преступников.

Страшный конец его царствования в представлении большинства заслонил собой все, что сделал и что хотел сделать, не для одной только России, Император Николай II.

Великая по своему благородству идея о «мире всего мира» принадлежит русскому Царю. Сын Царя-Миротворца, Император Николай II выносил ее в своем сердце и решил осуществить ее на благо всего человечества, путем созыва Гаагской конференции.

Не по вине русского Царя избавление культурного человечества от ужасов кровопролития не могло осуществиться.

Теперь о предотвращении войн хлопочут и отдельные государственные деятели и Лига Наций, но мало кто думает о том, что впервые в широком масштабе, совершенно бескорыстно, поставил этот вопрос перед совестью всех правительств и народов коронованный Глава величайшей в мире Империи.

В России при Императоре Николае II завершились великие реформы его деда — Царя-Освободителя Александра II.

Были созваны представительные учреждения, дарована свобода совести; крестьяне получили в полную собственность свои наделы и были освобождены от последнего пережитка крепостного права — телесного наказания.

Личной инициативе Государя Россия обязана запрещением спиртных напитков. Эта мера, помимо физического и морального оздоровления населения, в небольшой срок открыла новый путь к благосостоянию для русского крестьянства. Сберегательные кассы переполнялась вкладами. Крестьяне начали богатеть настолько, что, не нуждаясь в деньгах, неохотно во время войны везли на продажу излишки своих продуктов, отчего Россия перед революцией и переживала продовольственные затруднения.

При Николае II были переданы на обсуждение законодательных палат проект всеобщего обучения и вопрос о введении волостного земства.

И все оборвалось, погибло...

Рок тяготел над Царем.

Он, мечтавший о всеобщем мире, был втянут сначала в японскую войну, а затем в самую кровопролитную мировую борьбу, равной которой по количеству жертв не знает история.

Победа сулила Ему новое расширение Российской империи до Константинополя включительно и объединение всех славян в великий союз под мощным покровительством России... и вместо этого от Русской земли отторгнуты целые огромные области.

Давнишняя мечта русского народа о возвращении восточному христианству его величайшей святыни — храма св. Софии в Константинополе — должна была осуществиться в царствование Императора Николая II... И катастрофа революции привела к тому, что исконно русские храмы были во множестве осквернены дьявольской властью Советов, а, построенный заботами самого Царя, любимый Его Федоровский собор в Царском Селе превращен в увеселительное место для коммунистов.

Один из самых богомольных русских Царей, Император Николай II лелеял мысль о восстановлении патриаршества в России, и именно при Нем, путем происков преступного и наглого мужика, в Синод был введен недостойный своего сана, распутинский клевет митрополит Питирим, а лучшие представители Церкви отстранялись, и темные люди приобретали значение.

Государь любил свой народ и от народа был отрезан...

Он тянулся к «чистой, бесхитростной» душе простого русского человека, и судьба послала Ему в образе мужика не только уголовного преступника, бывшего вора и конокрада, но величайшего предателя и обманщика, который толкнул к гибели и Царя и всю Россию.

Государь желал иметь Сына-Наследника, подготовить его к царствованию и передать ему прочно укрепленный престол. Сын родился после долгих, долгих ожиданий, умный и способный, но он носил в себе неизлечимую болезнь, грозящую ежеминутной смертью. Отец не передал ему своей короны. Он отрекся от власти и за себя, и за него. Отрекся за сына потому, что не хотел расставаться с ним, не хотел видеть больного ребенка на шатавшемся во время бунта престоле...

Едва ли был другой Монарх, который бы отдавал своей семейной жизни столько любви и внимания. Всем своим существом Он был связан со своей семьей, и эта семья, в лице Императрицы, которая искренно и безгранично любила своего супруга, которая была готова пожертвовать всем для Его благополучия, была причиной всех неудач, всех роковых ошибок Государя.

Окруженная непроницаемым кольцом распутинского влияния, она слепо верила, что все, что исходит от «старца», — правдиво и безупречно. Она также верила в целебное действие бадмаевских лекарств, которыми поили Государя и Наследника, тогда как эти тибетские снадобья на самом деле изготовлялись совершенно с иной целью.

Весь жизненный путь Императора Николая II отмечен неумолимым роком.

И не только на внешних событиях жизни и царствования Государя, но и на его душе как бы лежала печать обреченности.

Могла ли у человека, смиренно покорившегося своей судьбе, развиться твердая воля и непреклонная решимость, не знающая колебаний и отступлений?

И не зародились ли в его душе сомнения в те дни коронационных празднеств, когда торжественный путь молодого Царя, приехавшего в древнюю столицу получить благословение Церкви на свою державу, был покрыт изу-

родованными труппами его подданных, погибших в нечаянной и жуткой катастрофе Ходинки?

Простой народ увидел в этом событии тяжелое предзнаменование. Оно сбылось...

Всю тяжесть своего заточения, все оскорбительные выходы революционных властей Государь перенес просто и кротко, с подлинным смирением подвижника, с величием души прирожденного Царя.

Просто, кротко и величественно Он умер...

Царям-победителям строят памятники, отливают грандиозные статуи, внушающие восторг и почтение народной толпе...

В память трагически погибшего Императора Николая II русский народ, если он нравственно уцелеет к моменту своего избавления, должен построить храм, где будет молиться за упокой души Царя-мученика, за великие грехи революции, за всю пролитую неповинную кровь.

О. В. ПАЛЕЙ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Княгиня О. В. Палей (урожденная Корнович) — морганатическая жена великого князя Павла Александровича, сына Александра II, дяди Николая II. После наказания за недозволенный брак (1902 г.), Павел Александрович был прощен и с 1916 г. состоял генерал-инспектором войск гвардии. Сын его, великий князь Дмитрий был участником убийства Г. Распутина.

Жены офицеров, дамы, жившие в Царском Селе и даже в Петрограде, собирались вокруг меня. Наши разговоры за чаем все время вертелись вокруг текущих событий, и внутренняя политика страны являлась часто их темой. Рассказывали, что Протопоповым, страдавшим специфической болезнью, овладевали иногда приступы настоящего безумия. Будучи некогда лидером левой, он внезапно переменял свои политические взгляды, найдя более выгодным стать на сторону правительства. Он был презираем и ненавидим всеми. Его подозревали в том, что он ездил в Стокгольм для того, чтобы вести предварительные переговоры с Люциусом и германскими банкирами о сепаратном мире. А общественное мнение в данный момент, в полном согласии с их величествами, было за войну до победного конца. Так как Протопопов был обязан своим быстрым повышением Распутину, то убеждение, что этот последний был платным агентом Германии, возрастало. Это-то убеждение и привело к драме во дворце Юсупова в ночь на 16 декабря, — драме, о которой я расскажу то, что знала о ней в то время и которую я считаю началом революции.

В субботу вечером 17 декабря был концерт в царско-сельской управе. Великий князь был в Могилеве еще с 7 декабря, а Владимир, страдая болезнью горла, не мог его сопровождать. Чувствуя себя в этот вечер лучше, он попросил разрешения идти со мной на концерт. Около восьми часов вечера раздался звонок телефона, и несколько минут спустя Владимир ворвался в мой будуар с криком: «Старец мертв, мне только что сообщили об этом по телефону; Боже мой, теперь можно будет вздохнуть свободно! Еще не знают о подробностях. Во всяком случае, он исчез из дому уже сутки тому назад. Может быть, нам удастся узнать что-либо на концерте». Никогда я не забуду этого вечера! Никто не слушал ни оркестра, ни артистов. Новость распространялась с быстротой молнии. Во время антракта я заметила, что взгляды особенно часто останавливались на нас, но я была слишком далека от истины, чтобы понять причину. Наконец, Яков Ратьков-Рожнов подошел ко мне и, говоря, очевидно, на тему дня, сказал мне: «Кажется, виновниками этого поступка явля-

ются люди из высшей аристократии, называют Феликса Юсупова, Пуришкевича и... одного великого князя...» Сердце у меня сжалось, — я знала, что существовала давнишняя дружба между великим князем Дмитрием и князем Юсуповым, женатым на прелестной русской княжне Ирине, двоюродной сестре Дмитрия. «Боже мой, только бы это не был он», — пробормотала я. Владимир возвратился ко мне с теми же подробностями, и к концу вечера имя великого князя Дмитрия было у всех на устах. Мы возвратились домой около половины первого, и лакей, ждавший нас, сказал мне, что из Петрограда звонила по телефону жена князя Виктора Кочубея и умоляла позвонить ей, как бы поздно ни было. Как только меня соединили с княгиней, она спросила меня: «Где твой сын Владимир?» — «Здесь, со мной», — ответила я в изумлении. — «Слава Богу! Прошел слух, что это он убил Распутина, и я дрожала за тебя; прощай, спокойной ночи». Очевидно, народная молва смешала двух единородных братьев. На другой день доктор Варавка, который лечил Владимира, пришел навестить нас и смеясь рассказал, что на вопрос: «Арестован ли Владимир?» он ответил: «Да, по моему приказанию, так как у него сильная ангина, и вот уже восемь дней, как он не выходил из комнаты».

На следующий день, в воскресенье, вся Россия и весь свет узнали, что Распутин исчез. Его семья, беспокоясь от того, что он долго не возвращается, и зная, что князь Юсупов увез его к себе, дала знать в полицию. С другой стороны, выстрелы, раздавшиеся во дворце на Мойке и услышанные прохожими и городскими, направили подозрение в эту сторону. Государыня, охваченная страшной тревогой, отдала самые строгие приказания во что бы то ни стало найти тело Распутина. Все почитательницы последнего были в состоянии неопишуемой ярости. Я несколько раз звонила Дмитрию и, не говоря о том, что о нем везде трубят, держала его в курсе всего что говорилось. Мой муж должен был вернуться на следующий день, в понедельник. В 11 часов я приехала на Царскосельский вокзал, чтобы встретить его и отвезти домой. Едва мы остались одни в автомобиле, как он спросил меня: «Что это за слухи об убийстве старца? Кто его убил? Вчера в Могилеве называли графа Стенбока?» Видя мой растерянный вид, мое волнение, он взял меня за руку и сказал: «Ну, что такое? Скажи, что с тобой? Да говори же...» Я, едва дыша, пробормотала: «Говорят, что это Феликс Юсупов, Пуришкевич и потом... Дмитрий». Великий князь так побледнел, что я думала, что ему сделается дурно. «Это невозможно. Я сейчас же вернусь, сяду на поезд и поеду к Дмитрию, я хочу поговорить с ним. Мне, как отцу, он

скажет все». Я приложила все старания, чтобы убедить его отдохнуть, переодеться и поговорить с великим князем Дмитрием по телефону или заставить его приехать в Царское. Как только он пришел домой, он вызвал сына по телефону и сказал ему, чтобы он тотчас же приехал по-видаться с ним. Дмитрий ответил, что по приказанию государыни генерал Максимович взял его под домашний арест в его дворце и что он просит отца приехать к нему в Петербург. В это время я узнала из других источников, что тело Распутина найдено в проруби на Неве, около Елагина моста, и я сообщила эту новость великому князю Дмитрию, который, казалось, был этим очень взволнован. Никогда, я думаю, телефон так не работал, как в этот день.

Было решено, что великий князь и я поедем к Дмитрию на следующий день к завтраку, но отец поедет вперед, чтобы поговорить с сыном наедине. Часовые были поставлены у дверей, но они пропустили великого князя так же, как через час и меня. Первыми словами великого князя к Дмитрию были: «Я знаю, что ты связан словом, и не буду задавать тебе никаких вопросов. Скажи мне только, что это не ты убил его». — «Папа, — ответил Дмитрий, — клянусь тебе памятью моей матери, что руки мои не запятнаны кровью». Великий князь вздохнул свободнее, так как до сих пор ужасная тяжесть сжимала ему сердце. Дмитрий был до слез тронут благородством своего отца, который, не задав ему ни одного вопроса, поверил данному слову. Я, как было условлено, приехала в половине первого, и во время завтрака не было сделано ни одного намека на драму. Тем не менее все трое были печальны и сосредоточены.

Я думаю, что все еще ясно помнят подробности этого ужасного дела, и постараюсь говорить о нем возможно меньше. Молодой князь Юсупов поехал к Распутину и пригласил его на ужин, на котором присутствовал великий князь Дмитрий, Пуришкевич со своим доктором и один офицер по фамилии Сухотин, всыпали сильного яду в вино и пирожные, но яд не действовал, и гости прошли в верхний этаж, а Распутин остался наедине с Юсуповым. Распутин был убит выстрелами из револьвера, его тело было увезено на автомобиле и брошено в прорубь на Неве, возле Елагина моста. Трудно себе объяснить этот акт, особенно, принимая во внимание обычай гостеприимства, так широко практикуемый и священный в России, но этот специальный случай надо рассматривать только с точки зрения высоты преследуемой цели: спасения их величеств вопреки их собственной воле.

Ясно, что, возвратясь в Царское, мы ни о чем другом не говорили. Муж сообщил мне, что, не спрашивая об

именах и подробностях самого дела, он спросил у него, какие побудительные причины заставили его принять участие в этом деле. Дмитрий признался, что главной целью было открыть глаза государю на действительное положение вещей. «Я надеялся, — сказал он, — что мое имя, замешанное в этом деле, избавит государя от трудной задачи удалить Распутина от двора. Я думал, что государь сам не верил в чудесное влияние Распутина ни в отношении своего сына, ни в отношении политических событий; но он понимал, что удалить его своей собственной властью значит создать конфликт с государыней. Я надеялся, что, освобожденный из-под влияния Распутина, государь станет на сторону тех, кто видел в старце первопричину многих несчастий, как, например, назначение неспособных министров, влияние темных сил на двор и т. д.» Кроме того, муж сообщил мне о впечатлении, которое поразило его недавно и которое подтверждает мысли его сына. Как я говорила выше, он уехал из Могилева в воскресенье, около 7 часов вечера. В этот день, в 5 часов, он пил чай с государем и был поражен, не понимая причины, выражением особенной ясности и довольства на лице государя, который был весел и в хорошем расположении духа, чего давно уже с ним не было. Ясно, что государыня все время держала его в курсе трагического происшествия, что он знал все, включая подозрения, накопившиеся против Юсупова и Дмитрия. Государь ни слова не сказал об этом великому князю Павлу, который позже объяснил себе это хорошее настроение государя внутренней радостью, которую тот испытывал, освободившись, наконец, от присутствия Распутина. Любя настолько свою жену, что он не мог идти против ее желаний, государь был счастлив, что судьба таким образом освободила его от кошмара, который так давил его.

Когда тело Распутина было найдено, государыня приказала отвезти его в Чесменскую богадельню, на пятой версте между Петроградом и Царским Селом; оно было набальзамировано и помещено в ярко освещенной часовне. Г-жа Вырубова и другие почитательницы Распутина несли дежурство около тела. Государыня приехала с дочерьми и долго плакала и молилась. Она положила на грудь Распутина маленькую икону, на обороте которой все они расписались: Александра, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и Анна (Вырубова). Позже, после революции, когда тело Распутина было вырыто и сожжено, а пепел развеян по ветру, один американский коллекционер купил эту икону за очень большую сумму. Любопытно отметить, что это странное и таинственное существо прошло через все четыре стихии: воду, землю, огонь и воздух.

Спустя три дня, в три часа ночи, в Царскосельском парке, около Арсенала, недалеко от станции Александровской, было совершено погребение Распутина. Государь, министр Протопопов, генерал Воейков и офицер Мальцов несли гроб. Государыня была крайне печальна. Так закончилась эта драма, которую многие рассматривали, как освобождение страны, и которая, однако, была только началом самой ужасной из трагедий.

Государыня побуждала императора строго наказать виновных; но в данном случае наиболее виновный — Феликс Юсупов — отделался ссылкой в деревню, в одно из своих имений, в то время как великий князь Дмитрий получил приказание отправиться в Персию, в сопровождении адъютанта государя графа Кутайсова, прикомандированного к нему генерала Лейминга и камердинера. До самого отъезда великий князь Дмитрий содержался под арестом в своем дворце в Петрограде, с запрещением выходить или принимать кого бы то ни было. В ночь на 23 декабря он уехал, и никто, даже отец, не мог обнять его на прощанье. Большое возбуждение царило среди родни государя и в городе. Было решено подать государю просьбу, в которой умолять его не наказывать великого князя Дмитрия так жестоко и не ссылать его в Персию ввиду его слабого здоровья. Это я составила текст прошения. Ссылка эта казалась в тот момент верхом жестокости, но Бог хотел, чтобы она спасла драгоценную жизнь Дмитрия, так как те, которые остались в России, погибли от рук большевиков большей частью в 1918—1919 гг. Прощение было подписано греческой королевой Ольгой — бабушкой Дмитрия, великим князем Павлом и всеми членами императорской фамилии. Государь, ознакомившись с этой бумагой, написал на полях ее: «Никто не имеет права убивать; удивляюсь, что члены дома обращаются ко мне с подобными просьбами». Подписал: «Николай», и он вернул прощение великому князю Павлу.

Этот исторический документ находился в моем царскосельском доме, и я не знаю, что с ним потом случилось.

В 8 часов утра на первый день Рождества ко мне вошла горничная с запиской от моей дочери Марианны, на которой стояло «спешно». Дочь признавалась мне, что в день отъезда Дмитрия она не могла устоять против желания проститься с ним в последний раз, и в час ночи, то есть за час до его отъезда, нарушив запрещение, проникла к нему. Она пробыла с ним и, проводив его до дверей, которые он покидал навсегда, вернулась к себе. Двадцать четыре часа спустя, 24 декабря, вернувшись из Царского, после очень тщательного обыска в ее переписке, дочь бы-

ла арестована по приказанию министра внутренних дел Протопопова. Она писала мне через одного надежного человека, чтобы я не беспокоилась, что она ни в чем не нуждается и воспользуется этими днями вынужденного отдыха, чтобы позаботиться о своем здоровье. Я тотчас же сообщила обо всем этом великому князю, и мы с княгиней Марией решили поехать на автомобиле в Петроград, чтобы навестить Марианну и побыть с ней. Прибыв на Театральную площадь, 8, где жила моя дочь, мы натолкнулись на двух часовых, которые пропустили нас, записав наши имена. У Марианны мы нашли весь Петербург. Дамы, которых она едва знала, приходили выразить ей свою симпатию. Офицеры в отставке приходили, целуя ей руку. Никто не мог объяснить себе этой строгой меры по отношению к той, единственной виной которой было желание пожать руку друга, уезжающего в ссылку. Несомненно, дочь приняла добрых шестьдесят человек, пришедших к ней в знак протеста. Я уверена, что приказание пропускать всех было дано для того, чтобы записать фамилии лиц, которые тем самым брались под подозрение. Два дня спустя, по настоянию моего старшего сына и других лиц, Протопопов освободил ее, что доказывает только, что этот бесполезный арест исходил не от верховной власти, а был произведен по личной инициативе министра. И подумать только, что такие незначительные факты вырывали бездну между верховной властью и обществом.

После отъезда Дмитрия отношения между великим князем и государем с государыней сделались натянутыми. Его не приглашали больше к чаю, и визиты, которые он делал, посвящались исключительно служебным вопросам. Их величества, казалось, были недовольны князем за то, что он просил о снисхождении своему сыну, а князь был оскорблен ответом, написанным на полях прошения. Так прошел январь, и можно сказать, что с каждым днем положение вещей становилось хуже.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

ИЗ «КНИГИ
ВОСПОМИНАНИЙ»

Александр Михайлович, великий князь
«Книга воспоминаний», III часть
Париж. 1923—1934 гг.

Александр Михайлович, великий князь (1866—1933). Адмирал Российского флота. Внук Николая I. Двоюродный брат Николая II, муж его сестры Ксении Александровны. В молодые годы — один из ближайших друзей Николая II. Зять Александра Михайловича — Феликс Юсупов — стал убийцей Г. Распутина.

17 декабря рано утром мой адъютант вошел в столовую с широкой улыбкой на лице:

— Ваше императорское высочество, — сказал он торжествующе, — Распутин убит прошлой ночью в доме вашего зятя, князя Феликса Юсупова.

— В доме Феликса? Вы уверены?

— Так точно! Полагаю, что вы должны испытывать большое удовлетворение по этому поводу, так как князь Юсупов убил Распутина собственноручно, и его соучастником был великий князь Дмитрий Павлович.

Невольно мысли мои обратились к моей любимой дочери Ирине, которая проживала в Крыму с родителями мужа. Мой адъютант удивился моей сдержанности. Он рассказывал, что жители Киева поздравляют друг друга с радостным событием на улице и восторгаются мужеством Феликса. Я этого ожидал, так как сам радовался тому, что Распутина уже более нет в живых, но в этом деле возникало два опасения. Как отнесется к убийству Распутина императрица и в какой мере будет ответственна царская фамилия за преступление, совершенное при участии двух ее сочленов?

Я нашел вдовствующую императрицу еще в спальне и первый сообщил ей об убийстве Распутина.

— Нет? Нет? — вскочила она.

Когда она слышала что-нибудь тревожное, она всегда выражала свой страх и опасения этим полувопросительным, полувосклицательным: «Нет?»

На событие она реагировала точно так же, как и я:

— Слава Богу, Распутин убран с дороги. Но нас ожидают теперь еще большие несчастья.

Мысль о том, что муж ее внучки и ее племянник обагрили руки кровью, причиняла ей большие страдания. Как императрица она сочувствовала, но как христианка она не могла не быть против пролития крови, как бы ни были доблестны побуждения виновников. Мы решили просить Никки разрешить нам приехать в Петербург. Вскоре пришел из Царского Села утвердительный ответ. Никки покинул Ставку рано утром и поспешил к своей жене.

Прибыв в Петроград, я был совершенно подавлен царившей в нем сгущенной атмосферой обычных слухов и мерзких сплетен, к которым теперь присоединилось злорадное ликование по поводу убийства Распутина и стремление прославлять Феликса и Дмитрия Павловича. Оба национальных героя признались мне, что принимали участие в убийстве, но отказались, однако, мне открыть имя главного убийцы. Позднее я понял, что они этим хотели прикрыть Пуришкевича, сделавшего последний смертельный выстрел.

Члены императорской семьи просили меня заступиться за Дмитрия и Феликса перед государем. Я это собирался сделать и так, хотя меня и мутило от всех их разговоров и жестокости. Они бегали взад и вперед, совещались, сплетничали и написали Никки преглупое письмо. Все это имело такой, вид, как будто они ожидали, что император всероссийский наградит своих родных за содеянное ими тяжкое преступление!

— Ты какой-то странный, Сандро! Ты не признаешь, что Феликс и Дмитрий спасли Россию!

Они называли меня «странным», потому что я не мог забыть о том, что Никки, как верховный судья над своими подданными, был обязан наказать убийц, и в особенности, если они были членами его семьи.

Я молил Бога, чтобы Никки встретил меня сурово.

Меня ожидало разочарование. Он обнял меня и стал со мною разговаривать с преувеличенной добротой. Он меня знал слишком хорошо, чтобы пони-

мать, что все мои симпатии были на его стороне и только мой долг отца по отношению к Ирине заставил меня приехать в Царское Село.

Я произнес защитительную, полную убеждения речь. Я просил государя не смотреть на Феликса и Дмитрия Павловича как на обыкновенных убийц, а как на патриотов, пошедших по ложному пути и вдохновленных желанием спасти родину.

— Ты очень хорошо говоришь, — сказал государь, помолчав, — но ведь ты согласишься с тем, что никто — будь он великий князь или же простой мужик — не имеет права убивать.

Он попал в точку. Никки, конечно, не обладал таким блестящим даром слова, как некоторые из его родственников, но в основах правосудия разбирался твердо.

Когда мы прощались, он дал мне обещание быть милостивым в выборе наказаний для двух виновных. Произошло, однако, так, что их совершенно не наказали. Дмитрия Павловича сослали на Персидский фронт в распоряжение генерала Баратова, Феликсу же было предписано выехать в его уютное имение в Курской губернии. На следующий день я выехал в Киев с Феликсом и Ириной, которая, узнав о происшедшем, приехала в Петербург из Крыма. Находясь в их вагоне, я узнал во всех подробностях кошмарные обстоятельства убийства. Я хотел тогда, как желаю этого и теперь, чтобы Феликс раскаялся бы в своем поступке и понял, что никакие громкие слова, никакое одобрение толпы не могут оправдать в глазах истого христианина этого преступления.

По возвращении в Киев я отправил Никки пространное письмо, высказывая мое мнение о тех мерах, которые, по моему мнению, были необходимы, чтобы спасти армию и империю от надвигающейся революции. Мое шестидневное пребывание в Петрограде не оставило во мне ни капли сомнения, что начала революции следовало ожидать никак не позже весны. Самое печальное было то, что я узнал, как поощрял заговорщиков британский посол при императорском дворе сэр Джордж Бьюкенен. Он вообразил себе, что этим своим поведением он лучше всего защитит интересы союзников и что

грядущее либеральное русское правительство поведет Россию от победы к победе. Он понял свою ошибку уже через 24 часа после торжества революции и несколько лет спустя написал об этом в своем полном благородства «post mortem» (После смерти, посмертно (*лат.*)). Император Александр III выбросил бы такого дипломата за пределы России, даже не возвратив ему его верительных грамот, но Николай II терпел все.

С. В. ЗАВАДСКИЙ

НА ВЕЛИКОМ ИЗЛОМЕ
(Дело об убийстве
Распутина)

«Архив русской революции»
С. В. Завадский «На великом изломе»
т. VIII, Берлин, 1923 г.

С. В. Завадского последний год старого строя застал в должности прокурора петроградской судебной палаты. Через его руки прошли знаменитые «дела» Хрусталева-Носаря, Манасевича-Мануйлова, а также «Дело об убийстве Григория Распутина».

17 декабря ст. ст. 1916 г., в субботу, рано утром, меня разбудил звонок телефона, который на ночь всегда был мною переносим к изголовью кровати.

Голос О. О. фон Нандельштедта, прокурора петроградского окружного суда, обыкновенно ровный и уверенный, звучал теперь в трубку возбужденно. Прокурор суда сообщал, что в эту ночь, по всей видимости, убит Распутин и что убийство, кажется, произошло во дворце князя Юсупова на Мойке у Поцелуева моста.

Вестником гибели Распутина был городской, по фамилии, помнится мне, Власюк. Он стоял ночью на посту в одном из переулков, недалеко от того места набережной, где находится дворец князя Юсупова, как вдруг с Мойки послышалось два выстрела, один за другим. Власюк пошел в ту сторону, откуда они раздались, и вышел к реке, против реформатской церкви. Стоявший у церкви, на другом берегу, городской сказал Власюку, что стреляли около Юсуповского дворца.

Для читателей, незнакомых с местностью, делаю краткое пояснение: дворец князя Юсупова расположен на самой набережной, а рядом с ним двор соседа с решеткой вместо забора: на этот двор выходит из княжеского кабинета особая дверь, сделанная когда-то, вероятно, с более мирными целями, чем те, для которых была использована в эту зимнюю ночь.

Власюк, приблизившись к дворцу, увидел за решеткою свет фонаря и тени людей. Войдя на двор, он разглядел в двух бывших там человеческих фигурах молодого князя Юсупова, породнившегося с царствующим домом, и старого княжеского дворецкого. Князь встретил исполнительного блюстителя благочиния и безопасности неприветливо и заявил, что делать городовому тут нечего: просто великий князь Дмитрий Павловича, уезжая к себе домой, убил собаку.

Петербург, и став Петроградом, был хорошей школою для городских: они отлично знали удельный весь обывателей и ясно понимали, как с кем нужно себя держать. Власюк сделал под козырек и немедленно отправился обратно на свой пост. Тем бы дело на эту ночь и кончилось, но, несколько минут спустя, в Власюку подошел дворецкий, стоявший только что с князем во дворе, и позвал

совсем было успокоившегося городского во дворец, говоря, что его зовет туда князь.

Власюка впустили в кабинет через боковую дверь со двора. За столом стоял князь Юсупов, а с боку стола сидел неизвестный городовому господин, бывший как сейчас же распознал опытный глаз столичного полицейского, в форме гражданского чиновника военного ведомства с погонами действительного статского советника. Заметил городской и то, что господин был в состоянии значительного опьянения. Юсупов молчал, а говорил незнакомец. Разговор был выразителен и недолог. Власюк передавал его приблизительно так:

— Знаешь меня?

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Я член государственной думы — Пуришкевич. Слышал?

— Так точно, ваше превосходительство.

Затем последовали такие короткие вопросы, знает ли городской, кто Распутин, любит ли городской родину, и чтит ли царя. Власюк на них дал утвердительные ответы.

Тогда назвавшийся Пуришкевичем сказал:

— Так знай же, что этой ночью Распутина не стало. Теперь ступай на свое место и забудь, что я тебе сказал; если любишь царя и родину, то должен об этом молчать.

И опять отправился Власюк на свой пост. И стоял на посту, раздумывая, как ему быть. Ретивый служака, он был смущен приказанием Пуришкевича; как же молчать если случилось такое исключительное происшествие? А пока Власюк терзался сомнениями, уже стала ночь сереть, и мимо поста, торопясь куда-то, прошел знакомый агент сысского отделения. Городовой не выдержал гнета поверенной ему тайны и обратился к сыщику за советом, как поступить.

Менее чем через час я и был разбужен звонком телефона. Узнав от прокурора суда (конечно, вкратце) содержание рассказа Власюка и получив на свой вопрос ответ, что Распутин уехал из дому в час ночи, назад не вернулся, я немедленно избрал для производства предварительного по делу следствия В. Н. Середу, который положительно мне нравился своей спокойной самостоятельностью и большою любовью к следовательской работе, выполняемой им чисто по-судейски. Путем телефонных переговоров было условлено, что В. Н. Середа с фон Нандельштедтом тотчас же выезжают на место предполагаемого преступления, захватив с собой начальника сысского отделения, и главное внимание обращают на следы, которые могли остаться от убийц или убитого; в частности, мы решили непременно взять крови, если она была пролита и еще не замята, потому что, ввиду

ссылки князя Юсупова на какую-то убитую собаку, представлялось существенно важным прибегнуть к способу Уленгута для определения, чья же именно это кровь: действительно собаки или человека.

Затем уже я позвонил к министру. Услышав от меня в чем дело, А. А. Макаров решительно заявил, что не одобряет моих распоряжений: «Вы подумайте, — говорил он мне, — в каком смешном положении окажемся мы, если выяснится, что Распутин жив и где-нибудь у цыганок, а мы потревожили важнейшего следователя из-за собаки». В заключение министр попросил меня взять назад мое предложение о приступе к предварительному следствию и пока ограничиться производством дознания. Я бы многое мог возразить А. А. Макарову, но предпочел подчиниться. Звоня вслед затем в сыскную полицию и прося разыскать В. Н. Середу и передать ему, чтобы он нашел поблизости от места, где производит следственные действия, укромный телефон для переговоров со мною, я понимал, что допускаю грубую ошибку в качестве лица обязанного не медлить с раскрытием преступления, но малодушно оправдывал себя распоряжением министра, с которым, однако, и не попытался вступить в спор. Дело заключалось в том, что распоряжения мои, опороченные министром, были отданы только по профессиональному, так сказать, навыку, по глубоко въевшейся в меня привычке поступать таким образом в подобных обстоятельствах; но сам я, еще уговариваясь с прокурором суда и следователем, чувствовал, к удивлению своему, что меня впервые в жизни не коробит от убийства.

Должен тут же дать необходимые объяснения. Вопреки Льву Толстому я исповедую, что насилие не возбранено даже евангельским учением. Мало того, я смею утверждать, что евангелие обещает прощение за самое преступное насилие, если оно совершено во имя великой любви, то есть ради такой цели, которая вполне чужда личных выгод решившегося на преступление и окружена для него сиянием святости. И в этом суждении моем нет ничего противного духу Христову: я не о самодовольных преступниках говорю, а настаиваю лишь на том, что, по смыслу несомненных слов великого учителя, надо выше ставить не душевную незапятнанность грехом, но святую цель, и потому для нее жертвовать душою, именно душою, а не одною земною жизнью.

Отправляясь от такого понимания евангельских предписаний, я бы, конечно, не мог удивиться, ощутив, что оправдываю убийц Распутина, если бы налицо были два, по мне, совершенно необходимых условия: если бы я мог думать, что смерть Распутина неизбежна для спасения России, и если бы я удостоверился, что убийцы не дышат самодоволь-

ством, а в сознании своего греха идут навстречу ответственности. Но в том-то и дело, что ни одного из этих условий не было. Во первых, разве только Распутин являлся виновником русских зол? Было бы болото, а черти будут; болоту же нашему, и притом в обе стороны, вправо и влево, я конца не видел. С Распутиным при его жизни пытались бороться по-настоящему лишь единицы, а сотни заранее склоняли покорно перед ним голову, хотя борьба (пусть бы сначала всего в пределах отказов в ответ на его незаконные домогательства) была, по-видимому, не так уже безнадежна. Переиначивая слова Тургенева, я уже тогда твердил: житье наглецу между трусами. И не мог я сомневаться, что Распутина легко заменить в самом непродолжительном времени, так как в желающих распутинствовать недостатка не будет: недаром вслед за смертью временщика все в Петрограде на разные лады обсуждали известие, что А. Д. Протопопов уже поставил свою кандидатуру, кощунственно притворившись, будто увидел между государем и государыней лик Христа. Во вторых, убийцы не явились с повинною, как бы, по моему убеждению, следовало людям, принявшим на себя, хотя бы и ради великой цели, тяжкий грех, а таились подобно заурядным преступникам из личных счетов и были обнаружены лишь вследствие неосторожности чересчур самоуверенного Пуришкевича.

Все это мешало мне оправдывать убийство и убийц, а тем не менее, я не только не осуждал преступников, но положительно был доволен, что Распутина убили. Конечно, для меня несомненно, что не судья (и не прокурор, у которого нет иного подхода к делу, кроме судейского), а только «дьяк... спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева». Для судьи же (и для прокурора) нравственная оценка поступков обязательна. Но какая уже тут нравственная оценка, когда человек, не смея оправдывать преступление, радуется ему? Нет, — я и сам не заметил, как дал доступ в свою душу глухой вражде лично к Распутину, так что и в мертвом не умел увидеть человека, а продолжал видеть в нем врага всего того, что, по-моему, было необходимо для блага родины. Распоряжение министра с меня моей вины не снимало: кто удовлетворен убийством, тот сам убийца, а потому я ни в прокуроры, ни в судьи по распутинскому делу не годился и был обязан о том немедленно заявить министру, а я этого не сделал и даже поспешил беспрекословно выполнить его волю, в ошибочности которой ни минуты не сомневался.

Правда, говоря затем с В. Н. Середою и Ф. Ф. Нандельштедтом по телефону, я просил прокурора суда расспросить всех, кого только было можно, а узнав, что снег

во дворе около решетки обильно залит кровью, одобрил намерение следователя все-таки произвести экспертизу, чтобы выяснить, чья же это кровь, но тут снова сказала только привычка, вторая натура, — да и что значили дознание и исследование крови, когда действительно нужны были немедленные допросы самих заподозренных и местный осмотр в порядке следственных действий?

Значительно позже, уже после полудня, кто-то мне передал что князь Юсупов желает видаться со мною или с прокурором суда. Кто именно сообщил, не помню: только не сам князь. Тогда же я узнал, что он уже был у градоначальника. Я решил ничего более не предпринимать без ведома министра и вновь позвонил к нему. Я не ошибся: министр просил меня раньше повидаться с ним, назначив мне быть у него около пяти часов дня, а потом уже принять князя Юсупова. Уклонившись поэтому от свидания с князем, я сговорился с прокурором суда, что он, закончив дневную работу по дознанию, заедет за мною и мы оба отправимся к министру.

Когда мы вошли в бильярдную, которая в казенной квартире министра юстиции служила приемной, будучи расположена перед дверьми большого министерского кабинета, там нервно шагал из угла в угол молодой военный, в котором я по Серовскому портрету тотчас признал князя Юсупова. Услышав, как я говорил курьеру, чтобы министру было доложено о прибытии прокуроров палаты и суда, князь Юсупов направился ко мне и, глядя на меня возбужденными глазами, горевшими на поразительно бледном лице, произнес (голосом он владел вполне):

— Мы с вами, видимо, по одному делу. Позвольте представиться: князь Юсупов.

Называя себя в ответ и знакомя с ним прокурора суда, я не мог не чувствовать крайнего удивления: речь спокойная, а выдает себя всем поведением. Стал ли бы он метаться по властям, для него таким мелким, ничтожным, если бы ничего за собою не знал? Мог ли бы он, будучи непричастным преступлению, обмолвиться словом «представиться», обращаясь к какому-то прокурору палаты?

Сущность объяснений, данных князем Юсуповым министру, сводится к следующему:

Князь Юсупов поражен и взволнован, что его заподозрили в убийстве Распутина, которого он эту ночь и не видел. У него во дворце вчера собрались несколько знакомых; дам он не хотел бы назвать, а из мужчин были Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович. Ночью звонил во дворец по телефону Распутин и звал князя Юсупова к цыганкам, но он не мог покинуть гостей и отказался, чем рассердил Распутина. Великий князь, уезжая

домой, застрелил на дворе собаку, и этот выстрел услышал городской. — Каков был в передаче кн. Юсупова разговор городского с Пуришкевичем, я, к сожалению, совершенно не помню.

После того, как князь Юсупов удалился, министр решительно объявил мне, что он безоговорочно верит «молодому человеку». И тут я не нашел в себе силы возражать, хотя, ни на волос «молодому человеку» не верил; но лихо беды начало, а там уж само катится.

Если не ошибаюсь, прокурор суда тогда же сообщил, что какая-то собака действительно убита: окоченелый собачий труп был извлечен из-под снега в саду дворца, чтобы свидетельствовать о правде слов князя Юсупова. Но к ночи выяснилось, что собака была совершенно напрасно принесена в жертву сокрытия следов преступления. В. Н. Середа известил меня приблизительно в полночь, что взятая им кровь по исследованию оказалась человеческою. Я не замедлил это передать министру по телефону. Тот выразил свое недоумение: «Как же можно узнать, что кровь, именно, человеческая, а не вообще какого-либо млекопитающего?» А. А. Макаров не был ни следователем, ни товарищем прокурора, но прокурором суда состоял последовательно в Ревеле, Нижнем Новгороде и Москве. Способ Уленгута, усовершенствованный Туфановым в Киеве, остался министру неизвестным, как открытый уже после его выбытия из рядов прокуратуры первой инстанции. Я рассказал вкратце про этот способ и неожиданно услышал в телефон вырвавшееся из глубины души восклицание министра:

— Вот неприятно, что такой способ открыт!

Вероятно, не один читатель улыбнулся этим словам, но мне было не до улыбки: я тут только понял, что и министр, несмотря на строгий свой, формализм, также доволен убийством Распутина, не менее, если не более, чем я. И я сейчас же почувствовал, как сердца моего коснулись холодные руки страха за ближайшее уже будущее: в то время, когда Россия была на крутом откосе войны, царь, а с ним вместе и весь государственный уклад в моем представлении лишился всякой опоры, оказывался как бы висящим беспомощно в воздухе, если даже великие князья в лице Дмитрия Павловича и несомненно правого устремления сановники в лице Макарова фактически или мысленно были участниками преступления, смысл которого сводился к протесту против линии царского, поведения.

Следующее утро опять разбудило меня телефонным звонком: труп Распутина был обнаружен подо льдом Невы у берегов Петровского острова. Если судебные власти бездействовали, то не дремал Протопопов: стараясь заслужить

благорасположение императрицы, он, по собственным его словам, как мне передал их В. А. Бальц, бывший тогда товарищем министра внутренних дел, приказал полиции обшарить все дно Невы и залива, «хотя бы до самого Кронштадта». Такое приказание объясняется тем, что убийцы не умели молчать, и уже в субботу по городу расползлись слухи, будто Распутина спустили ночью в какую-то прорубь. Нашел труп опять-таки простой городской: на мосту между Петровским и Крестовским островами он увидел следы крови, а под мостом, у края значительной по размерам полыньи, лежала зимняя высокая калоша; городской отправился берегом Петровского острова вниз по течению и в шагах ста от полыньи заметил подо льдом, с поверхности которого снег был сдунут ветром, какое-то большое черное пятно: этим пятном и оказался Распутин в шубе и об одной калоше, застрявший на отмели.

Я не стал будить министра и немедленно условился с В. Н. Середою что он, не возобновляя следствия о смерти Распутина, тотчас же приступит к новому следствию об убийстве неизвестного судебным властям лица, труп которого только что извлечен из реки и лежит на берегу Петровского острова. А там — само собой дело дойдет вновь до дворца князя Юсупова.

В. Н. Середа так и поступил. И ему, и мне представлялось маловероятным, чтобы из Царского Села не потребовали распутинского тела. Поэтому мы договорились вывезти тело из Петрограда и поместить его в приемный покой военной богадельни (название ее позабыл), на пути как раз к Царскому: нам казалось, что там достаточно укромное место и не сразу станет известно, где лежит убитый Распутин, а тем временем судебное вскрытие будет произведено.

С министром я увиделся уже около полудня: он вызвал меня к себе, а затем мы в его автомобиле с Итальянской направились вдвоем к дворцу князя Юсупова и оттуда через Поцелуев, Николаевский и Тучков мосты к тому месту, где был найден труп Распутина. Министру почему-то хотелось узнать, как быстро можно было довести убитого из дворца до полыньи между Крестовским и Петровским островами. Мы днем проехали это расстояние без малого в четверть часа; очевидно, что ночью, когда улицы пустынные, переезд должен был занять еще меньше времени. Дорогою я признался министру, что и сам не подозревал, насколько велика была моя неприязнь к старцу. И А. А. Макаров на это мне ответил:

— Вы не были министром, и потому не могли испытывать к нему такую ненависть, как я и все те министры, которые не хотели ему кланяться.

Было воскресенье, но министр торопился в заседание Совета Министров, которое должно было происходить на Фонтанке в квартире А. Ф. Трепова, бывшего тогда первым министром. Я вышел из автомобиля А. А. Макарова у дома Кшесинской, прославленного впоследствии Лениным и его приспешниками. Прощаясь, министр сказал, чтобы я звонил к Трепову, если случится что-либо, требующее срочных распоряжений.

И я действительно позвонил. Оказалось, что Протопопов поручил генералу Попову производить расследование по делу об убийстве Распутина, и Попов, допрашивая свидетелей, мешал следственным действиям Середы. Я создал за Макаровым и за собою грех промедления, допущенного накануне, но теперь следователь работал, и по закону никаких параллельных следствию дознаний, кроме производимых по поручению следователя, быть не могло, а тем более таких дознаний, которые бы затрудняли ход следствия. Я добился соединения с квартирою А. Ф. Трепова и переговорил с Макаровым и бывшим в заседании за своего министра Бальцем. Бальц тогда же распорядился, чтобы Попов прекратил допросы и на дороге Середы не становился, за что выдержал неприятное объяснение с своим министром, не первое и не последнее; у Протопопова к Бальцу были странные отношения: ни в чем они не сходились, а отпустить Бальца в сенат, куда тот стремился, Протопопов долго не соглашался из какого-то непонятного упорства.

Вскрытие тела могло быть произведено только в ночь на среду: труп, пролежавши, после извлечения из воды, несколько часов на морозном воздухе, так замерз, что не оттаял раньше, хотя под конец температура комнаты, где он находился, и была доведена до $+20^{\circ}\text{R}$. Откладывать вскрытие на утро мы не решились: накануне ночью в приемный покой богадельни приехала какая-то дама в одежде сестры милосердия и долго сидела, глядя молча на убитого. Я и до сих пор не знаю, была ли то императрица, но Серее, как и мне, стало ясно, что во всяком случае, кто бы то ни был, последствия такого посещения не могут не сказаться скоро. Так и вышло: утром, в среду, едва успели труп зашить, явились посланные за ним из Царского, куда его и отвезли тогда же. Там Распутин и был погребен; там он и лежал, пока революция не потревожила его останков; у А. Ф. Керенского в служебном кабинете я видел своеобразный протокол, составленный добровольцами революционного движения, расходовавшими свою энергию на явные пустяки: протокол этот удостоверял, что Гришка Второй был вырыт и сожжен, как и Гришка Первый в оны годы, также перед началом длительной русской смуты.

Спустя около двух лет в гетманском Киеве, уже ютясь на чужой квартире, я как-то ночью прочел книжку В. М. Пуришкевича об убийстве Распутина. Отнюдь не думая утверждать, будто медицинская экспертиза не может ошибаться, я только отмечу здесь, что рассказ Пуришкевича не совпадает с выводами экспертов. Врачи, производившие судебное вскрытие, пришли к заключению, что Распутину были нанесены три смертельные раны: в почки, в печень и в мозг; по мнению вскрывавших, после первой раны Распутин не мог жить более 20 минут, а все три были прижизненные, следовательно, третья должна была последовать за первой в промежуток времени самое большее около четверти часа, что находится в непримиримом противоречии с повествованием Пуришкевича. Если эксперты правы, тогда приходится думать, что убийство произошло так: первый выстрел был произведен в Распутину спереди, когда он стоял в кабинете князя Юсупова; раненый Распутин повернулся и выбежал во двор через боковую дверь, о которой я уже упомянул; вслед ему был дан второй выстрел, ранивший его сзади, Распутин имел, однако, достаточно силы, чтобы добежать до решетки, но там, по-видимому, упал, и тогда кто-то подошел к нему покончил с ним выстрелом в затылок. Два вторых выстрела, произведенных на дворе, и слышал городской Власюк. А кровь, взятая Середою, окрасила собою снег именно в том месте, где упал Распутин.

В ближайшие вслед за убийством дни по Петрограду ходили толки, что Дмитрий Павлович не стрелял, а убит Распутин был князем Юсупов и Пуришкевичем: второй выстрел произвел Юсупов, а первый и третий Пуришкевич.

Так ли все это было в действительности или иначе, для меня темно: допущенное мною промедление сказалось на ходе и успешности следствия и не могло не сказаться; что начало криво расти, то не выпрямится, *quod ab initio vitiosum est tractu temporis convalescere non potest*. И местный осмотр застал уже прибранный кабинет, и свидетели да и обвиняемые поразъехались: Пуришкевич отправился на фронт, Юсупову высочайше повелено было поселиться временно в Курском имении, дочери Распутина поехали к себе на родину, в Тобольскую губернию.

Помню, что следствием все же скоро было установлено два факта: князь Юсупов, прежде относившийся к Распутину брезгливо-высокомерно и усиленно избегавший встреч с ним, в последнее время изменил свое поведение, сблизился со старцем и стал довольно часто бывать у него, а также сопровождать его в поездках, ничего общего не имевших ни с деловыми, ни с религиозными. И второй факт: в ночь убийства, не позже часа, за Распутиным,

только что откуда-то явившимся домой, заехал на автомобиле в одежде шофера князь Юсупов и увез его с собою, но не прямо к себе, потому что убит Распутин был часа два спустя, а убили его, по-видимому, едва лишь он появился в княжеском дворце.

Я наблюдал за следствием по распутинскому делу, короткое время: А. А. Макаров, как я уже сказал, был уволен от должности министра юстиции именованным указом 20 декабря, а при новом министре я и месяца не остался прокурором палаты. Хотя Н. А. Добровольский внешне относился ко мне вполне хорошо, но для нас обоих было ясно, что мы тяготим друг друга. И когда он предложил мне вопрос, не чувствую ли я усталости и потребности более в кабинетной работе, я с радостью ответил утвердительно.

До этого, однако, произошли в связи с убийством Распутина два события, задевшие и меня.

На Распутине, когда его извлекли из воды, была надета голубая шелковая рубашка с вышитыми золотыми колосьями: на шее у него висел нательный большого размера крест с надписью сзади: «спаси и сохрани», а на руке оказался браслет из золота и платины с застежкой, на одной стороне которой изображен был двуглавый орел, а на другой — буква Н с римскою цифрою II. Значительная часть рубашки залита была кровью, которая скоро начала разлагаться и заражать воздух следовательской камеры зловонием. Вещи эти были приобщены к следственному производству. И вот императрица пожелала их получить. Желание императрицы передал мне новый управляющий министерством юстиции (сенатор Н. А. Добровольский не был облечен званием министра). Так как значения вещественных доказательств эти предметы не имели, то я ответил своему начальнику, что от него зависит выполнить волю государыни, но следователь, насколько я могу говорить за него, согласится выдать их не иначе, как под расписку самого Н. А. Добровольского. Так и было сделано. Вскоре до меня дошли слухи, будто императрица стала возлагать рубашку Распутина на больных офицеров в лазаретах; тогда же говорили, что один офицер решительно отказался облечься в эту реликвию, но только один.

Вторым событием, которое своим краем коснулось и меня, было обращенное к государю ходатайство одиннадцати великих князей о прекращении следственного дела, начатого по поводу смерти Распутина. Я уже говорил, что русский император, по мнению моему, не мог законно прекращать уголовные преследования, так как Александр II изданием судебных уставов 1864 года ограничил себя и своих преемников в области суда, сохранив за верховною властью лишь право помилования; тем более звучала странно

просьба об освобождении от суда лиц, ни в чем не сознающих и даже еще не привлеченных к следствию. И тем не менее, я чувствовал, что сердцем я всецело на стороне прошивших: если государь прекратил только что дело Манасевича-Мануйлова (я тогда еще не знал об отмене этого прекращения), если государь и не думал отказываться на будущее время от подобного рода нарушений законного порядка (вскоре он прекратил еще одно дело, по настоянию уже потерпевшего, смертельно боявшегося, что гласность суда станет невыгодною более для него самого, чем для подсудимой), — то всего справедливее, казалось бы, предать забвению дело о таком преступлении, которое вызывало к себе, пусть неосновательное, но все же большое и живое сочувствие далеко не во мне одном. Царь рассудил иначе и на прошении великих князей положил известную резолюцию об отказе в ходатайстве, резолюцию решительную и, на мой взгляд, резкую. Помню, как меня взволновала эта резолюция; взволновала не за убийц Распутина, и не за великих князей, а за самого государя или, вернее, за сохранение в стране, хоть и расхлябанного, но все же привычного державшегося порядка правления, о крушении которого в условиях военного времени мне и помыслить было жутко. Я не мог подавить в душе опасения, что государь отталкивает от себя даже великих князей. Рядиться в одежды пророка задним числом легко, но у меня есть свидетели: я думаю, что несколько человек должны помнить, как я тогда же, в профессорской лицеве (я преподавал в лицее гражданское право), не справившись с охватившим меня волнением, сказал, что царствование государя близится к концу, а цесаревич царствовать не будет. Не хочу преувеличивать моего предвидения: и тогда мне казалось, что от революционной вспышки меня отделяют не недели, а месяцы; после же я еще менее готов был увидеть революцию в середине великого поста; но в то время мне чудилось, что невыносимо натянутое положение должно неминуемо разрешиться, и очень скоро, дворцовым переворотом; для меня и это представлялось страшным; я боялся этого желать, но рассуждал так: в убийстве Распутина участвовали круги, очень близкие к престолу; не может быть, чтобы они не имели определенной программы действия на случай, если государь не одобрит их поступка; а в таком случае у них уже обдуман переворот и готов новый император.

Поэтому понятно то напряженное любопытство, с которым я в декабре посетил великих князей Николая и Александра Михайловичей. Великий князь Николай Михайлович пригласил меня к себе через посредство сенатора А. В. Степанова, а приглашение брата передал мне уже лично сам. Я понимал, что великие князья, не добив-

шить прекращения дела, хотят, так сказать, пощупать того, кто им кажется главным распорядителем судьбы заподозренных, но ждал от разговора с великими князьями большего. Николай Михайлович принял меня проще (и потом говорил еще по телефону), Александр Михайлович — натянутее. Первый более интересовался ответственностью Дмитрия Павловича, второй — ответственностью князя Юсупова. Должно быть, они очень успокоились, узнав, что следствие движется черепашим шагом; а я вынес впечатление, что едва ли есть дворцовый заговор: такими неуверенными, я бы сказал, выжидательно-страдательными показались мне мысли и чаяния обоих великих князей. Я и сам не был ни заговорщиком, ни революционером, а сидевшее уже тогда во мне ощущение необходимости охранить шатавшийся режим не во имя его самого, но во имя несвоевременности его низложения, еще не претворилось в отчетливое убеждение, не перешло из нервов в мозг, и мне оставалось только отдаваться течению событий, становившихся все более и более бессмысленными.

Следствие о гибели Распутина пережило мое прокурорство не очень-то долго: Временное правительство издало амнистию для всех, кто совершил преступление по мотивам политического характера. Под эту амнистию подошли, конечно, и Пуришкевич с великим князем Дмитрием Павловичем и князем Юсуповым. Единоличное распутиństwo стало достоянием прошлого, а многоличное распутиństwo в то время еще таилось в тумане грядущего, хотя уже и недалекого.

На этом я и должен закончить повествование, посвященное делу об убийстве Распутина. Но мне хочется здесь же рассказать два распутинских анекдота, чрезвычайно характерных для вечерней зари старого строя. Случаи эти я назвал анекдотами в строгом смысле греческого слова: насколько мне известно, ни тот, ни другой еще не попали в печать. Достоверность же обоих — вне сомнения: первый я знаю со слов В. А. Бальца, бывшего тогда директором второго департамента министерства юстиции, а второй кончился при моем участии.

В министерстве юстиции появилась жена ялуторовского нотариуса (фамилию его я забыл), красивая женщина, с просьбою перевести ее мужа нотариусом же в Москву. Назначение нотариусов по закону принадлежало старшим председателям судебных палат по представлениям председателей соответствующих окружных судов и министра юстиции вовсе не касалось. Посетительница это знала, но в Москве она потерпела неудачу: председатель московского окружного суда Д. Д. Иванов отказал представить ее мужа, а назначить его без такого представления не захотел стар-

ший председатель московской судебной палаты С. А. Линк. Ялуторовские жители — земляки Распутина, и просительница, к тому же красивая, нашла к старцу ход. Распутин писал министру юстиции, которым тогда был А. А. Хвостов свои известные всем власть имущим в Петрограде «цедулки»: наверху крест, а затем обращение «милой» «дорогой» и несколько строк каракуль с неизменною подписью «Григорей». В этих письмах Распутин, прося за ялуторовского нотариуса, с наивным цинизмом указывал, что «такой женщине» надобно жить не в Ялуторовске, а в столице. Письма не подействовали. И вот в один из приемных дней к министру является сам старец. Егермейстер Малама, заведывавший приемом в министерстве, немедленно бросился в кабинет министра и сообщил о приезде временщика. Ответ был: приму в порядке очереди. Распутин заявил, что ждать ему некогда, и уехал. Прием уже кончился, когда он счел за благо вновь прибыть. Министр принял его стоя, не предложил сесть и не подал руки. На просьбу Распутина последовало разъяснение, что назначение нотариусов не касается министра. Распутин прибег к запугиванию почтительно-смирненным тоном: он сказал, что в жене нотариуса принимает живое участие императрица. Получив опять отказ, он поклонился в пояс с вопросом: так и передать государыне? Министр возразил, что между ним и царицею посредники не нужны. Распутин ушел со словами: «Спаси вас Господь». Было видно, что такого отпора он не ждал и растерялся от своей неудачи. Я не сомневаюсь, что государыню он вмешал в дело помимо ее ведома и ничего ей об отказе А. А. Хвостова не передавал. Но развязная женщина все же устроилась: старший председатель одесской судебной палаты (не знаю, при каких обстоятельствах) назначил ее мужа нотариусом в Одессе.

Второй анекдот таков: как-то раз ко мне в служебный кабинет пришел товарищ председателя петроградского окружного суда Н. Н. Шевцов. С собою он принес дело, назначенное к слушанию с участием присяжных заседателей на ближайшую сессию в Петрограде. Я прочел тут же обвинительный акт и только руками развел. Начальник одной из железнодорожных станций под Петроградом (кажется, Обухова), человек лет за сорок, предан был суду по обвинению в богохульстве. Торжественно звучал словами закона обвинительный пункт:... «возложил хулу на славимого в Пресвятой Троице»... Но для меня он звучал кощунством самого составителя акта: начальник станции только тем и был виноват, что в присутствии стационарного жандарма выкрикнул: «До чего мы дожили. Веру в Бога потеряли. Распутина богом сделали». Меня не удивило, что жандармский вахмистр спутал Распутина с Бо-

гом и увидел богохульство в порицании Распутина. Еще во времена первой революции мне по должности прокурора суда приходилось разъяснять уездному исправнику, что нет признаков никакого политического преступления в распевании частушки: «Мы урядника убили, станového мы убьем; никого мы не боимся, с песнью в каторгу пойдем». Но меня глубоко взволновало и огорчило, что такой обвинительный акт, составленный товарищем прокурора столичного суда, прошел сквозь теснины камеры прокуроров суда и палаты (спешу оговорить тут же, что это было до меня) и удостоился утверждения в обвинительной камере. Я вполне разделял мнение Н. Н. Шевцова, что судоговорение по такому делу, являясь надругательством над неповинным ни в чем подсудимым, будет крайним скандалом для чести суда. Но что же делать? Ведь акт уже утвержден. И вот что мы надумали. Я пошел в обвинительную камеру и убедил членов судебной палаты в необходимости исправить ошибку во что бы то ни стало. В тот же день я предложил палате отменить состоявшееся по делу определение о предании суду ввиду вновь открывшихся обстоятельств: есть данные, что подсудимый не в своем уме. Подсудимый был вполне здоров, никаких данных о его сумасшествии я не имел и свидетельствовать его в состоянии умственных способностей не собирался. Мне нужен был только предлог для отмены. Несмотря на голословность моего заявления, палата по обвинительной камере, сознавая грубую провинность члена-докладчика, поспешила отменить свое определение. Дело, вытребованное в палату, было прислано мне. Тогда я вызвал прокурора суда и попросил его распорядиться написать заключение не об освидетельствовании в состоянии умственных способностей, а о прекращении уголовного по делу преследования. Заключение было написано, а Н. Н. Шевцов посодействовал прекращению дела в суде.

Немудрено, что Распутин мог дойти до геркулесовых столпов наглости в своих домогательствах перед должностными лицами государства, если находились добровольцы, считавшие естественным, без его просьбы, защищать его даже от заочных оскорблений, как царя, и притом по статье, карающей хулу на Самого Бога.

В. М. РУДНЕВ

ПРАВДА О ЦАРСКОЙ
СЕМЬЕ И «ТЕМНЫХ
СИЛАХ»

В. М. Руднев
«Правда о царской семье и «темных силах».
Берлин, 1920 г.

Товарищ (помощник) прокурора Екатеринославского окружного суда Владимир Михайлович Руднев был командирован в марте 1917 г. в Петроград, в Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров и других высших должностных лиц России. В Комиссии Руднев имел специальное поручение «обследовать источник безответственных влияний при дворе» (официально «Обследование деятельности темных сил»).

Состоя товарищем прокурора Екатеринославского окружного суда, 11 марта 1917 года, орденом министра юстиции Керенского, я был командирован в Петроград, в Чрезвычайную следственную комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц.

В Петрограде, работая в этой Комиссии, я получил специальное поручение обследовать источник «безответственных» влияний при дворе, причем этому отделу Комиссии было присвоено наименование: «Обследование деятельности темных сил». Занятия Комиссии продолжались до последних чисел августа 1917 года, когда я подал рапорт об отчислении ввиду попыток со стороны председателя Комиссии прис. пов. Муравьева побудить меня на явно пристрастные действия. Мне, как лицу, командированному с правами судебного следователя, было предоставлено производство выемок, осмотров, допрос свидетелей и т. д. В целях всестороннего и беспристрастного освещения деятельности всех лиц, относительно которых в периодической печати и обществе составилось представление, как о людях, имевших исключительное влияние на направление внутренней и внешней политики, мною были разобраны и осмотрены архивы Зимнего дворца, Царскосельского и Петергофского дворцов, а ровно и личная переписка Государя, Императрицы, некоторых Великих Князей, а также и переписка, отобранная при обыске у епископа Варнавы, графини С. С. Игнатьевой, доктора Бадмаева, В. И. Воейкова и других высокопоставленных лиц.

При производстве расследования было обращено особое внимание на, личность и характер деятельности Г. Е. Распутина и А. А. Вырубовой, также и на отношение Царской Семьи к германской императорской фамилии.

Считая, что задача моего обследования имеет громадное значение в смысле освещения событий, предшествовавших и сопровождающих революцию, я снимал копии со всех протоколов осмотров, проходивших через мои руки документов, а равно и со свидетельских показаний.

Уезжая из Петрограда, я захватил с собой все эти копии в Екатеринослав, где они хранились в моей квартире,

но теперь, вероятно, разграблены при разгроме моей квартиры большевиками. Если же, сверх ожидания, копии этих документов не уничтожены и я доживу до того времени, когда получу их в свои руки, то я предполагаю опубликовать их в печати полностью, не делая никаких выводов и заключений.

Теперь же я считаю необходимым представить краткий очерк характеристики главных деятелей той области, которая называлась печатью и общественным мнением «областью темных сил», причем, так как очерк этот составляется мною по памяти, то в нем, конечно, будет упущено много, быть может, интересных подробностей.

Прибыв в Петроград в Следственную комиссию, я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины.

Наиболее интересной личностью, которой приписывалось влияние на внутреннюю политику, был Григорий Распутин, а поэтому, естественно, что его фигура явилась центральной при выполнении возложенной на меня задачи. Одним из самых ценных материалов для освещения личности Распутина послужил журнал наблюдений негласного надзора, установленного за ним охранным отделением и веденного до самой его смерти. Наблюдение за Распутиным велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось к тщательной слежке при выездах его из квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредстве специальных агентов, исполнявших обязанности охранителей и лакеев.

Журнал этих наблюдений велся с поразительной точностью изо дня в день, и в нем отмечались даже кратковременные отлучки, хотя бы на два-три часа, причем обозначалось как время выездов и возвращений, так и все встречи по дороге. Что касается внутренней агентуры, то последняя отмечала фамилии лиц, посещавших Распутина, и все посетители аккуратно вносились в журнал; при этом, так как фамилии некоторых из них не были известны агентам, то в этих случаях описывались подробно приметы посетителей. Познакомившись с этими документами, а также допросив ряд свидетелей, фамилии которых в документах упоминались, и сопоставив эти показания, я пришел к заключению, что личность Распутина, в смысле своего душевного склада, не была так проста, как о том говорили и писали.

Исследуя нравственный облик Распутина, я, естественно, обратил внимание на историческую последовательность тех событий и фактов, которые в конце концов открыли ему доступ ко Двору, и выяснил, что первым этапом в этом постепенном продвижении вперед было его знакомство с известными глубоко религиозно настроенными и несомненно умными архиепископами Феофаном и Гермогеном. Убедившись, на основании тех же документов, что тот же Григорий Распутин сыграл роковую роль в жизни этих столпов православной церкви, будучи причиной удаления Гермогена в один из монастырей Саратовской епархии на покой, и низведения Феофана на роль провинциального епископа, тогда, когда эти истинно православные епископы, заметив проснувшиеся в Григории Распутине темные инстинкты, открыто вступили с ним в борьбу, — я пришел к заключению, что, несомненно, в жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губернии, имело место какое-то большое и глубокое душевное переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться ко Христу, так как только наличием этого искреннего богоискания у Распутина в тот период времени и может быть объяснено сближение его с указанными выдающимися пастырями. Это мое предположение, основанное на сопоставлении фактов, нашло себе подтверждение в безграмотно составленных Распутиным воспоминаниях о хождении по святым местам. От этой книги, написанной Григорием Распутиным, дышит наивной простотой и задушевной искренностью. Опираясь на содействие и авторитетность указанных архиепископов, Григорий Распутин был принят во дворцах Великих Княгинь Анастасии и Милицы Николаевен, а затем, через посредство последних, знакомится с г-жей Вырубовой, тогда еще фрейлиной, и производит на нее, женщину истинно религиозно настроенную, огромное впечатление; наконец, он попадает и в Царский Двор. Здесь у него пробуждаются заглушенные низкие инстинкты, и он превращается в тонкого эксплуататора доверия высоких особ к его святости.

При этом надо заметить, что он свою роль выдерживает с удивительно простодушной последовательностью. Как показало обследование переписки по сему поводу, а затем как подтвердили и свидетели, Распутин категорически отказывался от каких-либо денежных пособий, наград и почестей несмотря на прямые, обращенные со стороны их Величеств, предложения, как бы тем самым подчеркивая свою неподкупность, бессребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая в то же время Царскую Семью, что он — единственный представитель за

Нее перед престолом Всевышнего, что все завидуют его положению, все интригуют против него, все клеветают на него и что поэтому к таким доносам надо относиться отрицательно. Единственно, что позволял себе Распутин, это оплату его квартиры из средств Собственной Его Величества Канцелярии, а также принимал подарки Собственной работы Царской Семьи — рубашки, пояса и прочее.

Входил Распутин в Царский Дом всегда с молитвою на устах, обращаясь к Государю и Императрице на «ты» и трижды с ними лобызаясь по сибирскому обычаю. Известно, что он говорил Государю: «Моя смерть будет и твоей смертью», и при этом установлено, что при Дворе он пользовался репутацией человека, обладающего даром предсказывать события, облекая свои предсказания в загадочные формы, по примеру древней Пифии.

Источником средств для Распутина служили те прошения разных лиц по поводу перемещений, назначений, помилований, которые составлялись на Высочайшее Имя и передавались во Дворец через его руки. В целях большей авторитетности своего голоса Распутин поддерживал такие ходатайства, при беседе с Их Величествами, облекая их в особые формы предсказаний и подчеркивая, что удовлетворение этих просьб ниспошлет особые дары и счастье Царской Семье и стране.

К сказанному выше необходимо добавить, что Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина — Симановича, студента Коммерческого института, причем все явления болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного.

Запечатлен мною и другой яркий случай проявлений этой особенной психической силы Распутина, когда он был вызван зимой 1914—1915 гг. в будку железнодорожного сторожа Царскосельской дороги, где после крушения поезда лежала в совершенно бессознательном состоянии, с раздробленными ногами и тазобедренной костью и с трещинами черепа, Анна Александровна Вырубова. Около нее в то время находились Государь и Императрица. Распутин, подняв руки кверху, обратился к лежащей Вырубовой со словами: «Аннушка, открой глаза». И тотчас она открыла глаза и обвела ту комнату, в которой лежала. Конечно, это произвело сильное впечатление на окружающих, а в частности на Их Величества, и, естественно, содействовало укреплению его авторитета.

Вообще надо сказать, что Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не заурядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминавшие порою юродивого, — были несомненно искусственны; ими он старался подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность.

Ввиду того, что в периодической прессе уделялось много места разнузданности Распутина, ставшей синонимом его фамилии, на это обстоятельство при производстве следствия было также обращено надлежащее внимание, и богатейший материал для освещения его личности с этой стороны оказался в данных того самого негласного наблюдения за ним, которое велось охранным отделением. При этом выяснилось, что амурные похождения Распутина не выходили из рамок ночных оргий с девицами легкого поведения и шансонетными певицами, а также иногда и с некоторыми из его просительниц. Что же касается его близости к дамам высшего общества, то в этом отношении никаких положительных материалов наблюдением и следствием добыто не было.

Но имеются указания, что в пьяном виде он старался создать иллюзию своей интимной близости к высшим кругам, в особенности перед теми, с которыми он был в приятельских отношениях и которым он был обязан своим повышением. Так, например, при обыске у епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: «Милой, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пускают». Ввиду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов. С целью выявить этот вопрос Верховной следственной комиссией был приглашен профессор по кафедре сектантства Московской Духовной академии Громогласов; последний ознакомился со всем следственным материалом и, считаясь с тем, что совместное мытье мужчин с женщинами в банях является в некоторых местах Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний на принадлежность его к хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам, Громогласов также не усмотрел никаких признаков хлыстовства.

Вообще, Распутин по природе был человек широкого размаха; двери его дома были всегда открыты; там всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счет; в целях создания вокруг себя ореола благотворителя

по слову Евангелия: «рука дающего не оскудеет», Распутин, постоянно получая деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся и вообще лицам бедных классов, к нему обращавшимся тоже с какими-либо просьбами, даже и не материального характера. Этим он создал себе популярность благотворителя и бессребреника; кроме того, большие суммы Распутин сорил по ресторанам и загородным садам, вследствие чего никаких особенных средств после его смерти семье его, проживавшей в Сибири, оставлено не было.

Следствием был собран многочисленный материал относительно просьб, проводимых Распутиным при Дворе; все эти просьбы касались, как было выше указано, назначений, перемещений, помилований, пожалований, проведения железнодорожных концессий и других дел; но решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела, несмотря на то, что влияние его при Дворе, несомненно, было велико. Примеры этого влияния очень многочисленны; так, между прочим, при обыске в канцелярии дворцового коменданта генерала Воейкова, было обнаружено несколько писем на его имя такого содержания: «Енералу Фавейку. Милой, дорогой, устрой ее, Григорий». На подобных письмах оказались отметки, сделанные рукой Воейкова, сводившиеся к указанию имени, отчества и фамилии просителей, их места жительства, содержание просьбы, отметки об удовлетворении просьбы и об оповещении просителей; тождественного содержания были обнаружены письма и у бывшего председателя Совета Министров Штюрмера, а равно и у других высокопоставленных лиц. Но все эти письма касались исключительно просьб об оказании личных протекций по поводу разных случаев из жизни лиц, о которых ходатайствовал Распутин.

Распутин всем лицам, с которыми ему приходилось сталкиваться более или менее часто, давал прозвища, некоторые из них получили права гражданства и при Дворе; так, например, Штюрмера он называл стариком, архиепископа Варнаву — Мотыльком, Государя — папой, Государыню — мамой. Прозвище Варнавы «мотылек» — было обнаружено и в одном из писем Императрицы к Вырубовой.

Следственный материал приводит к несомненному заключению, что источником влияния Распутина при Дворе была наличность высокого религиозного настроения Их Величеств, и вместе с тем Их искреннего убеждения в святости Распутина, единственного действительного представителя и молитвенника за Государя, Его семью и Рос-

сию перед Богом, причем наличность этой святости усматривалась Царской Семей в отдельных случаях исключительно в воздействии Распутина на психику приближенных ко Двору лиц, как, например (о чем указано выше), приведение в сознание г-жи Вырубовой, затем благотворное влияние на здоровье Наследника и ряд удачных предсказаний, при этом, конечно, указанное воздействие на психику должно быть объяснено наличностью необыкновенной гипнотической силы Распутина, а верность предсказаний — всесторонним знанием им условий придворной жизни и его большим практическим умом.

Этим влиянием Распутина на Царскую Семей старались, конечно, пользоваться ловкие люди, способствуя тем самым развитию в нем низких инстинктов. Особенно ярко это сказалось в деятельности бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова и директора Департамента полиции Белецкого, которые, чтобы упрочить свое положение при Дворе, вошли в соглашение с Распутиным и предложили ему такие условия: выдавать из секретного фонда департамента полиции ежемесячно по 3000 руб. и единовременные пособия в различных суммах, по мере надобности за то, чтобы Распутин проводил при Дворе тех кандидатов, которых они будут указывать на желательные для них посты. Распутин согласился и действительно первые два-три месяца выполнял принятые на себя обязательства, но затем, убедившись, что такое соглашение для него невыгодно, как значительно сокращавшее круг его клиентуры, он, не предупреждая об этом Хвостова и Белецкого, стал действовать самостоятельно, на свой риск и страх. Хвостов, удостоверившись в неискренности Распутина и опасаясь, что в конце концов Распутин может начать действовать против него, решил открыто вступить с ним в борьбу, учитывая, с одной стороны, доброе к себе расположение Царской Семей, а с другой — рассчитывая на содействие Государственной Думы, членом которой он был и которая относилась к Распутину с крайней ненавистью. При создавшемся положении вещей в очень тяжелом положении оказался Белецкий, не веривший в обаяние и мощь Хвостова при Дворе и, наоборот, надлежаще расценивавший исключительное обаяние Распутина на Царскую Семей. После недолгого раздумья Белецкий решил изменить своему начальнику и покровителю Хвостову, перейдя всецело на сторону Распутина. Заняв такую позицию, Белецкий, выражаясь языком Распутина, поставил себе целью «свалить министра Хвостова». В конечном результате борьбы Распутина и Белецкого против Хвостова и явился так много нашумевший в газетах пресловутый заговор на жизнь старца. Инсце-

нировка этого заговора была организована Белецким следующим образом. Он привлек для этой цели совершенно опустившегося в нравственном отношении «бывшего человека» инженера Гейне, содержателя игорных притонов в Петрограде, и тайно командировал его в Христианию, также к «бывшему человеку» расстриге монаху, известному Илиодору — Сергею Труфанову, бывшему прежде другом Распутина. Результатом этой поездки была посылка ряда телеграмм из Христиании к Гейне в Петроград за подписью Илиодора, в которых очень прозрачно говорилось о будто бы готовившемся ими покушении на жизнь Распутина. Так, например, в одной из телеграмм Илиодора к Гейне говорилось почти дословно следующее: «Наняты 40 человек ждут, ропщут, переведите 30 000». Все эти телеграммы, как поступившие из нейтральной страны во время войны, до выдачи их адресатам в копиях сообщались в Департамент полиции, но затем, без надлежащего обследования, как это полагалось согласно законам военного времени, прямо вручались инженеру Гейне. Наконец, в один прекрасный день Гейне, имея в руках эти телеграммы, является в виде раскаявшегося грешника в приемную Распутина и, представляя доказательства наличия заговора принесенными с собой телеграммами, чистосердечно сознается старцу, что участвовал в заговоре на его жизнь, передает все подробности этого заговора и кончает заявлением, что во главе его стоит министр внутренних дел А. Н. Хвостов. Все эти данные были сообщены Распутиным Царской Семье и повлекли за собой отставку Хвостова. Как подробность инсценировки этого заговора интересен следующий факт: в телеграммах, поступивших к Гейне из Христиании, помещался ряд фамилий лиц, проживающих в Царицыне и входивших будто бы в сношения с Илиодором и даже приезжавших к нему в Христианию для заговора. Однако произведенное по этому поводу, по горячим следам, расследование через жандармскую полицию не только не подтвердило правдивости этих указаний, но доказало, что означенные лица из Царицына никуда не уезжали, как о том свидетельствовали акты осмотра домовых книг и других документов.

Следует заметить, что А. Н. Хвостов был лично очень ценен и уважаем Государем, а в особенности Императрицей, которые, по свидетельским показаниям личностей, близко стоявших ко Двору, считали его религиозно настроенным и в высшей степени преданным Царской Семье и России. Следующий, однако, эпизод показывает, насколько Хвостов прежде всего заботился и оберегал свои личные интересы: однажды он пригласил к себе жандармского генерала Комиссарова и предложил ему немед-

ленно, переодевшись в штатское, поехать к Распутину и привести его к Митрополиту Питириму, что тот и исполнил. Исполняя поручение Хвостова, Комиссаров вместе с Распутиным прошел в покои Питирима, где в одной из комнат их встретил служка Питирима, который, приняв их, удалился во внутренние покои с докладом к Его Высокопреосвященству. Вскоре после этого в ту же компанию вошел сам Питирим и здесь, когда ему Распутин представил генерала Комиссарова, последний заметил, как Питириму было неприятно на этот раз появление в его покоях жандармского генерала. Тем не менее Питирим пригласил их следовать за собой, и когда они вошли в гостиную, то увидели сидевшего здесь на диване Хвостова. При виде Распутина Хвостов стал нервно смеяться и переговариваться с Питиримом, а затем, пробыв недолгое время, попросил Комиссарова сопровождать себя домой. Комиссаров, оказавшись в крайне неловком положении, совершенно не понимал происшедшего. Проезжая в автомобиле, Хвостов спросил Комиссарова: «Вы что-нибудь, генерал, понимаете?» и, получив отрицательный ответ, заявил: «Знаем теперь, в каких отношениях состоит Питирим с Распутиным, а ведь когда вы с ним приехали в покои Митрополита и служка доложил о Вашем приезде, то этот человек, не имеющий, по его словам, ничего общего с Распутиным, сказал мне: разрешите отлучиться на несколько минут, так как ко мне приехал именитый грузин, а теперь мы знаем, какие грузины ездят к Вашему Преосвященству». Этот эпизод мне стал известен из допроса генерала Комиссарова.

Из всех государственных деятелей Хвостов был ближе всего к Распутину, что же касается до столь на шумевших отношений его с Штюмером, то в действительности отношения эти не выходили из области обмена любезностями. Штюмер, считаясь с влиянием Распутина, исполнял его просьбы относительно устройства отдельных лиц, посылал иногда фрукты, вино и закуски, но данных о влиянии Распутина на направление внешней политики Штюмера следствием не добыто было решительно никаких.

Не больше была связь с Распутиным и у министра внутренних дел Протопопова, которого Распутин почему-то называл «Калинин», хотя надо сказать, что Распутин относился к Протопопову с большой симпатией и всячески старался защищать его, хвалить и выгораживать перед Государем в тех случаях, когда почему-либо положение Протопопова колебалось. Происходило это почти всегда в отсутствие Государя из Царского Села путем предсказаний Императрице, имевших характер изречений Пи-

фии, где сначала говорилось о других, а затем уже переходилось к восхвалению личности Протопопова, как преданного и верного Царской Семье человека.

Подобное отношение Распутина к Протопопову создало для последнего благоприятное отношение со стороны Императрицы. При осмотре бумаг Протопопова было найдено несколько типичных писем Распутина, начинавшихся словами «милый, дорогой», но всегда говоривших только о каких-либо интересах частных лиц, за которых Распутин хлопотал. Среди бумаг Протопопова, так же как и среди бумаг всех остальных высокопоставленных лиц, не было найдено ни одного документа, указывающего на влияние Распутина на внешнюю и внутреннюю политику.

Протопопов отличался, можно сказать, удивительной слабостью воли, хотя всю свою длинную карьеру до министра внутренних дел проходил в качестве выборного лица разных общественных групп, вплоть до должности товарища Председателя Государственной Думы. Так как периодической печатью Протопопову приписывалась жестокая попытка подавления народных волнений в первые дни революции, — якобы выразившаяся в установке на крышах домов пулеметов для расстрелов безоружных толп манифестантов, — то на предварительном следствии на это обстоятельство было обращено особое внимание председателем Комиссии, присяжным поверенным Муравьевым, поручившим обследование этих событий специальному следователю Ювжику Компанейцу, установившему путем допроса нескольких лиц и проверкой отобранных войсками пулеметов, найденных на улицах Петрограда в первые дни революции, что все эти пулеметы принадлежали войсковым частям и что ни одного полицейского пулемета не было не только на крышах домов, но и на улицах, причем вообще никаких пулеметов на крышах домов не стояло, кроме ограниченного числа пулеметов, поставленных с самого начала войны на некоторых высоких домах для защиты от налета неприятельских воздушных машин.

Вообще нужно сказать, что в критические дни февраля 1917 года Протопопов проявил полную нераспорядительность, а с точки зрения действовавшего закона — преступную слабость.

Несомненно, в прессе и в петроградском обществе создалось мнение о близких отношениях Распутина к двум политическим авантюристам — доктору Бадмаеву и князю Андронникову, будто бы имевшим через него влияние на политику.

Следствие показало полное несоответствие этих слухов с действительностью. Однако можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина,

пользуясь крохами, падающими с его стола, и стараясь преувеличить перед своими клиентами свое влияние на Распутина, на которого они такого вовсе не имели, и через это поддержать мнение о своем, якобы, при Дворе влиянии.

Из этих двух лиц наиболее интересным по времени своей деятельности является князь Андронников, так как сколько-нибудь значительные связи Бадмаева с руководящими кругами относятся к царствованию Императора Александра III.

Личность и характер деятельности кн. Андронникова на следствии с поразительной яркостью были освещены огромным количеством разных документов, отобранных мною при обыске в его квартире, отнявшем у меня целых два дня в марте 1917 года. Из квартиры Андронникова я привез в Зимний дворец в помещение Комиссии на двух автомобилях колоссальный архив. При этом надо отдать полную справедливость князю Андронникову в том, что канцелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все делопроизводство его разбиралось по папкам на определенные министерства, которые в свою очередь распались на департаменты.

Дела оказались вложенными в обложки с соответствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидетельствовали о тщательном наблюдении со стороны князя Андронникова за их движением. При изучении их выяснилось, что князь Андронников за определенную мзду не гнушался никакими ходатайствами и представительствами. Так одновременно князь Андронников ходатайствовал о выдаче пенсии какой-либо вдове чиновника, не выслужившего срок на эту пенсию, как равно проводил через министерства финансов и земледелия весьма сложный проект акционерной компании, в которой, судя по договору, он лично играл одну из видных ролей: об орошении Мургабской степи, насколько помню.

Система, принятая князем Андронниковым, занимавшим скромный пост чиновника особых поручений Святейшего Синода, для проведения своих ходатайств, была очень проста. Согласно его признанию, получая сведения о назначении совершенно ему неизвестного лица на должность хотя бы директора департамента в каком-нибудь министерстве, он посылал этому лицу поздравительное письмо, трафаретно его начиная: «Наконец-то воссияло солнце над Россией, и высокий ответственный пост отныне вверен Вашему Превосходительству», после чего следовал ряд самых лестных эпитетов, украшающих это лицо талантами, добродетелями и прочее, а иногда к такому письму прилагался князем Андронниковым и образ в виде его благословения.

Естественно, что получение такого письма обязывало данное должностное лицо, из чувства деликатности и благодарности, ответом, а результатом этою являлся личный визит князя к означенному сановнику в его служебный кабинет в Департамент, чем и завязывалось знакомство. Такие посещения князем административных лиц сравнительно высокого ранга создавали у чиновников, служивших в канцелярии последнего, представление о добрых отношениях князя к их начальникам, отсюда вытекало и более внимательное отношение к бумагам, поступившим в Департамент через посредство князя. Князь Андронников, при стремлении своем увеличить представление об авторитетности своего влияния при Дворе, не гнушался никакими средствами, вплоть до дружбы с гоф-курьерами, которые, развозя Высочайшие приказы о пожалованиях, неукоснительно заезжали к другу-князю, а последний, не стесняясь в угощении их вином и яствами, тем временем осторожно вскрывал пакеты и, узнав таким образом содержание рескрипта о неожиданном высоком пожаловании, задерживая загулявшего гоф-курьера у себя в столовой, спешил по телефону поздравить с высоким отличием не ожидавшего или ожидавшею его сановника, давая ему понять, что ему известно об этом непосредственно из «Высочайшего» источника, и тем, конечно, создавал у сановника, когда к нему действительно приезжал через полчаса курьер с наградю, представление об исключительных связях князя при Дворе.

Угождая петроградским сановникам, князь Андронников, конечно, лез из кожи, чтобы угождать Распутину. Так, известно из показаний прислуги Андронникова, что он предоставлял свою квартиру для секретных свиданий Распутина с Хвостовым и Белецким, а также и с епископом Варнавою.

В то же время князь Андронников, желая попасть в тон царившему при Дворе религиозному настроению и создать этим же слух о своей религиозности, в своей спальне за особой ширмой устроил подобие часовни, поставил большое распятие, аналой, столик с чашей для освящения воды, кропило, ряд икон, подсвечников, полное священническое облачение, терновый венец, хранившийся в ящике аналая, и прочее. Достоинно примечания, как это мною лично установлено при осмотре его квартиры и при допросе его прислуги, что князь Андронников в той же самой спальне, по другую сторону ширмы, на своей двуспальной постели предавался самому гнусному... с молодыми людьми, дарившими его ласками за обещание составить протекцию. Последнее обстоятельство нашло себе подтверждение в ряде отобранных мною при обыске

у князя Андронникова писем от таких оболыщенных им молодых людей, которые жаловались в этих письмах на то, что он их обманул в своих обещаниях.

При допросе князь Андронников старался о многом умолчать или извратить фактическую сторону данных обстоятельств, но, будучи уличен мною на основании письменных документов в заведомо ложном освещении событий, заявил мне: «Вы моя совесть» и дал мне клятвенное обещание в дальнейшем не лгать. Однако через несколько минут допроса он был мною вновь изобличен в том же искажении истины; тогда князь обратился ко мне с просьбой сообщить ему мое имя; я исполнил его просьбу и при следующем его допросе князь мне заявил, что спрашивал мое имя для того, «чтобы записать в воспоминаньице и молиться, как за святого человека».

Из допроса лиц, близко стоявших ко Двору, как, например, Танеевых, Воейкова и других, я выяснил, что князь Андронников не только не пользовался каким-либо авторитетом при Дворе в Царской Семье, но отношение Ее к нему было критически-ироническое.

Доктор тибетской медицины Бадмаев водил знакомство с Распутиным, но их личные отношения не выходили из рамок отдельных услуг со стороны Распутина по проведению очень немногочисленных ходатайств. Бадмаев, будучи бурятом, составил несколько брошюр о своем крае и по этому поводу имел несколько аудиенций у Государя, но эти аудиенции не выходили из ряда обычных и отнюдь не носили интимного характера.

Хотя Бадмаев и был врачом министра внутренних дел Протопопова, однако Царская Семья относилась критически к способам его врачевания; Григорий Распутин тоже не был поклонником тибетских медицинских средств Бадмаева, а допросом дворцовой прислуги Царской Семьи было несомненно установлено, что Бадмаев в покоях Царских Детей в качестве врача никогда не являлся.

Дворцовый комендант Воейков допрашивался мною, несколько раз в Центральной крепости, где он был заключен. Особым авторитетом и влиянием при Дворе, — судя по переписке, найденной у него при обыске, и главным образом во письмам его жены, дочери министра двора графа Фредерикса, относящимся к 1914—1915—1916 годам, он не пользовался, но был ценим, как преданный человек, по крайней мере Царская Семья его считала таковым, хотя лично я из целого ряда бесед с ним такого впечатления не вынес. Отношение Воейкова к Распутину, насколько это отношение вылилось в письмах первого к жене, было отрицательным. В некоторых из этих писем

Воейков называл его злым гением Императорского дома и России, находя, что он дискредитирует Трон и дает богатую пищу для всякого рода самых невероятных слухов, толков и разговоров, которые могут быть всегда использованы антиправительственными группами. Вместе с тем, считаясь с несомненным влиянием Распутина на Царскую Семью, Воейков не находил в себе достаточно гражданского мужества отказывать Распутину в удовлетворении отдельных частных просьб о назначениях, повышениях, выдаче пособий и т. д., как это видно из пометок Воейкова на вышеупомянутых мною письмах к нему Распутина, найденных при следствии. Вообще Воейков произвел на меня впечатление карьериста, дорожившего своим постом и неспособного ценить то внимание и искреннее расположение, которое к нему питали как Государь, так и Императрица. В письмах жены к нему от 1915 года Воейкова умоляла его оставить службу, ввиду нараставшего революционного движения, причем она предостерегала мужа, что при крушении государственного аппарата его постигнет ужасная участь. Эти письма Воейковой все проникнуты болезненной ненавистью к Распутину, как к несомненному виновнику грядущих, по ее словам, кошмарных событий. Вполне разделяя взгляды жены на этот счет, Воейков тем не менее оставался на своем посту, чтобы разоблачить Распутина и выяснить его настоящую физиономию перед Царской Семьей.

Много наслышавшись об исключительном влиянии Вырубовой при Дворе и об отношениях ее с Распутиным, сведения о которых помещались в нашей прессе и циркулировали в обществе, я шел на допрос к Вырубовой в Петропавловскую крепость, откровенно говоря, настроенный к ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и в канцелярии Петропавловской крепости, вплоть до момента появления Вырубовой под конвоем двух солдат. Когда же вошла г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выражение ее глаз: выражение это было полно неземной кротости. Это первое благоприятное впечатление в дальнейших беседах моих с нею вполне подтвердилось. После первой же недолгой беседы я убедился в том, что она, в силу своих индивидуальных качеств, не могла иметь абсолютно никакого влияния, и не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику государства, с одной стороны, вследствие чисто женского отношения ко всем тем политическим событиям, о которых мне приходилось с ней беседовать, а с другой — вследствие чрезмерной ее словоохотливости и полной неспособности удерживать в секрете даже такие эпизоды, которые вне достаточного анализа, при поверхностной их

оценке, могли бы набрасывать тень на нее самое. В дальнейших беседах я убедился, что просьба, обращенная к г-же Вырубовой, удержать что-либо в секрете, была равносильна просьбе об этом секрете объявить всенародно, так как она, узнав что-либо такое, чему она придавала значение, тотчас же рассказывала об этом не только своим близким, но даже малознакомым людям.

Достаточно ознакомившись за время этих бесед с интеллектуальными особенностями г-жи Вырубовой, я невольно остановился на двух основных вопросах: 1) о причинах нравственного ее сближения с Распутиным и 2) о причинах сближения ее с Царской Семьей.

При разрешении первого вопроса я натолкнулся случайно в разговоре с ее родителями, гг. Танеевыми (статс-секретарь Александр Сергеевич Танеев, управляющий Собственной Его Величества Канцелярией, женатый на графине Толстой), — на один эпизод из жизни их дочери, который, по моему мнению, сыграл роковую роль в подчинении ее воли влиянию Распутина. Оказалось, что г-жа Вырубова, будучи еще 16-летним подростком, заболела брюшным тифом, в тяжелой форме. Болезнь эта вскоре осложнилась местным воспалением брюшины, и врачами положение ее было признано почти безнадежным. Тогда гг. Танеевы, большие почитатели гремевшего на всю Россию протоиерея отца Иоанна Кронштадтского, пригласили его отслужить молебен у постели болящей дочери. После этого молебна в состоянии больной наступил благоприятный кризис и она стала быстро поправляться.

Этот эпизод произвел, несомненно, огромное впечатление на психику религиозной девушки-подростка, и с этой минуты ее религиозное чувство получило преобладающее значение при решении всех вопросов, которые возникали у нее по различным поводам.

Г-жа Вырубова познакомилась с Распутиным во дворце Великой Княгини Милицы Николаевны, причем знакомство это не носило случайного характера, а Великая Княгиня Милица Николаевна подготовляла к нему г-жу Вырубову путем бесед с ней на религиозные темы, снабжая ее в то же время соответствующей французской оккультистической литературой: затем однажды Великая Княгиня пригласила к себе Вырубову, предупредив, что в ее доме она встретится с великим молитвенником земли русской, одаренным способностью врачевания.

Эта первая встреча г-жи Вырубовой, тогда еще девицы Танеевой, произвела на нее большое впечатление, в особенности в силу того, что она намеревалась тогда вступить в брак с лейтенантом Вырубовым. При этой первой встре-

че Распутин много говорил на религиозные темы, а затем на вопрос своей собеседницы, благословляет ли он ее намерение вступить в брак, ответил иносказательно, заметив, что жизненный путь усеян не розами, а терниями, что он очень тяжел и что в испытаниях и при ударах судьбы человек совершенствуется.

Вскоре последовавший брак этот был совершенно неудачным; по словам г-жи Танеевой, муж ее дочери оказался полным импотентом, но при том с крайне извращенной половой психикой, выражавшейся в различных проявлениях садизма, чем он причинял своей жене неопишуемые нравственные страдания и вызывал к себе чувство полного отвращения. Однако г-жа Вырубова, памятуя слова Евангелия «Еже Бог сочел, человек да не разлучает», долгое время скрывала свои нравственные переживания от всех, и только после одного случая, когда она была на волос от смерти на почве садистских половых извращений своего супруга, она решила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатом такого признания г-жи Вырубовой было расторжение брака в установленной законной форме. При дальнейшем производстве следствия эти объяснения г-жи Танеевой о болезни супруга ее дочери нашли свое полное подтверждение в данных медицинского освидетельствования г-жи Вырубовой, произведенного в мае 1917 года по распоряжению Чрезвычайной следственной комиссии: данные эти установили с полной несомненностью, что г-жа Вырубова девственница.

Вследствие неудачно сложившейся семейной жизни, религиозное чувство А. А. Вырубовой развивалось все сильнее и, можно сказать, стало принимать характер религиозной мании, при этом предсказания Распутина о терниях жизненного пути явилось для Вырубовой истинным пророчеством. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до последних дней своей жизни рисовался ей в виде святого человека, бессребреника и чудотворца.

При разрешении второго из поставленных мною выше вопросов, уяснив себе нравственный облик Вырубовой, а также детально изучив во время следствия жизнь Царской Семьи и нравственный облик Императрицы Александры Федоровны, я невольно остановился на признанном психологией положении, что противоположности часто сходятся и, дополняя друг друга, придают друг другу устойчивое равновесие. Неглубокий ум Вырубовой и часто философский склад мышления Императрицы были двумя противоположностями, друг друга дополнявшими; разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать

нравственного удовлетворения в удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановке Императорской Семьи. Общительная и бесхитростная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку, которой не хватало в тесно замкнутой Царской Семье со стороны царедворцев, ее окружавших. А общее у этих столь различных женщин нашлось тоже, — это любовь к музыке. Императрица обладала приятным сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто, и они часто в минуты отдохновения пели дуэты.

Вот те условия, которые у непосвященных в тайны близких отношений между Императрицей и Вырубовой должны были породить слухи о каком-то исключительном влиянии Вырубовой на Царскую Семью. Но, как раньше сказано, влиянием при Дворе Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла; слишком большой был перевес умственных и волевых данных Императрицы над умственно ограниченной, но беззаветно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танеевой, а затем сделавшейся домашним человеком в Царской Семье г-жой Вырубовой. Отношения Императрицы к Вырубовой можно определить отношением матери к дочери, но не больше того. Дальнейшим связывающим звеном этих двух женщин было одинаково сильно развитое, как у одной, так и у другой, религиозное чувство, которое привело их к трагическому поклонению личности Распутина.

Мои предположения о нравственных качествах г-жи Вырубовой, вынесенные из продолжительных бесед с нею в Петропавловской крепости, в арестном помещении, и наконец в Зимнем дворце, куда она являлась по моим вызовам, вполне подтверждались проявлением ею чисто христианского всепрощения в отношении тех, от кого ей много пришлось пережить в стенах Петропавловской крепости. И здесь необходимо отметить, что об этих издевательствах над г-жой Вырубовой со стороны крепостной стражи я узнал не от нее, а от г-жи Танеевой; только лишь после этого г-жа Вырубова подтвердила все сказанное матерью, с удивительным спокойствием и незлобностью заявив: «они не виноваты, не ведают бо, что творят». По правде сказать, эти печальные эпизоды издевательства над личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшиеся в форме плеванья в лицо, снятия с нее одежды и белья, сопровождаемого битьем по лицу и по другим частям тела больной, еле двигавшейся на костылях женщины, и угроз лишить жизни «наложницу Государя и Григория», побудили Следственную комиссию перевести г-жу Вырубову в арестное помещение при бывшем губернском жандармском управлении.

В смысле освещения интересовавших меня событий, г-жа Вырубова являлась полной противоположностью князя Андронникова: все ее объяснения на допросах в дальнейшем, при проверке на основании подлежащих документов, всегда находили себе полное подтверждение и дышали правдой и искренностью; единственным недостатком показаний г-жи Вырубовой являлось чрезвычайное многословие, можно сказать, болтливость и поразительная способность перескакивать с одной мысли на другую, не отдавая себе в том отчета, то есть опять-таки качества, которые не могли создать из нее политическую фигуру. Г-жа Вырубова всегда просила за всех, потому к ее просьбам при Дворе и было соответствующее осторожное отношение, как бы учитывались ее простодушие и простота.

Нравственный облик Императрицы Александры Федоровны достаточно ярко выяснился для меня из переписки ее с А. А. Вырубовой и с Государем. Эта переписка, веденная на французском и на английском языке, была вся проникнута горячим чувством любви к мужу и детям. Воспитанием и образованием своих детей Императрица заведовала Сама лично, почти по всем предметам, кроме узкоспециальных. В помянутой переписке Императрицы неоднократно указывалось на то, что детей не надо баловать игрушками и пробуждать у них страсть к роскоши. Вместе с тем переписка носила печать глубокой религиозности. Государыня в письмах к мужу часто описывает свои переживания во время прослушанных Ею богослужений и часто говорит о чувстве полного удовлетворения и нравственного покоя, который Она испытывала после горячей молитвы.

Вообще надо заметить, что во всей этой обширной переписке почти нет никаких указаний или рассуждений на политическую тему: переписка эта носила чисто интимный, семейный характер. Те места переписки, в которых говорится о Распутине, именуемом в ней старцем, достаточно освещают отношения Императрицы к этому человеку, как к проповеднику Слова Божия, к прорицателю и искреннейшему печальнику за Царскую Семью.

Во всей этой переписке на протяжении почти десяти лет мне не попадалось ни одного письма на немецком языке, а допросом приближенных ко Двору лиц я установил, что немецкий язык еще задолго до последней войны при Дворе не применялся. В связи с упорными слухами об исключительной симпатии Императрицы к немцам и о существовании в Царских покоях прямого провода в Берлин, мною были произведены осмотры помещений Императорской Фамилии, причем никаких указаний на сношение Императорского Дома с немецким во время войны

установлено не было. При проверке же мною слухов об исключительно благожелательном отношении Императрицы к раненым военнопленным немцам выяснилось, что отношение Ее к раненым немцам было таким же одинаково теплым, как и к раненым русским воинам, причем такое свое отношение к раненым Императрица объясняла выполнением лишь Завета Спасителя, говорившего, что кто посетит больного, тот посетит Его Самого.

В силу обстоятельств, в том числе и постоянного болезненного состояния Императрицы, вследствие ее болезни сердца, Царская Семья вела удивительно замкнутый образ жизни, что, естественно, способствовало самоуглублению и развитию религиозного чувства, принявшего у Государыни совершенно исключительный, преобладающий характер. На почве этой религиозности Александра Федоровна вводила монастырский устав богослужения в некоторых придворных церквях, и с особым наслаждением, несмотря на болезненное состояние, выстаивала до конца длившиеся долгими часами службы. Это исключительное религиозное настроение Императрицы Александры Федоровны и послужило единственной причиной преклонения Ее перед личностью Григория Распутина, который, несомненно, как уже было объяснено, обладал способностью внушения, благотворно действовал в некоторых случаях на состояние здоровья тяжело больного Наследника. При этом, вследствие своей религиозной настроенности, Императрица не могла объективно оценивать источник несомненно поразительного влияния Распутина на состояние здоровья Наследника и искала этот источник не в гипнотической силе, а в тех высших Небесных Силах, которыми был наделен, по Ее глубокому убеждению, за свою святую жизнь, Распутин. Года за полтора до переворота 1917 года известный бывший монах Илиодор Труфанов, о котором было уже выше упомянуто, прислал в Петроград из Христиании свою жену с поручением предложить Царской Семье купить у него в рукописи написанную им книгу, выпущенную впоследствии под названием «Святой черт», где он описывает отношение Распутина к Царской Семье, набрасывая на эти отношения тени скабрёзности. Этим вопросом заинтересовался Департамент полиции, и на свой риск и страх вступил в переговоры с женою Илиодора о приобретении этой книги, за которую Илиодор просил, насколько помню, 60 000 рублей. В конце концов дело это было представлено на усмотрение Императрицы Александры Федоровны, которая с негодованием отвергла гнусное предложение Илиодора, заявив, что «белое не сделаешь черным, а чистого человека не очернишь».

Считаю нужным обратить внимание, заканчивая этот очерк, что в деле выдвижения Распутина ко Двору принимали в свое время особо горячее участие Великие Княгини Анастасия и Милица Николаевны, духовник Их Величеств епископ Феофан и епископ Гермоген. Поэтому отношение Императрицы Александры Федоровны к Распутину было с первых же шагов доверчиво благожелательным и с течением времени оно только усиливалось, вследствие причин, уже нами указанных.

Подлинная подпись:

Бывший командированный в Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений Министров, Главноуправляющих и других должностных лиц, с правом производства следственных действий, Товарищ Прокурора Екатеринославского Окружного Суда

Владимир Михайлович РУДНЕВ

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ

А. Блок

«Последние дни старого режима»

Журнал «Былое» № 15 (1919 г.)

Печ. по отд. изд.: «Последние дни
императорской власти.

По неизданным документам составил
Александр Блок». Петроград, 1921 г.

8 мая 1917 г. поэт А. Блок был назначен литературным редактором стенографического отчета, который готовила Учредительному собранию Чрезвычайная следственная комиссия, созданная Временным правительством для расследования деятельности бывших царских министров и сановников. А. Блок использовал документы комиссии и материалы проведенных ею допросов.

Болезнь государственного тела России. — Царь, императрица, Вырубова, Распутин. — Великие князья. — Двор. — Кружки: Бадмаев, Андронников и Манасевич-Мануйлов. — Правые. — Правительство, Совет министров, Штюмер, Трепов и Голицын. — Отношение правительства к Думе. — Гр. Игнатьев и Покровский. — Беляев. — Н. Маклаков и Белецкий. — Протопопов.

На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции. Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом; ни у кого не могло быть сомнения в необходимости операции; спорили только о том, какую степень потрясения, по необходимости сопряженного с нею, может вынести расслабленное тело. По мнению одних, государство должно было и во время операции продолжать исполнять то дело, которое главным образом и ускорило рост болезни: именно, вести внешнюю войну; по мнению других, от этого дела оно могло отказаться.

Как бы то ни было, операция, первый период которой прошел сравнительно безболезненно, совершилась. Она застигла врасплох представителей обоих мнений и протекала в формах, неожиданных для представителей разных слоев русского общества.

Главный толчок к развитию болезни дала война; она уже третий год расшатывала государственный организм, обнаруживая всю его ветхость и лишая его последних творческих сил. Осенний призыв 1916 года захватил тринадцатый миллион землепашцев, ремесленников и всех прочих техников своего дела; непосредственным следствием этого был паралич главных артерий, питающих страну; для борьбы с наступившим кризисом неразрывно связанных между собою продовольствия и транспорта требовались исключительные люди и исключительные способности; между тем власть, раздираемая различными влияниями и лишенная воли, сама пришла к бездействию; в ней, по словам одного из ее представителей, не было

уже ни одного «боевого атома», и весь «дух борьбы» выразался лишь в том, чтобы «ставить заслоны».

Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин». Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь в руки тех, кого сам поставил у власти. Распутин говорил, что у него «внутри недостает». Имея склонность к общественности, Николай II боялся ее, тая давнюю обиду на Думу. Став верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть, бывшая и без того «в плену у биржевых акул», расплылась окончательно в руках Александры Федоровны и тех, кто стоял за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, в сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердым характером, была всецело под влиянием Распутина, который звал ее Екатериной II, и того «большого мистического настроения» особого рода, которое, по словам Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отделило ее от внешнего мира. Самолюбивая женщина, «относившаяся к России, как к провинции мало культурной» и совмещавшая с этим обожание Распутина, ставившего ее на поклоны; женщина, воспитанная в английском духе и молившаяся вместе с тем в «тайничках» Феодоровского собора, — действительно управляла Россией. «Едва ли можно сохранить самодержавие, — писал около Нового года придворный историограф, генерал Дубенский, — слишком проявилась глубокая рознь русских интересов с интересами Александры Федоровны».

В «мистический круг» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонограф его слов и внушений» (слова Протопопова). Ей, по ее словам, «вся России присылала всякие записки», которые она механически передавала по назначению.

«Связью власти с миром» и «ценителем людей» был Григорий Распутин; для одних — «мерзавец», у которого была «контора для обдελывания дел»; для других — «великий комедьянт»; для третьих — «удобная педаль немецкого шпионажа»; для четвертых — упрямый, неискренний, скрытый человек, который не забывал обид и мстил жестоко и который некогда учился у магнетизера. О вреде Распутина напрасно говорили царю такие разнобразные люди, как Родзянко, генерал Иванов, Кауф-

ман-Туркестанский, Нилов, Орлов, Дрентельн, великие князья, Фредерикс. Мнения представителей власти, знавших этого безграмотного «старца», которого Вырубова назвала «неаппетитным», при всем их разнообразии, сходится в одном: все они нелестны; вместе с тем, однако, известно, что все они, больше или меньше, зависели от него; область влияния этого человека, каков бы он ни был, была громадна; жизнь его протекала в исключительной атмосфере истерического поклонения и непреходящей ненависти: на него молились, его искали уничтожить; недюжинность распутного мужика, убитого в спину на юсуповской «вечеринке с граммофоном», сказала, пожалуй, более всего в том, что пуля, его прикончившая, попала в самое сердце царствующей династии.

Затворники Царского Села и «маленького домика» Вырубовой, окрестившие друг друга и тех, кто приходил с ними в соприкосновение, такими же законспирированными кличками, какие были в употреблении в самых низах — в департаменте полиции, — были отделены от мира пропастью, которая, по воле Распутина, то суживалась, открывая доступ избранным влияниям, то расширялась, становясь совершенно непроходимой даже для родственников царя, отодвинутых тем же Распутиным на второй план; часть их перешла в оппозицию. «Теперь все Владимировичи и все Михайловичи в полном протесте против императрицы», — записывал в дневнике генерал Дубенский; они обращались к царю с письмами и записками; так, Георгий Михайлович в ноябре писал царю о ненависти к Штюрмеру самых умеренных кругов в армии и об ответственном министерстве, как единственной мере для спасения России. Письмо Николая Михайловича уже было опубликовано. Обширное письмо великого князя Александра Михайловича к царю от 25 декабря 1916 — 4 февраля 1917 годов приводится в приложении (первом), в конце книги.

Милюков был в среде этих оппозиционно настроенных великих князей после убийства Распутина, в котором один из них был замешан, что особенно отшатнуло от них царя, написавшего в ответ на просьбу «смягчить участь» Дмитрия Павловича известную фразу: «Никому не дано право заниматься убийством». Настроение в этой среде было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но к возможности безболезненного исхода из положения относились безнадежно.

Гораздо ближе к царской семье стоял круг придворных. В этом кругу, где «атмосфера, — по выражению Воейкова, — была манекен», кипела борьба мелких самолюбий и интриг. Десятка два людей, у каждого из

которых были свои обязанности («я в шахматы играю, я двери открываю»), трепетали над тем, кто из них займет место министра двора после смерти старого, временами вовсе выживающего из ума, «дорогого графа» Фредерикса, к которому царь питал большую привязанность. Некоторые из этих людей, весьма занятых биржевыми делами и получивших от правительственных низов не очень лестный эпитет «придворной рвани», были, по-своему, «конституционно» настроены; большинство питало яркую ненависть к Распутину. Среди них выделялись — ближе всех стоявший к царской семье зять Фредерикса, Воейков, ловкий коммерсант и владелец Куваки, — и Нилов, старый «морской волк», пьяница, которого любили за грубость; этот последний всех откровеннее говорил с царем о Распутине; получив отпор, как все остальные, он смирился и твердил одно: «Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре, все равно».

Эта среда, как и среда правительственная, была аренной, на которой открывался широкий простор влияниям больших и малых кружков; отсюда летели записки, диктовались назначения, шла вся «большая политика»; наиболее видными кружками были кружки Бадмаева, князя Андронникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаев — умный и хитрый азиат, у которого в голове был политический хаос, а на языке шуточки, и который занимался, кроме тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами, — дружил с Распутиным и с Курловым, некогда сыгравшим роль в убийстве Столыпина; при помощи бадмаевского кружка получил пост министра внутренних дел Протопопов.

Князь Андронников, вертевшийся в придворных и правительственных кругах, подносявший иконы министрам, цветы и конфеты их женам, и знакомый с царскосельским камердинером, характеризует сам себя так: «человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы».

Манасевич-Мануйлов, ловкий и умный журналист, был сотрудником «Нового времени», газеты, много лет вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партия правых, сильно измельчавшая, также разбилась на кружки, которые действовали путем записок и личных влияний. Их оппозиции правительству принимала угрожающие размеры при попытках сократить субсидии, которыми они пользовались всегда, но размеры которых не были баснословны. Среди правых были, по-видимому, и люди, действительно бескорыстно преданные идее самодержавия. Для этих «последних могикан», по выражению Н. Маклакова, было, однако, ясно, что они «стояли у мо-

гилы того, во что веровали»; в записке, составленной в кружке Римского-Корсакова и переданной царю князем Голицыным в ноябре, и в записке Говорухи-Отрока с поправкой Маклакова, переданной царю в январе (читатель найдет обе в конце книги — приложения II и III), правые тщетно пытались убедить его взять более твердый курс, особенно по отношению к Думе, и оставить подражание «походке пьяного — от стены к стене». Не остановили крушения — ни выходка Маркова, ни письмо Маклакова (см. приложение IV), ни попытка усиления правого крыла Государственного совета при содействии политически беспринципного Щегловитова, ни последние назначения, вроде назначения князя Голицына.

Если все описанные круги были проникнуты своеобразным мирозерцанием, которое хоть по временам давало возможность взглянуть в лицо жизни, — то круги бюрократические, непосредственно к ним примыкающие и перед ними ответственные, давно были лишены какого бы то ни было мирозерцания. Все учащуюся смену лиц в этих кругах Пуришкевич назвал «министерской чехардой»; но лица эти не обновляли и не поддерживали власть, а только ускорили ее падение. Правительство, которое давно не имело представления не только о народе, но и о «земской России и Думе», возглавлялось «недружным, друг другу не доверяющим» Советом министров; это учреждение перестало жить со времен П. А. Столыпина, последнего крупного деятеля самодержавия; с тех пор оно постепенно превращалось, а при Штюрмере фактически превратилось, в старый Комитет министров, стоящий вне политики и занимающийся «деловым» регулированием общеимперской службы, которая, по словам людей живых и сколько-нибудь связанных со страной, давно стала «каторгой духа и мозга». «Совет министров, — говорит Протопопов, — остался позади жизни и стал как бы тормозом народному импульсу».

В сущности, уже замена на посту председателя Совета министров опытного, но окончательно одряхлевшего бюрократа Горемыкина Штюрмером, в котором царь, как оказалось впоследствии, видел «земского деятеля», заставила многих призадуматься. Штюрмер имел весьма величавый и хладнокровный вид и сам аттестовал свои руки, как «крепкие руки в бархатных перчатках». На деле он был только «футляром», в котором скрывался хитрый обыватель, делавший все «под шумок», с «канцелярскими уловками»; это была игрушка в руках Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочке», как выразился о нем однажды Распутин, которому случалось и прикрикнуть на беспамятного, одержимого старческим

склерозом и торопившегося, как бы только сбыть с рук дело, премьера.

Ославленному Милюковым в Думе Штюрмеру пришлось уступить место Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача — взять твердый курс в ту минуту, когда буря началась (в ноябре 1916 года); при Трепове считалось «хорошим тоном» избегать применения 87-й статьи; но все уловки только подливали масла в огонь, и недостаточно сильный, ничего не успевший изменить за 48 дней своего премьерства, Трепов пал, побежденный Протопоповым, которому удалось уловить его на предложении отступного Распутину (чтобы последний не мешался в государственные дела).

Последним премьером был князь Н. Д. Голицын, самые обстоятельства назначения которого показывают, до какой растерянности дошла власть. Стоявший вдали от дел и заведовавший с 1915 года только «Комитетом помощи русским военнопленным», Голицын был вызван в Царское Село, будто бы императрицей. Его встретил царь, который поговорил о том, кого бы назначить премьером («Рухлов не знает французского языка, а на днях собирается конференция союзников»), и, наконец, сказал: «Я с вами хитрю, вызвал вас я, а не императрица, мой выбор пал на вас». Голицын, «мечтавший только об отдыхе», напрасно просился в отставку. Едва ли старый аристократ, брезгливо называвший народ «чернью» и нетвердо знакомый с делопроизводством Совета министров, мог справиться с претившими ему ставленниками Распутина — Протопоповым и Добровольским; Протопопова не могли осилить и более сильные, у него была особая звезда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той «большой политики», которую делал Совет министров и которая сводилась к изысканию средств отдалить неминуемый созыв Государственной думы, заседание Совета министров 3 января. Его деловая сторона изложена в следующей «памятной записке», составленной И. Лодыженским:

«Совет Министров, в заседании 3 января 1917 года, обсуждал вопрос о времени предстоящего возобновления занятий законодательных учреждений, причем в среде Совета были заявлены различные мнения.

Пять членов (Покровский, Шуваев, Николаенко, Феодосьев и Ланговой) высказались, что в соответствии с Высочайшим Указом от 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соответствующими мероприятиями.

Председатель и 8 членов (Григорович, Риттих, Добровольский, Протопопов, Разумовский, Войновский-Кригер, Раев и Кульчицкий) находили, что при настоящем настроении думского большинства открытие Думы и появление в ней Правительства неизбежно вызовет нежелательные и недопустимые выступления, следствием коих должен бы явиться роспуск Думы и назначение новых выборов. Во избежание подобной крайней меры, Председатель и согласные с ним Члены Совета считали предпочтительным на некоторое время отсрочить созыв Думы, назначив срок созыва на 31 января.

А. Д. Протопопов, к мнению которого присоединились Н. А. Добровольский, Н. К. Кульчицкий и Н. И. Раев, предлагали продолжить срок настоящего перерыва занятий Думы до 14 февраля».

Эту формальную и сухую запись дополняет живая характеристика заседания, сделанная одним из его участников — Н. Н. Покровским. Из его рассказа мы знаем, что Протопопов развивал здесь свою «необыкновенную теорию политических течений в России», которую он повторил и в заседании 25 февраля. Теория, по словам Н. Н. Покровского, заключалась в том, что революционное течение (анархизм и социализм) постепенно втекает в оппозиционное (общественные элементы с Государственной думой во главе); таким образом, оппозиционное течение совпадает с революционным и стремится захватить власть, вследствие чего следует бороться с оппозицией всеми средствами, вплоть до роспуска Думы. Далее, Протопопов, по словам Покровского, предлагал «графическую схему» и «нес околесную», так что несколько лиц переглянулись и спросили друг друга: «Вы что-нибудь поняли?» Характерно, однако, что мнение Протопопова и было принято; правда, он пошел на известную уступку.

Среди членов правительства было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена; все они неслись в неудержимом водовороте к неминуемой катастрофе. Среди них были и люди высокой честности, как, например, министр народного просвещения граф Игнатъев, много раз просившийся в отставку и смененный Кульчицким лишь за два месяца до переворота, или министр иностранных дел Покровский, которому приходилось указывать на невозможность руководить внешней политикой при существующем курсе политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сделать для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Большую роль в февральские дни пришлось сыграть последнему военному министру генералу Беляеву, кото-

рого Родзянко считает человеком порядочным. А. А. Поливанов характеризует его, как своего бывшего ученика — старательного и добросовестного, но к творчеству неспособного и склонного к угодничеству.

Нельзя обойти молчанием двух лиц, которые приняли участие в разворачивающихся событиях и готовились стать у власти. Один из них — бывший министр внутренних дел, любимец царя, Н. Маклаков, которого царский курьер не застал на Рождестве в Петербурге; по-видимому, он имел шансы сменить Протопопова; будучи человеком правых убеждений, Маклаков сознавал «вне суматохи и бесконечного верчения административного колеса», что дело правых, которых «били, не давали встать, и опять били», безвозвратно проиграно.

Другим претендентом на власть, который должен был накануне переворота стать заместителем генерала Батюшина, был С. Белецкий, выдающийся в свое время директор департамента полиции, едва не ставший обер-прокурором синода; это был человек практики, услужливый и искательный, который умел «всюду втереться».

Последнему министру внутренних дел Протопопову суждено было занять исключительное место в правительственной среде. Роль его настолько велика, что на его характеристике следует остановиться подробнее.

А. Д. Протопопов, помещик и промышленник из симбирских дворян и член Государственной думы от партии 17 октября, был выбран товарищем председателя четвертой Государственной думы. О нем заговорили тогда, когда весной 1916 года он отправился за границу, в качестве члена парламентской делегации, и на обратном пути, в Стокгольме, имел беседу с советником германского посольства Варбургом. Подробности этой беседы, имевшей целью нащупать почву для заключения мира, передавались различно не только лицами, осведомленными о ней, но и самим Протопоповым.

В то время у Протопопова были уже широкие планы. Он лелеял мысль о большой газете, которая объединила бы промышленные круги и в которой сотрудничали бы «лучшие писатели — Милюков, Горький и Меньшиков». Газета воплотилась впоследствии в «Русскую волю». Тогда же в голову его вступила «дурная и несчастная мысль насчет министерства», ибо «честолюбие его бегало и прыгало»; первоначально он думал лишь о министерстве торговли.

Действуя одновременно в разных направлениях и не порывая отношений с думской средой, Протопопов сумел проникнуть к царю и заинтересовать его своей стокгольм-

ской беседой, а также — приблизиться к Бадмаеву, с которым свела его болезнь, и к его кружку, где он узнал Распутина и Вырубову.

16 сентября 1916 года Протопопов, неожиданно для всех и несколько неожиданно для самого себя, был, при помощи Распутина, назначен управляющим министерством внутренних дел. Ему сразу же довелось проникнуть в самый «мистический круг» царской семьи, оставив за собой как Думу и прогрессивный блок, из которых он вышел, так и чуждые ему бюрократические круги, для которых он был неприятен, и придворную среду, которая видела и нем выскочку и, со свойственной ей порою вульгарностью языка, окрестила его «балаболкой».

Почувствовав «откровенную преданность» и искреннее обожание к «Хозяину Земли Русской» и его семье, и получив кличку «Калинина» (данную Распутиным), Протопопов, с присущим ему легкомыслием и «манией величия», задался планами спасения России, которая все чаще представлялась ему «царской вотчиной». Он замыслил передать продовольственное дело в министерство внутренних дел, произвести реформу земства и полиции и разрешить еврейский вопрос.

На деле оказалось прежде всего полное незнакомство с ведомством, сказавшееся, например, при посещении Москвы, описанном Челноковым. Протопопов стал управлять министерством, постоянно болея «дипломатическими болезнями», при помощи многочисленных и часто меняющихся товарищей; среди них были неофициальные, как Курлов, возбуждавший особую к себе и своему прошлому ненависть в общественных кругах. Протопопову, по его словам, «некогда было думать о деле»; он втягивался все более в то, что называлось в его времена «политикой»; будучи «редким гостем в Совете Министров», он был частым гостем Царского Села.

С первого шага Протопопов возбудил к себе нелюбовь и презрение общественных и правительственных кругов. Отношение Думы сказалось на совещании с членами прогрессивного блока, устроенном 19 октября у Родзянки (см. приложение V в конце книги); но Протопопов, желавший, «чтобы люди имели счастье», и полагавший, что «нельзя гений целого народа поставить в рамки чиновничьей указки», оказался, несмотря на жандармский мундир Плева, в котором он однажды щегольнул перед думской комиссией, неприемлемым и для бюрократии, увидавшей в нем мечтателя и общественного деятеля; недаром сам Распутин сказал однажды, что Протопопов — «из того же мешка» и что у него «честь тянется, как подвязка».

К этому присоединилось влияние личного характера Протопопова, который «стал в контры с собственной душой» и заставил многих сделать из него «притчу во языцах» и отнестись к нему юмористически. Характерно, например, его (ставшее известным лишь впоследствии) знакомство с гадалем Шарлем Перэном, едва ли не германским шпионом, о чем и предупреждал директор департамента полиции; Протопопов не хотел об этом знать, веруя в свой «рок»; он неудержимо интересовался тем, что говорил ему Перэн: что «его планета — Юпитер, которая проходит под Сатурном», и разные гороскопические вещи.

Полная неудача в замысленных реформах и травля со всех сторон озлобили Протопопова. В то время как Милюков, накануне убийства Распутина, назвал его в Думе «загадочной картинкой», Протопопов вступил уже на путь «революционно-правовой», по собственному выражению, политики, выразившейся в борьбе с Государственной думой, запрещении съездов, преследовании общественных организаций и печати, давлении на выборы и, наконец, многочисленных арестах, завершившихся январским арестом рабочей группы Военно-промышленного комитета. Этим, а также и тем, что на Протопопова временами «накатывало», что сближало его с духом Царского Села, объясняется его пребывание на посту до конца; после убийства Распутина 17 декабря положение Протопопова не только не пошатнулось, но упрочилось: 20 декабря он был из управляющих сделан министром внутренних дел, и с тех пор, несмотря на все окружавшие его враждебные толки и на многочисленные попытки весьма влиятельных лиц заставить его уйти, продолжал свое дело до последней минуты.

Личность и деятельность Протопопова сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти. Распутин накануне своей гибели как бы завещал свое дело Протопопову, и Протопопов исполнил завещание. В противоположность обыкновенным бюрократам, которым многолетний чиновничий опыт помогал сохранять видимость государственного смысла, Протопопов принес к самому подножию трона весь истерический клубок своих личных чувств и мыслей; как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий от стен, он внес развал в кучу порядливо расставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной игры.

В этом смысле Протопопов оказался действительно «роковым человеком».

«1. А. Д. ПРОТОПОПОВ»

Протопопов — фигура оригинальная, стоящая совершенно одиноко среди остальных представителей власти. Все они инстинктивно (скорее — по традиции бюрократической) знали, что власть требует самоотречения, и каждый из них более или менее грубо и неумело все-таки носил маску «объективности», ходил в броне долголетнего трудового, или — просто чиновничьего, опыта; эта броня многим из окружающих казалась прочной. Протопопов был среди них рагвенц, он даже не пытался забронироваться и скрыть свою личность. *Он принес к самому подножию трона всего себя, всю свою юркость, весь истерический клубок своих мыслей и чувств.* Недаром есть намеки на то, что он готовился заменить Распутина. На него тоже «накатывало». Этот зоркий в мелочах, близорукий в общем, талантливый, но неустроенный вольнолюбивый раб был действительно «роковым» человеком в том смысле, что судьба бросила его в последнюю минуту, как мячик, под ноги истуканам самодержавия и бюрократии. И этот беспорядочно отскакивающий мячик, ошеломив всех, обнаружил комическую кукольность окружающего, способствовал падению власти, очень ускорил его. Распутин швырнул Протопопова, как мяч, под ноги растерянным истуканам.

«2. А. А. ВЫРУБОВА»

В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама даже, перед собой, убеждена, что она сказала много правды, что она лгала только там, где нельзя узнать (Распутин нет на свете), или там, где это может быть нужно для ее любимого знакомого семейства. Как ужасно самое существование таких женщин: они столь же отвратительны, сколь очаровательны; но, переведя это на язык будущего, на честный язык демократии, опоясанной бурей, надо сказать: как же очаровательность может соединяться с отвратительностью?¹ Вырубова была только отвратительна.

¹ Рядом с этой фразой на полях рукописи помета Блока: «Когда я это писал, еще была революция». — *Рег.*

Генерал-майор Воейков убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что совсем не способен возвыситься до понимания того, о чем его спрашивают и что интересуется спрашивающих. Он может сообщить ряд анекдотов и фактов, интересных в бытовом отношении, но обобщить что бы то ни было не способен. Спортивный генерал.

При всем том допрос его представляет исключительный интерес. Сам того не понимая, он рассыпает перлы, которые через 100—150 лет (а может быть, и раньше) будут драгоценны для исследователя.

1917

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	
ДОПРОС А. Н. ХВОСТОВА	283
ДОПРОС А. Д. ПРОТОПОПОВА	293
ДОПРОС А. А. ВЫРУБОВОЙ	296
ДОПРОС КНЯЗЯ М. М. АНДРОННИКОВА	304
ДОПРОС И. Ф. МАНАСЕВИЧА-МАНУЙЛОВА	307
ВЫПИСКА из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным, за время с 1 января 1915 г. по 10 февраля 1916 г.	312
ХЛЫСТЫ	338
<i>Г. Е. РАСПУТИН</i> ЖИТИЕ ОПЫТНОГО СТРАННИКА	351
<i>Г. Е. РАСПУТИН</i> «МОИ МЫСЛИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ»	365
КОПИИ ТЕЛЕГРАММ И ПИСЕМ Г. Е. РАСПУТИНА ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ	383
СВОД ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ	396
ТАБЕЛЬ О РАНГАХ	412
СОВЕТ МИНИСТРОВ В РОССИИ (июль 1914 — февраль 1917 г.)	414
ДОМ РОМАНОВЫХ	416
ПРИДВОРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ 1915	424
ПРИДВОРНЫЙ ШТАТ И МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА	425
МАНИФЕСТ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II	432
КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН	433

МАТЕРИАЛЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ДОПРОС А. Н. ХВОСТОВА

Председатель. — Не расскажете ли вы в такой последовательности: при каких обстоятельствах вы были назначены министром внутренних дел? Это — сперва...

Хвостов. — Может быть, вы мне разрешите взять более глубоко? Вы изволили сказать, что я должен показать то, что мне известно было раньше в качестве члена Государственной Думы... Уже издавна, в качестве члена Государственной Думы, я обратил внимание на немецкое влияние, которое, мне казалось, имелось в правительстве. Я занялся...

Председатель. — Вы когда обратили на это внимание?

Хвостов. — Еще членом Государственной Думы, почти в самом начале прибытия моего в Петроград — в 1912 году... До этого для меня, как служившего в провинции, те или другие влияния на петроградские сферы должны были оставаться в стороне... Единственный раз, когда мне пришлось встретиться с Распутиным, — это было в Нижнем Новгороде, когда я был губернатором. Ко мне приехал Распутин, мне в то время мало известный, о котором я слышал в виде толков, доходивших до провинции. Он предложил мне место министра внутренних дел. Было это, насколько я помню, — за неделю или дней за десять до убийства Столыпина. Я был удивлен его появлением, не придавал ему такого значения, какое впоследствии обнаружилось... Я крайне удивился возможности ухода Столыпина, так как в провинции нам казалось, что Столыпин — сила непререкаемая, нам казалось невозможным, чтобы он колебался, шатался или уходил... Распутин объявил мне, что он должен поговорить со мной, так как он послан, как он сказал, — «посмотреть мою душу»...

Председатель. — Кем послан?

Хвостов. — Неопределенно: из Царского послан — посмотреть мою душу... Это казалось мне, в то время непосвященному, несколько смешным, и я с ним поговорил шутовским образом, а потом, через несколько времени, я послал полицмейстера свезти его на вокзал. Распутин уехал...

Председатель. — Вы говорите, вам показалось странным, что это происходило еще при жизни министра внутренних дел, — вы выразили сомнение по этому поводу?

Хвостов. — Я выразил сомнение. Он сказал, что Столыпин должен уйти. Но, по правде сказать, я с ним серьезно не говорил... Я считал, что он одно из духовных развлечений в Царском Селе, но не считал серьезным, чтобы он мог иметь значение при назначении министров... Я знал, что в это время ко мне относился в высшей степени благосклонно бывший император Николай II... В предпоследний раз, перед указанным приездом Распутина, я был принят государем сидя, что считалось высшим знаком благоволения. Разговор велся об общих предметах.

Председатель. — А когда в последний раз перед этим визитом Распутина вы были в Царском?

Хвостов. — Я с точностью не помню, но так месяца за полтора... Мне было известно от близких лиц, от иностранных посольств, что обо мне постоянно ведется разговор на охоте... Но этот самый приезд Распутина в высшей степени поразил меня, и я к нему отнесся несерьезно. После этого мне пришлось быть уже в Царском...

Председатель. — Алексей Николаевич, вы говорите, что ваше отношение к этому приезду было отрицательным; но это не избавляет нас от необходимости несколько подробнее остановиться на нем: только ли для этого приезжал Распутин?..

Хвостов. — Он изъявил еще желание посмотреть мою семью... Моей семьи еще не было... Я считал излишним вводить его в мою семью. Я несерьезно к этому отнесся... Тут была ярмарка: она кончалась. Мне было не до того, чтобы беседовать с ним. Я отнесся к этому в высшей степени легко... Когда через месяц после этого я приехал сюда, то я увидел ко мне совершенно обратное отношение. Я был принят в высшей степени неприязненно, в высшей степени сухо, что после предшествующих приемов мне показалось не особенно приятным. Это послужило основанием тому, что тогда казалось странным: я ушел из губернии, пошел в Государственную Думу... Уйти я сразу не мог, прошло порядочное время, около года: но, во всяком случае, в этот промежуток времени я делал все возможное, чтобы попасть в Государственную Думу по Орловской губернии, и уже все мои мысли были за то, чтобы уйти, — видя, что здесь мне отрезаны все дальнейшие пути...

Председатель. — Что же, уезжая, Распутин какие-нибудь угрозы делал по вашему адресу?

Хвостов. — Болтал по обыкновению: говорил, что он уже обо мне послал телеграмму.

Председатель. — Какого содержания?

Хвостов. — Содержания совершенно не помню в подробностях... Мне потом достали текст (всегда на почте есть свои люди, которые сообщают потом подробное содержание). Но я текста не помню.

Председатель. — Приблизительно, какого содержания?

Хвостов. — Отрицательное ко мне отношение... Что-то такое: «Хотя Бог на нем почит, но чего-то недостает»...

Председатель. — А телеграмму кому он послал?

Хвостов. — Он послал телеграмму — адреса я не видел, но кажется, Вырубовой (потому что через нее шел доклад)... За Распутиным и Белецким было предоставлено наблюдать Комиссарову и создана специальная агентура: Распутина охраняла агентура департамента полиции, дворцовая агентура Спиридовича да еще разные банковые деятели: какие-то евреи всегда тут торчали... Одним словом, он постоянно корреспондировал с разными банками через этих господ. Так что одновременно его всегда охраняло человек 9—10...

Председатель. — Будучи у него в квартире?

Хвостов. — Охрана департамента полиции была на лестнице; а комиссаровские агенты и ближайшая его охрана — те внутри квартиры, — все это под видом его охранителей!..

Иванов. — Кем был назначен Комиссаров для наблюдения за Распутиным?

Хвостов. — Белецкий установил. Наблюдение — дело охранного отделения. Но все они проверяли друг друга: Белецкий не верил охранному отделению, а дворцовая полиция не верила им обоим... На это я натолкнулся, когда мне хотелось ближе подойти к действиям Распутина; но оказалось, это невозможно ввиду взаимного недоверия... Потом были охранные автомобили, которые охраняли Распутина. Затем был целый штат «секретарей» — целый штат охранников... Секретари там по очереди дежурили... Секретарей было 4—5. У одного из секретарей, Манасевича-Мануйлова, в распоряжении был военный автомобиль, за которым не могли угнаться охранные автомобили. Я сделал попытку, чтобы этот автомобиль отобрали, и сказал Поливанову. Тот отобрал, но приказано было снова вернуть!..

Соколов. — Вы по вопросу об охране Распутина имели собеседование с журналистами, с Гессеном и др.: вы указывали, что, кроме этих охран, вы сами, по просьбе государя, установили личную охрану?

Хвостов. — Мне было объявлено Штюмером, что я обязан охранять Распутина...

Соколов. — Штюмер в качестве высочайшего повеления приказал охранять?

Хвостов. — Я потребовал бумагу, и, так как этой бумаги не было, я не мог назначить этой охраны. Тогда он сам на себя взял и приказал Глобачеву назначить вместо 3-х, 4-х — 24 агента. Одним из секретарей был Симанович, другим — Волынский (известный по делу Ал. Свирского); затем был инспектор народных училищ города Петрограда, — фамилию его я забыл (но его легко найти: я писал о нем графу Игнатьеву, требуя его увольнения, что граф и исполнил впоследствии)... 4-й — Манасевич-Мануйлов, и женщина-секретарь, которая была при нем вроде сестры милосердия и которая была затем арестована (фамилию ее я забыл, но не Петушинская)... Она при нем жила на квартире. Эти секретари были при нем постоянно. Я задался целью выяснить: кто из них имеет политический характер и кто для проведения частных дел, для денежных интересов? Я успел обыскать их всех. Когда я начал их обыскивать, то у них у всех, у кого 20—30 дел — самых грязных дел! — было для проведения... В особенности у инспектора народных училищ и у Симановича... Запечатанные конверты с письмами Распутина, такого содержания: «Милай, сделай!» — а по какому делу — не сказано... Эти письма могли ходить без его ведома...

Соколов. — На чье имя письма?

Хвостов. — Без адреса. Письма эти секретарь давал. Дела были самого грязного свойства! Там была история помилования 100 дантистов, которая дала секретарю около 100 тысяч (но Григорий получил только шубу и шапку)... Когда я начал обыски, то получил приказание прекратить их.

Председатель. — От кого вы получили приказание?

Хвостов. — Я получил от Вырубовой письмо от имени бывшей императрицы немедленно прекратить эти обыски; и обыски были прекращены, а секретари были Штюрмером выпущены...

Около Распутина были: Симанович, Волынский, инспектор народных училищ... Имел влияние Мудролюбов — обер-секретарь Св. Синода. Он был в качестве постоянного секретаря по духовным делам, — тот самый Мудролюбов, который ездил с Питиримом в Ставку. Потом появился секретарь Питирима — Осипенко, который бывал у Распутина. В сущности говоря, Распутин создал Питирима!.. Он его переводил на Кавказ (тогда стала известна телеграмма Распутина: «Суслик на Кавказ, а к нам — благословенье»... Телеграмма ходила по рукам в Государственной Думе. «Суслик на Кавказ», — когда он устроил Питирима на Кавказ из другой епархии, а «к нам благословенье», то есть в Тобольск Варнаву: по-гречески Варнава значит «благословенье»... Варнава под этим «благословеньем» и шел с тех пор). Протежировал Распутин Питириму через Осипенко... Осипенко распорядился всем, а Питирим, как манекен, де-

дал то или другое — что этому кружку было нужно!.. Питирим играл такую роль: он постоянно всем объяснял, что он с Распутиным не знаком, его не знает... Но когда мне несколько раз говорили, что Распутин в лавре у Питирима, тогда я решил проверить и поехал сам в лавру, в сопровождении — я не помню кого; сопровождавший остался в швейцарской, сам же я поднялся вверх, без всякого доклада, и — застал Распутина, Питирима, Осипенко и др.!.. Питирим был в высшей степени смущен: он не знал, как найти клубок... Распутин говорил: «Что ты стесняешься?..» Был большой конфуз: Питирим меня уверял, что он не знаком с Распутиным, а я застал у него Распутина... Питирим, возмущенный на мой визит в лавру, после этого доносил на меня жалобу в Царское Село. Жалобы были несерьезны: что я посещаю «Вилла Родэ», пьянствую, — несерьезные жалобы... Но мне приходилось давать объяснения. Я отвечал, что митрополиту не подобает и знать про такие места и знать, посещаю я их или нет (все это в комических тонах)... Мне даже некогда было туда ездить: все это были мелкие дрязги, мелкие истории!.. Мое впечатление было, что Питирим был в руках у всей этой компании...

Председатель. — Мануйлов-Манасевич как стоял в Царском?

Хвостов. — Он стоял близко к кружку Вырубовой: он там постоянно бывал, бывал у Распутина... Вырубова, с моей точки зрения, как мне казалось тогда (может быть, я ошибаюсь), — несчастная женщина, истеричка, недалекая, которая попала под гипнотическое влияние Распутина... Несомненно, Распутин был один из самых сильных гипнотизеров, которых я когда-нибудь встречал! Когда я его видел, я ощущал полную подавленность; а между тем, никогда ни один гипнотизер не мог на меня подействовать. Распутин меня давил; несомненно, у него была большая сила гипноза... И на эту дурковатую истеричку он влиял поразительно: она целовала полы его кафтана!.. Он всячески над нею надругивался: например, привозил к ней уличных женщин, свою кухарку, какую-нибудь судомойку, грязную публичную женщину — всех он привозил, которые ему понравятся, всех он привозил к ней в гости, чтобы укротить ее гордыню, всех заставлял угощать, кормить, чтобы смирить ее гордость... Он заставлял ее делать все, что ему было угодно, чтобы показать ей свою силу! У Вырубовой бывало много лиц, она была завалена различными прошениями, которые она должна была передавать во дворец и исполнить их; что там исполняла, что нет — не знаю... Она была завалена десятками писем, прошениями и просьбами, причем — так как ее опутал Распутин, а ему близки были кружки низменные — то прошения были грязного свойст-

ва. Рядом с прошением министра было письмо горничной о назначении ее при уборной такого-то вокзала, — вот такие бывали прошения! Или: тот-то просит во дворце место для горничной. А так как компания была или Симановича, или разных его знакомых, то прошения были дешевого свойства. И все это она с покорностью исполняла, повинуюсь и покоряясь, слепо веря, что враги Распутина были врагами ее, а друзья Распутина были ее друзьями...

Председатель. — Как исполняла она эти просьбы?

Хвостов. — Мне кажется, что при дворе она была единственным человеком, которому доверяли всецело... Если кто-нибудь к ней обращался через Распутина, то она делала с удовольствием, беспрекословно, не имея своей критики. Я был у ней несколько раз, чтобы посмотреть — есть ли там какая-нибудь критика?.. У меня была глупая мысль: нельзя ли повлиять, чтобы как-нибудь устранить Распутина? Я ей доказывал, что это необходимо сделать, думал подставить какого-нибудь монаха, который был бы без гадостей, не вел бы к гибели... Но ничего не удавалось: я всякий раз наталкивался на влияние Распутина! Когда, в конце концов, я потерял всякое терпение — я сделал об этом доклад бывшему императору; он выслушал доклад вполне благонадежно, но ничего не ответил и ничем не реагировал. Было два таких доклада. После каждого доклада он передавал Александре Федоровне, которая сейчас же сообщала по телефону Распутину. Я не успевал вернуться к себе, как мне передавали, что Распутин ругается: «Как он смел? Я ему покажу! Я его прогоню: он был там, меня ругал»... У меня, к сожалению, этих докладов нет: при обыске, который был в моем отсутствии, их отобрали.

Председатель. — Как вы себе представляете роль Распутина?

Хвостов. — Он был очень удобной педалью для немецкого шпионажа... Хотя я его не улавливал в шпионаже, но, логически, мне казалось, что он шпион — не сознательный, а — орудие для шпионажа, потому что было очень легко через него узнавать, что делалось в Царском... Очевидно, немцы, как очень умные люди, не будут узнавать через какого-нибудь писаря Ивана, а через того, кто осведомлен...

Председатель. — В чьих же руках он был орудием шпионажа?

Хвостов. — Мне кажется, что он был в руках немецкой агентуры. Я пытался их поймать, но не удалось... Было несколько подозрительных лиц, но данных у меня не было. Была у меня в подозрении графиня Гартонг: о ней велось расследование, которое потом было прекращено — еще до меня... Она была подозрительна. Потом была подозрительна княгиня Долгорукая, проживавшая в «Асто-

рии»: какая-то авантюристка, которая купила титул, вышла замуж за князя Долгорукого, — и Распутин у нее бывал (впоследствии в этом убедили «листки», которые были сожжены)... Это видно из моих показаний по делу Рубинштейна: в этом показании я подробно изложил причину, почему я считал, что Распутин шпион...

Председатель. — Что эти «листки» в себе заключали?

Хвостов. — Они заключали такие факты. Один пример я помню ясно: Распутин ездил в Царское, и ему давал поручения Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет... Причем Рубинштейн объяснял близким, что это ему нужно для того: покупать ли в Минской губернии леса или нет?.. Распутин рассказывал так... Надо сказать, что трезвый он ничего не рассказывал, но ему нужно было бутылку портвейна или мадеры, и тогда он рассказывал. Лица эти знали, как с ним поступать, привозили его в ресторан, вливали в него бутылку мадеры, и он рассказывал, что он делал в Царском Селе. Я должен сказать, что он относился в высшей степени презрительно к личности бывшего императора и очень одобрял бывшую императрицу, говорил, что она умница, что она — Екатерина II, и вообще страшно восхвалял ее... Он так относился к бывшему императору, что сыщики становились в тупик: им неудобно было записывать в «листки», а между тем они должны были записывать все. Он его иначе не звал, как «папашка»: «Приезжаю я, — говорит, — в Царское, вхожу: папашка сидит грустный... Я его глажу по голове и говорю: что грустишь? Он говорит: «Все мерзавцы кругом! Сапог нет, ружей нет наступать надо, а наступать нельзя!»...» И привел один факт — рассказывали ему, будто бы часть войск, полк, приводили представляться, и он проходил в новых сапогах; затем проходил другой полк — тоже в новых сапогах: оказывается, они за пригорком переобувались... (Я просил проверить, расспрашивал Вырубову: не было ли такого факта? Она говорит: «Да! Это ужасно».)... Так вот, бывший император говорит: «Наступать нельзя...» «Когда же будешь наступать?» — спрашивает Распутин. «Ружья будут только через два месяца: раньше не могу...» Нужны ли были Рубинштейну эти сведения, чтобы купить лес или чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин и чтобы потом могли послать 5-6 корпусов на Верденский фронт, — это трудно установить... Это отчасти было предметом моего доклада, что мы не знаем, кто влиял на Распутина: враги или нет... С другой стороны, я должен сказать, что месяца за 2—3 до посещения бывшим императором Государственной Думы (значит, еще в декабре) был такой «листок»: «Сидит Распутин совершенно пьяный. Приехал опохмелиться. Утром ему было очень скучно, и он позвал своих сыщиков к себе — чай

пить. А тем очень приятно: вместо того чтобы сидеть на лестнице, лучше у него посидеть; для него же это компания своя... Вот они сидят, пьют чай, у него голова болит: кто-то из этих господ спрашивает его: «Что ты, Григорий Ефимович, грустный? Что задумался?» Он говорит: «Сказано мне подумать, как быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю, а как ты думаешь?» Тот говорит: «Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит...» Распутин говорит: «А знаешь что? Я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать...» После этого мне было смешно, когда несколько либеральных членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы... Вот в чем был трагизм положения! Его воля была подавлена. Я утверждаю, что воля его была иногда подавлена также гипнотически. Удавалось только на минуту вывести из гипноза... Я собрал все доводы, чтобы поколебать это положение; получил все назначения, но тогда он пошел к ней, а она сказала Распутину, и когда я приехал, — все было известно... Потом наступило говение... Я слышал от лица, которое было при этом говении, что царь позвал его, Распутина, вместе причащаться и говеть, и в день причастия они обнялись, и государь сказал: «Мы никогда с тобой не расстанемся, и ты ничего не думай». Распутин говорит: «Мне нужно уехать, и я приехал проститься!..» Царь сказал: «Мы не расстанемся с тобою — ни за что на свете!..» Тогда-то он вынул бумажку: мою отставку...

Соколов. — А дочери по отношению к Распутину делились или одинаково к нему относились?

Хвостов. — Мне казалось, что делились в это время... Но теперь я узнал, что иконка положена от всех.

Соколов. — А тогда как вам казалось?

Хвостов. — Тогда казалось, что Ольга относилась к нему неблагоприятно. По отношению к Ольге он вел себя бесчестным образом: он распространял всюду слух — всем говорил, — что с он с Ольгой в близких отношениях... И говорил он это всем тем, кто приходил для проведения своих дел, для того, чтобы показать свое величие. Он говорил: «Мать мне надоела: я с дочкой, Ольгой...» Так как он неоднократно позволял себе это говорить, я очень этим заинтересовался. Один раз он позволил себе в присутствии нескольких лиц сказать: «Хотите, я вызову Ольгу? Она в Петрограде, она ко мне приедет...» Мне об этом сообщили, тогда я приказал арестовать ту, которая приедет, — все равно, кто это будет: приедет Ольга — Ольгу арестовать... Но оказалось, что это была публичная женщина с Глазовой улицы: шубка такая, похожа... А про-

винциалы думали, что он, действительно, Ольгу к себе вызывает... Этот случай убедил меня в том, что для спасения родины нужно от него избавиться... Другие дочери относились к нему с почтением; может быть, и роптали, но с почтением относились: потому что, живя в атмосфере безусловной веры со стороны матери, и они, может быть, веровали...

Председатель. — Вы затронули тему о том, как нужно избавиться от Распутина...

Хвостов. — Я решил отделаться от Распутина и потому раньше входил в те или другие отношения с Комиссаровым и с некоторыми другими агентами — которым все равно, что сделать... Но они меня надули, водили за нос. Между тем, я массу денег выдал... Я говорил Комиссарову: «Нельзя ли как-нибудь, когда Распутин поедет пьянствовать, его пришибить?» Пробовал через агентов подходить... У меня был адъютант преданный... Он лет 11 при мне состоял (еще когда я был губернатором в Новгороде). Он был на войне, был тяжело ранен, я его выписал из больницы и взял к себе, как бывшего по четвертой очереди... Он казак, который бы на все пошел... Но казак тоже иногда ничего не может сделать!.. Я могу рассказать подробности в отношении того вопроса, который вы мне предложили, — в отношении того, как Комиссаров взялся уничтожить Распутина, но потом торговался с Белецким (кто больше даст, кому выгоднее служить?). Тогда ему (кн. Андронникову. — *Сост.*) не поверили, что он обладает возможностью уничтожить Гришку. Чтобы доказать — он отравил всех кошек на квартире Григория: значит, он мог бы и самого Распутина отравить... Это послужило ему доказательством перед Белецким... Когда Распутин вошел и увидел, что кошки все дохлые, он говорит: «Это князь Андронников перетравил кошек!..» В результате Андронникова в Рязань выслали!.. Тут же, вместе, мешается трагизм государства в таких фактах!.. Манасевич-Мануйлов вел раньше иностранную агентуру и наблюдал за послами, при этом неизвестно, в чью пользу это наблюдение... Это в высшей степени опасный человек!.. И этот Манасевич-Мануйлов сажает Штюрмера. Гришка говорит: «Хотя он старый, но ничего! — справится...» К Штюрмеру Распутин относился с презрением: «Он, — говорит, — ничего: хороший!..» — и через Манасевича-Мануйлова действовал на Штюрмера, как ему было угодно...

Председатель. — Что вы знаете относительно желания Распутина провести в военное министерство генерала Беляева?

Хвостов. — Я это знаю по «листкам»...

Председатель. — А эти «листки» документировали те разговоры, которые слышали ваши агенты у Распутина?

Хвостов. — Лично я ничего не слышал и с Распутиным о Беляеве ничего не говорил. Но эти «листки» говорили, что Распутин очень хвалит Беляева. Ругая Поливанова, он говорил: «Вот Беляев хороший министр был бы — что там папашка смотрит!..» и т. д. Потом, будто, он рассказывал, что он ничего поделать не может с Поливановым: «Папашка не хочет его увольнять!.. Александре я сказал, что Бог желает, — а папашка уперся... Что же ты сделаешь!..»

Председатель. — Так что назначения министров, по вашему мнению, всецело зависели от Распутина?

Хвостов. — Например, про Горемыкина он говорит: «Я скажу старика выгнать, потому что старик совсем не годный!..»

Председатель. — На чем основано ваше утверждение относительно того, что Распутин собирал и распускал Государственную Думу? Так по «листочкам» выходило?

Хвостов. — Кажется, Комиссаров передавал, что Распутин говорил: «Вот я сижу и думаю: собирать или нет Думу?» Вот, раз такие вещи попадают в «листочках» и раз он меня поставил на очную ставку с Треповым — почему он не мог собирать и распускать Думу?

Председатель. — Распутин знал военные и государственные тайны и рассказывал о них?

Хвостов. — Я думаю, что, попадая в психологический момент, он передавал направо и налево... А что он не был сознательным шпионом, меня убеждает то, что он тогда бы молчал: только бессознательный шпион может рассказывать извозчику, половому, какому-нибудь купцу, женщине, музыканту из «Вилла Родэ»... Значит, это не был сознательный шпион, потому что иначе он бы хранил это и говорил только тому, кому об этом ведать надлежит...

Иванов. — Вы изволили подробно очень рассказать о вашей борьбе с влиянием Распутина, причем вы указали, что это влияние ведет к гибели России. В чем, собственно, вы видели эту гибель?

Хвостов. — Я видел краугольную, основную причину гибели — и до сих пор вижу в этом причину всего совершившегося теперь, — что, в глазах правых кругов, ведь монарх должен же на кого-нибудь опираться: на крайне правую организацию, на левые или центр... Распутин своей деятельностью довел до того, что не только центральные, мирные, лояльные круги не стали ему доверять, а что даже правые организации не стали ему доверять и сказали, что не могут больше существовать... Я не могу быть заподозрен в крайней левизне, но, в конце концов, всему есть предел — в глазах тех, кто не хотел извлекать тех или других коммерческих выгод... И это вредило больше, чем сто революционных организаций, которым можно было противодействовать!..

Протопопов. — ... На Распутина смотрел всегда как на одного из влиятельных челядинцев...

Председатель. — Как?

Протопопов. — Челядинцев. Такие были люди, как, например, долго служившие при императоре Александре II, такие есть при дворе лица, которые являются влиятельными. Конечно, для меня не представляло секрета, что Распутин бывает часто при дворе и в курсе всего того, что там делается. А потом, когда я был министром внутренних дел, когда я видел его, я так себе и объяснял его влияние. Во-первых, это был не вполне нормальный, по моему мнению, человек, который действительно пользовался свойством особого взгляда; он мог на некоторых, в особенности женщин, влиять гипнотически, на маленьких тоже детей...

Председатель. — Когда вы сблизились с Распутиным?

Протопопов. — Никакой близости у меня с ним не было.

Председатель. — Когда вы начали с ним встречаться?

Протопопов. — Я его впервые увидел, когда я лежал больной у Бадмаева. Бадмаев привел его ко мне. Это было на мызе в Спасском.

Председатель. — Когда это было?

Протопопов. — Три года тому назад. Я был страшно болен, у меня был мизлит и неврастения.

Председатель. — Затем дальше?

Протопопов. — Я его первый раз тогда увидел. Вообще я его видел в жизни раз 15—16. Я это вспомнил, сидя в своей камере, и записал себе; да, приблизительно 15—16 раз я его видел всего-навсего.

Председатель. — Какие были за эти встречи между вами разговоры, касающиеся дел государственной важности?

Протопопов. — С ним говорить систематически нельзя было. У него бывали мысли верные, а иной раз совершенно чепуховые, совершенно вздорные. У него была характеристика людей, он людей мало видел, но довольно метко определял. Это свойство у него было; потом, зло не говорил про людей, это мне нравилось.

Председатель. — Нам хотелось бы знать, что он говорил в отношении своих связей к Царскому Селу, в отношении своих влияний.

Протопопов. — Он к этому относился так, что не скрывал своей близости совершенно. Он звал царя «папой», царицу «мамой». Видно было, что он был, как я раньше сказал, челядинец, близкий человек.

Председатель. — Он звал их так, как вы говорите, «папой» и «мамой», не в более грубой форме?

Протопопов. — При мне никогда, он никогда не бывал в тех видах, в которых он бывал, когда он пьяный говорил грубые, безобразные вещи, но я вполне допускаю, что он в пьяном виде мог говорить такие вещи. Повторяю, что в пьяном виде я его никогда не видел. Всего я его видел 15—16 раз. Потом, гораздо позже, я узнал, что он, кажется, 16 лет был при царской семье. Может быть, я ошибаюсь, он пришел богомольным и чистым человеком. Это здесь его испортили. Я это слышал.

Председатель. — Вам известно значение Распутина в делах Царского Села при государе?

Протопопов. — Распутин был близким человеком, и как с близким человеком с ним советовались. Лично мне он говорил: «Вы будете министром, вы будете министром».

Председатель. — Когда он это вам говорил?

Протопопов. — Три года тому назад.

Председатель. — В 1914 году?

Протопопов. — Он мне постоянно говорил: «Только, чтобы царя увидеть».

Председатель. — Разве он так редко видел царя?

Протопопов. — Нет, чтобы я увидел царя, но тогда я этому не придавал значения. Дурная мысль, несчастная мысль насчет министра мне приходила после моей поездки за границу, но я никогда не просил никого.

Председатель. — После вашей поездки за границу?

Протопопов. — Да.

Председатель. — Как велась охрана Распутина?

Протопопов. — Совершенно не знаю определенно. Я спрашивал только, охраняют ли его? Говорят, охраняют, и больше ничего.

Председатель. — Вы не имели донесения лиц, охраняющих Распутина?

Протопопов. — Нет, я интересовался, потому что этим интересовались другие. Я и спрашивал, есть ли охрана? — Есть, больше ничего...

Завадский. — Можете ли вы сказать, когда вы были министром внутренних дел, на вас были попытки влиять со стороны Распутина, Вырубовой, Андронникова и др.?

Протопопов. — Это определенно. Но никоим образом никаких дел и никаких денежных дел я по своему званию не имел.

Завадский. — Например, Распутин просит, чтобы вы сделали губернатором такого-то.

Протопопов. — Это постоянно бывало. Масса записок было...

Завадский. — Я считаю, что в России всякий министр, даже не министр, а начальствующая часть получает записки от знакомых и может их исполнять или не исполнять, но получать от Распутина было другое дело. Он давил на министров, потому что он был, как вы говорили, челядинец.

Протопопов. — Он на меня особенно не давил, а просто писал: «Милай, дорогой...» — а потом безобразие какое-нибудь. Это совершенно верно.

Председатель. — Я вас должен просить давать более определенные ответы. Вас спрашивают, хотят выяснить влияние Распутина. Вы говорите — особенно не давил. Вы не можете не знать, что когда вы говорите — особенно не давил, то, в сущности, вы этим ничего не отвечаете, даете уклончивый ответ. «Особенно не давил» — в этом разумного содержания нет, это есть уклончивый ответ.

Протопопов. — Я категорически отвечаю, что исполнял только то, что мне казалось возможным, а остальных требований я не исполнял...

Завадский. — Когда Распутин был убит, есть молва, что вы в тот же день явились к нему на квартиру.

Протопопов. — Я, после убийства? Никогда, ничего подобного.

Председатель. — Так что вы не были в квартире Распутина после его убийства и не послали никого?

Протопопов. — Там была полиция...

Завадский. — А Мануйлов-Манасевич?

Протопопов. — Я не принял его лично ни разу. Он мне писал письма, которые я оставлял без ответа.

Завадский. — Я бы хотел выяснить ваши отношения к делу об убийстве Распутина и к его предполагаемому убийству, что вы докладывали по этому поводу в Царском и какое направление вы советовали царю или царице?

Протопопов. — Было так: когда он был убит, мне утром сказали, что он убит, что он вышел и пропал; начались розыски, тут было показание городского, который говорил, что его позвали, что был в этой комнате Пуришкевич и Феликс и что оба они были пьяны. Затем дальше велись розыски, все очень, конечно, волновались, все были встревожены этим событием: затем, в конце концов, вечером нашли галошу, вытащили тело, которое было положено под мост; затем он был увезен в богадельню морского ведомства, но я сам не был нигде. Я знал, что делается, понимал, что нужно все это делать без скандалов, по возможности тихо. Затем после того, как было произведено вскрытие, его препроводили в известное место. Я сам там не был, было это передано коменданту, лично я не знал ничего...

Смиттен. — Меня интересует еще один вопрос: скажите, пожалуйста, бывали ли случаи, что вы через Распутина

представляли на усмотрение государя или государыни какие-либо сведения, казавшиеся вам интересными или любопытными, касавшимися положения государства?

Протопопов. — Нет.

Смиттен. — Это совершенно исключается?

Протопопов. — Да.

Смиттен. — А известно вам было, что Распутин с Вырубовой находились в хороших, близких и тесных отношениях?

Протопопов. — Как? Вот я думаю, что это не так.

Председатель. — Т. е., мы говорим в смысле отношений дружеских, принадлежности к одному кружку. Это вам было известно?

Протопопов. — Я знал.

Смиттен. — Если вам было это известно, вы через Распутина никаких сведений не представляли, потому что вы это исключаете, представляли ли вы через Вырубову только такие сведения, которые, по вашему мнению, были интересные, но секрета не представляли, или такие, которые вы бы Распутину не сказали, которые вы бы не направили через Распутина?

Протопопов. — Распутин не понял бы, я не стал бы с ним говорить. Распутина я редко видел.

Председатель. — Что же, вы считали Распутина глупым?

Протопопов. — Нет, умным, но неразвитым человеком.

ДОПРОС А. А. ВЫРУБОВОЙ

Председатель. — Скажите, когда и при каких обстоятельствах в эту жизнь вашу вошел Распутин?

Вырубова. — Я с ним познакомилась у великой княгини Милицы Николаевны и у Николая Николаевича. Милица Николаевна позвала меня познакомиться с ним в 1907 году, в год моей свадьбы; она сказала, что епископ Феофан привел ей интересного странника, который ясновидящий. Меня это очень заинтересовало, я пошла посмотреть.

Председатель. — Вы тогда интересовались вопросами религии?

Вырубова. — Я никогда особенно не интересовалась вопросами религии. Я верила в Бога. Мне сказали, что он интересный странник. Пошла посмотреть. Думаю, наверно, в России таких масса.

Председатель. — Кому же принадлежала мысль о том, чтобы ввести его ко двору?

Вырубова. — Мне кажется, они знали его уже до меня.

Председатель. — Т. е. Александра Федоровна?

Вырубова. — Да, уже знала.

Председатель. — Через ту же Милицу Николаевну?

Вырубова. — Не могу вам сказать наверно. Вероятно, да. Я его первый раз увидела у них, на Английской набережной, за несколько дней до моей свадьбы.

Председатель. — Тогда ваша сестра тоже была там?

Вырубова. — Нет, сестры не было. Я совсем одна была, получила записку и поехала.

Председатель. — Он произвел на вас сильное впечатление?

Вырубова. — Т.е. я не знаю. Она говорила, что он апостол. Как-то я очень интересовалась. Думаю, что особенного впечатления не произвел; он говорил о Боге, я его спрашивала совета — выйти ли мне замуж. Он советовал, говорил, что очень хорошо, я тогда вышла замуж. Это было за несколько дней до моей свадьбы.

Председатель. — Когда же у вас завязались более тесные отношения с Распутиным? Ведь вы не отрицаете того, что были его горячей поклонницей?

Вырубова. — Вы сказали — горячей поклонницей, это слишком много. Во всяком случае, он умный человек, мне казалось, самородок, и я любила его слушать; безусловно, не отрицаю. Я видела, когда приезжала к нему, как он принимает всевозможных людей, как разговаривает с ними, я любила смотреть на это.

Председатель. — Это ведь не был интерес холодного наблюдателя. Это был интерес женщины, захваченной его идеями?

Вырубова. — Нет, захваченной я никогда не была.

Председатель. — Т. е. вы утверждаете, что идеи Распутина не были вашими идеями?

Вырубова. — Как же они могли быть моими? Я же с ним познакомилась только через два года после того, как они были с ним знакомы.

Председатель. — Нет, я выясняю теперь не внешние, а внутренние отношения ваши с Распутиным.

Вырубова. — Да, интересовалась ли я им как-нибудь особенно? Нет, особенно нет. Так.

Председатель. — Значит, неверно, что вы были его горячей почитательницей?

Вырубова. — Нет, неверно. Конечно, я интересовалась им, потому что он был интересен, но истерического какого-нибудь поклонения, — этого не было. Конечно, я никогда не была против него...

Председатель. — У вас записана телеграмма Распутина, из Покровского: «Ваш ему недоволен или мне я им не нуждаюсь, маленькой немного похворает ничего будет легче». Что это такое?

Вырубова. — Я не помню, это старое. «Маленькой» — это, наверно, наследник, он очень часто болел, особенно ногою. Они всегда просили о нем помолиться.

Председатель. — «Отец ничего».

Вырубова. — Это, вероятно, мой отец, я просила помолиться.

Председатель. — «О докладе не беспокойтесь».

Вырубова. — Это, вероятно, я об отце что-то просила. Должно быть, очень старая тетрадка, посмотрите — в каком году.

Председатель. — А новее у вас ничего нет?

Вырубовв. — Нет.

Председатель. — Вы все сожгли? Почему вы сожгли целый ряд документов?

Вырубова. — Я почти ничего не жгла.

Председатель. — Почти.

Вырубова. — Да, сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки. Когда меня захватили, я сожгла несколько писем, но, кажется, у меня еще осталось все там, в домике. Там делали обыск. Я была больна. Не знаю, нашли что-нибудь или нет. Эта тетрадка — не помню, какого года.

Председатель. — А по тетрадке вы не можете указать год?

Вырубовв. — Я полагаю, что это самый первый год.

Председатель. — А все-таки... «Поручает мою хорошую Веру»... Кто это Вера?

Вырубова. — Правда, не помню совсем; я даже не помню, что у меня такая тетрадка была.

Председатель. — «Рачко Бог знай, а Родзянко пусть судит Бог»... Странник и Родзянко; это ведь какой-то особенный странник, который занимается немного и политикой?

Вырубова. — Говорят, он занимался политикой, но со мной лично он никогда не говорил о политике.

Председатель. — А вы сами политикой никогда не занимались?

Вырубова. — А зачем мне было заниматься политикой?

Председатель. — Разве вы никогда не устраивали министров, не проводили доклада?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — Но вы сводили императрицу с министрами?

Вырубова. — Я даю вам честное слово, что никогда ничего подобного.

Председатель. — Вы лучше честного слова не давайте.

Вырубова. — Зачем мне министров сводить? Ведь я их совершенно не знала.

Председатель. — А Протопопова, Штюрмера?

Вырубова. — Штюрмера я не знала, Протопопова видела, когда он давно уже был министром.

Председатель. — Вы не можете объяснить это место телеграммы: «Родзянко пусть судит Бог»...

Вырубова. — Нет, не знаю, за что судит; может быть, он просил чего-нибудь.

Председатель. — «Благословляю и целую тебя». Разве вы позволяли ему целовать себя?

Вырубова. — Да, у него был такой обычай. Когда я пошла к Милице Николаевне, она мне объяснила, что он всех целует три раза. Она сама подошла к нему, он поцеловал ее и всех тогда целовал три раза, христосовался.

Председатель. — А вы не замечали в этом страннике никаких особенностей, может быть, он целовался не три раза, а много больше, не только христосовался, а немного больше?..

Вырубова. — При мне — никогда, я ничего не видела. Он был стар и очень такой неаппетитный, так что я не знаю.

Председатель. — Вы не отрицаете, что эта телеграмма — его?

Вырубова. — Да.

Председатель. — А тетрадка ваша к какому году относится?

Вырубова. — Вероятно, к 1907 или 1908; я потом ничего не писала никогда.

Председатель. — «Поцелуй всех». Что это значит?

Вырубова. — Всем привет передавал.

Председатель (читает телеграмму). — «Духом радостно молимся отрадно всех вся тяжестей не надо не забудьте владыке за гулянку по Костроме всем дайте пусть и он носит просто напишите премудрости скоро увидимся. Тобольск Тобояне». Что это значит: «не забыть владыке за гулянку по Костроме»?

Вырубова. — Может быть, это про Варнаву.

Председатель. — Не относится ли это к 1913 году? Может быть, владыке не дали какой-нибудь награды?

Вырубова. — Вероятно, Варнаве; я не помню.

Председатель. — «Напишите премудрости». Кто назывался «Премудрость»? Вероятно, Николай Александрович?

Вырубова. — Подождите, «Премудростью», кажется, называли обер-прокурора. Нет?

Председатель. — Вы ошибаетесь. Итак, вы говорите, что ваши отношения с министрами были отношениями внешней вежливости, то есть они вам, как фрейлине и как близкому к семье императора человеку, наносили визиты?

Вырубова. — Да, безусловно, они ездили.

Председатель. — И вы не были с ними ни в каких сношениях по поводу государственных дел политической важности?

Вырубова. — Никогда.

Преседатель. — Вы утверждаете, что Распутин никогда ни в какие дела не вмешивался?

Вырубова. — Безусловно не вмешивался. Мне говорили, что Протопопов ездил к нему.

Председатель. — И не только при вас, но через вас делал дела.

Вырубова. — Я никогда таких вещей не делала. Может быть, когда он бывал у них, у царей, может быть, он говорил с ними о чем-нибудь, потому что и Протопопов, и Штюрман, и прокурор бывали у него.

Председатель. — Вы говорите, это старые телеграммы. Я беру новую — от 2 ноября 1916 года из Петрограда. «Срочно. Вырубовой. Поезд ее величества. Ставка главнокомандующего. Калинин пускай пробудет только сутки». Кто это Калинин?

Вырубова. — Кого он называл Калининым? Кого-то из этих господ, кажется, Протопопова.

Председатель. — Не кажется, а наверное. «Калинин пускай пробудет только сутки, более зависть будет хуже. Пошлите куда-нибудь на неделю побыть. Так долго в одних гостях только нельзя и те пока успокоятся. Не задерживайте его никак дольше». Эту телеграмму вы получили от кого?

Вырубова. — От Распутина. Между прочим, эти телеграммы не были переданы мне в Ставку, я получила их здесь, когда мы вернулись, почему — неизвестно. Вероятно, они были задержаны.

Председатель. — Во всяком случае, он писал, и писал так, чтобы вы понимали. Какое вам дело до того, сколько времени Протопопов должен пробыть в Ставке?

Вырубова. — Никакого дела.

Председатель. — Почему вам пишет это Распутин, который тоже, по вашим словам, не имел отношения к политическим делам?

Вырубова. — Он очень хорошо относился к Протопопову...

Председатель. — Вы знаете, что он через вас его в министры поставил?

Вырубова. — Это, кажется, не через меня. Им очень увлекались. Протопопов, когда приехал из-за границы, хорошее впечатление произвел...

Председатель. — ...Скажите, вы не звонили к Распутину перед назначением Штюрманера министром внутрен-

них дел и не спрашивали, кого назначить министром внутренних дел?

Вырубова. — Я не могла телефонировать. Спрашивать Распутина, кого назначить министром внутренних дел? Это глупость. Они сами могли. Кто мог это сказать?

Председатель. — Вы не только телефонировали. Вы бывали у Распутина.

Вырубова. — Очень часто...

Председатель. — Вы интересовались хлыстовщиной?

Вырубова. — Нет.

Председатель. — А почему эта записка была у вас найдена? (Показывает записку.)

Вырубова. — «Тайны хлыстовщины». Кто-нибудь на Распутина писал; говорили, что Распутин — хлыст. (Рассматривает.) Ах, это Гофштеттер!

Председатель. — Вы не знали, что Распутин — хлыст?

Вырубова. — Я не видала ничего хлыстовского, при дворе никто ничего не говорил. Хлыстовщина — против церкви. Он, по крайней мере при мне, никогда ничего не говорил против церкви...

Председатель. — Вы помните встречу с Распутиным в Мраморном дворце несколько лет назад?

Вырубова. — В Мраморном дворце у Константина Константиновича? Нет, он там никогда не бывал. Его, наоборот, там очень не любили, кажется, я у Константина Константиновича никогда не бывала.

Смиттен. — Для вас не было секретом, кем сам себя считал Распутин?

Вырубова. — Кем он себя считал? Он всегда говорил, что он — один из странников одухотворенных; проповедовал слово Божие.

Председатель. — В чем же заключалась эта проповедь?

Вырубова. — Это бывало довольно интересно. Я даже записывала. Я не знаю... Объяснял Св. Писание.

Председатель. — Разве он был начитан в Св. Писании?

Вырубова. — Он знал все Св. Писание, Библию, все.

Председатель. — Но ведь он был неграмотен?

Вырубова. — Он все знал, все говорил, все объяснял.

Председатель. — Вам приходилось слышать от него, что его призвание — снимать страсти с людей, делать их бесстрастными?

Вырубова. — Этого я никогда не слыхала. Мне он никогда не говорил ничего подобного. Мне он много рассказывал про свои путешествия, массу: в Иерусалим, не знаю где, по всей России он ходил в веригах, пешком. Это очень меня интересовало. Я слушала.

Председатель. — Это было раньше; потом он ходил в шелковых рубашках и вериг не носил.

Вырубова. — Да, ему все дамы шили. Мне кажется, он носил что-то такое.

*Председател*ь. — Почему вам это кажется?

Вырубова. — Он говорил, что у него все тело болит от того, что он на себя надевал.

Председатель. — Как он называл вас?

Вырубова. — Аннушка... Анна Александровна, разное называл.

Смиттен. — Скажите, пожалуйста, вам, как фрейлине двора ее величества, не казалось, что допущение к престолу такого лица, как Распутин, роняет престиж царя и царицы?

Вырубова. — Я боялась этого. Последнее время особенно. Говорили много гадостей.

Смиттен. — До вас доходили слухи, что Распутин — пьяница и развратник?

*Вырубов*а. — Да. Я боялась...

Смиттен. — Вы говорили что-нибудь об этом царице?

Вырубова. — Они редко его видели, государь и государыня.

Смиттен. — Что вы называете редко?

Вырубова. — Раз или два, когда он приезжал.

Смиттен. — А приезжал он каждый день?

Вырубова. — То есть в Петроград?

Председатель. — Не в Петроград, а в Царское Село.

Вырубова. — Редко приезжал.

Смиттен. — Что вы называете редко?

Вырубова. — К нам, во дворец, раза два в месяц, даже меньше. В сущности, когда государя не было, он никогда не бывал.

Смиттен. — Вы говорили с императрицей, что его нельзя допускать ко двору?

Вырубова. — Да, мы все говорили очень много.

Смиттен. — Но двор, как вы говорите, был против вас, все против вас интриговали?

Вырубова. — Мне было очень трудно. Они сами боялись этого; но они верили, что, безусловно, когда кто-нибудь болен, когда его призовут, лучше будет. С наследником было так. А наследник был очень много болен.

Олышев. — Отвечая члену Комиссии, вы все-таки сказали, что предупреждали бывшую императрицу о том, что Распутина лучше дальше держать от двора.

Вырубова. — Я боялась, безусловно.

Олышев. — По указанию свидетелей, вы несколько раз в день виделись с императрицей, и, когда уезжали к себе домой, вам часто приносили от нее записки; говоря обыкновенным языком, императрица не могла без вас жить?

Вырубова. — Не могла жить. Я была как дочь совершенно там.

Олышев. — Отчего же вы не сказали: пусть вы меня не слушаете, но я в своем доме вам свиданий не буду устраивать; вы ведь не отрицаете факта, что, когда приезжал Распутин, у вас бывала не только императрица, но и вся царская семья?

Вырубова. — Они несколько раз приезжали, но я безусловно говорю, что мне часто это было тяжело. Но как я могла сказать? Они всегда были выше меня.

Олышев. — Раз вы сами относились отрицательно к Распутину, зачем вы устраивали свидания?

Вырубова. — Но раз они требовали!

Олышев. — Они могли принимать у себя во дворце.

Вырубова. — Да, я знаю. Мне часто сестра говорила: «Они за твоей спиной»; но я всегда была готова все сделать.

Олышев. — После того как Андронников привез вам Хвостова, вы устраивали ему обед вместе с Белецким?

Вырубова. — Обедал у меня Хвостов, вместе ли с Белецким, не могу сказать, не помню.

Олышев. — В вашем же доме произошло свидание государя с Хвостовым?

Вырубова. — Государь очень редко бывал у меня, раз или два в год; когда я бывала больна.

Олышев. — А кто такая — Прилежаева, которая послала вам телеграммы от Распутина?

Вырубова. — Мне? Прилежаева? Это не мне, кому-нибудь другому.

Председатель. — Телеграмма от Распутина, которую вы признали, подписана Прилежаевой. Она его поклонница?

Вырубова. — Я не помню.

Председатель. — Кто в телеграммах назывался «мама»?

Вырубова. — Государыня.

Председатель. — А «папа»?

Вырубова. — Государь. Вот почему, я вам говорила, он не мог быть «премудрость».

Смиттен. — А кого называли при дворе «цветком»?

Вырубова. — Не знаю...

Председатель (предъявляет документ). — Что это такое?

Вырубова. — Это — Распутин, все его писание.

Председатель. — Это вы записывали?

Вырубова. — Нет, это было напечатано. Есть книжка такая.

Председатель. — Вы ее составляли?

Вырубова. — Нет, не я составляла, она в продаже была. Мы все покупали эту книжку. Вероятно, она существует. Это ведь на машинке написано, я не могла писать на машинке; это кто-нибудь мне дал, вероятно, с книжки переписанное.

Председатель. — Может быть, вы скажете теперь, как сложились ваши отношения с Распутиным?

Андронников. — Распутин уже был 10 лет на российском небосклоне. Я о нем много слышал, но никогда не имел желания с ним познакомиться. Мне насколько раз предлагали, говорили, что это замечательный человек... Но так как я для себя лично не искал решительно ничего, то я не считал для себя возможным идти этими путями. В 1914 году, за месяц до войны, я возвращаюсь к себе домой по Фонтанке на таксомоторе, и вдруг на извозчике какой-то господин мне машет... Я остановился. Он вылезает, бежит, бросается мне в объятия и говорит: «Николай Петрович (или Петр Николаевич — я точно не помню), что же ты меня забыл?» Я удивленно говорю: «Виноват, вы ошибаетесь». — «А ты кто же будешь?» — «Я — князь Андронников». — «Я — Распутин... Я про тебя много слышал... Сам Бог тебя мне послал... А ты куда едешь?» — «Домой». — «Вези меня домой!» — «А вы где живете?» — «На Гороховой...» Я его отвез на Гороховую, и, так как я в этот день уезжал в Варшаву и очень спешил, я к нему не заехал, а проводил только до дому. Он меня тут прямо убедил. Глядит на меня и говорит: «Ты сегодня в путь собираешься?» — «Откуда вы знаете?» — «Да, я вижу: ты в путь собираешься...» — «Совершенно верно». Он начал на меня смотреть, но на меня этот взор не повлиял. Я не из тех людей, которых можно гипнотизировать... Мы разошлись. Недели через две, когда я вернулся из Варшавы, мне как-то докладывают, что ко мне пришел мужик в поддевке. Я принимал всех: у меня двери были открыты... Входит — Распутин. «Ну, я к тебе... Где твоя молельня?» (У меня в спальне был уголок с образами.) — «А вы откуда знаете?» — «Мне говорили, что у тебя есть молельня...» Я говорю: «Пожалуйста...» Я показал, мы вошли, он помолился там. Потом он сказал: «Дай бумагу...» Я дал ему листочек. Он написал своими каракулями, что я сильный духом человек: «Сила твоя в духе». Одним словом, какую-то ерунду — свои соображения... Я, конечно, это, как написанное его рукой, странное, — сохранил у себя... Затем он говорит: «А вот что: давай, расскажи мне, что здесь делается...» Я говорю: «Какая область вас интересует?» — «Ну вот! всякая вообще... Как у вас дела идут?» Я говорю: «Не знаю, что вас интересует...» Он говорит: «Все меня интересует, рассказывай, — будем с тобой знакомы...» Я говорю: «Пожалуйста!» Вдруг он заговорил о Сухомлинове, которого он очень не любил: он сказал, что Сухомлинов назвал его «скотиной», говорил, что его «сокрушит»... Тут у меня появилась добрая надежда, и я решил, что, очевидно, сам Бог мне помогает... Нужно сказать, что до войны у меня с Су-

хომлиновым совершенно отношения испортились. Частью была виной г-жа Сухомлинова, которая тому способствовала, а частью мне не нравилось то общество, которое там было... Я не считал возможным с ними продолжать отношения! Когда я увидал, что Распутин против Сухомлинова (а я знал, как Сухомлинов внедрил в Царском Селе и как, несмотря на все его ошибки, на все смотрят сквозь пальцы и все ему прощается), я решил, что, быть может, мне придется воспользоваться Распутиным для того, чтобы в Царском Селе раскрыть некоторые действия Сухомлинова. Я тут же спросил его, когда он будет свободен в следующий раз, чтобы мне повидаться с ним. Он мне назначил день, сказал, что приедет на уха... Уха была приготовлена. Он приехал. Тут мы говорили о Сухомлинове, затем он исчез...

Председатель. — Почему вы были недовольны к этому времени Сухомлиновым? И может быть, вы знаете, что заставило Распутина быть против Сухомлинова?

Андронников. — Распутин имел обыкновение лазить вообще к министрам, писать записки со всякими просьбами. Сухомлинов его не пускал к себе, относился к нему отрицательно и приказал его не принимать. Это до него дошло. Он решил Сухомлинову за это мстить... Так он мне, по крайней мере, рассказывал...

Председатель. — Это было после добрых отношений?

Андронников. — Нет. Он с Сухомлиновым никогда ни в каких отношениях не был — он мне это говорил. Потом с г-жой Сухомлиновой он сошелся очень близко, но с ним, с Сухомлиновым, никаких отношений не было... Нужно сказать, что когда я был в добрых отношениях с Сухомлиновым, то он постоянно ругал Распутина, и Воейкова, и Вырубову... Раз была сказана такая фраза: «Смотри, Володечка, топи Распутин и Воейкова: иначе они тебя затопчут!...»

Председатель. — Значит, Сухомлинов был против Воейкова, против Вырубовой, то есть против самых близких лиц к бывшей императрице, и он был против Распутина: на кого же, собственно, он опирался?

Андронников. — Сухомлинов сам был сильный человек, потому что он сумел влезть в душу бывшего императора, как ни один министр!..

Председатель. — Теперь мы хотели бы вкратце выслушать о ваших отношениях с Распутиным.

Андронников. — Это было до войны, в 1914 году. У меня уха была чрезвычайно короткая: он куда-то спешил.

Председатель. — Кто был еще на этой ухе?

Андронников. — Он и я. Мы были вдвоем. Он просил, чтобы никого не было, чтобы мы могли с ним подробно поговорить... Он уехал, и я его больше не видел, вплоть до его отъезда в Тюмень, где случилось это поранение — кажется,

в июле месяце 1914 года, в год объявления войны. Я послал ему несколько телеграмм, справлялся о его здоровье, он отвечал. В конце концов (это было в августе или сентябре), он опять приехал сюда в Петроград: я на вокзал не поехал, а поехал на его квартиру, чтобы его, так сказать, повидать, уже больного, и встретил там впервые Вырубову, которую я не знал совершенно, но о которой много слышал... Затем, когда ему здоровье позволило (значит, уже в октябре или позже), он начал выходить. Он бывал у меня изредка, и каждый раз я в разговоре возвращался к Сухомлинову и говорил ему: «Вот мы слышим, что у нас того-то не хватает, другого не хватает... Одни его хвалят, другие ругают, а мне кажется, что он ведет дело не совсем правильно...» Он чрезвычайно внимательно прислушивался к моим разговорам

Председатель. — Что еще вас соединяло с Распутиным, кроме определенного отношения к Сухомлинову?

Андронников. — Решительно никаких дел у меня не было. Я первое время считал его за человека серьезного. Каждый раз, когда он бывал у меня, очень часто на эту уху приходила Червинская. Он рассказал о своих отношениях к Богу, плел что-то непонятное, и мы находили, что это очень серьезный человек.

Председатель. — Серьезный человек?

Андронников. — Он вел себя в высшей степени корректно. Выпивал одну бутылку мадеры, после которой не пьянел совершенно, вел себя прилично и уходил.

Председатель. — Но что же вам говорило тут о его серьезности?

Андронников. — Его рассуждения о высших материях, его вдумчивость... Все, что ему говорили, он воспринимал и кипел любовью к отечеству, высказывал свои воззрения, что нужно то-то и то-то сделать... Словом, высказывал свои идеи... Я в нем скверного в то время ничего не находил. Но впоследствии, когда он после обеда просил, чтобы кто-нибудь непременно начал играть, я его спрашивал: «Для чего?» — он говорил: «Я хочу потанцевать», пускался в пляс и в течение часа до упаду танцевал. Мне это казалось странным, я этого не понимал... Затем он подходил к телефону и вызывал всевозможных дам. Я должен был делать *bonne mine au mauvais jeu*¹, — потому что все эти дамы были чрезвычайно сомнительного свойства...

Руднев. — Скажите: это случайно, что Варнава из Тобольска и Распутин из Тобольска?

Андронников. — Тут кроется недоразумение: Варнава глубоко ненавидел и презирал Распутина! И до сих пор это

---

¹ Хорошую мину при плохой игре (фр)

для меня совершенно ясно... Варнава, прежде всего, строгий монах. Распутин — развратник. Так что эти два понятия уже совершенно не сходятся. Распутин виделся раньше с Варнавой, так как Варнава был один из тех архиереев, которые его не ругали, напротив, был с ним в добрых отношениях... Но Распутин не выдвигал при дворе Варнаву, потому что Варнава уже 20 лет был при дворе, ибо при вдовствующей императрице был вхож через Константина Константиновича и через греческую королеву Ольгу Константиновну, которая знала его давно... Он давно был своим человеком при дворе. Распутин просил его сделать епископом тобольским, так как при этом архиерее он бы легче безобразничал, вмешивался в дела, чем при другом епископе...

Председатель. — Каким же образом при Варнаве, которого вы охарактеризовали как строгого монаха, развратничать было бы легче?

Андронников. — Распутин думал, что Варнава будет сквозь пальцы смотреть и при случае поддержит его, то есть не будет открывать все его гадости, как это делали целый ряд губернаторов и архиереев...

ДОПРОС И. Ф. МАНАСЕВИЧА-МАНУЙЛОВА

Председатель. — Нас интересуют некоторые выдающиеся моменты политической карьеры Штюрмера. Штюрмер получил власть: как же он отнесся, в связи с своим назначением, к Питириму, к Распутину?

Манасевич-Мануйлов. — Он сейчас же поехал к Питириму и говорил ему (это мне уже рассказал Питирим и секретарь его), что он всецело ему обязан, что он знает то участие и влияние, которое он имел в этом назначении, что он этого никогда не забудет, что он будет слушаться, прислушиваться, вернее, одним словом, стараться всячески идти по тому пути, который ему подскажет Питирим!.. О Распутине вообще он говорил очень мало. Нужно сказать, что я Распутина знал как представитель «Нового Времени»: однажды он приехал сюда в Петроград (тогда Петербург), и М. А. Суворин поручил мне его повидать... Я пришел совершенно как незнакомый человек (он жил тогда у Сазонова: такой есть публицист — Сазонов). Я тогда написал интервью с ним, которое наделало очень много шума, было переведено на французский и английский языки: оно появилось в «Новом Времени», — знаменитая его история о банях, где он рассказывал подробно...

Председатель. — Может быть, вы в двух словах изложите смысл этой истории?

Манасевич-Мануйлов. — Дело в том, что рассказывал он мне следующее: «Будучи в Сибири, у меня было много поклонниц, и среди этих поклонниц есть (можно сказать это, потому что это было напечатано) — среди этих поклонниц есть дамы, очень близкие ко двору. Вот, — говорит, — они приехали все ко мне туда (то есть в Сибирь), и тогда, — говорит, — они хотели приблизиться к Богу... Приблизиться к Богу можно только самоунижением. И вот, я тогда повел всех великосветских дам — в бриллиантах, в дорогих платьях, — повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех их раздел и заставил меня мыть. Вот они унизились перед Богом, и этим унижением, так сказать...»

Председатель. — К какому времени относится ваше с ним знакомство?

Манасевич-Мануйлов. — Это было несколько лет тому назад, — я не помню... После того как появилось это интервью, Распутин был страшно на меня обозлен: ему объяснили, что он сделал большую ошибку, что он рассказал, и он был страшно против меня восстановлен... Он говорил, что вышлет, сошлет меня... После этого я его совершенно не видел. К периоду назначения Штюрмера, когда Штюрмер был назначен, — мне кажется, уже я слышал и знал о том влиянии, которое имел Распутин. Меня во всем этом заинтересовало больше всего как журналиста — войти в этот мир, ознакомиться и со временем написать воспоминания, о чем я и говорил моему приятелю — Бурцеву... Я тогда решил найти какой-нибудь путь для того, чтобы повидать этого Распутина... Я знал, что Распутин бывает у одного репортера, Снарского (такой молодой человек), что там бывают ужины, на которые приезжает Распутин... Снарский мне сказал: «Завтра у меня будет Распутин: если хотите, приезжайте...» Я приехал около 12 часов ночи; помню, были какие-то две женщины, которых привез Распутин, был Снарский... Распутин меня встретил очень холодно и так посмотрел неприязненно... Но затем начали разговаривать, и он вдруг обращается ко мне и говорит: «Ты знаешь, меня на днях убьют!» Я говорю: «Кто же?» — «Да все, все готово для того, чтобы меня убить...» Я говорю: «Если ты знаешь, то, наверное, принимаешь меры...» — «Так! — говорит, — вот рука!.. Вот, видишь? — моя рука. Вот эту руку поцеловал министр, и он хочет меня убить...» Так как он был выпивши, то я думал, что просто — странная история... Назавтра, придя, я продолжал работать в «Новом Времени», и кто-то такой из репортеров говорит, что будто бы раскрыто покушение на жизнь Распутина... Начали тут расспрашивать: то, другое — никаких подтверждений этого не было... Проходит несколько дней после этого — мне звонит по телефону

некий Симанович (этого Симановича я встречал в клубе литературно-художественном)...

Председатель. — Позвольте вас прервать: этот министр был А. Н. Хвостов?

Манасевич-Мануйлов. — Да.

Председатель. — Пожалуйста, продолжайте.

Мансевич-Мануйлов. — Звонит Симанович, что ему нужно меня видеть, и назначает мне время. Он является ко мне и говорит: «Вот, вы состоите при председателе Совета Министров, а ведь вы знаете, что готовится покушение на Распутина и что в этом деле принимает живое участие не кто иной, как А. Н. Хвостов?... Некий Ржевский должен совершить это убийство». Я говорю: «Какой Ржевский? Кто такой? — сотрудник газеты?» Дело в том, что я сейчас же вспомнил, что у нас, в «Вечернем Времени», был господин Ржевский, который появлялся в форме болгарского офицера, и, в конце концов, М. А. Суворин узнал целый ряд очень некрасивых деяний этого господина, и он был удален из редакции... Оказалось, что этот самый и есть. Симанович очень путано, но, во всяком случае, установил факт, что Хвостов находится в сношениях с Ржевским и что хотят убить Распутина... Я счел нужным сейчас же доложить об этом Штюрмеру, и (помню — это было в 12 часов ночи, — именно ночью) я ему докладывал и спешил с этим, так как на завтра у Штюрмера был доклад у царя... Штюрмер отнесся к этому крайне недоверчиво: говорил, что это фантазия и, вероятно, — как он сказал — какие-нибудь жидовские происки и шантаж против Хвостова, который ненавидит жидов... Я ему сказал, что я счел нужным доложить, — «затем, я думаю, что вам было бы полезно выслушать этого Симановича». Он говорит, что утром у него доклад и, если он найдет нужным, скажет об этом государю; но чтобы я привел этого Симановича, что он хочет от него услышать кое-что... Утром Штюрмер уехал в Царское Село. Днем я привез к нему этого Симановича. Симанович рассказал то же...

Председатель. — Затем к вам приезжал Распутин, бледный, волновался, говорил, что будет убит?

Манасевич-Мануйлов. — Он приехал и спрашивает, что ему делать?.. Просил, чтобы я сказал Штюрмеру, чтобы принять какие-нибудь меры, более энергичные, так как он боится быть убитым...

Председатель. — Значит, история с банями была забыта? После этого важного свидания у Снарского, в связи с последующими событиями, — Распутин подошел к вам?

Манасевич-Мануйлов. — Да, уже были сношения... Потом, после этого, Хвостов пожелал дать объяснения по всему этому делу, и, как я слышал от Распутина, он являлся к Вырубовой и на коленях давал свои объяснения...

Председатель. — Это когда вам Распутин говорил?
Манасевич-Мануйлов. — Тогда же, в тот же период времени...

Председатель. — Во время своего приезда к вам?

Манасевич-Мануйлов. — После того... Между прочим, характеристика эта (данная Хвостову Распутиным) оказалась совершенно верной, потому что, действительно, Хвостов целовал руку у Распутина: когда был обед по случаю назначения Хвостова, то подали уху, и он сказал Распутину, что не будет есть, пока тот не благословит, — тогда тот благословил и Хвостов поцеловал руку.

Смиттен. — Публично поцеловал, при всех присутствующих?

Манасевич-Мануйлов. — Это был обед у Распутина.

Смиттен. — Кто присутствовал?

Манасевич-Мануйлов. — Вырубова была, Андронников... После этого Хвостов был удален некоторое время с поста. В Петроград приезжала с письмами Илиодора жена Илиодора, в письмах подробно рассказывался весь план убийства... Если вас интересует, как его должны были убить, я расскажу.

Председатель. — Нет, это нас не интересует... Скажите, Ржевский не доехал до Илиодора?

Манасевич-Мануйлов. — Он был арестован на обратном пути... У Распутина и Штюрмера здесь, в крепости, были свидания.

Председатель. — Как вы говорите, когда?

Мануйлов. — После назначения Штюрмера председателем Совета Министров. Были свидания у них с Распутиным здесь, в крепости, у коменданта крепости генерала Никитина. Дочь генерала Никитина играла очень большую роль. Это — фрейлина Никитина; она была посредницей между Штюрмером и Распутиным...

Председатель. — Теперь скажите, пожалуйста, кто вам говорил о свиданиях Распутина со Штюрмером здесь, в Петропавловской крепости?

Мануйлов. — Это не было тайной.

Председатель. — Вы сами участвовали в этих свиданиях?

Мануйлов. — Никогда не участвовал. Это исключительно делалось так, что Распутин приезжал прямо сюда на автомобиле, за ним заезжала фрейлина Никитина; но меня тут не было. А вот на свидании, которое произошло...

Председатель. — То есть два свидания?

Мануйлов. — Да, я говорю, оба раза я был там. Одно было очень характерное, где Распутин кричал на Штюрмера.

Председатель. — Вы сами были этому свидетелем?

Мануйлов. — Я сам слышал.

Председатель. — Почему же Распутин кричал?

Мануйлов. — Раздался крик очень сильный Распутина: «Ты не смеешь идти против желания мамаша!» Надо сказать, что мамаша и папаша — это царь бывший и царица, это кличка, которую им дал Распутин, — мать земли русской и отец земли русской. Вот, собственно, под этими двумя кличками они были... Затем опять отдельные возгласы, и Распутин говорит: «Смотри, чтобы я от тебя не отошел, тогда тебе — крышка». Затем он еще говорил, но я не знал, в чем дело. Конечно, меня заинтересовало, что там произошло, и, когда Штюрман уехал, а Распутин остался на некоторое время и я вместе с ним вышел, я его спросил: «Что ты так кричал на старика?» — «Не повинуются мамаше, стал сам прыгать». Вот его точное выражение: «Он, старикашка, должен ходить по веревочке, а если это не так будет, то ему шея будет сломана».

Председатель. — Это вскоре было после назначения Штюрманом председателем Совета Министров?

Мануйлов. — Это было вскоре. Я думаю, дней через 8—10, такой промежуток времени... Теперь про отношения Распутина к Вырубовой?

Председатель. — Это может иметь интерес.

Мануйлов. — Несомненно. Были три женщины, по-моему, может быть, я ошибаюсь, психически ненормальные, которые были при Распутине: Вырубова, сестра милосердия Акилина Лаптинская и Мария Головина. Это безусловно психопатки чисто половой формы.

Председатель. — То есть вы думаете, что их связывали с Распутиным половые отношения?

Мануйлов. — Нет, но я думаю, что это был половой психоз. По поводу Вырубовой я могу сказать следующее: по воскресеньям у Распутина была так называемая «уха», на которую приходили его знакомые. Сидело за столом человек 20, по крайней мере. Так — сидит Распутин, так — Вырубова. Начинается о чем-то разговор, потом Распутин говорит: «Вот ты, Аннушка, само добро, от тебя добро идет». И начинает на эту тему говорить. Она смотрит на него совершенно дикими глазами, вливается в него и каждое его слово ловит, потом хватает его руку и при всех (тут были самые подозрительные дамы) целует ее. Я присутствовал несколько раз. Ее я видел раза четыре. Два раза я слышал, как Распутин на нее кричал так, как не позволит себе кричать даже на горничную или на кухарку кто бы то ни было, и она сносила это. Тут было полное подчинение, и она была аннулирована. Такое же отношение было к царице. Присутствовавший при такой сцене епископ Исидор рассказывал мне, что он кричал на императрицу, и она не смела ни одного слова сказать. Так что эти женщины были у него в полном повиновении.

ВЫПИСКА¹

из данных наружного наблюдения за
Григорием Распутиным, за время с 1 января
1915 г. по 10 февраля 1916 г.

1915 г.

1 января. Распутин послал телеграмму в Покровское² сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром, возить, когда разрешат рубить».

10 янв. Шаповаленкова³ принесла ему в подарок ковер. Послал телеграмму: «Царское, дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой⁴. Хотя телом не был, радую духом, чувство мое, чувство божие. Посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

12 янв. Распутин принял прошения от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и от крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял 250 рублей.

17 янв. Распутин на 50 минут посетил бани в д. № 3 по 4-ой Рождественской ул., но был ли он там один или с кем-либо, наблюдение не видело.

18 янв. Распутину принес 1000 руб. и отдал ему под расписку в разносной книге артельщик статского совет-

---

¹ Настоящая выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным воспроизводится из тома 5-го выходящего в Москве «Красного Архива». По словам редакции «Красного Архива», эта сводка в уже сокращенном виде получена при посредстве одного лица, имя которого не указывается, от генерала Комиссарова. Ввиду значительного интереса, представляемого этой сводкой, и не имея возможности сверить ее с подлинником, мы воспроизводим ее в том виде, в каком она отпечатана в «Красном Архиве». Примечания составлены, по-видимому, на основании табели, ведшейся относительно всех лиц, посещавших и посещаемых Распутиным.

² Село Покровское, Тобольской губ., родина Распутина.

³ Шаповаленкова, Анастасья Николаевна, жена доктора, поклонница Распутина; адр.: Каменноостровск. просп., 24-а.

⁴ Вырубова, Анна Александровна, дочь сенатора Танеева, фрейлина и интимный друг царицы, поклонница Распутина; адр.: Царское Село, Церковная ул., 2.

ника (поставщика угля на флот) Гинсбурга¹ крестьянин Август Корнилович.

26 янв. Симанович² принес Распутину несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На балу были: супруги Вольтинские³, Шаповаленкова, Мария Головина⁴ и еще по одиночке пришли неизвестные 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали; гулянье затянулось до позднего времени.

28 янв. Фон-Бок⁵ с неизвестным привез Распутину ящик вина.

12 февраля. Распутин с неизвестной женщиной проведен в д. № 15—17 на Троицкой улице к князю Андронникову⁶. Отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин (с гитарой), которые пробыли до 6 часов утра, пели и плясали. Утром Распутин никого не принимал, так как спал.

18 февр. Распутин послал телеграмму: Царское Село, Вырубовой. «Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в три».

19 февр. Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. № 1 по Спасской ул. от Соловьевых⁷ с двумя дамами и на таксомоторе уехали без наблюдения, а в 3 ночи он вернулся домой один.

21 февр. К Распутину на моторе приехал Николай Алексеевич Глазов и привез с собою несколько бутылок вина. Захватив Распутина, уехали вместе в Большую Северную гостиницу к Тереховой-Миклашевской⁸. Распутин пробыл здесь 1 ч. 50 минут.

---

¹ Гинсбург, Моисей Акимович, 63 лет, действ. ст. сов. и коммер. сов. петр. 1-й гильдии купец, банковск. делец; адр.: Вас. Остр., 11-я лин., 18.

² Симанович, Арон Симонович, 42 лет, петрогр. 1-й гильдии купец, из гор. Мозыря. Личный секретарь Распутина; адр.: Пушкинская, 9, затем Николаевская, 8.

³ Вольтинские, Михаил Давыдович, 54 лет, агроном, и жена его Софья Леонтьевна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Троицкая, 15—17.

⁴ Головина, Мария Евгеньевна, 26 лет, дочь действ. ст. сов., поклонница Распутина; адр.: Мойка, 104.

⁵ Фон-Бок, Лев Карлович, 52 лет, колл. сов.; адр.: Соляной пер., 7—12.

⁶ Князь Андронников, Михаил Михайлович, 28 л., причисленный к министерству внутр. дел, чиновник; адр.: Троицкая, 15—17, затем: Фон-танка, 54.

⁷ Соловьевы, Николай Васильевич, 52 л., действ. ст. сов., крупный чиновник святейш. синода, и жена его Елизавета Петровна, 30 л., поклонница Распутина; адр.: Спасская, 1, затем Гороховая, 69.

⁸ Терехова, Евгения Георгиевна, 23 лет, урожд. Миклашевская, потомст. дворянка, куртизанка; адр.: Невский, 118, (Северн. гостин.).

10 марта. К Распутину приходила Евгения Карловна Ежова¹ просить его содействия по устройству ей подряда по поставке белья для войск, на 2 миллиона рублей. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7—8 мужчин и женщин, во главе с прапорщиком Карпотиным² и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания кричала, пела песни, плясала, стучала и все пьяные вышли вместе с Распутиным и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. № 8 по Пушкинской ул., к проститутке Трегубовой³, а оттуда в баню.

12 марта. Распутину на квартиру Алексеев⁴ принес одну бутылку вина.

13 марта. Миллер⁵ купил Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. № 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

14 марта. Поган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина для сбора пожертвований.

25 марта. Распутин выбыл в Москву.

26 марта. В отсутствие Распутина приходила просить Варвара Нищенко⁶ об освобождении ее дяди, полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 2000 рублей.

30 марта. Распутин вернулся из Москвы. Послал телеграмму в Москву: 1. Большой Гнездниковский пер., д. 10, княгине Тенишевой. — «Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2. Козицкий пер., дом Бахрушина, Джанумовой⁷. — «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой целую».

---

¹ Ежова, Евгения Карловна, 41 г., жена Клинского мещанина; адр.: Невский, 118 (гост. «Северная»), затем Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

² Карпотины, Николай Вас., 19 лет, прапорщ, учебн. автомобильн. роты, и жена его Ольга Васильевна; адр.: Петрогр. Сторон. Больш. просп., 74.

³ Трегубова, Вера Иевлевна, 26 лет, Шлиссельбургск. мещанка, замужняя, выкрещенная еврейка, проститутка; адр.: Пушкинская, 8.

⁴ Алексеев, Борис Кириллович, 30 л., чиновн. особ. поруч. VII кл. при мин. торг. и пром., титулярн. сов., жена его Ольга Сергеевна, 30 л., адр.: Фонтанка, 88.

⁵ Миллер, Малка-Лея-Бася, 41 г., жена Слонимск. мещанина Моисея Нисонова Миллера; адр.: Лиговка, 45.

⁶ Нищенко, Варвара Алексеевна, 35 л., вдова надворн. сов., Вознесенск. просп., 27.

⁷ Джанумова, Анна-Елена Францевна, 35 лет, жена моск. купца, поклонница Распутина; Петрогр. адрес: Мойка, 60 (гост. «Россия»).

3 апр. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

9 апр. Распутину в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и «Биржевой День», и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апр. Распутин с монахом Мартианом¹ был в д. № 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина Василия Евгеньевича Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни, и Распутин плясал с горничной Пестрикова.

25 апр. Распутин посла телеграмму тобольскому епископу Варнаве²: «Был у Обера³ отклоняет по поводу войны, был ласков, но не по нашему делу».

26 апр. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10—12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн⁴ с какой-то женщиной. В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска; кому-то аплодировали. Это происходило до двух часов ночи.

27 апр. Было слышно, что Распутина вызывают в Царское Село, но так как он еще не проспался, то Волынский и баронессе Кусова⁵ не советовали ему в таком виде ехать и говорили «испортит все дело». Между собой вели разговоры: «что-то наш старец избаловался». Посоветовали ему часа два спать и сказали, чтобы в квартиру к нему никого не пускали.

9 мая. Распутин посылал жену швейцара к массажистке, но та отказалась его принять. Тогда он сам пошел в том же доме к портнихе «Кате», 18 лет и говорит ей: «Почему ты не приходишь ко мне?». Она ответила, что «Нет костюма». «Ты приходи ко мне через неделю, я тебе дам 50 рублей».

11 мая. Распутин послал телеграмму Саблеру: «Милый, дорогой, вчера мы беседовали там с мамой, нашли, что

---

¹ Мартиан, игумен Тюменского монастыря, закадычный друг Распутина.

² Варнава, епископ Тобольского монастыря, закадычный друг Распутина.

³ Обер-прокурор свят. синода, Саблер.

⁴ Рубинштейн, Дмитрий Леонович, 39 л., кандидат юридич. наук, банковский делец, крупный аферист; адр.: Царицынская ул., 5.

⁵ Боронесса Кусова, Вера Илларионовна, жена ротмистра, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская, 5.

не так просто беспокоить владыку нашего. Они надеются, что можно удержать дело».

Распутин привел к себе на квартиру проститутку и запер в комнате, но прислуга ее выпустила.

12 мая. Распутин послал телеграмму Тобольскому губернатору: «У меня в Покровском три недели живет подозрительный человек, то говорит из Москвы, то другого места. Ответ пошлите Царское Село Вырубовой».

14 мая. В 5 часов вечера направился в д. № 15 по Малой Дворянской улице к Бельковскому и Цезаревой. В 10 ч. в одной из комнат квартиры, занимаемой Бельковским, не было огня, но наблюдению удалось увидеть с улицы, как одна из присутствовавших там женщин перешла освещенный зал и заглянула в темную комнату, и вскоре побежала в ту комнату, где сидели мужчины. После этого было видно, как Распутин, услышав, по-видимому, тревогу, выбежал из темной комнаты, в передней схватил свою шляпу, пальто и, не одеваясь, выбежал на улицу, а в нескольких шагах бежали за ним двое мужчин. Последние только выбежали на улицу и один сказал: «Вот он бежит», и затем оба вернулись в дом. Распутин же на ходу вскочил на извозчика и стоя ехал до Литейного проспекта, все время озираясь, не гонятся ли за ним, а потом остановился среди улицы, пропустил мимо себя всех ехавших за ним и, успокоившись, возвратился домой.

18 мая. Распутин просил инженер Мендель Нейман¹ устроить высочайшее помилование от 8-месячного сидения в крепости, осужденного за укрывательство или подкуп от воинской повинности. Посредником при передаче прошения Распутину был Поган.

19 мая. Распутин сказал Нейману, что прошение передано «самому». Длин², она же Долина, просила Распутин устроить переход в русское подданство купца Мандль³.

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса⁴ домой пьяный. Страстно целовал Трегубову при прощании и трепал по щеке, а затем жену швейцара посылал за портнихой «Катей», в том же доме, квартира № 31, но ее не было дома.

---

¹ Нейман, Мендель-Эммануил Янкелевич, инженер-технолог; адр.: Садовая, 9.

² Длин, она же Долина, Ефросинья Михайловна, 27 л., Новгородская мещанка, крещ. еврейка; адр.: Лиговка, 44.

³ Мандль, крупный московск. купец, торг. готовым платьем, пострадавший при черносотенном антинемецком погроме в начале войны.

⁴ Манус, Игнатий Перфильевич, Петрогр. 1-й гильдии купец, крупный банкир, делец и аферист; адр.: Таврическая, 3-б.

1 июня. Распутин послал телеграммы: в Покровское, Новых¹. «Скорблю, рвусь домой. У Аннушки² горе, будет операция, пока не отпускают. Как у вас дела, целую», и туда же Шестакову (начальнику почтово-телеграфной конторы), «Дай им две тысячи своих, через три недели привезу».

2 июня. Распутин в 10 часов вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским³ и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, живущей там же, но дома ее не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру № 31 к портнихе Кате. По-видимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся и на лестнице стал приставать к жене швейцара, прося его поцеловать. Та, вырвавшись, позвонила к нему в квартиру и прислуга его, Дуня, увела Распутина домой.

14 июня. Добровольский⁴ привез Распутина корзину вина, а потом эту корзину с вином отвезли в д. № 18 по Садовой ул. к Филиппову.

15 июня. Распутин выехал в село Покровское.

19 июня. В Тюмени Распутин остановился на сутки в мужском монастыре у своего друга, настоятеля этого монастыря, Мартиана. В тот же день был дан Мартианом обед, на котором присутствовали и светские лица с женами. После обеда Распутин был заметно выпивши. По словам о. Мартиана, Распутин один выпил около 2-х четвертей монастырского вина.

20 июня. Распутин с Мартианом, Патушинской и Дуней, имея сверток со свежими огурцами и полведро вина, на монастырских лошадях поехали к проживающему в Тюмени Стряпчеву, где пробыли 40 минут.

24 июня. У Распутина в своем доме в селе Покровском были гости, и он, выпивши, заводил граммофон, плясал и несвязно подпевал. В тот же день рассказывал своим поклонникам, как он освободил от наказания триста человек баптистов и с каждого должен был получить по тысяче рублей, но получил всего лишь пять тысяч. А когда по-

¹ Новых — новая фамилия Распутина. Телеграмма адресована им жене.

² Анна Вырубова отдала на жел. дороге ногу. Часть ступни ей ампутировали.

³ Кузьминский, Василий Александрович, старш. лейтенант гвард. флотск. экипажа, его жена Надежда Дмитриевна, 28 лет, поклонница Распутина, адр.: Торговая 4, кв. 32.

⁴ Добровольский, Иван Иванович, 48 л. колл. сов., инспектор нар. училищ Царскосельского уезда, впоследствии уволенный. Жена его Мария Семеновна, 29 лет, поклонница Распутина; адр.: Пушкинская, 17, кв. 5.

следний раз был у государя, то отстоял от призывал ратников ополчения 2-го разряда до осени, то есть до окончания уборки хлеба.

Через с. Покровское проезжал тобольский губернатор. Во время остановки парохода Распутин заходил и просил губернатора сложить штраф в размере 50 рублей, наложенный на крестьянина с. Покровского за постройку дома на неуказанном месте.

25 июня. Во время прогулки по селу Распутин рассказывал агентам, что его любят три министра: Горемыкин, князь Шаховской и третьего не договорил, и что великий князь Николай Николаевич ему хорошо знаком и что в 1905 году великий князь дал бы России конституцию, но еще было рано.

26 июня. В с. Покровское, к соседке Распутина, Наталье, пришла какая-то женщина и расспрашивала про него, а затем просила переночевать у нее, но та не позволила ей, а утром, придя, рассказала все это Распутину. Последний сейчас же послал десятского искать эту женщину по селу, но не нашел. Распутин очень струсил и долго припоминал царицынских знакомых женщин.

27 июня. Распутин получил телеграмму из Царского Села от Вырубовой: «Чувствуется горе, скучаю, писала, благослови. Анна».

29 июня. Послал телеграмму Вырубовой. Содержание неизвестно.

30 июня. К Распутину приехали в экипаже из Тюмени епископ тобольский Варнава и настоятель мужского монастыря о. Мартиан. Последний привез два полуведерных бочонка вина.

1 июля. К Распутину из Тюмени на пароходе приехал неизвестный еврей, по-видимому, какой-то промышленник, проживающий в Перми. Пробыл 40 минут.

4 июля. К Распутину приехал опять о. Мартиан и в тот же день на пароходе с женою Распутина и Дуней уехал в Тюмень.

5 июля. Распутин выходил на пристань встречать какую-то прибывшую из Тюмени женщину и говорил с ней 20 минут. Женщина поехала за Тобольск. В тот же день к нему приехали еще две женщины, живущие в Тюмени, как видно, первый раз.

Послал две телеграммы: Царское Село, Вырубовой — «Как здорова, целую», и Петроград, Пушкинская, 17 Добровольскому — «Скажи, кто третьего выехал».

7 июля. Приходил из села Коврижки дьякон и целовал Распутину руку. В 8 часов 10 минут вечера из Петрограда приехала Елизавета Петровна Соловьева¹ и с нею из Тюмени жена Распутина и Дуня.

9 июля. К Распутину пришел вновь назначенный в с. Покровское священник отец Сергей и целовал у Распутина руку. В 8 часов вечера Распутин вышел из дома с красным лицом, по-видимому, выпивши, и с ним Соловьева. Сели в экипаж и вдвоем поехали далеко за деревни в лес. Через час вернулись, причем он был очень бледный.

11 июля. К Распутину из Ялуторовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьева и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, причем Патушинскую взял рукой за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво.

12 июля. Соловьеву вызвал муж телеграммой в Петроград. Распутин, обхватившись с Патушинской, гулял в своем дворе и был очень весел.

13 июля. Распутин после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна, и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями.

Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, причем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием.

14 июля. Распутин уехал в Тобольск к Варнаве. Агентов с собой не взял.

15 июля. К Распутину из Петрограда приехал Добровольский с Авчуховой (ныне его жена).

17 июля. Распутин вернулся из Тобольска. Добровольская после завтрака играла на пианино, и пели песни все хором. Распутин много хлопал в ладоши и притаптывал ногами, а потом ходил, обнявшись с Добровольской, не стыдясь своих дочерей. Затем отправились в поле, пели песни, бегали и Распутин играл в мяч.

20 июля. Распутин и Добровольский с женой были в том же селе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпившим и зашел к жене псаломщика Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять идти на улицу, но Дуня просила не ходить. Послал ее «к черту», пьяный ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговорился относительно войны. «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 телеграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что это «наши домашние дела и суду не подлежат». Затем Распутин вел раз-

⁹ Соловьева, Елизавета Петровна, 30 л., жена действ. ст. сов., крупн. чиновника свят. синода, поклонница Распутина.

говор относительно прибывшего в с. Покровское священника о. Сергея. Разговор возник из-за того, что в с. Покровском 20 июля был крестный ход, затем молебен с водосвятием, для какой-то цели поставлены были четыре ведра с водой. Священник, увидев 4 ведра, заявил, что четыре раза молебен он служить не будет, порознь для каждого ведра. Тут нашлись смельчаки из молящихся и объяснили ему, что достаточно и одного молебна на все четыре ведра сразу. По окончании молебна священник не хотел дать приложиться к кресту, а заявил, что это будет в церкви после обедни, на что молящиеся запротестовали, и священник вынужден был согласиться и дал им приложиться. Священник этот совсем не знает богослужения и есть слух, что он происходит из московских купцов и прислан сюда по рекомендации редактора журнала «Колокол», Скворцова. В заключение Распутин сказал, «не знаю, что делать с о. Сергием».

Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентам перестал давать относить их на почту.

21 июля. Распутин, Добровольский с женой, дьякон Ермолай с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским. Во время пути Добровольская играла на пианино.

22 июля. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, посадила с собой Распутина, а остальные расселись на извозчиках и отправились на квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 ч. вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улицам. Около 10 часов вечера (по-видимому, это было условлено заранее) Распутин выпрыгнул в окно на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту.

23 июля. Добровольский с женой уехали в Петроград. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери зашли в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в том доме когда-то жили князь-декабристы.

24 июля. Распутин с дочерьми уехал от Патушинских в Тюмень и там, оставив дочерей на пристани, сам отправился к настоятелю Мартиану. Через два с половиной часа Распутин вышел вместе с Мартианом, неся корзину, по-видимому, с вином и один отправился на пристань и уехал с дочерьми в с. Покровское.

27 июля. Распутин с сыном на лошадях отправились в Тюмень, а отсюда по железной дороге в Петроград. Во время пути на одной из станций обедал с одной тарелки с сыном и руками брал из этой тарелки капусту и клал себе в ложку.

31 июля. В 10 с половиной часов утра прибыл в Петроград. На вокзале встречал статский советник Николай Васильевич Соловьев, жена которого приезжала в с. Покровское. Сели на извозчика и поехали к Соловьеву на Гороховую, 69.

2 авг. Распутин послал из Петрограда телеграммы: 1. в Ялуторовск Патушинским, «Скоро увидимся, целуем» и 2. в Покровское, Тобольской губ. Новых, «Скоро будем, целуем».

5 авг. Распутин выехало обратно в Покровское. На вокзале провожали: Татьяна Шаховская¹, баронесса Кусова, Миллер, Добровольский с женой, а Вырубова и фон-Пистолькорс² на их моторе привезли его на вокзал, но из мотора не выходили.

В пути Распутин познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и вышел провожать на ст. Камышлов. Тут же на платформе прощался с ними, а дам здесь встречали штаб- и обер-офицеры, которым дамы и показали Распутина. В разговоре между ними был слышан рассказ о покушении на жизнь Распутина Гусевой, а затем что-то такое про больницу. Выслушав рассказы дам, подполковник обратился к обер-офицеру: «Видите ли, если бы они проехали еще одну станцию, то, наверное, потеряла бы мать дочку или же наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз в глазах».

Не доезжая до станции Буй, Распутин перешел в вагон, где сидели агенты, его сопровождавшие, и начал с ними разговор с войны, что война идет у нас очень плохо и в Петрограде скоро будет большая перемена. «Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встречал меня, но Самарин долго обер-прокурором синода не будет». А сам Распутин пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли донесли о встрече меня Соловьевым?». Агенты ему ответили: «Это не наше дело». «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил, — может, сыщики донесли на Соловьева. На это

---

¹ Княгиня Шаховская, Татьяна Федоровна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Моховая, 32, затем Лиговка, 44.

² Фон-Пистолькорс, Александра Александровна, 25 лет, жена поручика запаса, состоящего при штабе гвардии, сестра А. А. Вырубовой, дочь сенатора Танеева, поклонница Распутина.

я ответил царю. «Не знаю, может, и они. Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может, на одну неделю, а может, и на больше, как там дела». В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза. Он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но «я от этого отказался». Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград, около 12 часов ночи «видел, как прятался от меня за подъемную машину сыщик. Жаль мне его стало, а если бы узнал, кто он такой, то плохо бы ему было».

9 авг. В Тюмени Распутин, выйдя из монастыря от настоятеля Мартиана, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту и в 11 часов утра отбыл в с. Покровское. Около часу дня Распутин вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты были местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем дал им на чай 25 рублей и заставил их петь песни. Прослушав несколько песен, удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут обратно, дал солдатам еще сто рублей. Пенье песен усилилось и в хоре участвовал и сам Распутин. Пенье продолжалось около часу, после чего Распутин забрал всех солдат и повел во 2-й класс, разместил их за столами и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во втором классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время Распутин опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посередине и все пели хором, причем пеньем руководил Распутин и был в очень веселом настроении. Дав солдатам еще 25 рублей, заказал для них обед стоимостью в 15 рублей, а затем удалился в свою каюту. Через несколько минут было слышно, как он заявлял о пропаже у него трех тысяч рублей, после чего опять ушел в каюту и минут через 20 вышел из нее пьянее прежнего, зашел в третий класс и там поссорился с неким Разумовским (из Тюмени). Последний хотел отколотить Распутина, но дело прошло миром. Затем там же Распутин поссорился тоже с тюменским купцом Михалевым. Ссора началась с разговора о вызывающих действиях тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел. Распутин после этого встретил официанта парохода, обозвал его «жуликом» и сказал, что это он украл у него три тысячи рублей. Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что «приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол». После этого инцидента Распутин опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики было слышно: «Распутин, вечная память тебе, как святому человеку». Дру-

гие говорили: «Надо его обрить, или машинкой бороду снять». По просьбе агентов окно в каюте было закрыто. Часа за два до прибытия парохода в с. Покровское, Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу пьяный до самого прихода парохода в с. Покровское.

В 8 час. вечера прибыли в с. Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они вчетвером вытащили его, мертвецки пьяного. Встречать его приехали проживающие в с. Покровском Распопов, две дочери Распутина — Дуня и Катя. Взвалили его на телегу и повезли домой.

10 авг. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий, все время ахая и удивляясь, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло». В этом разговоре он между прочим сказал, что «Джунковского со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой». Еще говорил, что «и вашего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «какого? Графа Адлерберга?» «Нет, я не знаю, как его зовут», а затем начал говорить о чем-то другом.

11 авг. В Покровское приехал из Тобольска Варнава и в тот же день уехал в Тюмень.

15 авг. В Покровское приехал Мартиан.

18 авг. В с. Покровское из Тобольска приехал Августин¹ и в тот же день уехал в Тюмень. Приехала к Распутину и Патушинская.

19 авг. Распутин отправился к дьякону Ермолаю, который по приходе Распутина тотчас же ушел в церковь, а Распутин пробыл у его жены целый час. Из села Покровского священник о. Николай ездил в Тобольск к Варнаве и привез оттуда Распутину новость, переданную ему Варнавой, что губернатор Распутина за пьянство и приставание хотел арестовать административным порядком на три месяца, но епископ Варнава защитил. Во время передачи всего этого отцом Николаем, Распутин плюнул и сказал: «Что мне губернатор-то?»

6 сент. Во время прогулки Распутин между разговором сказал сопровождавшим агентам: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби даже оглох. Бывает на душе два часа хорошо, а потом неладно». Агенты спросили его: «Почему это у вас так?» «Да потому, парень, неладное творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают, придется судиться».

---

¹ Архимандрит Августин

9 сент. Когда Распутин находился в гостях у брата своего Николая Распутина и тут же было несколько других лиц, пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин, как бешеный, вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец!» Пришлось их силой расталкивать. После осмотра у отца оказался подбитый глаз с огромным кровоподтеком, так что закрыло весь глаз. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя ему рассказать всем, что он ничего не знает, а «только знает Дуню (прислугу) держать за мягкие места». После этого пришлось Распутина силой удерживать от вторичного нападения на отца. Оба они были пьяны.

В этот день Распутин послал две телеграммы, одну в Царское Село, а другую в царскую ставку.

Распутин сына своего Дмитрия, как ратника 2 разряда, призванного на действительную службу, повез в Тюмень, куда в тот же день приехала из Ялуторовска и жена штабс-капитана Патушинская, которая и устроила сына Распутина в 7-ю роту местных войск. В Тюмени Распутин, его сын, жена Распутина и Патушинская остановились в мужском монастыре у настоятеля Мартиана. По городу Тюмени Распутин, как видно, боится ходить и в разговоре агенту Терехову сказал, что «хотя в Тюмени у меня знакомства много, но ходить время нет», а между тем сидит целый день в монастырской ограде, ничего не делая.

Распутин ходит боком. Как видно, во время драки с отцом зашиб бок.

12 сент. Распутин говорил агенту, что хочется выехать в Петроград, но его не вызывает Вырубова.

19 сент. Распутин получил письмо, помеченное 16 сентября, писанное на машинке: «Григорий, наше отечество разрушается, хотят заключить позорный мир. Так как ты получаешь из царской ставки шифрованные телеграммы, значит, имеешь большое влияние. Потому мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министры были ответственными перед народом, чтобы Государственная Дума была собрана к 23 сентября сего года для спасения нашего отечества, и если ты этого не исполнишь, то тебя убьем, пощады не будет, — рука у нас не дрогнет, как у Гусевой. Где бы ты ни был, это будет выполнено. На нас, десять человек, пал жребий».

24 сент. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда и прибыл 28 сентября.

11 окт. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Убери шпиона, плати по 15 рублей душевную больницу Ивану

Хлопову я заплачу иереи просят тебя извиниться, что надо, все сделано».

14 окт. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она, якобы, взяла в 25 рублей взятку с какого-то министра, и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронят».

22 окт. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просит вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала, смутилась, отказывалась вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Но потом согласилась и вернулась. До позднего времени выхода ее не было.

24 окт. Распутин послал телеграмму: «Екатеринбург, епископу Серафиму. Извиняюсь за беспокойство, успех мой не совершился, каждый своего тянет. Григорий».

28 окт. Распутин дал письмо Белянину к товарищу министра юстиции Веревкину, но Веревкин письма этого не принял, сказав, что «дело не мое, а высшего начальства». Тогда Распутин обещал ему содействие через Вырубову. Белянин хлопотал о пересмотре своего дела относительно пожара в его магазине, во Владивостоке.

31 окт. Распутину на квартиру привезли на прокат пианино.

3 ноября. К Распутину пришла неизвестная женщина, которая хлопочет о своем муже прапорщике, лежащем в одном из лазаретов, чтобы его оставить в Петрограде. Выйдя от Распутина, начала рассказывать швейцарихе, что какой-то странный он человек, и описала, как он ее принимал. «Впустила меня в квартиру какая-то девочка и провела в комнату, потом вышел ко мне Распутин (первый раз его вижу) и сказал: раздевайся, пойдем сюда. Я разделась, пошла с ним в комнату, первую от дверей, налево. Он мало слушал мою просьбу, а стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: «поцелуй меня, я тебя полюбил». А потом написал какую-то записку и снова стал приставать: «поцелуй, поцелуй, я тебя полюбил». Этой записки не дал, сказав, что «я на тебя сердит, приди завтра». Агент Терехов спросил эту даму, намерена ли она зайти завтра, но последняя ответила: «Нет, потому что к нему идти, то надо дать задаток, какой он хочет, а я не могу этого сделать, потому и не пойду».

5—6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут утра на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

Распутин вместе с Боберманом¹ уехали на моторе и вернулись через 5 часов, причем Распутин был выпивши и при прощании очень целовался с Боберманом. Когда шел в квартиру, то спросил: «Кто у меня есть?» Ему сказали, что две дамы. «Красивы ли они?» Ему сказали: «Да, очень красивы». «Ну, хорошо, мне такие и нужны». Около 7 часов вечера вышел из дома, еще не проспавшись, дал швейцарихе 10 рублей и что-то бормотал непонятное, стуча палкой.

10 ноября. Распутин послал агента Свистунова с письмом к господину министру внутренних дел.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской очень пьяный и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

15 ноября. Секретарь Распутина, Симанович, принес корзину и сказал, что тут шесть бутылок мадеры, икра и сыр.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

23 ноября. Уйдя вчера вечером, Распутин вернулся сегодня в 5 часов утра, совершенно пьяный.

24 ноября. Пришла неизвестная дама и спрашивала у швейцарихи, когда Распутин ездит в Царское Село, когда и куда он ходит в церковь. Когда швейцариха предложила ей зайти к нему, то она отказалась, сказав, что она увидит его в Царском Селе в церкви, и добавила, что ее дочь, якобы, училась с дочерью Распутина. Увидев на лестнице агентов, неизвестная спросила швейцариху, кто это, и, получив ответ, что — агенты, просила об этом не говорить им.

25 ноября. Распутин вернулся в 5 часов утра. В ночь с 25-го на 26-е у Распутина ночевала артистка Варварова².

29 ноября. Распутин послал телеграмму: «Москва, М. Дмитровка, 3, Миклашевской. Почему Корзинкина не едет по делу».

Распутин с Долгорукой³ приехал на моторе к ней в гостиницу «Астория» в три с половиной часов ночи и остался у нее до утра.

3 дек. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла

---

¹ Боберман, Абрам Моисевич, 49 л., Самарский 1-й гильдии купец; Петрогр. адрес: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

² Варварова, Вера Карловна, 26 л., мещанка гор. Николаева, артистка, содержанка подполковн. Н. С. Езерского; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

³ Княгиня Долгорукая, Стефания Семеновна, 38 лет, жена камер-юнкера высочайшего двора; адр.: Морская 39/12 (гост. «Астория»).

в первый раз Лейкарт¹, урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка сенатора Мамонтова — Воскобойникова², которой Распутин предложил зайти к нему в час ночи.

5 дек. Распутин вернулся домой в три часа ночи пьяный.

7 дек. К Распутину на моторе приехал Рубанович и вместе отправились в ресторан «Донон» (Мойка, 24), а отсюда послали шофера в гостиницу «Россия» и тот привез оттуда в ресторан «Донон» Джанумову и Филиппову³. После обеда Распутин поехал с этими дамами в гостиницу «Россия», где они проживают.

12 дек. Распутин вернулся домой в 9 час. 50 мин. утра вместе с Варваровой, по словам извозчика, с Алексеевской улицы. Вероятно, ночевал у Варваровой.

14 дек. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадтской ул., от Свечиной⁴, вместе с женой потомственного почетного гражданина, Марией Марковной Ясининской, 28 лет, проживающей в № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Родэ», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоящему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буянить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне, в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясининской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

15 дек. Распутин с подполковником Езерским⁵, Варваровой и двумя неизвестными женщинами отправились на моторе в ресторан «Вилла Родэ» и в 2 часа ночи наблюдением были там оставлены.

17 дек. Княгиня Долгорукая прислала мотор за Распутиным, который и привез его в гостиницу «Астория», где

---

¹ Лейкарт, Ольга Алексеевна, 28 лет, урожденная Мордвинова, жена потомст. дворянина; адр.: Б. Пушкарская, 14.

² Воскобойникова, Надежда Ивановна, 32 лет, вдова подъяесаула, содержанка сенатора В. Н. Мамонтова; адр.: Михайловская ул., 1—7 (Европ. гост.).

³ Филиппова, Галина Федоровна, 29 л., жена пот. поч. гражд., подруга Джанумовой, поклонница Распутина.

⁴ Свечина, Елизавета Евгеньевна, 30 лет, жена полковн. генер. штаба.

⁵ Езерский, Николай Семенович, подполк. 31 пеш. Смоленской дружины, содержатель Варваровой; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

заняли отдельный кабинет. Туда же вскоре явился бывший Петроградский градоначальник генерал Клейгельс и вместе пробыли около 2 часов.

19 дек. Распутин с неизвестным чиновником и дамой вышли из квартиры около часу ночи, а вернулся Распутин домой один в 6 час. утра.

20 дек. Распутин вместе с секретарем митрополита Питирима, бывшим архивариусом канцелярии экзарха Грузии, Иваном Зиновьевичем Осипенко, в моторе отправились в д. № 26-а, кв. 10, по Песочной ул., к потомственному почетному гражданину Андрею Ипполитовичу Книрше, 28 лет (с женой не живет). Сюда же были привезены из ресторана «Вилла Родэ» 2 корзины вина и был приглашен хор цыган. Около 2 часов ночи видно было в окно, как Распутин танцевал. В эту ночь Распутин вернулся домой около 7 часов утра в сопровождении двух неизвестных мужчин, мертвецки пьяный.

24 дек. В 7 часов вечера к Распутину пришел секретарь митрополита Питирима, И. З. Осипенко, а спустя минут 50 на прокатном моторе к Распутину приехали: княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, жена поручика Александра Александровича фон-Пистолькорс и неизвестный офицер, причем из мотора вышла только одна Шаховская и минут через 10 вывела с собою из квартиры Распутина и Осипенко, которые сели в тот же мотор и все пятеро отправились, по-видимому, в Александро-Невскую лавру. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру Распутина на собственном моторе приехала графиня Ольга Эриковна Крейц, проживающая в д. № 29 по Адмиралтейскому каналу, и с нею вместе приехала и дочь действ. ст. сов., Марья Евгеньевна Головина. Последняя зашла в квартиру Распутина и вскоре вышла с крестьянкой Акулиной Никитишной Лаптинской¹, сели в мотор и отправились в Александро-Невскую лавру, в собор, где уже находился Распутин, но ни офицера, ни приехавших с ним дам в соборе наблюдение не видело. После богослужения, в 10 часов вечера, Распутин вместе с Осипенко вышли из собора и направились в покои митрополита Питирима, откуда выхода их наблюдение не дождалось. Две же дамы (кто именно — наблюдение сказать не может, так как хорошо их не видело) направились к отдельному зданию с правой стороны собора, после чего их наблюдение не видело.

Вернулся Распутин домой 25 декабря в 9 часов утра.

---

¹ Акулина Лаптинская, кр. Могил. губ. Городецк. у. Светошинской вол., 29 лет, поклонница Распутина, проживала сначала по Каменоостр. пр., д. 24-а, а затем переехала на квартиру Распутина на Гороховую, 64.

1 янв. У Распутина были гости до 4 ч. ночи, пели песни.

2 янв. Распутин в час ночи пришел домой пьяный, а в 2 часа ночи к нему пришел неизвестный офицер с дамой и вскоре сюда же пришла Базилевская. Пробыли они до 4 часов ночи.

4 янв. Распутин вернулся домой с Осипенко около 12 час. ночи. Осипенко сейчас же ушел. В час ночи к Распутину пришла потомственная дворянка, содержательница частной женской гимназии, Елена Порфирьевна Турович¹, и пробыла около часу.

5 янв. Распутин, Осипенко, Дуня и Миллер на извозчиках отправились на квартиру к Миллер (Лиговка, 45), и сюда же, было видно, привезли корзину вина. Домой Распутин вернулся в 2 часа 30 мин. ночи пьяный.

6 янв. Распутин дома напился пьяным принесенными ему неизвестным мужчиной двумя бутылками вина и пел песни. В 8 час. вечера вышел из дома уже проспавшись и вместе с Осипенко и Евгенией Шаховской² на одном извозчике поехали в дом № 15 по Троицкой улице к князю Андронникову, откуда вернулся домой вместе с Осипенко в 3 часа ночи. Осипенко сейчас же ушел.

8 янв. Распутин посетил д. № 6 по Гагаринской ул. (Нордман)³, откуда вернулся домой около трех часов ночи вместе с двумя дамами. Последние, побыв у него около двух часов, ушли.

9 янв. Распутину на именины Гинсбург прислал 10 бутылок шампанского, кто-то прислал диван, две дюжины стульев, много разных подарков и корзин с разными винами и закусками.

10 янв. Клионовский⁴ принес Распутину десять бутылок вина. Турович⁵ привез корзину вина. Гиль⁶ в ночь с 10 на 11 января ночевала у Распутина. В этот же день (име-

¹ Жена Станисл. Людвиг Туровича, 29 л., чиновника, причисл. к канцелярии Упр. Земл. и Земл., потомств. дворянина; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

² Княгина Евгения Михайловна Шаховская, 25 лет, жена гражд.-инженера, поклонница Распутина; адр.: Басков пер., 18, затем Николаевская, 12.

³ Нордман, Федор Борисович, 56 л., ст. сов., старш. делопроизв. капитула императорских орденов: Евгения Оскаровна Н-ман, его жена, 41 года.

⁴ Клионовский, Даниил Корнилович, ст. сов.; адр.: Офицерская, 57.

⁵ Турович, Станислав Людвигович, 29 л., потомст. дворянин, чиновник кан. Упр. З. и З.; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

⁶ Гиль, Мария Сергеевна, жена капитана 145-го Новочеркасского полка, поклонница Распутина; адр.: Кронверкск. пр., 47/1.

нины Распутина) его посещали много лиц и приносили много подарков и несколько корзин с винами, играли на гармонике, гитаре, балалайке, танцевали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 2 часа ночи.

11 янв. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых. (Свой телефон был испорчен).

13 янв. Распутин, Иваницкая, неизвестный офицер и две дамы были в доме № 63 по Лиговской ул. у вдовы ст. сов. Александры Романовны Митинской, от 2 час. до 5 с половиной часов дня. Распутин с тем же офицером и Иваницкой вернулся к себе на квартиру, а затем Иваницкая вышла вместе с офицером, будучи навеселе и одетой в поддевку Распутина, и вместе уехали.

Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: «Сам Бог его исповедует в радости истинной, пусть правда на детях моих вовек, не пришло время видеть воочию».

На моторе, присланном Боберманом, Распутин уехал в «Европейскую гостиницу». Здесь была, по-видимому, пирושка, на которой, кроме него, присутствовали: Боберман, Коварский¹, директор международного банка граф Татищев, прапорщик Хвостов и две какие-то дамы. До двух часов ночи выхода его отсюда наблюдение не видело.

14 янв. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил стекло в воротах того дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, по-видимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 мин. дня Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехал в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, причем во время пути обратно обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленях какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое».

Нештейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами».

16 янв. Распутин передал проститутке Трегубовой какое-то письмо. По полученным негласным сведениями, в один из дней посещения квартиры фон-Пистолькорс (Морская, 59), прислуга подсмотрела, как Распутин, поставив на колени супругов фон-Пистолькорс, что-то, стоя около них, бормотал.

---

¹ Коварский, Овсей Иоселевич, 36 л., канд. юридич. наук; адр.: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

17 янв. К Распутину в 12 час ночи пришла неизвестная дама и пробыла до 3 часов ночи.

18 янв. Распутин вернулся домой в половине восьмого часа утра, в компании двух мужчин и дамы, совершенно пьяный и на улице у дома, где живет, пел песни. Неизвестные, проводив его до квартиры, вскоре ушли, а Распутин все утро в квартире кричал. Каравья¹ и ее дочь Маймескул², выходя от Распутина, непринявшего их, ругали его, называя «паршивым мужиком» и рассказывали, что когда-то были в ресторане «Вилла Родэ», где Распутин выбегал в зал в одной рубашке и наделал этим немало шума, за что будто бы ресторан этот закрыт. При разговоре добавили, будто в Царском Селе появился какой-то молодой монах, который будет скоро слыть лучше, чем Распутин.

21 янв. Распутин вместе с Гаар³ отправился в д. № 26-а, по Песочной ул., к Книрше, а оттуда Распутин один — в д. № 36 по Бассейной улице к артистке Орловой⁴ (содержанке Мануйлова), где по собранным негласным путем верным сведениям были: Манасевич-Мануйлов⁵ и господин председ. Совета министров Б. Штюрмер.

22 янв. Вернулся Распутин домой в 5 часов утра вместе с Осипенко, неизвестным мужчиной и двумя женщинами, причем был пьян.

23 янв. Неизвестный священник привез Распутину рыбы. Вечером Распутин оставлен в д. № 6 по Гагаринской улице у стат. сов. Федора Борисовича Нордмана (старший делопроизводитель в капитуле орденов).

24 янв. Распутин вернулся домой со вчерашнего дня в 5 час. утра. В 5 час. 20 мин. вечера Распутин на моторе с Головиной и Добровольской поехали в церковь Спаса, что в Колтовской на Б. Спасской улице, где было совершено митрополитом Питиримом всенощное заупокойное богослужение в память умершего протоиерея-настоятеля этого храма, основавшего духовно-нравственные беседы.

26 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с Осипенко и неизвестным мужчиной. В 11 часов 49 минут вечера на Царскосельский вокзал на моторе автомобильной

¹ Каравья, Софья Афанасьевна, греческая подданная; адр.: Мещанская, 4.

² Маймескул, Мария Николаевна, 19 л., дочь Каравья, личн. почетн. гражданка, проживала сначала с матерью, затем Пушкинская, 15,

³ Гаар, Мария Генриховна, пот. поч. гражданка, поклонница Распутина; адр.: Офицерская, 24.

⁴ Лерман (она же Орлова), Екатерина Федоровна, 25 л., дочь ст. сов., артистка, содержанка Манасевича-Мануйлова.

⁵ Манасевич-Мануйлов, Иван Федорович, отст. колл. ассессор, сотрудник газ. «Новое Время», темный аферист, личный секретарь председателя Совета министров Б. Штюрмера; адр.: ул. Жуковского, 47.

роты приехал Осипенко и туда же вскоре пришел Добровольский, а отсюда, посадив в мотор приехавшего из Царского Села Распутина, уехали на квартиру Добровольского. Распутин вернулся домой на извозчике вместе с Добровольским в 5 часов утра.

29 янв. Посетительница Распутина, Татаринова¹, выйдя от него, рассказывала агентам, как Распутин обнимал и целовал какую-то молодую барышню, и говорила, что ей так было стыдно, что она из квартиры ушла и больше не пойдет. Распутин с Филипповым были в ресторане «Донон», а вечером вместе с Осипенко уехали в Александрово-Невскую лавру.

30 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа 30 мин. ночи выпивши, в сопровождении какого-то мужчины. Приехал из Москвы священник с Лубянской церкви и с ним неизвестный, за кого священник хлопочет через Распутина по какому-то делу. Неизвестный намеревался дать Распутину задаток (по-видимому, большой куш), но священник отсоветовал, сказав, что преждевременно. Священник просил Распутина самого съездить к г. товарищу министра внутренних дел, сенатору Белецкому, но он отказался, а написал письмо и передал им. После священник смеялся, как Распутин, писав письмо, выводил каракули. Вечером Распутин вместе с Гаар отправился к Книрше (Песочная ул., д. № 26-а), туда же приезжали еще несколько мужчин и женщин. Распутин в два часа ночи тут оставлен, а в 4 часа 30 мин. ночи приехал домой на моторе совершенно пьяный с неизвестным мужчиной и женщиной.

1 февр. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не говорит.

2 февр. Распутин со вчерашнего дня вернулся домой в 9 час. 30 мин. утра. Добровольская на квартире у него играла на пианино и пела песни. Приехав домой в час ночи, Распутин сейчас же опять вышел и уехал на Офицерскую и домой вернулся только в 3 часа ночи.

3 февр. Распутин вернулся домой из Царского Села около 11 часов вечера, а в 12 час. уехал, но куда — неизвестно. В два часа ночи приехал домой на моторе с двумя мужчинами, которые в квартиру не заходили.

¹ Татаринова, Анна Михайловна, 44 л., жена полковника; адр. неизвестен.

5 февр. Со вчерашнего дня Распутин вернулся домой в 10 час. 10 мин. утра пьяным. Со слов извозчика, привез он его с угла Офицерской и Алексеевской улиц. Каравья, выходя из квартиры Распутина, в разговоре с агентами сказал: «Хотя Распутин и падает духом, но обдeldывает большие делишки, так, например, Рубинштейн устроил что-то на 300 000 руб. и за это получил от него 50 000 руб.»; при этом добавила, что ей Распутин сказал, что ее дела он устроит через министра Шаховского, который любит Распутина больше, чем Вырубова. В час ночи Распутин вышел пьяным от Езерского, где было несколько неизвестных и Осипенко. Распутин с двумя мужчинами и дамой на моторе уехали на 10-ю Рождественскую ул., д. № 15, кв. 24, к помощнику прис. поверен. Моисею Шмуйловичу Двинову (справлял день своего рождения). Пробыли 25 минут, куда уехали неизвестно, но вернулся Распутин домой в 3 часа 30 мин. ночи.

7 февр. Боберман при входе в квартиру Распутина спрашивал, что с ним случилось, а когда выходил, то сказал, что здоров. Проживающий по той же лестнице Нейштейн, выходя, спросил: «Правда ли, что вашего какой-то офицер у вокзала поколотил?» Симанович на придворном автомобиле, на котором приехала Вырубова, с ее разрешения куда-то ездил. Книрша пробыл у Распутина до часу ночи; при выходе встретил двух приехавших неизвестных мужчин и с ними вернулся обратно на квартиру Распутина, где пробыл еще час, то есть до двух часов ночи.

8 февр. Распутин вместе с неизвестными чиновниками, на прокатном моторе, без наблюдения, был в Николаевском кавалерийском училище и на Торговой ул. в польском костеле. Книрша принес, как видно, несколько бутылок вина. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру к Распутину приехало пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы. Около 10 час. вечера были слышны игра на пианино, пляска и пенье. Все разошлись от Распутина в три часа ночи. В продолжение этого дня Распутин посетителей не принимал.

Начальник Петроградск. Охранного Отделения, генерал-майор *Глобачев*.

Заведывающий наружными наблюдениями *Корнилов*.
Подробная необработанная сводка наружного наблюдения за Распутиным за 8—10 февраля 1916 г.

8 февр. 1916 г. Сведения.

«Темный»¹, Гороховая улица, д. 64.

---

¹ «Темный» — условная кличка Распутина для агентов охраны.

Вчера в час ночи вышел от Темного Книрша, в это время приехали на моторе два неизвестных господина, пошли к Темному, а также и Книрша вернулся с ними, а в два часа ночи ушли.

В 10 час. утра пришла Соловьева, вскоре ушла. В 10 час. 10 мин. утра пришла Мария Головина, через час ушла. В 11 час. 50 мин. утра пришла Татьяна Шаховская, через 50 мин. ушла. В 12 часов дня пришел Симанович, через 10 мин. ушел. В 12 час. 10 мин. дня пришла Сандецкая¹, через 10 мин. вышла. В 12 час. 15 мин. дня пришел певчий Афонского подворья Деревенский, рассказав, что в прошлом году в сентябре месяце писец Александро-Невской лавры читал газету «Копейка», в которой было напечатано про Варнаву и Гришу, причем чтение слушал паспортист лавры и будто бы паспортист сказал: «Когда же будет в России революция?» Деревенский спросил, на что революция? Тогда паспортист ответил: «Тогда бы дом Романовых не царствовал, а потом свергли бы эту гадость, Варнаву и Гришку». Фамилия паспортиста неизвестна, а писец теперь священником. В 12 час. 20 мин. дня ушла Лаптинская. В 12 час. 40 мин. дня приехал на моторе № 3 неизвестный чиновник в военной форме, а в 12 час. 50 мин. вышел вместе с Темным и тут же во дворе ожидали два вольноопределяющихся, которым Темный сказал, что придет после. Темный поехал с чиновником, и наблюдением были упущены, а со слов шофера ездили в Николаевское кавалерийское училище и на Торговую улицу в польский костел. В 5 час. 50 мин. дня Темный вернулся домой с чиновником, который через 10 минут уехал. В 1 час 35 мин. дня пришел сенатор Мамонтов², через 30 мин. ушел. В 1 час. 40 мин. дня пришла Гаар с Базилевской³, через 1 час и 20 мин. ушли. В 2 часа дня приехал на моторе № 5064 военный вторично с Симановичем, через 20 мин. ушел. В 2 часа 15 мин. дня пришла дама, жена офицера Измайловского полка, живет на Измайловском проспекте в казенном доме, через 1 час 45 мин. ушла. В 3 часа 40 минут дня пришел в третий раз Симанович, который через 30 мин. ушел. В 4 часа 10 мин. дня пришел Книрша, принес, как видно, несколько бутылок вина, через 40 мин. ушел. В 5 часов вечера пришла Турович, пробыла два часа. В 5 часов

---

¹ Сандецкая, Клавдия Амвросиевна, 26 л., жена шт.-капитана, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская ул., 9.

² Мамонтов, Василий Николаевич, 65 л., тайный советник, сенатор, содержатель Воскобойниковой, поклонницы Распутина, отец В. В. Засайловой; адр.: Фурштадтская, 12.

³ Базилевская, Лидия Платоновна, 28 л., дочь ген.-лейт., бракоразведенная жена инженера Мальтиновского, поклонница Распутина; адр.: Адмир. Канал, 9, затем Екатерин. Канал.

пришла Червинская¹, пробыла 30 мин. В 5 час. 10 мин. пришла Соловьева. В 6 час. 20 мин. пришел четвертый раз Симанович, пробыл один час. В 6 час. 45 мин. пришел Решетников², пробыл 35 мин. В 7 час. 20 мин. вечера пришла неизвестная дама. В 9 часов 20 мин. вечера пришла Турович вторично, через 20 минут ушла. В 9 час. 30 мин. вечера пришла Добровольская. В 10 час. пришла Берман³. В 10 час. 10 мин. приехала Турович с мужем. В 11 час. 10 мин. вечера пришел Книрша, пробыл 20 минут.

Примечание: В 8 час. 15 мин. вечера приехали три женщины, со слов извозчика с Офицерской улицы.

В 10 час. вечера пели песни, играли на пианино и плясали. Просителей было человек около 25-ти, но Темный их не принимал.

Терехов. Свистунов⁴.

9 февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Гости, которые пришли вчера к Темному, разошлись в 3-ем часу ночи. В квартире Темного играли на музыке и пели. В 9 час. 45 мин. утра приехала Вырубова. В 10 час. 25 мин. пришла Добровольская, через 3 часа 10 мин. ушла. В 10 час. 50 мин. утра пришли Любовь⁵ и Мария Головины. В 11 час. утра пришла Гаар, которая ушла через 2 часа. В 11 час. 40 мин. утра приехали на военном автомобиле № 5064 Мануйлов и Осипенко с неизвестным чиновником, которые пробыли 30 минут, Мануйлов и Осипенко уехали. В 12 час. дня пришел Добровольский, который пробыл 1 час 35 мин. В 12 час. 30 мин. дня приехал на автомобиле № 127 Варнава с Августином, пробыли 40 мин. В 2 часа 40 мин. дня вышел из дома Темный, пошел в Казачий переулок, в баню, через 50 минут вернулся домой. По дороге Темный говорил: «Теперь беда, там наболтали и будут разбираться», и сказал, что «готовят на меня покушение. Вот если узнают, что письмо, написанное от Илиодора⁶, то, действительно, хотят убить». В 4 часа 45 мин. дня пришел фон-Бок, пробыл 25 мин. В 5 час. 20 мин. дня вторично пришла Мария Головина. В 5 час. 30 мин. дня пришла Москвина, пробыла 1 час

¹ Червинская, Наталия Илларионовна, 48 л., жена дворянина, проживался у князя Андронникова.

² Решетников, Николай Иванович, 57 л., пот. поч. гражд.; адр.: Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

³ Берман, Екатерина Ивановна, 36 л., жена петрогр. купца, пот. поч. гражд., поклонница Распутина; адр.: Фонтанка, 5.

⁴ Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

⁵ Любовь Валерьяновна Головина, 59 л., вдова действ. ст. сов., мать Марии Головиной; адр.: Мойка, 104.

⁶ Илиодор, царицынский монах, авантюрист

10 мин. В 5 час. 45 мин. приехала Турович. В 6 час. вечера пришел Клионовский, пробыл 15 мин. В 6 час. 45 мин. вечера уехали Турович с Головиной. В 8 час. 35 мин. вечера пришел Симанович с неизвестным евреем-инженером, пробыли 30 мин. Просителей Темный не принимал.

Терехов. Свистунов. Попов, Василий. Иванов, Григорий¹.

10 февраля 1916 г. Сведения.

«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Вчера к Темному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла.

В 10 час. 30 мин. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 час. утра пришла Позднякова² с неизвестной дамой, но приняты не были В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов с неизвестной дамой. Дама ожидала у подъезда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина³, пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. дня пришла Гаар с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 час 30 мин. В 1 час 20 мин. вторично пришла генеральша Соловьева⁴ с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан таксомотор № 224, и в 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 часа 15 мин. ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская. В 4 часа 40 мин. дня пришел Киселев⁵, но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 час. 50 мин. вечера пришла Берман, пробыла 30 мин. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика — катались и нигде не заезжали. В 8 час. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 час. вечера

¹ Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

² Позднякова, Елизавета Захарьевна, крест. Витебск. г Себежск. у Непоротовской вол., поклонница Распутина; адр.: Ямская, 6.

³ Никитина, Лидия Владимировна, дочь генер.-от-артиллерии, фрейлина царицы, поклонница Распутина; адр.: Дворцовая набережная, 30.

⁴ По-видимому, описка агентов Следовало бы: Соколова.

⁵ Киселев, Милий Дмитриевич, 61 года, отст. корнет; адр. Мойка, 12.

Мария Головина ушла, а в 10 час. 10 мин. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15.

Сегодня Нейштейн говорил, что «все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой-то Орлов-Денисов из-за бабы».

*Терехов. Свистунов. Попов,
Василий и Иванов, Григорий.*

Хлысты — мистическая секта. По преданиям Х., хлыстовство образовалось в половине XVII столетия, одновременно с появлением старообрядческого раскола. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон в легендах сектантов являются первыми преследователями их. Из православных писателей в первый раз упоминает о Х. св. Димитрий Ростовский в своем «Розыске».

Происхождение секты Х. Вопрос о том, на какой почве и под каким влиянием возникло у нас впервые хлыстовство, решается исследователями сектантства различно. Несомненно, что элементы хлыстовского учения были высказаны впервые не нашими Х.: они проявлялись гораздо раньше (напр. в учении о воплощениях Вишну), в религиях древних народов, в верованиях различных христианских сект (напр. в дуалистическом взгляде манихеев, евхитов и богомилов на мир и на человека). Больше всего сходных черт с хлыстовством замечается в мистических сектах средневековой, а особенно современной Западной Европы и Америки: в сектах бичующихся, пляшущих, братьев и сестер свободного духа, разумных людей, адмитов, квакеров, ирвингиан и т. д. Ввиду этого, некоторые исследователи хлыстовства полагают, что оно есть явление заносное с Запада или Востока; по мнению одних, оно проникло в Россию через юго-западные страны, от западных мистиков; по мнению других, оно есть не что иное как богомилство, пересаженное на русскую почву еще при св. Владимире. Другие исследователи признают хлыстовщину самобытным произведением русского духа, возникшим из тех общих условий, каким обязаны своим происхождением подобные секты на Западе и на Востоке, вне всякой прямой с ними связи. Более основательным можно признать среднее мнение, по которому дуалистическое воззрение Х. могло образоваться под влиянием языческих верований наших предков, не расставшихся еще с ними в момент появления у нас этой секты, а отчасти и под влиянием богомильских идей, распространявшихся у нас через апокрифическую письменность. Хлыстовское учение о предсуществовании душ и душе-

¹ Из энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона 1890 г., т. 73, стр. 402—409

переселении могло быть заимствовано из языческих верований наших предков, учение о перевоплощениях Божества в человека — из мистико-пантеистического взгляда на Бога. Свойственное всем мистикам учение о непосредственном общении с Божеством может вести к мысли, что человек не только входит в это общение, но и принимает в себя Божество, обожествляется, становится сам Богом или Христом; а так как, по взгляду пантеистов, Божество разлито всюду, то с мистико-пантеистической точки зрения естественно появление одновременно многих христов. Что касается, наконец, хлыстовских радений, то они могли возникнуть у Х. как под влиянием мистического экстаза, так и под влиянием таких языческих обрядов, как пляска и плескание руками. И языческие верования, и богомильские воззрения не целиком были пересажены в хлыстовство, а значительно переработаны. Еще более самобытность хлыстовства выразилась в учении о перевоплощениях Божества. В эпоху появления хлыстовства явились лица мистического направления. Будучи недовольны существующим церковным строем, они, отдалившись от представителей Церкви, заговорили, что можно обходиться без таинств, без руководства архиереев и попов, что нас может спасти непосредственно Сам Бог, что Христос может входить с нами в общение, может даже вселяться в нас. Так могло зародиться учение о воплощении Христа. В эти же первые моменты зарождения хлыстовства выступило и многое, привившееся к народному духу под влиянием языческих верований и богомильских воззрений. Причинами появления хлыстовства были крайне обрядовая религиозность и соединяющееся с нею формальное отношение к богослужению, а затем общественные и бытовые условия жизни русского народа. На распространение хлыстовства влияли также воздержание сектантов от спиртных напитков, равенство всех сектантов между собою по общественному положению, возможность для каждого получить звание пророка и даже христа, широкое развитие среди хлыстов взаимопомощи и широкая вообще благотворительность сектантов, направляемая прежде всего на своих единоверцев и потом уже на православных соседей, с исключительной целью привлечения последних в свою общину, и, наконец, особенно пленительные для простецов хлыстовские собрания с радениями и пением распевцев. Иногда даже особые взгляды Х. на отношения между полами способствуют распространению секты среди таких лиц, которые не хотят связывать себя постоянными спутниками или спутницами жизни или желают избавиться от немилых супругов и супруг.

Первоначальная история и распространение секты Х. Название «хлысты» или произошло от одного из религиозных обрядов этих сектантов, при совершении которого они хлещут, бьют себя по телу жгутами, прутьями и т. п., или же есть искаженное произношение «христовщина»; а христовщиной эта секта называлась потому, что она управляется христами. Х. никогда сами не называют себя хлыстами и не любят, когда их называют этим именем другие, считая его для себя позорным и обидным. Сами себя Х. называют *людьми Божиими*, в которых за их богоугодную жизнь обитает Бог¹. Под этим названием секта хлыстов известна и в литературе. Кроме того, Х. известны еще под названиями богомолков (в Воронежской и Симбирской губ.), лядов (в Костромской губ.), кантовщиков и сладкоедцев (в Казанской губ.), монтанов (в Самарской губ.), шалопутов (в Ставропольской, Екатеринославской и Херсонской губ.), духовных христиан, самообожателей, ханжей, купидонов, братьев корабельщиков, вертунов, баклушников и др. Появление этой секты большинство ученых относит к 1645 г. (другие — к 1631 г.) и основателем ее называют костромского уроженца Данила Филиппова (см. XXXV, 757), первого хлыстовского «Саваофа». Теперешние русские Х. не знают истории своей секты, ни ее основателя; двенадцать пунктов учения им известны и пользуются у них значением «заповедей» или «закона Божия». Последняя заповедь («Святому духу верьте») у Х. есть самая главная. Через несколько лет после начала своей проповеди Данила Филиппов одного из своих последователей, крестьянина Владимирской губернии Ивана Тимофеевича Суслова (XXXII, 123), назвал своим сыном, то есть сыном Божиим, христом. Лжехристос Суслов завел себе богородицу и 12 апостолов и в сопровождении их распространял свое учение во Владимирской, Костромской и Нижегородской губ. После Суслова христом объявил себя стрелец Прокопий Лупкин, проживавший в Нижнем Новгороде. Жену свою Акулину Ивановну он назвал богородицей. Свое учение Лупкин распространял сначала в Нижегородской и Ярославской губ., а потом в Москве. Лупкин пользовался таким же почитанием, как и Суслов. Ему навстречу кричали: «царь, царь!», крестились на него, кланялись ему в ноги и це-

---

¹ Своему обществу хлысты дают также различные мистические и символические названия. Оно называется у них «садом зеленым», «большим, царским», который насадил «сам батышка» и для которого избрал «кипарисовые древа», «большим деревом», в ветвях которого скрываются они — хлысты, «божьи птички», «девственной девой», «духовным царством», в котором обитает вся Троица, и др

ловали руку. Хлыстовщина продолжала распространяться в московских монастырях. Жена Лупкина утверждала хлыстовство в женском Ивановском монастыре, где после нее явилась новая богородица, инокиня Анастасия. Лупкин умер в 1732 г. В 1733 г. возникло в Москве первое следственное дело о хлыстах, к которому было привлечено 78 человек. Из них трое — инокиня Ивановского м-ря Анастасия, иеромонахи Тихон и Филарет — были казнены отсечением голов, а другие разосланы в отдаленные монастыри. В 1739 г. памятники над могилами Суслова и Лупкина были разрушены, трупы их были вырыты из земли, сожжены и пепел развеян по воздуху. В 1740 г. в Москве явился новый христос, крестьянин Андрей Петров. В его доме, находившемся у Сухаревой башни, происходили многолюдные собрания хлыстов. Андрей Петров принял на себя маску юродства, сделался молчаливым и что-то прозревал в будущем. Скоро о нем заговорили в Москве, как о «блаженном юроде», «без слов предсказывающем будущее». К дому у Сухаревой башни стали стекаться не только простые, но и знатные люди, чтобы увидеть блаженного и получить от него предсказание. Сам Андрей Петров посещал дома графа Шереметева, княгини Черкасской и других. Под его влиянием хлыстовство распространилось в нескольких монастырях и в среде белого духовенства. Бежавшие из Москвы во время следствия 1733—34 гг. Х. распространяли секту в Нижегородской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Самарской, Пензенской и Вологодской губ. и в Петербурге. В 1745 г. возникло второе следственное дело о Х., продолжавшееся до 1752 г. К следствию было привлечено 416 человек, в том числе священники, монахи, монахини. Из них многие были сосланы на разные тяжкие работы, другие отправлены в дальние монастыри или препровождены на прежнее местожительство. Вследствие появления скопчества во второй половине XVIII стол. хлыстовщина как бы сузилась в своем объеме и стала менее заметною, но не заглохла. Особенно успешно распространилась секта в царствование императора Александра I, благоприятное для процветания мистических идей¹. Из проповедников хлыстовства в XIX ст. наиболее известны были: в Тамбовской губ. лжехристос Аввакум Копылов, живший в начале столетия, и его преемники — сын его Филипп и работник Перфил (Порфирий) Катасонов; в Нижегородской губ. лжепророк В. Радаев, проповедовавший в Арзамасском у.

¹ В начале XIX стол мистическое направление, близкое к хлыстовству, нашло себе последователей в высшем обществе (см Татаринова), но без основного догмата хлыстовства — человекообожания

в 40-х годах. Во второй половине того же столетия хлыстовство с особенною силою стало распространяться на юге России, преимущественно на Кавказе, куда секта Х. занесена была из Тамбовской губ. в 40-х годах XIX в. О процветании хлыстовства на Кавказе более всех позаботился Катасонов, присылавший туда ревностных пропагандистов секты. По приговору саратовского окружного суда Катасонов сослан был в Закавказский край (ум. на Кавказе в 70-х годах). Личным своим присутствием он еще более содействовал успешному распространению хлыстовства на Кавказе и в Закавказье. Оттуда секта быстро стала распространяться в смежных местностях. До самого последнего времени во главе хлыстовских общин всего Черноморья (Кубань, часть Ставропольской губ., Донской обл. и др.) и Екатеринославской губ. стоял мещанин Роман Лихачев, а во главе общин Терской обл. и Закавказья — мещанин Петр Лордугин (ум. в 1890 г.). Недавно Тарусское хлыстовское дело (1898—1895 гг.) открыло много Х. в Калужской губ. В позднейшее время значительно усилилось хлыстовство в Оренбургской и Самарской губ. В Оренбурге в самом конце XIX в. главарями хлыстовства были лжепророк Осип Дурманов, в 1892 г. сосланный на Кавказ, а после него два брата Иван и Семен Утицкие, из которых каждый называл себя христом. Хлыстовство существует в настоящее время в губерниях: Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Ярославской, Владимирской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Вятской, Оренбургской, Воронежской, Бессарабской, Екатеринославской, Ставропольской, Таврической, Херсонской, Киевской, Подольской, Полтавской и Харьковской, в областях Донской и Терской и в Закавказье.

Учение хлыстов. Х. учат, что существуют небо и земля, мир духовный и мир материальный. Небес семь. На седьмом небе обитают Святая Троица, Богородица, архангелы, ангелы и святые угодники. Что такое Троица, архангелы и ангелы, Х. не разъясняют. Можно думать, что под этими названиями они разумеют не лица, а только нравственные свойства, различные проявления одного и того же божественного существа. С этим пантеистическим взглядом у Х. соединяется учение о воплощениях Божества в человека, раскрываемое у них с особенною подробностью. По учению Х., Бог может воплощаться в людей неопределенное количество раз, смотря по надобности и нравственному достоинству людей. В Даниле Филиппове воплотился Бог Отец «Саваоф», в Суслове, Лупкине и других — Сын Божий, Христос; на многих «накатывает» Дух, Бог. Во-

воскресение И. Христа, по мнению Х., случилось после сорокадневного Его поста. Когда Иисус постился 40 дней, то Он взалкал, то есть, как говорят Х., изнемог, ослабел, казался мертвым, но духом Своим победил эту смерть и ожил, после чего к Нему приступили ангелы (то есть его избранные) и стали служить Ему, как воскресшему из мертвых. Так же воскресают и хлыстовские христы. Свящ. Писание Ветхого и Нового Завета не считается у Х. за неизменное божественное откровение, однажды навсегда данное от Бога людям. Откровение, возвещенное Иисусом Христом и заключенное в Свящ. Писании, имело обязательное значение только для того времени, когда Он жил. Теперь имеет значение учение христов и пророков, получаемое ими по непосредственному внушению и озарению от Св. Духа. Источником вероучения и нравоучения Х. считают это учение своих христов и пророков. Однако, Х. не прямо отвергают Библию. На радениях они иногда читают ее и в некоторых местах ее стараются находить оправдание своему учению. Это объясняется, с одной стороны, тем, что Библия, по мнению Х., как источник вероучения церкви ветхозаветной (то есть православной), имеет преобразовательное значение для новозаветной церкви (то есть для хлыстовского общества), а с другой, — тем, что на радениях их иногда присутствуют лица, не вполне посвященные в тайны хлыстовского учения, которых можно было бы оттолкнуть прямым отрицанием библии. Признавая православную церковь ветхозаветною, внешнею, плотскою, Х. считают свое общество церковью истинною, внутреннею, духовною. Таинства православной церкви прообразуют хлыстовские радения. Уставы и обряды православной церкви имеют значение только для несовершенных, не достигших истины. По мнению Х., в их обществе постоянно присутствует Дух Святой, сообщающий им особенные, чрезвычайные дарования: иному дается дар пророчества, иному дар языков. Считая посещение православных храмов и участие в таинствах православной церкви делом безразличным, Х., однако, не только не воспрепятствуют, но даже советуют наружно принадлежать к православной церкви и оказывать усердие к храмам. Х. почти всегда первыми являются на церковные богослужения и вечерние собеседования в церквях; когда на этих собеседованиях священник заводит речь о мерзостях хлыстовства, Х. первые начинают вздыхать и возмущаться этими мерзостями. Все это делается только для избежания подозрения в принадлежности к секте. На самом деле Х. относятся к православной церкви не только холодно, но и враждебно. Иногда Х. заповедуют почитать иереев и

весь причт церковный любить, потому что они — служителя Бога Вышнего (последнее говорится тем, которые еще не вполне посвящены в тайны хлыстовства); но в душе они питают к ним совсем другие чувства. По мнению Х., православные — неверный народ, злые люди, хищники; духовные лица — это черные враны, кровожадные звери, волки злые, безбожные иудеи, злые фарисеи и даже «сопатые ослы». Х. учат о предсуществовании душ, говоря, что последние сотворены отдельно от тел и гораздо ранее их, но когда и как — этого Х. не объясняют. На вопрос следователя одной хлыстовской богородице: кто она и сколько ей лет? — хлыстовка ответила: «прежде, пока я не родилась, не знаю, какое было мое имя; об этом мне не открыто свыше; мне 64 года, но только по плоти; духовных же лет не знаю, може тысяча, а може еще больше». С учением о предсуществовании душ у Х. связывается учение о душепереселении. Душа человека после его смерти становится ангелом, если жила в хлысте, исполнявшем хлыстовские заповеди. При неисполнении хлыстом заповедей она переходит в животных, соответствующих ее настроению и наклонностям, или в младенца, существо нечистое, пока он не сделается хлыстом. Души людей, живущих в браке, переходит в свиней. Путем переходов душа постепенно очищается, пока наконец не попадет в тело хлыста, в котором совершенно очистится и по смерти которого перейдет в общество ангелов. Если после неоднократных переселений в тела животного и людей душа не очищается и не попадает в хлыста, то она переходит в число дьяволов и идет на вечную муку. В основе нравственного учения Х. лежит дуалистическое воззрение, по которому дух есть начало доброе, а тело — начало злое. Естественные потребности телесной природы должны быть умерщвлены, чтобы душа могла беспрепятственно достигнуть своего назначения. Первый человек Адам согрешил именно угождением плоти: он впал в грех супружества. С женою следует жить, как с сестрою; не должно почитать плотских родителей. Детей, рожденных от церковного брака, Х. называют утхою сатаны, щенятами, грешками и пр. Отвергая церковный брак, Х. имеют духовных жен, которые даются им христами или пророками на радениях, якобы для забот о хранении целомудрия этими женами. Плотские связи между духовным мужем и женою, по учению Х., не составляют греха, ибо здесь проявляется уже не плоть, а духовная, «Христова» любовь. Иметь связи с чужими женами, значит «любовь иметь, что голубь с голубкою». Поэтому Х., не терпя брака, оправдывают внебрачные сношения. Х. стараются не иметь детей. В случае бере-

менности хлыстовки принимают напиток из ртути, селитры, пороха и купороса и этим вытравливают плод. Поэтому у многих Х. или совсем нет детей, или же последние родятся чрезвычайно редко. Вступающий в секту Х., если он женат, должен прекратить супружеские отношения, но без гласного расторжения брака. В настоящее время Х. допускают некоторое отступление от своих правил о браке; в Самарской губ., напр., есть новый тип Х., которые женятся, но жена у них играет только роль прислуги. Из понятия о необходимости умерщвлять плоть вытекает также хлыстовское учение о неупотреблении в пищу мяса и воздержании от хмельного. то же значение имеют и радения, соединенные с самоистязаниями. Цель Х. — достижение полного бесстрастия и святости, когда человек умирает плотью и воскресает духом. Есть, говорят Х., смерть о Адаме и смерть о Христе. Первая есть смерть видимая, следствие греха; вторая есть смерть таинственная, состоящая в отвлечении мысли от всего внешнего, углублении в самого себя, постоянной духовной молитве, самоотверженной преданности воле Божией. Кто таинственно умрет, тот делается храмом Божиим и Дух Божий живет в нем; ему, как праведнику, закон не лежит; он может творить чудеса и предсказывать будущее. Такой человек делается Сыном Божиим, новым Христом. Х. осуждают божбу, по большей части не курят, запрещают игру в карты, танцы, музыку и прочие увеселения. Будущая жизнь, по верованию Х., начнется страшным судом. Прежде всех явится Иван Тимофеевич Суслов. За его явлением раздастся «труба божия господа саваофа Данилы Филипповича». Небеса, теперь видимые нами, распадутся и явится новое небо. Жившие в дольних небесах люди таинственно воскреснут и направятся от востока к западу. Х., оставшиеся на земле, полетят по воздуху на облаках вслед за воскресшими. Первый сборный пункт назначается в Москве. Когда зазвонят в московский царь-колокол, то по этому гласу все люди земного шара отправятся в Петербург, где произойдет страшный суд. Явится новое небо, а на этом небе пресветлый град Сион. Там праведные (то есть сектанты) будут гулять в роскошных садах, хрустальных дворцах, одеваться в золотые ризы, есть сладкие яства, постоянно веселиться, спать на божественных постелях и т. п. В таком же чувственном виде представляются и мучения грешников (то есть не сектантов), которые будут ужасны.

Управление и богослужебный культ хлыстов. Х., по степени их посвящения в тайны секты, делятся на три разряда: одни посещают только простые беседы Х., другие допускаются на обыкновенные радения, третьи произво-

дят годовые и чрезвычайные радения. Отдельные общины Х. называются «кораблями». Эти корабли совершенно независимы друг от друга. Во главе каждого стоит «кормщик», называемый также богом, христом, пророком, апостолом и т. п. Каждый кормщик в своем корабле пользуется неограниченной властью и громадным уважением. Бывает еще «кормщица», которая называется также «восприемницей, пророчицей, богородицей, матушкой» и т. д. Кормщица преимущественно руководит радениями. С кормщиком она разделяет труды управления общиной, а в случае его смерти остается единственной управительницей корабля. Кормщица воспитывает нескольких молодых девушек, которые в собраниях могли вдохновляться и пророчествовать, а в случае ее смерти занять ее место. Кормщик корабля иногда имеет помощника, а кормщица — помощницу. Каждый корабль имеет своих ангелов, архангелов, апостолов, евангелистов, проповедников, пророков и пророчиц. Местом собраний Х., которое называется «Сионскою горницею», «Иерусалимом», «домом Давидовым», служат или подземелья, или здания, выстроенные где-нибудь во дворе, на огороде, в саду, а иногда и обыкновенные жилые помещения. Во время молений ставни закрыты; к окнам внутри прикладываются иногда тюфяки, чтобы заглушить звуки радений, а у дверей обыкновенно стоит караул. На стенах комнаты, где совершаются моления, висят иногда картины аллегорического характера, например, распятие плоти, в виде распятого монаха. Встречаются и иконы — по большей части Иисуса Христа в белой одежде на суде у Каиафы, Спасителя в кругу ангелов, Пресвятой Богородицы, Николая чудотворца. Православное почитание св. икон хлысты считают, однако, идолопоклонничеством. Временем собраний бывает большею частью ночь под праздники православной церкви, а иногда особые дни. К последним относится так называемое «годовое радение», которое происходит в один из длиннейших июньских дней. Сюда же относятся дни, в которые случилось что-нибудь важное в жизни Даниила Филипповича и Ивана Суслова. Собрания сектантов происходят также во дни избрания кормщика и кормщицы, принятия нового члена в общество, приезда каких-либо известных сектантов. Явившись на собрание, мужчины надевают белую коленкоровую и холщовую рубашку с широкими рукавами, простирающуюся до крайних оконечностей ног. Рубашка эта носит специальное название «радельной»; называется она еще «мантией», «парусом», «белую ризою». Женщины сверх рубашки надевают белый сарафан или белую юбку, а голову повязывают белым платком с красными или иного цвета крапинками. В пра-

вую руку мужчины и женщины берут зажженную восковую свечу, а в левую — белый с крапинками платок, называемый «покровом», «крылом архангела». Обычно сектанты во время молитв остаются босыми. Богослужение Х. бывает различно, смотря по тому, присутствуют ли на собрании посторонние лица или только одни сектанты. В первом случае происходит простая беседа, читают Св. Писание, творения с. отцов, жития святых и разные богослужебные книги. Чтение это сопровождается толкованием. Поют обыкновенно церковные песни или псалмы, а иногда и народные стихи; говорят поучения, проникнутые мыслями о самоотвержении, воздержании, целомудрии, суетности мирских удовольствий и т. д. Когда на собрании присутствуют одни сектанты, то в состав богослужения входят кружение или беганье, называемое «радением», пророчества и пение духовных распевцев. Радение бывает *одиночное*, *в схватку* (мужчина с женщиной), *стенкой* (составляется круг, каждый член которого прыгает в такт, махая руками), *в расходку*, иначе называемое *крестное* или *Петров крест* (четыре, шесть, восемь или более человек становятся крестообразно и перебегают в противоположные стороны), *корабельное* или *Давидово* (беганье одного за другим), *круговое* или *хороводное* (беганье друг за другом от передней к задней стене), радение на *кругу* в собств. смысле. При последнем иные трясутся, ломаются, как бесноватые, бьют себя в грудь, рвут волосы на голове, приседают к земле и снова вспрыгивают. Все кричат: «ой, дух! ой, бог! царь бог! царь дух!» Продолжается это радение до тех пор, пока силы радеющих окончательно не истощатся; обессиленные, они падают на землю. Кружение и беганье Х. основывают на примере пророка Давида, который скакал и играл перед св. ковчегом. В радениях, по учению Х., умерщвляются плотские страсти и душа радельщика возвышается к миру горнему; он всей душой желает «в небо улететь» и оттуда «птицу райскую сманить», то есть привлечь к себе благодать Святого Духа. Пророчества произносятся во время радений, в состоянии совершенного умоисступления. Они относятся или ко всем членам корабля, или отдельно к кому-либо. В них или раскрывается сектантское учение и порицается православная церковь, или дается утешение и ободрение сектантам, или обличается отступление от сектантского учения, или предсказывается будущее. Они имеют большею частью самый неопределенный характер и могут быть толкуемы на разные лады, сообразно с обстоятельствами. Тарусское дело о Х. показало, что в некоторых кораблях пророчество теперь произносится после общего радения стенкой, в более или менее нормальном

состоянии, обдуманно и с известной целью. *Роспевцы* — большею частью произведение самих хлыстовских пророков. Пением роспевцев у хлыстов радение начинается, сопровождается и нередко оканчивается. Во время годового радения в некоторых кораблях посреди комнаты ставится чан с водою, освещенный восковыми свечами. Когда вода в чане заколеблется, то все, став на колени, видят над чаном туман, а в тумане младенца (Иисуса), которому и поклоняются. Во время радения по случаю несчастья или желанья узнать будущее каждый радельщик ударяет стоящего перед ним, приговаривая:

«Хлыщу, хлыщу, Христа ищу
Сниде к нам, Христе, со седьмого небесе,
Походи с нами, Христе, во святом кругу,
Сокати с небесе, сударь Дух Святый!»

Когда заметят колыхание воды в чане, все сектанты моментально падают на пол и слышат будто бы из-под чана какой-то глухой голос. Этот голос и толкуют впоследствии пророки и пророчицы. Иногда во время радений Х. причащаются кусками хлеба и водою или квасом, а в новейшее время — также изюмом и другими способами. Иногда при богослужении Х. совершается обряд принятия в секту, называемый «приводом»: поступающий в секту клянется хранить тайну хлыстовского учения, не объявлять ее ни отцу, ни матери, ни отцу духовному, ни другу мирскому, хотя бы пришлось за это принять кнут, огонь и топор. Существует мнение, что между Х. распространен так называемый свальный грех, то есть общий разврат всего корабля.

Деление хлыстовства на толки. Вследствие разнообразия во взглядах различных общин, происшедшего главным образом от различия в учении лжепророков, а также вследствие влияния рационалистических сект (молоканства и особенно штундизма), в некоторых губерниях в среде Х. замечается в последнее время дробление на отдельные толки. Между Х. Тарусского уезда одни едят мясо, другие не едят; одни курят табак, другие нет; у одних бывают «настоятели-батюшки», у других — «девки-учительницы». В Губ. Оренбургской и Самарской, кроме старохлыстовства, существует особый толк хлыстовства, известный под именем «дурмановщины». Главная особенность в учении Дурманова состояла в том, что, по его мнению, каждый хлыст непременно должен иметь духовную жену. В Кубанской области существует «новохлыстовщина», последователи которой отвергают основной хлыстовский догмат о перевоплощении Христа. Особенно заметно деление хлыстовства на толки в Самарской губ., где существуют

в настоящее время следующие хлыстовские толки: *старое и новое хлыстовство, мормоны, беседники, паниашковцы и телеши*. *Новое хлыстовство*, появившееся в 30-х годах XIX столетия, отличается от старого тем, что последователи его вступают в браки, имеют детей, но жен своих держат в крайне приниженном положении, как прислугу. Сами себя эти сектанты именуют «познанниками Божиими» или «серыми голубями». *Секта мормонов*, появившаяся в конце 40-х годов, имеет два вида — собственно *мормоны* (в Николаевском и Бузулукском уездах) и *методисты* (в Новоузенском уезде). Приняв в главных чертах учение Х., мормоны допускают двоеженство, освящая его именем духовного брака. *Х.-беседники*, появившиеся в 30-х годах прошлого столетия, имеют монастырское устройство, носят темное платье, живут обыкновенно большими общинами, причем над женщинами настоятельствует мужчина, а над мужчинами — женщина. К церкви православной эти Х. стараются быть усердными. Радения у них совершаются редко; обычные моления называются беседками. *Паниашковцы и телеши* представляют разновидность беседничества, с тою особенностью, что паниашковцы в числе способов к удалению из плоти злого начала (дьявола, беса) практикуют громкое испускание газов, а телеши, уподобляя себя Адаму и Еве в раю, во время радений ходят нагими. В появившейся в 45—50-х годах XIX столетия в Таврической губ. «*марьяновщине*» или *марьяновской секте* видят смесь воззрений молоканства и хлыстовства. В Херсонской губернии, кроме чистых Х., есть так называемые *штунго-Х.*, совратившиеся из хлыстовщины в штундизм или обратно. Из штундизма штундо-Х. удерживают все отрицательное, а из хлыстовства — главным образом культ радений и пророчеств. Свое вероучение они исповедывают открыто, чем отличаются от обыкновенных Х.

ЖИТИЕ ОПЫТНОГО СТРАННИКА

(май 1907 год)¹

Когда я жил сперва, как говорится, в мире до 28 лет, то был с миром, то есть любил мир и то, что в мире, и был справедлив и искал утешения с мирской точки зрения. Много в обозах ходил, много ямщичал и рыбу ловил и пашню пахал. Действительно это все хорошо для крестьянина!

Много скорбей было мне: где бы какая сделалась ошибка, будто как я, а я вовсе не причем. В артелях переносил разные насмешки. Пахал усердно и мало спал, а все же-таки в сердце помышлял как бы чего найти как люди спасаются. Посмотрю по поводу примеров на священников — нет, все что-то не то; поет и читает резво, громко, как мужик дрова рубит топором. Вот мне и пришлось подумать много: хоть худой да Батюшка. Вот я и пошел паломничать, а так был быстрый вглядываться в жизнь; все меня интересовало, хорошее и худое, я и вешал, а спросить не у кого было что значит? Много путешествовал и вешал, то есть проверял все в жизни. В паломничестве мне приходилось переносить нередко, всякие беды и напасти, так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! То скажут одежда неладна, то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полуночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего-нибудь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и все это пережито мною! А виновник тотчас же находится. Не один раз нападали волки, но они разбегались. Не один раз также нападали хищники, хотели обобрать я им сказывал: «Это не мое, а все Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю», им что-то особенно скажет в сердцах их, они подумают и скажут: «Откуда ты и что такое с тобой?» «Я человек — посланный брат вам и преданный Богу». Теперь это сладко писать, а на деле-то пришлось пережить все.

Я шел по 40—60 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии на одних картошках, не имел с со-

¹ Здесь в основном сохранена авторская орфография и пунктуация

бой капитала и не собирал вовек: придется Бог пошлет, с ночлегом пустят — тут и покушаю. Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменил белья по полугоду и не налагал руки до тела — это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания. Нередко шел по три дня, вкушал только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками как и они, работал и убегал на отдохновение на молитву. Когда коней пас — молился. Это отрада мне послужила за все и про все

Ходил берегами, в природе находил утешение и нередко помышлял о Самом Спасителе, как Он ходил берегами. Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним. Я воображал в очах своих картину Самого Спасителя, ходившего с учениками своими. Приходилось нередко думать о Царице Небесной, как Она приходила на высокие места и просила Бога — «Скоро ли я буду готова к Тебе». Много может природа научить по всей премудрости и всякое древо и как по поводу весны. Весна означает великое торжество для духовного человека. Как развивается в поле, то есть украшенный светлый май, так и кто следящий следит за Господом, то у него зацветает душа подобно маю, у него такое торжество как день Пасхи, то есть напоминает как будто этот день, когда он причащался, и как развивается вся весна, так развивается и торжествует кто ищет Господа. Недуховному человеку весна тоже радость, но только как неученому грамота.

Еще я нашел одну отраду из отрад всех: читал ежедневно Евангелие понемногу, читал немного, а думал более. Потом еще учился носить вериги три года, но враг меня смущал — «Это ты высок, тебе нет сверстников». Я много боролся и пользы они мне не принесли, а нашел вериги любви. Любил без разбора: увижу странников из храма и от любви питаю чем Бог пошлет, у них немножко научился, понял кто идущий за Господом. Много мне пришлось бороться и пережить. В одно прекрасное время ходил, думал обо всем, вдруг проникла во мне мысль, долго недоумевал, что вот сам Господь не избрал царские чертоги, а выбрал Себе ясли убогие и тем прославил славу. Мне недостойному пришло в голову достигнуть, взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обедами и заутренями молиться. Когда днем свободное время, то я удалялся туда и так мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил, но враг-злодей всяким страхом меня оттуда выживал — треском, даже было побоями, но я не переставал. Так продолжалось лет восемь и вот враг-злодей все же-таки навел людей — будто ока-

залось место лишнее и мне пришлось переселиться в другое место.

Вообще я видениям никаким не верил, так меня Бог хранил от видений. Вот меня искушение поискало одно, что возроптал на общество. Видению не нужно верить, это недоступно нам. Хотя бы оно на самом-то деле было, за это Господь простит, за неверие даже маленьким подвигом простит, но как от врага в прелесть впадешь, то это спрашивается как все равно, как у какого-нибудь злого помещика потерял какие-нибудь вещи. Очень, очень осторожно нужно с этими видениями, до такой доведут низкоты, то есть до забвения, что не будешь помнить ни дни, ни часы, и в такую впадешь гордость, и будешь настоящий фарисей. Трудно странничкам бороться со врагом. Когда я шел странничать в Киев, то уходил утром без обеда, это был мой устав. Злодей враг завидовал всему моему доброму делу; то он являлся в виде нищего, а все-таки знатно, что не нищий, а враг в тумане. Я успевал в то время крестным знаменем себя осенять и вдруг исчезал как прах. То мне казал, что деревня еще более как 30 верст, смотришь из-за леску и вышел на долинку — тут и село. Экой сатана! То являются помыслы нечестивые, усталость неописанная, голод невысказанный, жажда питья неопределенная, сдогадывался, что это опять от врага, нередко падал на дороге как будто по кочкам иногда — все это искушение! Приблизись в селу, звон раздается, я своими прыткими ногами и частой походкой, уже в храм. Вот мне первую мысль враг задает: то стань на паперти, собирай жертвы — дорога далекая, денег много надо, где возьмешь; то помолись, чтобы тебя взяли обедать и накормили послаще. Хвать безумной головой, уже херувимский стих поют, а я еще не был, не предстоял, не соединялся с Господом! Дай я не буду больше! Так мне пришлось с этими помыслами бороться целые года.

Вот я не стал помышлять, а стал приходиться в храм стоять с мужиками сельчанами, тогда мне Бог давал: напойт и накормят и всю нужду странствия моего поймут. В том у странников благочестие, что не нужно собирать и наипаче на погоду роптать, потому что дурная и хорошая погода, все от Престола Божия.

Странничать нужно только по времени — месяцами, а года чтобы или многие годы, то я много обошел странноприимен — тут я нашел странников, которые не только года, а целые века все ходят, ходят и до того они бедняжки доходили, что враг в них посеял ересь — самое главное осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, по стопам Самого Христа. Мы — странники, все плохо можем бороться с

врагом. От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным наипаче простячком. Если все это сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь — источник живой воды. А в настоящее время сохранить источник этот трудненько. Нужда все же-таки Бог не старее и не моложе, только время другое. Но на это время Он имеет Свою благодать и время восторжествует. Страннику нужно причащаться тем более во всяком монастыре, потому что у него большие скорби и всякие нужды. Святые тайны обрадуют странника как май месяц свою землю.

Много монастырей обходил я во славу Божию, но не советую вообще духовную жизнь такого рода — бросить жену и удалиться в монастырь. Много я видел там людей; они не живут как монахи, а живут как хотят и жены их не сохраняют того, что обещали мужу. Вот тут-то и совершился на них ад! Нужно себя более испытывать на своем селе годами, быть испытанным и опытным, потом и совершать это дело. Чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби. Так много, много чтобы видели оба, вот тогда совершится на них Христос в обители своей. Трудно в миру приобрести спасение, наипаче в настоящее время. Все следят за тем кто ищет спасения, как за каким-то разбойником и все стремятся его осмеять. Храм есть прибежище и все тут утешение, а тут-то как духовенство вообще в настоящее время не духовной жизни, наипаче следят кто ищет бисера и смотрят с каким-то удивлением как будто пришли сделать святотатство. Но чего нам об этом печалиться? Ведь Сам Спаситель сказал: «возьми крест свой и следуй за Мной». Мы не к духовенству идем, а в храм Божий! Ну, да нужно подумать — худой, да Батюшка. У нас искушения, а у него и поготову, потому что там у него шурин на балах, а теща-то у него кокетничала, а жена много денег на платья извела, и гостей-то у него предстоит много к завтраку. А все же почитать нужно его! Он есть батюшка — наш молитвенник. Так и в монастыре они поставлены на спасение и пошли спасаться, то есть какой-нибудь помещик послал своего раба за горохом, а он принес ему редьки, чтобы он с ним доспел? Однако наказал бы!

Кто в миру неученый, а жизнь толкнула на спасение, тот по всей вероятности больше получит дарования: что ни делает, да успеет! Вот по поводу этому пример. Было бы у одного хозяина нанять два работника, а два бы при-

бежали со стороны и проработали во славу. Хозяин долго помнил бы и давал и спасибо. Те двое-то наняты и позваны были и эти-то прибежали во славу — они и получают тем более, что не были к делу приставлены, а совершили более тех, которые были призваны. Не один раз я видел как гонят, где собравшись во имя Господа беседу ведут, то есть живут как по-братски от любви Божией и любят не по одной букве, а по слову Спасителя и не выкапывают в человеке, то есть не находят никаких ошибок, а находят только сами в себе, беседуют о любви и как соединиться со Святыми Тайнами и петь разные псалмы и читать по главе из Евангелия, хотя за это будете изгнаны и будут вас подозревать. Потому что они-то (гонящие) чины заслужили по букве, а от Господа далеко отстоят и духовный орган для них как заграничный язык. Будем стараться и молиться, чтобы Господь нас не рассеял! Они же требуют от нас то, чего сами не поймут. Мы не будем Бога просить, чтобы их Бог наказал. Сам Господь укажет им путь — истину. Смех их обратиться по слову Спасителя в плачь. Не будем смотреть на разные их поношения: «слуха зло да не убоимся», «станем продолжать петь псалмы и любить друг друга всем сердцем» — по слову Апостола: «приветствуйте друг друга святым лобзанием». Только не нужно делаться всем большими, нужно слушать и внимать одного, кто нас ведет в путь истинный, а то как бы враг нас не рассеял и не посеял в нас ничтожную ерунду.

Вообще бояться станем прелести всяких видений. Не будем верить сновидениям кроме Божией Матери и Креста. Много-много враг представляет всяких кляуз и много показывает за братом недостатков; иногда и скажет брату вовсе устами чужими на брата, будто как на самом деле тот брат говорил, а тот даже и не думал этого. Вот тут-то нужно осторожно в духовной жизни. Враг так наклеветает как есть на самом деле и что же потом получится — даже до смерти не хотят друг друга видеть и при кончине простить. Вот тогда и получится великий неурожай в поле — хозяин не насыплет в житницу, а мы во спасение. Как дыроватый мешок не сохранит в себе жита, так и мы ежели не будем друг друга прощать, а будем замечать в другом ошибки, сами же находиться к нему во злобе, то есть судить. Нам бы надо со смирением за ним заметить ошибки, да уласкать его, как мать сердитое дитя: она все примеря приберет и всяким обманом и ласками не даст ему кричать.

Хорошо бы и нам найти пример с этой матери. Найти и обласкать падшего, а наипаче быть самому осторожным и прошедши все опыты быть близко к Богу и показать свой пример и не от одной буквы, а быть на деле самому.

Ах, как враг хитрый ловит вообще спасающихся: в одно прекрасное время ехал я зимой, был мороз в тридцать градусов, враг и научил меня: «Сними шляпу и молись на долине за лошадыми, ведь все делатели, что не делают, да успеют». Я действительно снял шапку и давай молиться, а потом мне стало казаться в очах, будто Бог очень близко. Что же получилось? Голову простудил, потом захворал, был сильный жар, 39 градусов. Вот я тут поработал, а когда пришел в себя, за это много молился и постовал. Молиться можно на долине, но не снимая шапки в 30 градусов мороза.

Кто спасается и ищет Господа не от какой-нибудь корысти, того, какое бы то ни было искушение приведет не на грех, а на опыт. Нужно только после этого искушения больше прибавить силы и с рассуждением действовать. Не особенно забиваться и попадать к небу, а понемножку, как тебе на сердце придет, а не как ревнитель. Нужно быть осторожным и помнить Бога когда работаешь, наипаче ловишь рыбу, помышлять об учениках Господа, которые также раскидывали сети. Когда пашешь помышлять, что труд есть во спасение. Нужно читать изредка молитвы Богородице, а в густом лесу помышлять о пустыне, где спасались прежние отцы. На жатве думать вообще о делателях добрых дел, тружениках Божиих. Когда один едешь или идешь, то нужно соображать, что все пустынники были одиноки. Ежели же нагнала тебя толпа, то помышляй, что за Господом за Самим шли тысячи слушателей слова Его. Хотя все мы как человеки грешны, но создание и образ Божий. Наипаче ежели какие страсти плотские, то воображай картину в очах своих — Крест Господен и громко на врага кричи: «Пойдем со мной на крест, ты был как ангел и предстань одесную, а я тогда буду святой и оба не будем мучиться, а то ты и меня мучаешь и себя».

Когда никого не видно, то громко откиваясь от врага: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй меня грешного и молитвами Богородицы сохрани меня». А если видишь, что около тебя кто-нибудь близко, то тайно духом возноси молитву Иисусову. Затем причащайся как можно чаще и ходи в храм, какие бы ни были батюшки. Считаю батюшек хорошими, потому что ты как спасающийся — тебя враг искушает, а у него тоже семейство и он тоже человек. Ему бы надо было поступить в исправники, а он пошел в батюшки. Ведь он бы рад спросить, да нет у нас таких живых людей дать ему благой совет. В настоящее время кто может совет дать, так они в уголки позагнаны.

Вот еще как враг завистлив к тем кто ищет Господа и кого он ничем не может искусить — он прямо посылает

болезнь. Кто молится земными поклонами у тех заболевает спина, у странников ноги и все по наваждению вражьему: постников давит такая жажда, что ни выскажешь, на смиренных посылает из женского пола с какими-нибудь неудовольствиями, на несеребрюлюбивых наводит будто завтра умрет с голоду, у тех кто крестится отнимается рука, нередко мутятся глаза, иногда делаются судороги. В ночное время тем более велит поспать враг, а то явит треск, разный страх и всякие всяческие. То явит милость, что видит все и всяким вражеским своим хитрым наваждением, а наипаче в лесу он старается всеми силами победить. На трудолюбивых старается нагнать лень. Как это все — победить!

На все нужно бить: молиться немного, но ударять себя когда никого нет, крепко правильно и физически, чтобы даже пол дрожал, только стараться чтобы никто не видел — тогда это все будет здорово и пройдет и будешь опытен и примешь все это с радостью, потому что тебя враг научил, а не искусил — наипаче еще научил любить Бога. Вот тебе и враг! Хвать, хвать, а пользы нет. Возьми в пример худого еврея: обманывал, обманывал — глядишь доспелся расторгуй (разорился), так и враг трудился да не над тем.

Вся жизнь моя была болезни. Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как забытье, так и проводил все время с 15 лет до 38 лет. Вот что там более меня толкнуло на новую жизнь. Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало как с маленьким, мочился в постели. Киевские сродники исцелили и Симеон Праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы. Очень трудно было все это пережить, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал.

Когда я стал ходить по святым местам, то стал чувствовать наслаждение в другом мире. Ходил временно не всегда по святым местам; испытывал много чего; видел как Богу служат в обители святой, и думал, что в миру кто делает со страхом и благословением Божиим тоже участник даже и больший, потому что Сам Самодержец Царь крестьянином живет, питается от его рук трудящихся, и все птицы крестьянином пользуются, даже мышшь и та им питается. Всякое дыхание да хвалит Господа и молитва все за крестьянина — только бы он не сквернословил! Велик, велик есть крестьянин перед Господом: он никаких балов не понимает, он в театре редко бывает, он только помнит: Сам Господь подать нес и нам велел — Божий трудовик! У него вместо органов коса в руках; вме-

сто увеселений — соха у сердца; вместо пышной одежды какой-нибудь твердый ярмячок; вместо тройки лихой какая-нибудь усталая лошадка. Он едет и вспоминает от души ко Господу: «донеси меня с этой долины в свое прибежище или до города». Вот тут-то на нем Христос! а сам пешечком со слезами. Он здесь со Христом, а там уже давно на нем пребывает рай, то есть он заготовил Житницу Божию. Нередко приходится со словами Бога умолить и Фрола, и Лавра помянуть, а все же-таки с Богом и тут ему радость! А без Бога хотя и на тройке мчаться, а уныния полный экипаж.

Что им завидовать! у них как у худого еврея какой-нибудь гнилой товар, да подкрашен или подлажен. Хвать, а его и нег, то есть деньги заплатил, а пользы не получил. Вот их радость — как надежды на весенний лед. У них едет только пышное платье, а душа во мраке. Но действительно не у каждого так бывает: «порфира не погубит, а рубище не вознесет», но на все нужно умение и опыт. Всегда нужно себя в одежде унижать и считать себя низким, но не на словах, а духом действительно. Бриллианты тоже Божие создание и золото украшение Царицы Небесной — бисер чтимый, но только нужно суметь его сохранить. Мы одеваемся в жемчуг — делаемся выше городов, подымаем дух и рождается порок гордости и непокорности во всему. А вы знаете кто у нас не покорился? Один сатана! Он трепетал, он не спал и с роду не кушал, а вы знаете, где он находится? Нужны только унижение и любовь — в том и радость заключается!

Любовь — большая цифра! пророчества прекратятся и знания умолкнут, а любовь никогда. Не так как строго говорится, а маленько, маленько сохраним — остальное все приложится. Не нужно добиваться почета и учения, а следить и искать Господа и все ученые послушают глагол твоих или изречения твоего. Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними, вот всячески испытывали. Придешь с сокрушенной душою и смиренным сердцем — их учение остается ничтожным и слушают простые слова твои, потому что ты придешь не с простым духом, а от милости Божией. Ты одно изречешь слово, а они нарисуют себе целую картину, только бы ты шел не ради гнусной корысти. Они, хотя и хотят испытать и ищут что ни будь, но ты как не с простыми — словами, то есть в страхе — вот тут-то у них замирают уста и они противоречить не могут.

Так я много бывал в духовных академиях: в Киевской, в Московской, Казанской и более в Петербургской.

В настоящее время, в такую смуту 1907 года действительно на всех не повлияешь. И Сам Господь не на всех

повлиял и про некоторых заготовил ад и тьму, которые есть следят за Господом, с теми пришлось мне побеседовать по поводу всей смуты. Я больше беседовал с ними о любви, но они много изумлялись о любви более из опыта, которая пережита мною.

Так нужно быть на все приготовленным и не в научном настроении духа. Если не будешь искать корысти нигде и стремиться как бы утешить, призовешь Господа душевно, то и бесы вострепещут от тебя, и больные выздоровеют, только бы все делать не от гнусной корысти. А будешь искать каких-нибудь случаев для брюха, для славы, для сребролюбия, то не получишь ни здесь ни там, то есть ни небесного ни земного, а будешь стараться, действительно Господь даст в чем нуждаешься и получишь, что тебе надо. Враг же сатана всегда ждет и ищет случая, как бы искусить, и говорит, побеседуй погромче для своей славы и покрасноречь для брюха! И ах — сатана как лиса, сверток много, много. Все это пережито мною! Нет не нужно просить и беседовать для славы своей — это будет только беспокойство — не дадут и не получишь, не приобретешь ни в земное наслаждение, ни в небесную радость.

Если будешь себе приобретать, то не украсишь ни храм, ни себя, а будешь живой мертвец как в Евангелии говорится. Вот ученость для благочестия — ничего! То есть я не критикую букву — учиться надо, но к Богу звать ученому не приходится. Он все на букве прошел и не приходится ему к Богу звать. Буква запутала ему голову и свила ноги и не может он по стопам Спасителя ходить. Действительно есть и ходят по стопам Спасителя, но только очень помешало им настоящее время. Спутана вся Россия и не признает в ней паства своего пастыря, то есть на родине надо любить родину и в ней поставленного Батюшку — Царя — Помазанника Божия.

Много, много я кое-где бывал: бывал у сановников и офицеров и князей даже, пришлось Романовское поколение видеть и быть у Батюшки Царя. Везде нужны подготовка и смирение и любовь. Вот и я ценю, что в любви пребывает Христос, то есть неотходно есть на тебе благодать — только бы не искоренилась любовь, а она никогда не искоренится, если ставить себя невысоко, а любить побольше. Все ученые и знатные бояре и князья слушают от любви слово правды, потому что если в тебе любовь есть — ложь не приблизится.

Не так как пишется, но на деле-то попасть к Высокопоставленным нужно быть очень осторожным и приготовленным ко всему, тогда от веры твоей повлияет на них Господь своею красотой. Они вострепещут и твое простое

слово примут за самое высокое образование, потому что в них скажется особенно чего не опишешь, то есть повлияет Сам Господь своею благодатью. Я грешный тут бывал то высказать не могу, у всех и вся и много кое-чего видел. Одно главное: кто живет со Христом нищий и убогий, у того радость больше его хаты, а и во дворцах и у Высокопоставленных, как Бога нет, уныние больше хижин. Действительно много и среди аристократов таких, что благодати выше дворцов и уменью к благочестию. Которые умеют себя унизить у тех и благодать выше дворцов, не добиваются сей славы, а добиваются высшей благодати им и скорби как овсяная плева для ветра. А которые ждут от Царя почестей и награды, а сами не заслужили — у них фундамент-то на песке. Вода пришла и все унесло, то есть маленькая ошибка, а они уже то давятся, то стреляются, то напиваются, потому что они не искали небесной славы, а искали земного удовольствия. Бога и то купили в магазине — изумруд. А он-то изумруд у них заржавел и ржавчина послужила свидетелем. Кто Богу и Царю служил и не искал славы, трудился — заслуга. Не спал день и ночь, делал правду, служил Богу и уноровлял Батюшке Царю, на того и гора упадет его не задавит, перенесет все с радостью и получит наслаждение даже больше старого.

Вспомнил еще один опыт и испытание в моей жизни. Ходил в Петров пост на острова и там собирал лыко; таскал больше чем за полверсты в озеро мочить. Хлеба кушал малость, а оводов и комаров от себя не отгонял. В пять часов вечера я снимал рубашку, клал сто поклонов и творил Иисусову молитву. Враг ненавистник очень много этому позавидовал, напустил уныние, даже неудовольствия сделались. Едва-едва смог перенести, но понял я, что ему досадила. Потом сам еще ошибся и его оклеветал, но тогда-то он меня вторично донял, то есть больше еще научил к опыту и остался нечестивый осмеянный со своими хитростями. Его роль была богохульство, а оно произошло от просимого мною чуда. Так вот, не советую просить чудес или подвиги большие брать, а брать подвиги по мере. Я действительно получил пользу от оводов и комаров, цифра неписанная, и научился всякому терпению, вообще ударам или изнурению тела. Придется если на мягком спать, то и хорошо в интеллигентном обществе, а в поле на кочке и слаще, и березонька под боком и зорьку не проспийшь и на все это опыт. Еще в петровские ночи я пахал, оводов тоже убирал с себя — пускай покушают тело и попьют дурную кровь. Я размышлял: и они Божие создание, так и я сотворен Богом. Кабы Бог не дал лета, не было бы и комаров. Ах, какой у мужика труд золотой

и он делает все с рассуждением. Вот и комаров-то покормит и то во Славу Божию. Мужичок мудреный и опытный. Душа живая у него и пережито им много. Однако жалко, что у него ум спит, потому что он не был в гимназии. Не известно однако, что бы с ним было кабы поучился. Одно известно, учение в Богу и в Боге в храме и в храме соединяться с Господом, принимать Святые Тайны три раза в год. Если все это сохранить в себе, то будут на тебя нападки, преследования разные и вообще будут священники пытаться, на все нужна сила и Бог даст дарование — их буква останется дешевой ценой.

Когда в храме священник то нужно его почитать; если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшковой и жалко их, он же Христовый все же батюшка и не сам, а пожалел их, так и представляй в очах картину.

Хочу еще поговорить о сомнении. Я нашел много людей сомневающихся в себе с 16 лет и до 33 и мне пришлось беседовать по поводу сомнения. И так это сомнение доходит до такой глубины в забытьи, что представляется в конце концов, что даже не достоин в храм ходить, Святые Тайны принимать и на иконы, то есть на лик Божий взирать. Тут такая глубина, что и разобраться совсем невозможно. В святых Житиях сказано: нужно себя везде и повсюду проверять и исследовать. Действительно нужно всегда себя проверять, я с этим согласен, только в середину точки зрения, а не до крайностей. От крайностей человек помышляет, например, что в нем нет любви истинной. Я люблю не от сердца, а вижу у человека недостаток в чем-нибудь и жалею, а любовь далеко от меня отстоит, я недостойн любить и Бог не дал мне любви как брат, например, любит. Что же получается? А выходит, что на Бога приносят хулу, что Он не дал любви. После этого отражается, что человек считает себя действительно недостойным. В таком случае не нужно думать о себе что во мне любви нет, а просить наипаче Всевышнего, чтобы Он наказал мне любовь истинную и научил. Так Он научит! Можно и помышлять иногда, что не отбери у меня, Господи, любовь чистую и люблю довольно и пускай она любовь во мне торжествует во славу Христа и уповать на Высшие Силы. А больше добиваться любви до крайности нельзя! А какую Бог дал, такая пусть и будет! И так нельзя никому советовать, что «люби более», на все надо присматриваться строго, потому что человек любит искренней душою, а враг хитрый по этому поводу и пред-

ставит картину: «ты еще не учился любить не достоин грешник, любят не так, а ты люби одного Бога, ходи с поникшей головой, не радуйся!»

Нет Бог веселый от рая не отказал, а наипаче их возлюбил, но только веселиться нужно во Господа. Вот еще враг хитрый задает такие фразы и научает: «пустынники молились и постились и Сам Господь 40-дневный пост нес, а ты, что за человек, за молитвенник и за постник, по-постуй и соединишься с Господом». Вот мы и начинаем постовать и молиться недели не спрося ни у какого старца, а сами от себя. Что же получится? Получится самомнение и в глазах картина, что из подвижников подвижник и будет видение и голос от иконы и потом что же? враг так сумеет подойти с божественной стороны, что и срисовать никак невозможно. С большого поста, от физической усталости заболевает спина и нервы расстраиваются и не хочет человек разговаривать ни с кем. Все кажутся в очах его из грешников, нередко голова кружится, от слабости падают на пол и часто становятся ненормальными. Вот где нас добил враг, где нам поставил сети: в посте, в молитве доспел нас чудотворцами и явилась у нас на все прелесть. Тут-то мы и забыли и дни и часы и Евангельское слово отстоит далеко от нас. Нужно брать пример самый легкий, с животных, с лошадей. Посмотри: если на сытой лошади поедешь она не убьет; на голодной — устанет; держись середины, тогда не убьет, не пристанет, а как раз добежит до станка. Так и молиться надо немного, а думать побольше, наипаче в Великий Пост помышлять: «помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Духом удаляться будто как в пустыню. Наипаче Иисову молитву творить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Куда идешь или едешь, как это сохранишь в себе, будешь ты у Бога и схимник и иеросхимонах. Иеросхимонах заставлен молиться, а ты сделаешь это по своей воле и Святые Тайны примешь дважды в великое говение. Так и в храме нужно стоять когда придет радость молиться, если же лень придет, ударять себя в грудь, обзывать, оболгать сердце ленивым, а вообще стыдиться не нужно в храме, потому что дом молитвы. Ведь какой-нибудь торговец если бы стал лениться отвешивать товар, то не убыл бы из корзины и ее прибыл бы в карман. Не остаться бы и нам, то есть не выйти бы нам с дырявым мешком, в котором не сохранилось чего положено было. И не нужно выказывать себя, а вести серединку, тем более молиться лучше. Но кто духовную жизнь ведет, то тем более над тем всегда надругаются. Вот тут-то не надо стыдиться, а делать так как Бог указывает, так и молиться. А то враг скажет: «не ходи в храм,

там над тобой смеются псаломщики, дьякон и все священники, весь мир соблазняет, молись дома по 200 поклонов». Храм есть ковчег, как он не будет соблазнять врага, потому что там отпускаются в Храме грехи.

В одно прекрасное время проникла мне мысль и глубоко запала в сердце. Как говорится по слову Апостола Павла «кто устроит храм, того адовы врата не одолеют никогда». Вот я стал неотступно Царицу Небесную просить и пришлось мне физически поработать, не один раз приходилось, крепко обнявши голову, глубоко, глубоко подумать по поводу храма. Сам я человек безграмотный, а главное без средств, а храм уже в сердце перед глазами предстоит. Как это устроить? а главное молившись Царице Небесной, чтобы она дала мне сил и не упасть духом и надеяться на Его щедрую милость, и под покров Царицы Небесной. Легко сказать: «дай на храм 20 тысяч», а как их дать и где взять? Надо подумать, сообщить с Господом, да побеседовать с Ним, попросить Его, чтобы Он не отринул своею милостивою щедростью и оказал мне свою радость. Говорить стану кратко о благодетелях: если подробно начать, то это будет слишком длинно. Так недаром говорит Святое Писание, что за Богом молитва не пропадет, а за Царем служба. И вот Божья радость совершилась на мне грешном. Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге на Каме как господа лепешки валят в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить! Приезжаю в Петербург. Все равно как слепой по дороге, так и я в Петербурге. Пришел первое в Александро-Невскую Лавру поклониться мощам и за крыльцом у меня большой мешок с черным бельем. Отслужил молебен сиротский за 3 копейки и 2 копейки на свечку.

Выхожу из Александро-Невской Лавры, спрашиваю некоего епископа духовной академии Сергия. Полиция подошла, «какой ты есть епископу друг, ты хулиган, приятель». По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ призвал меня, увидел и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм. Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я им ока-

зываю помощь в постройке храма, а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порят, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить. Обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект и архиерей всячески восстает. Куда трудно любовь разобрать. Как человек не был на опыте. По поводу жалости — это прямое естество. Да, — и это жалость. Пожалей и это жалость. А любовь это такая златница, что ей никто не может цены описать. Она дороже всего созданного Самим Господом чего бы не было на свете, но только мало ее понимают. Хотя и понимают любовь, но не как златница чистая. Кто понимает сию златницу любви, то этот человек такой премудрый, что самого Соломона научит. Многие — все мы беседуем о любви, но только слышали о ней, сами же далеко отстоим от любви. Она пребывает наипаче у опытных людей, а сама по себе она не придет к тому человеку, который человек в покое и живется ему хорошо, хотя он и батюшка. Ведь батюшка двояко есть — есть наемник паствы, а есть такой, что сама жизнь его толкнула быть истинным пастырем и он старается служить Богу — наемник же на него всячески доносит и критикует. У избранных Божиих есть совершенная любовь, можно сходить послушать, будут сказывать не из книги, а из опыта, поэтому любовь даром не достают. Тут-то и мешает враг, всячески старается как бы человек не захватил любовь, а это ему врагу самая есть загвоздка. Ведь любовь это своего рода миллионщик духовной жизни — даже сметы нет. Вообще любовь живет в изгнанниках, которые пережили все, всяческое, а жалость у всех есть.

О любви даже трудно беседовать, нужно с опытным. А кто на опыте не бывал, тот перевернет ее всячески. Вообще где есть избранные в духовных беседах, те более понимают любовь и беседуют по Новому Завету и живут единогласно, единым духом. Вот в них есть искренняя любовь и они молятся день и ночь вместе друг за друга. Вот у них-то и пребывает несметная златница любви. Вот, братья, поберегитесь врагов и, сестры, подумайте о любви златнице чистой. Петь нужно более псалмы и духовные песни. Враг злодей ищет всех удобных случаев — батюшек науськивает «поборники — они других сект, не братство у них», а то семейных всячески восстанавливает. Но не будем бояться слуха зла, будем продолжать во Господе, будем петь Ему и славить Христа, наипаче будем любить храм и причащаться почаще».

«МОИ МЫСЛИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ»

Петроград, 1915 год

«Горе метущимся и злым — им и солнце не греет, алчных и скучных весна не утешает; у них в очах нет дня — всегда ночь».

Григорий Распутин-Новый

(Автограф на обложке книги «Мои мысли и размышления»)

Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам

Что завтра? Ты наш руководитель, Боже. Сколько в жизни путей тернистых! Святые места — опыт жизни, неизменный кладезь мудрости.

В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ

Я прибыл в Святую Лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в Лавре свет светит тишины. Когда опускают Матерь Божию и пение раздаётся «Под Твою милость прибегаем», то замирает душа и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни золота, ни серебра, дышит одна тишина и почивают угодники Божии в простоте без серебряных раков, только простые дешевые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнетет и гнет, и ведет в скуку. Поневоле помянешь о суете жизни.

Горе метущимся и несть конца. Господи, избави меня от друзей, и бес ничто. Бес в друге, а друг — суета.

И увидел пещеры дивные, чудеса чудес. Как их Бог благословил, как же нам не верить, поневоле вздохнешь. Оне в диком камне, Сама Рука Божия творила их, и укрывались там искони от нашествия единородцев.

Тяжелые воспоминания о мучителях иноплеменниках, но в настоящее время большее мучение — брат на брата и как не познают своя своих. Поэтому и мучения более

тяжелые. Обида берет. Поэтому я уверен, что венцы будут ближе к Лицу Божию от этих мучителей в настоящее время (1911 г.).

Тех мучили инородцы, а теперь сами себя, наипаче бабки — батьков, монахи — монахов и вот Слово Божие на нас: брат на брата и сын на отца — конец приближается.

И увидел Иова в пещерах Печерских, где его конурочка тесная-претесная и несет ароматом благоухания.

И за что несет? Очень просто: за то, что не набрал себе чертог, а возлег в яслях убогих и терпеливо и покойно перенес свою тесноту, а нам хотя бы в простоте и в роскоши перенестись духом в его тесную конурочку и попросить его молитв и Господь не откажет его святым молитвам и мы будем участниками с ним Одесную Отца, а высказать о его терпении невозможно: сами книги не вместят.

В ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЕ

Дивная Почаевская Лавра. Что меня удивило? Во-первых, увидел я людей Божиих и возрадовался богомольцам очень, что нашел я истинных поклонников, тут явился страх в душе и наука искания Бога, как они собирают жемчуг истинный, а потом увидел и Матерь Божию и объ-ял меня страх и трепет и получил тишину и заметил в себе кротость. После всякой святыни прибавляется дорогой жемчуг смирения.

И вот я вступил в Собор и обуял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса. Где сама Матерь Божия ступила своим следом, там истекает источник сквозь каменную скалу вниз пещеры и там все берут воду с верой, и нельзя, чтоб не поверить.

О, какие мы счастливые русские люди и не ценим и не знаем цены чудесам! Где Православным христианам, что мы не хотим их посмотреть и лень съездить и ездим за границу смотреть разные горы, но ведь мы смотрим на них, как на роскошь, а не как на Божие создание.

ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ

Что могу сказать о своей тишине? Как только отправился из Одессы по Черному морю — тишина на море и душа с морем ликует и спит тишиной, видно блистают маленькие валочки, как златница и нечего более искать. Вот пример Божий: насколько душа человека драгоценна, разве она не жемчужина? Что и море для нее?

Без всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь и волны говорят и плещут, и радуют. И солнце на море блистает, словно тихо, тихо поднимается и в то время душа человека забывает все человечество и смотрит на блеск солнца, и радость у человека возгорается и в душе ощущается книга жизни — неопишуемая красота! Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе, безо всякого усилия.

Море пространно, а ум еще более пространен. Человеческой премудрости нет конца. Невместима всем философам.

Еще величайшая красота, когда солнце падает на море и закатывается и лучи его сияют. Кто может оценить светозарные лучи, они греют и ласкают душу и целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах... Смеркается...

О, какая становится тишина... Нет даже звука птицы и от раздумья человек начинает ходить по палубе, невольно вспоминает детство и всю суету и сравнивает ту свою тишину с суетным миром и тихо беседует с собой и желает с кем-нибудь отвести душу (скуку), нагнанную на него от его врагов...

Тихая ночь на море и заснем спокойно от разного раздумья, от глубоких впечатлений... Христово море. На тебе дивные чудеса. Самим Богом посещено и чудесами сотворено.

Виднеются берега и блистают деревца, как не порадоваться? Где не видно было ни кустика, ни листочка, там вдруг виднеются берега и подъезжаем и смотрим на природу Божию и хвалим Господа за Его Создание и красоту природы, которую не описать человеческим умом и философией.

Забали волны на море — сделалась тревога в душе. Человек потеряет образ сознания, ходит, как в тумане... Боже, дай тишину душевную!

На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна.

На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна — бес души смущает.

Совесть — волна, но какие бы ни были на море волны, оне утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет.

На берегу больше хвораешь.

О, какой обман, беда скажут ей и взглянут и увидят... Совесть всем без языка говорит про свой недостаток, всем надо поглядеть на нее, тут никакой грех не утаим и в землю не закопаем.

А всякий грех все равно, что пушечный выстрел — все узнают...

Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный Софийский собор, первый во всем свете.

Как облако на горе, так и Софийский собор, первый во всем свете.

Как облако на горе, так и Софийский храм. О горе! Как Господь гневается на нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил Свой Лик на посмешище и поругание — в нем курят. Господи, услыши и возврати, пусть храм будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-за гордости был отнят храм у Православных, ибо не признавали сего ковчега, имели дом гуляния и роскоши. Господь прогневался на долгое время и повелел кощунствовать над Своей Святыней. Обождем. Господь смиляется и вернет ее с похвалой, почувствуем и покаемся.

В ней сохранились невредимые места, оне означают Спасителя (в алтаре) и Матерь Божию (на выходе из храма). В храме 300 паникадил. Дивные чудеса, где султан вскочил на трупы убитых воинов, полна церковь православных и вот конь копытом о колонну ударился и вырвал очень большой кусок у колонны и это сохранилось до сих пор и где султан рукой оперся о колонну и теперь видна его рука на колонне в диком камне, очень ясно обозначено пять перстов и вся ладонь руки.

Это великое чудо! И вот поэтому вернется храм в руки православия, тут Бог творит чудеса и велит покаяться.

Достиг тут же монастыря Феодора Студита, в нем очень много сохранилось живописи и православных икон. Матерь Божия Знамения и много других — прямо умиротворяет душу христианина.

Келия Феодора Студита исповедная до сих пор сохранилась, темная и призывающая к покаянию — действительно подвижник Божий. Господь по грехам нашим дал жилище Православных на посмешище, но души православной ничто не касается.

Всего лишить могут — и жилища, а души никогда. Заслуги земные потоптали и над трудами православных надругались и сделали его посмешищем, а терпением его украсили небеса. Поэтому нам пример, что лишение земное утеха небес. Просить Бога надо, чтобы дал терпение, а потеря земного — это великий подвиг. За потерю земного и награда большая, чем если сам подашь.

Сам подашь — это от своей воли, а тут лишают, скорбишь и Царствие Божие скорбями наследуешь. Бог всем поможет перенести потери с терпением и за это сделает наследником Отца Небесного.

Тут же в Константинополе, в том же храме сохранилась кафедра Иоанна Златоустаго и мощи св. Ефрема хранятся другие воспоминания. Между ними колонна, к которой Спасителя приковывали. Подумаешь, что везде страдания показывают: Боже, какие мы грешные. Все для нас страдания. Вспоминаешь, как давно проповедовал Златоуст и видится все, как сейчас, будто слышится патриарший звук и иконка сохранена на его кафедре.

И Роман Сладкопевец там же.

Боже, сколько сотворено чудес!

В честь двенадцати апостолов построен храм огромный, который превратили в мечеть. Тут не сохранилось ничего, ни икон, ни воспоминаний, а только известно, что в храме всех апостолов совершилось поругание над святыней.

О греческих церквах описывать не буду, дивная старина!

Есть в Константинополе церковь, где Андрей Христа, ради юродивый молился и видел Матерь Божию. На том месте я был, но сохранилась только маленькая стена и развалины и небольшой садик, а подалее греческая церковь.

Замирает душа от трогательных событий, как Божия Матерь охраняла на воздухе всех и молилась за всех, да и теперь в день Покрова Ее забота миловать и утешать.

Она своих подвижников учит молиться и является к своим праведникам и грешникам и слушает прошения всех к Ней, Матушка, приносимые. Она все наши нужды знает и мы получаем все, о чем Она Господа просит. Ее прошение ко Господу всегда до Него доходит.

Привезена одна колонна из Рима в Константинополь в тысячу пудов — это большое чудо, все не описать, очень многого не написал про Константинополь.

В ДАЛЬНЕЙШЕМ

Доехали до **Метелены**, небольшой городок, где Павел Апостол проповедовал и тут же 80 мучеников, в которых он зажег огонь веры, они уверовали во Христа и до сих пор это место напоминает, что тут проповедь живая.

Городок красив, у моря над водой в горах. Здесь залив Архипелага и дивная красота берегов, чудные горы.

Боже, веди нас в своим стопам, чем далее, тем более встречаем душеспасительных мест. Можно понять, что недаром русский человек все свои копейки собирает и стремится посмотреть эти места, где творятся чудеса.

Я много встретил народа, но особенно в третьем классе много истинных христиан, страдают и молятся постоянно,

читают акафисты утром и вечером, смотришь и не устаешь.

И видел болгарок, истинно понимающих Царство Божие, прямо жен-мироносиц, любящих Христа.

Я вот убедился, что платье у турок такое же, как у христиан и евреев. Можно ожидать исполнения слова Божия над нами, что будет единая Православная Церковь, не взирая на кажущееся различие одежды.

Сначала уничтожили это различие, а потом и на веру перейдет, трудно понять все это. Сначала на одежду прельстятся все инородцы, а потом у них будет единая Церковь.

Смирна расположена на малоазиатском берегу в конце громадного залива — Смирнского. В Смирне есть несколько красивых греческих храмов. Один из них на том месте, где Самаритянка беседовала с Яковом при Спасителе и уверовала в Него.

Какие события хранятся у турок, как разобраться, что все у турок, вся древность, что можно на это сказать, как не то, что лучше да будет у них единый с нами дух и Единая Православная Церковь. В Смирне кроме храма, который заложила своей проповедью Самаритянка, по имени Фетинья, есть еще храм на том месте, где Матерь Божия проповедовала. Тут же находятся мощи Георгия Победоносца (часть ноги) и мощи св. Космы Бессребренника.

Дальше проехали мимо острова Метелена, где находился еп. Григорий (память 5 ноября). Очень ясна проповедь святителей: так и светится в сердцах Православных.

В Смирне есть гора, на которой был цирк, где замучены ученик Иоанна Богослова и много других с ними. Где только нет мучеников за Христа? Все, значит, венцы, кровью достигались.

Недалеко от Смирны сохранились развалины древнего города **Эфеса**. В Эфесе долго жил Иоанн Богослов-апостол и закончил здесь свое Евангелие, всей Премудрости глубина, посему самый проток у моря много пробудит к жизни ото сна.

Здесь временно пребывала Матерь Божия и собирався 3-й Собор. В Эфесе первым Епископом был апостол Тимофей, ученик апостола Павла. Оба мученически скончались. А также здесь жил и Иоанн Златоуст. Около Эфеса много сохранилось пещер. В пещеры ехать нужно лошадьми.

Дивный путь этот учит смотреть на себя, как ты преуспеваешь и соработник ли ты сих мест. Хотя бы бисеринку посеять истины и за то оживем, только бы не работа вражья, не обуял бы сатана, не закинул бы своих

сетей художника, в которых мы не знаем, как нам разобратся.

Недалеко есть также остров **Хиос**, где замучен Исидор в III веке. Все места освященные. Боже, освяти нас единокупно с ними, сжался над нами!

Остров Патмос. Здесь был заключен Иоанн Богослов и здесь же он написал Евангелие и Апокалипсис. На месте пребывания евангелиста Иоанна Богослова теперь стоит православный греческий монастырь и весь остров населен христианами. Иоанн молится о своих богомольцах и сделали мы его поспешниками.

Выехали в Средиземное море, пароход нигде не пристаёт.

Боже, сколько апостолы по этим берегам зажгли веры! Без конца сделали любителей Христа и за это повсюду мученики и по эту и по ту сторону Средиземного моря, а греки со своей философией возгордились. Господь прогневался и передал туркам все труды апостолов.

В настоящее время как у греков все епископы грамотные и боголепие соблюдают, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетой духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше. Без нищеты епископ заплачет, если креста не дадут, а если она есть в нем, то и худая ряса приятна — и за худой рясой пойдет толпа. Этому я очевидец — простите, я со многими епископами очень знаком — да спасет их Господь за их единение.

А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм пуст. А в настоящее время, когда о. Иоанн (Кронштадтский) служил, то в храме дух нищеты был и тысячи шли в нему за нищетой духовной.

И теперь есть, да мало таких служителей, есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в миру жир нажили — этим трудно подвизаться — давит их лень. Конечно, у Бога все возможно, есть некоторые толстые монахи, которые родились такими, — ведь здоровье дар, в некоторых из них тоже есть искра Божия — я не про них говорю.

Нег лучше, когда едешь в Иерусалим, видишь берега святые, где апостолы спасались, ходили по этим берегам и не раз переправлялись здесь по этому месту с берега на берег, из города в город. Подумаешь, что и народ едет со страхом и так легко здесь молиться. Видишь, как здесь о всех путешественниках апостолы молились, потому и на море легко молиться, что Бог премудростью там кормит и млеком питает.

Город **Родос**, утопающий во всевозможных садах. Какая там благодать в Средиземном море. Чего там нет в Родосе? и зелени, и цветов в феврале месяце. Как там Господь греет и всегда плодоносный год. Велика Божия милость на месте сем.

Кипр посетила Матерь Божия. На о. Кипре много святых, старинных подвижников и остатки мощей. Там множество монастырей мужских и женских.

Прошли город **Мерсину**. Все места посещены чудесными событиями, поневоле возрадуется душа.

В пяти часах езды от Бейрута могила Ионы-пророка, который был у кита во чреве и был им выкинут в Средиземное море. Какие дивные пророчества совершались у него, чтобы обличить безумных, которые не знали, что творили, для них достаточно было своего безумства, но Господу было угодно послать к ним пророков и вот эти безумцы верили и делались подвижниками, а мы все знаем, где Святая Святых, но уши свои крепко затыкаем, чтобы не слышать, и очи закрываем, чтобы не видеть, и сами себе говорим: «еще есть время — впереди много годов, тысячу раз спасемся!»

Город **Триполис** стоит у моря, кругом часть Ливанских гор, а больше нет ничего. Крепость, как у нас Петропавловская. Горы Ливанские располагают к благочестию.

Бейрут расположен над морем, весь погружен в зелень. Боже, везде источник жизни. Георгий Победоносец в этом городе сокрушил змия, на этом месте колодец и турецкая молельня, озеро заросло травой. Горе, как Бог гневается на православных, подумать нужно, как у турок неприятно, а Бог им дал всю святыню. Вот пример того, когда мы получаем от Господа какое-либо боголепие и его потопчем, то сделается у нас пустота, святыня не у места.

Великий подвижник и чудотворец Божий, дай сил узреть твою красоту!

Боже, творяй чудеса, какие воспоминания, какие чудеса по всей земле творятся, о Твоем угождении, Господи, попросим и помолим Тебя: не оставь нас ленивых, надежда наша на Тебя и упование, увесели нас, Господи, Твоими молитвами!

Яффа, где жил пророк Илья. И на том месте, где молился пророк, внизу горы — пещера. Тут монастырь греческий. Я очевидец всех этих мест, там сходил огонь и тут же не было дождя. Много в городе Яффе сотворено Ильей чуд.

Я видел его строгий вид на его иконе к нам грешным и когда мы смотрели, то вселился в нас трепет ко всему доброму, Боже.

Илья, славный, умоли Христа, ведь ты нам подобен, и Господь услышит, и мы усердно просим тебя, умоли Христа, чтобы Он нас полюбил и умилился над нами, дал нам вечное блаженство.

Отсюда можно совершить путешествие в Назарет.

Вот Яффская долина необъятной красоты захватила рай. Нет на свете мудрее этого места. Как говорится в церкви про изобилие плодов земных, то вот здесь оно и есть. Даже невероятно, что можно и на земле встретить необъятный рай красоты. Пусть у кого и горе будет или потеря земного сокровища — я уверен, что скорби, как дым ветром, пронесет от одного изобилия, которым Бог светит на этих местах. Освети истинным сиянием и Своей милостью нас грешных.

ИЕРУСАЛИМ

Окончил путешествие, прибыл в святой град Иерусалим переднею дорогою.

При переходе от великой волны в земной рай тишины — первым делом отслужили молебен. Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила бессильны — невозможно, да и слезы у всякого поклонника с радостью протекут.

С одной стороны всегда «да воскреснет Бог» поет душа радостно, а с другой стороны великие скорби Господни вспоминает. Господь здесь страдал. О, как видишь Матерь Божию у Креста. Все это живо себе представляешь и как за нас так пришлось Ему в Аттике поскорбеть.

О, Господи, идешь и подумаешь и явится скорбь, и видишь — ходят такие же люди, как тогда, носят плащи и странная на них одежда прежнего завета, как сейчас, все так и было. И вот слезы текут, дни те подходят, наступил Великий Пост — выйдешь из храма, а в храмах этих великие события совершались и Сам Спаситель пролил слезы.

Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа!

Так я чувствовал, что Гроб — гроб любви и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих и они дома чувствуют себя отрадно.

Сколько тысяч с Ним воскреснет посетителей. И какой народ? Все простачки, которые сокрушаются — их по морю Бог заставил любить Себя разным страхом, они постанутся, их пища — одни сухарики, даже не видят, как

спасаются. Боже, что я могу сказать о Гробе? Только скажу в душе моей: Господи, Ты Сам воскреси из глубины греховной в Чертог Твой Вечный Живота!

О, какое впечатление производит Голгофа! Тут же в храме Воскресения, где Царица Небесная стояла, на том месте сделана круглая чаша и с этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на Кресте. Как взглянешь на место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут и видишь перед собой, как все это было.

Боже, какое деяние свершилось: и сняли тело и положили вниз. Какая тут грусть и какой плач, на месте, где тело лежало! Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить, спаси нас Своим страданием!

Повели нас на Патриарший Двор, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем и полились слезы у верующих, все изумлены глубиной поучения, как нас учат смиряться. Что я здесь еще опишу? Боже, смири нас — мы Твои.

Вот усадили нас рядами и поставили старого Завета кувшины иудейские: так в душе и восстает Тайная Вечера — беседа: с нее начались великие события и был первый намек ученикам о расставании с Ним. Велики страдания, велика любовь Твоя за нас. Сокровище наше, не гневайся на нас — мы не можем быть без Тебя.

Повели нас ночевать. Но потом пели у гроба акафисты на Голгофе. Боже, какая отрада! Так сердце трепещет от умиления и слез. Потом утром в 12 часов — обедня и запели Пасху. Тут я посмотрел вокруг и сказал: «Рай земной, не отступи от меня, будь во мне!»

Тут в пещере Воскресения крест царя Константина и матери его Елены, которые, как говорится в истории, нашли три креста и Господь указал, на котором Он был распят.

Запели все «Кресту Твоему поклоняемся...» Крест Твой во ограждении чудес послужил. Крест с нами, яко и Бог Спас.

Еще в храме Воскресения против арабского алтаря, могила Никодима, который строил гроб себе, а положил Господа. Вот он ранее делал добрые дела и уподобился великого таланта.

Никогда не бойся делать добро, всегда попадешь в честь — бес так устраивает, чтобы ты был Фарисей, а не уподобился и не был, как Никодим — вот вся роль беса. Но делай, делай и венец твой и покой получишь.

Сколько в храме Воскресения престолов! Всех языков престолы христиан, все на разных языках молятся.

Не могу всего описать, многое рассказывают, как когда не поверили и затворили храм и стали у гроба католики,

а разини армяне на улице, на паперти в колонну Благодать сошла и один турка плюнул в колонну, и там зубы его остались и видать, как Бог наказует неверующих.

Боже, спаси и помози.

Повели нас к Успению, где гроб Царицы Небесной, шли мы дорогой и вели нас кавасы с факелами и толпа народа со страхом и разные прокаженные по дороге — все, как бывало во времена Спасителя и прокаженные также кричат «подайте паричку».

Видели дом Иуды и Пилата, они недалеко друг от друга — соседи и теперь о Пилате неизвестно, а Иуда — пример всех недостатков. Достигли с толпой пещеры Божией Матери и вся толпа запела: «В Рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила...» — тропарь и песню Богородице, и прикладывались к Ее гробу и все пели и наслаждались Ее радостью, что Господь Ее Тело взял к Себе.

Посмотрели и опять представили себе, что здесь было, где Небесная Сила взяла Пречистое Тело Ее. Господи, не оставь нерадивых!

Тут же у Нее в пещере и Иосиф похоронен, как говорится в истории, здесь старец почивает. Великий Старче! Моли Бога о нас!

Повели нас к красным воротам, где Господа в последний раз осудили! О, как посмотришь, что такое суд! Кто ежели страдал, всякий про него скажет: нет, — вот за то его и преследуют; ах, мне-то еще мало этого, но за то, за что говорят, теперь невинен, а ранее согрешил: но Господь ни теперь, ни прежде не грешил.

Достигли *Гефсимани*, где Господь нередко беседовал со своими учениками до Его тяжелых вздыханий и молений о Чаше Смертной. Поклонились недостойные тому месту, где мы Его окровавленными слезами оплаканы и облиты Его кровью! Как посмотришь, что мы здесь на том самом месте, где Он молился, вся толпа всколыхнулась, кто плачет, кто глубоко вздыхает, у всякого слезы текут. Камень этот в стене и теперь облит кровью Спасителя, вот это место поневоле научит молиться. Его подвиг у верующих всегда перед глазами, а когда видишь то место, где Спаситель стоял, и знаешь, что в Гефсиманском саду слезы Божии текли реками, то боязно ступить на землю, всякий камышек свят — описать этого невозможно. Боже спаси и помилуй нас в Сердце Своем.

Тут же видим, где ученики спали на камнях и Господь приходил их будить не раз, а мы почиваем вечно во сне и во зле. Господи, пробуди нас!

Пошли выше и слышим звон колоколов.

О БЛАГОДАТИ ВЕЛИКОЙ СУББОТЫ

О какое ожидание благодатного огня, как томятся все богомольцы до крестного хода! Более суток ожидают этого благодатного огня. Многие плачут, а арабы хлопают в ладоши, скачут и что-то поют в исступлении, кругом войска и турецкие кавасы. Приходит главная минута: Патриарх раздевается, остается в одном белье и входит в Кувуклию, где гроб Христов.

Народ со слезами и с сильным напряжением ожидает, когда Патриарх выйдет с огнем... Вот он выскакивает, неся огонь и бежит в храм Воскресения, зажигает свечи неугасимые, а потом выходит к народу и от пучка свеч зажигают свечи и поклонники с большим рвением все вне себя от радости и не чувствуют утомления, жгут свечи пучками — тридцать три свечи. В лице поклонников пылает чрезвычайная радость, но большой шум по всему храму. Во всех частях храма и во всех приделах люди набрались радости и наполнились благодатью вместе с зажиганием свеч от благодатного огня. Некоторые повезли огонь домой, а другие только обожгли свечи, до трех раз зажигали и гасили. Дивное событие совершилось и совершится. Боже, дай память, чтобы не забыть такое обновление.

Как приятно быть во Святой земле, не посетить ее с верой нельзя, там можно пробыть хоть немного, три месяца и то увидишь всю Святыню. А в три месяца не осмотришь, то хоть год проживешь, ничего не увидишь, ничего не узнаешь, а узнаешь, да не оценишь. Святыня любит страх. Для Иерусалима нужно побывать везде раз только: посетить все места и оценить. Дома при своих работах и трудах, перенестись духом ко Гробу и ко прочим местам Святыни. Первый раз непонятная для тебя радость является, а во второй раз начнем хулить и безверье в нас вкоренится. Кто не бывал, попросит тебя, съезди за послушание и Расскажи ему с трепетом, как много ошибок там для молодых послушников и послушниц. Монахиням бывать очень трудно, лучше бы их не отпускали, громадный соблазн, очень враг завидует и из них делаются многие приживалками и торговками святыни, бегают, говорят «у нас батька святой» и записывают вас.

Вино продают «ракичку на паричку» и пьют его потому что дешево. Это более делают чернички Афонские «келлиоты», потому нельзя черничкам туда ездить, большая часть их помимо Иерусалима живет, объяснять не полагается, а кто был там, тот знает.

Побывал на Иордане, пели тропарь «Во Иордане крещающуюся...» и кондак и погрузились в воды Иорданские.

Поглядели на пустыню Иорданскую, где спасалась Мария Египетская. На том месте, где Господь крестился, все погружаются в воду и думают о разрешении грехов. Большая вера у толпы. Множество наций с трепетом бегут на Иордань, для избавления от грехов. Господи, как душа ищет покоя, ей и расстояние нипочем. Много тысяч из конца в конец земли переносится телом и душой, чтоб очищение найти. Боже, очисти нас в Своих водах Иорданских! Тут и Мертвое море посмотрели, наказание Божие на нем, объял нас страх и ужас. Как Господь разгневался на беззаконие людей, виднеются одни воды, никакое животное, ни насекомое не живет в них, а уж рыбы совсем нет, и смотрим, и плачем. Горе нам! Бог города не пожалел. Господи, пощади нас, постереги на день Суда Твоего!

В этой же пустыне послал Бог Елисею благодать. Место, где Илья был взят на небо, указать невозможно. Вся пустыня Иорданская полна событиями. Растительного в ней мало. И речка небольшая, обросла кустарником и мелким лесом, купальни нет, просто с берега купаются.

В окрестностях много монастырей. Как Иоанн Предтеча и другие подвижники из библейских сказаний совершали подвиги постом и безмолвием, так и потом около Иордана жили иноки, только греки все искалечили, но сама пустыня в сердце остается.

Монастырь Герасима. Тут преподобный Герасим питался неизвестно чем и жил со зверями. Греки приветливые, но не сохраняют событий, которые здесь были, не обращают внимания на библейскую сторону. Здесь каждый камешек освящен святыней, а многим и этого говорить не могу: верую всякая душа живится.

В Иерихоне *дом Закхея*, о котором говорится в Евангелии. Там нашли раскопки — пол мозаичный — я с ним знаком. Смотришь на эти места — совсем все как было и представляешь себе, будто вчера здесь толпился народ и Господь снимал тяготу связи земной. Действительно, народ не даром толпился, это видно и чувство говорит, что как прежде мир теснился, чтобы получить от Бога дар и получал, — так и теперь.

В Иорданской же пустыне есть *источник пророка Елисея*, но кавас туда нас не повел и рассердился.

Тут же и *смоква Евангельская* — эта смоква — наши грехи неочищенные, и мы не хотим очиститься и не боимся Бога и слов Его.

Сорокадневный монастырь находится на высокой горе, где искушал бес Господа. Дивный храм и в нем келейка, в которой помещается тот камень, на котором Господа искушал бес и к нему прикладываются. Действительно,

сокрушается дух о Божественном страдании. Он хочет нас искупить от лукавого и теперь тут же, где Его искушение было, продают и «ракичку» дешево, по-нашему водку. Вот бес хитрый, как он всех ловит.

Неподалеку монастырь *Георгия Хозевита*, а затем *лавра Саввы* в горах в пустынном месте над пропастью. Бегут источники, много костей открыто, есть кости особенные, благодатные. В некоторых местах над пропастью чувствуешь, что здесь спасались подвижники. На пути оттуда гостиница доброго Самаритянина, но теперь ею заведуют турки и воды на дают.

Мамврийский дуб! Велика доброта и любовь под Мамврийским дубом. Здесь Авраам приветствовал хлебом и солью Господа, который явился в виде трех странников, а теперь эта Троица славится и изображается. А Сарра и Авраам служат примером своей доброты. Как приятно разделить пищу со странником. Здесь заключается Премудрость в том, что явил Себя Господь в Троице за ласковый привет Аврааму и Сарре и всему их семейству. Припали к дереву, поклонились: ему, отслужили молебен. Половина дуба посохла от великой древности, от многих тысяч лет, а есть несколько частей древа, которые по суду Божию зеленеют — это доброта Божия и будет она во веки зеленить и славить Бога. Так и хочется делать добро, так в этом древе доброта и зеленеет, да не изгладится память о нем, что Господь посетил этот дуб и останется в памяти у всякого христианина.

По этой же дороге находятся Соломоновы пруды, где поили его скот и по его премудрости они так устроены, что вода в них совсем не высыхает, хотя и немного ее.

Вифания на пути к Иордану близ Иерихона. Пробывли на том месте, видели камень и прикладывались к нему, где Иисус сказал Марфе — «о многом печешься, а малое на потребу». Слова эти сильно влияют на этом месте. Тут храм построен и как места эти ласкают и зовут душу в небесный чертог! Неподалеку отсюда — могила Лазаря — так же глубока, как воскресенье его звучало в Евангелии.

Едешь мимо этих мест, вздохнешь и подумашь: «Боже, воскреси мою душу от бездны греховной. Твое воскресение по всей земле представляет себе всякий человек и переносится туда духом, — оно доступно всем верующим». Подумаем, сколько там дивных событий и как мы должны чувствовать воскресение Лазаря для всех и по всей земле.

В *Яффе* апостол Петр воскресил Тавифу. Побывали в пещере, где он ее воскресил и так ее пещера ласкает с любовью русского паломника: и видится апостол Петр и его энергичная молитва ко Господу. Тут же на берегу раз-

вашины ковчега, говорят турки. Ковчег — пример опасения для христиан и слова праведного Ноя над нами сбываются... Наше спасение Церковь, и всякий, кто услышит клик Ноя, — да спасется!

Наша мать — Церковь!

В Вифлееме громадный храм, много в нем престолов и наций и всяких удобств, но для русских паломников всегда одни неудобства. Зато когда увидишь ясли Самого Спасителя — забудешь усталость и многие разные интриги. Приклонись к Его яслям и не верится от радости, что Бог милость Свою явил к нам. Где родился Христос — поклонись и где положили Его, то место тоже облобызали странники и паломники и у всех радость в лице! Тут же Ирод избил младенцев. Какое зло и зависть повлияли на него, что он решился в своем народе убить младенцев и не постыдился насмешек своих близких и не сжалился над детьми. Сколь коварна зависть. Тут и пещера всех избитых младенцев, много тысяч числа их. Русские паломники с ужасом посмотрели на Иродово зло и на его коварную зависть, а о младенцах невинных, чьи косточки лежат здесь — поплакали! Каково было матерям с ними расставаться! Зло и зависть до сих пор в нас, между большим и более великим и интрига царствует в короне, а правда как былинка в осеннюю ночь ожидает восхода солнца, как солнце взойдет, так правду найдут.

В том же храме то место, где ангел известил Иосифа, когда Ирод стал замышлять избить младенцев. Мы приложились и все русские паломники с любовью обласкали это место и глядели на ту ж самую лестницу, закованную решеткой, по которой Иосиф выходил, чтобы совершить далее бегство в Египет. Мы с любовью и верой посмотрели вслед этой лестнице, куда Иосиф вышел из Храма Вифлеемского, на тернистый путь в бегство.

По дороге в Вифлеем, недалеко от города находится могила Рахили, которая «плачет о детях своих» и не хочет утешиться.

Из Вифлеема пошли за город и дошли до пещеры пастухов, где ангел возвестил радость пастухам и где пели «Слава в вышних Богу». Пели все паломники и поклонялись иконе, на которой изображен ангел, возвещавший великую радость. Пропели Пасху, был второй день праздника. Пещерка порадовала нас, потому что в ней дивное мудрование волхвов, о которых учит история.

Господи, в нас недостает премудрости, умудряй нас. Твоя власть как тогда, так и теперь.

Еще надо помнить в Иерусалиме недалеко от Красного хода маленький храм Анны Богоприимицы и в нем пещеру, где похоронены косточки великого старца Симеона

Богоприимца. Как в его пещере отрадно! Как его Господь увенчал. Какое дивное событие с ним было, когда он не поверил изречению пророков и хотел вычеркнуть, что Господь родится от Девы, а ангел удержал его руку, поэтому он утопил свое кольцо в море. Какие события и явления! Сами пророки не верили в Его рождение!

И вот, чтобы облегчить его неверие, рыба схватила его кольцо в море и попала рыбаку, рыбак ее на рынок принес, а послушник купил рыбу, принес ее домой и нашел в ней кольцо, которое отнес Симеону, Симеон и сказал: «Воистину Сын Божий родится», — и про себя проговорил: «Когда увидят очи мои спасение мое, тогда отдам дух мой ко Господу», — и так, тогда и скончался, когда увидел Господа.

Приложились к премудронаписанной иконе, где изображена рыбка.

Когда ехали на пароходе на обратном пути опять приблизились к тому месту, где кит выбросил пророка Иону и запели пасхальную песню «яко от Кита Иона, воскрес еси от гроба». Вся толпа народа смотрела на то место, где совершилось событие чуда. Там маленький каменный столбик и яма неглубокая четырехугольная, пароход стоял полсутки против этого места.

Крестный монастырь самый древний из всех. В нем показывают место, где росло дерево, то самое, на котором был распят Христос и которое посажено было праведным Лотом. Короче всего сказать, что когда Лот выведен был из Содома, то был искушен соблазном и вот Господь через одного старца благословил его посадить три головешки и поливать их водой. Три головешки были им посажены и он носил воду с Иордана и поливал их. Господь услышал молитву его — из одной головешки выросло дерево. Есть изображение этого дерева на иконах и как Лот поливает и сажает его, — все это в пещере изображено. Как Господь даже грешников прославляет. Сама Церковь воспевает это дерево, из него Крест был сделан, на котором распят Христос.

Как увенчал Господь праведного Лота, он и раньше был праведен, а потом пал в великий разврат, но покался. Вот первое спасение — если ради Бога кто живет, то хотя искусит его сатана, все-таки спасется, только бы не из корысти, а кто из корысти, то Иуда брат будет.

В доме Иокима и Анны нашли мозаику — лань приклонила главу к ногам их.

Господи, все животные им покорены.

Много разных народов и все умные в своем духе, но веры у всех и во всех нациях мало и любви нет. С ними очень нужно быть ласковыми, они не понимают, но на

любовь твою смотрят как на диковину. И вот в то время, как мы указываем на небо, они с любовью смотрят и в лице у них делается перемена и сейчас говорят о пророках. Очень много умных, а веры в них нет, с ними очень нужно говорить, но не о вере, а о любви, спаси их Бог. Критиковать и указывать на свою веру, как она высока — не надо, а надо сперва расположить их, а потом и сеять осторожно и кротко свою веру, но на это годы нужны. Надо показать пример любви и иметь любовь яркую, вот тогда будут христиане, как в первые года и миссия христианская будет не за деньги служить, а по доброте. Они очень понимают, когда говоришь и удивительно на них слова отражаются — сейчас садятся кругом и смотрят на тебя. Надо обязательно знать язык их и характер их наций, а всего короче — любовь к Богу иметь, как к другу, а то хоть и постимся, а не умеем с Богом беседовать, то и на людей не подействуем. Как колокол без серебра плохо звучит, так и неопытный всегда только портит.

Насколько один маленький кусочек хлеба дороже для человека большого корабля. А сколько денег на корабли надо. Кто уразумеет, тот и разумеет.

Действительно, много народа едет на пароходе, несколько сотен и в этой толпе рассадник веры, только многих бес запутал, но в ней много золота и жемчуга — тайная поддержка государства. Всякий в своем уголке имеет духовную силу, расскажут юношам про Иерусалим, в этих юношах явится страх и полюбят Родину и Царя. Я уверен, если больше веры будет, никакой варвар не подточет корень ее. Надо обратить побольше внимания на паломников — возить их подешевле и так устроить, чтобы миссия не брала с них денег за кипяток, номера, за барак и раз в день давали бы кушать и не возили бы как скот в трюмах, иногда до семисот вместе, а в этом году 500, менее чем всегда. А то с паломниками обращаются как со скотом, а деньги отдай и за кипяток, и за бараки, и за все.

Паломники ради святыни едут, но много им приходится терпеть. Богатым очень хорошо. И денег много, и номер хороший. Да, надо постараться, чтобы посвободнее возили бедных паломников, очень они поддерживают Россию верой простой, расскажут своим про Гроб Христа — это ничем неоценимая для простого народа великая доброта!

Необходимы обители для простого люда, пусть они ведут себя, как братия. Бог им судия, но есть посреди них движимые Духом Святым и молитвенники. Устав монастырский очень влияет на христианина и служит великой поддержкой для государства.

Простячок поклонится святыне и пойдет по селам, расскажет с верой о службе и о уставе монастырском на

своим простым языке, видно, что он говорит правду и вот простота его вселит в семействе любовь к Богу и юноши выслушают старика и будут помнить его слова, когда пойдут на военную службу. Вселится в них любовь, будут любить монастырь, а в нем самая родина любви и это правда на самом деле, что кто поносит монастырь, тот и все остальное поносит, а устав монастырский учит любить.

Вот еще большое событие — Пасха католиков в Иерусалиме. Я был очевидцем и сравнивал их Пасху с нашей — у них неделей раньше она была. Что же сказать про их Пасху? У нас все, даже неправославные радуются, в лицах играет свет и видно, что все твари веселятся, а у них в основном самом храме никакой отрады нет, точно кто умер и нет оживления: выходят, а видно, что нет у них в душе Пасхи, как у избранников, а будни. Какое же может быть сравнение с Пасхой Православия. Совсем это другое. Ой, мы счастливые православные! Никакую веру нельзя сравнить с православной. У других есть ловкость — даже торгуют святыней, а видно, что у них нет ни в чем отрады, вот обман, когда даже в Пасху служат и то лица мрачные, поэтому и доказывать можно смело, что если душа не рада, то и лицо не светло — вообще мрак, — а у православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь, даже вещи и те в очах светлеют. Я не берусь судить, а только рассуждаю и сравниваю католическую пасху с нашей, как я видел во Святом Граде служили Пасху у Греков, а премудрости глубину не берусь судить!

Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастья и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветет над праведниками, для примера указать можно на о. Иоанна Кронштадтского и сколько у нас светил — тысяча мужей Божиих.

КОПИИ ТЕЛЕГРАММ И ПИСЕМ
Г. Е. РАСПУТИНА ЦАРСКОЙ
СЕМЬЕ
1905 — 1916 гг.

Покровское — Петергоф. 29 июня 1914 г.

Женщина нанесла тяжелую рану в живот, но сносно, чудным образом спасен — еще поживает для нас, для всех, недаром слезы Матери Божией. Приехали за доктора. Матреша Новая.

Покр. — Рейд Штандарт 1 июля 1914 г. а.

Благословляю и умножаю вам благо отъезда. Я поправляюсь чувствуйте.

Тюмень — Рейд Штандарт. 3 июля 1914 г. а.

Пока услуга слава Богу ваша радость мой покой. Полежу недельки три операция ведь серьезная.

Тюмень — Р. Шт. 3 июля 1914 г. а.

Не ужасайтесь случившемуся, полагают не умертвят, сумеите долг отдать Самому Всевышнему. Утром следователь меряет рану сколько глубины.

Тюмень — Р. Шт. 5 июля 1914 г. а.

Теперь слава Богу сплю, бился как по волнам пожалуйста той не телеграфируй и ничего не давайте. Крепко всех целую.

Тюмень — Р. Шт. 5 июля 1914 г. а.

Болезнь слава Богу кротко тихо часами идет вперед телегр. получил множество от всех разных концов.

Тюмень — Петергоф. 6 июля 1914 г.

Здоровье немножко улучшается, вы не фантазируйте не бойтесь я не очень испугался, раз не удалось а другой как велит. Вокруг меня близкие много слез пролили. Ялutorовские все со мной.

Тюмень — Р. Шт. 7 июля 1914 г.

Швы сняли благополучно идет дело к выздоровлению, сильно целую обнимаю.

Тюмень — Петерг. 8 июля 1914 г.

Сон совсем плохой, самочувствие хорошее, ты не страшишься чего не нужно, смело ходи.

Тюмень — Петерг. 9 июля 1914 г.

Бреден добрый приехал кто послал если вы спросите он расскажет, рана очищается.

Тюм. — Петерг. 12 июля **а.**

Сегодня большие кровавые стуски вышли, больницы придется долго лежать. Мещерский большая потеря разум его святыня.

Тюм. — Петерг. 13 июля **а.**

Нет ее и не надо это левые хотя дипломаты знают как нужно, постарайтесь чтобы не было, те узнали что у нас беспорядки, одно горе что не могу приехать.

Тюм. — Петерг. 13 июля

Смотри горко, а как радовались в Костроме, всех гостей подчивали, а те в зависть впали, все пойдет, надо пережить, повод не надо давать, они будут нахалы опять кричать, то долой, другое долой, будто защита, а сами палкой хотят, по плечам кто хочет.

Тюм. — Петерг. 16 июля

От нечего делать пошли Покровские виды молодуха тоже просит. Не шибко беспокойтесь о войне, время придет надо ей накласть, а сейчас еще время не вышло, страданья увенчаются. Крепко целую всех.

Тюм. — Петерг. 16 июля

Набросились от зависти. Меньше выделяется, в большой форме ослабел целую всех.

Тюм. — Петерг. 19 июля **а.**

Милые дорогие не отчаевайтесь.

Тюм. — Петерг. 19 июля **а.**

Верю, надеюсь на мирный покой, большое злодеяние затевают, не мы участники знаю все ваши страдания, очень трудно друг друга не видеть окружающие в сердце тайно воспользовались, могли ли помочь.

Тюм. — Петерг. 20 июля

Е. В.

О милый дорогой, мы к ним с любовью относились а они готовили мечи и злодействовали на нас годами я твердо убежден, все испытал на себе всякое зло и коварство получит злоумышленник сторицей, сильна Благодать Господня под ее покровом останемся в величии.

Тюм. — Петерг. 23 июля **а.**

За родину благословение Божье как-нибудь от жизнь то себе убивец.

Тюм. — Петерг. 23 июля **а.**

Перепугал по поводу Брата Николая (А. П. С.) он идет не добровольцем а как все офицеры, благословение Божие пусть хранит его дух истины и возвратиться с благовестью домой.

Тюм. — Петерг. 24 июля

На что она надеется, везде кидается, или хитра или Бог разум отнял, конец ей, как бы те не были фантазерами, он может выкинуть (Николаша) такую вещь что все погубит помните ворожбу.

Тюм. — Петерб. 24 июля А.

Благой вам путь и радостная встреча (Москва) смотрите сами так как неужели уж так пропустят врага что живьем съест, не вижу во очи вас Господь с вас своей руки никогда не снимет, а утешит и укрепит.

Тюм. — Петерб. 26 июля а.

Поезжай телеграфируй все надежда ли Англия.

Тюм. — Петерб. 26 июля а.

Все от востока до запада слились единым духом за родину, это радость величайшая.

Тюм. — Петерб. 28 июля

Я вас обманывал, болезнь была опасная кровоизлияние и дух был высокий сейчас иду сад гулять, телеграммами все Петербургские очень просят одного послать тебе. Всех целую нельзя ли товарных вагонов устроить нары стоя ехать трудно обновить этого не надо.

Тюм. — Петерб. 29 июля

Спасенье Божие им на победу, будет величать Бога за их возвращение (Алексей и Иван Орлов) хочу видеть Москву.

Тюм. — Петерб. 30 июля Ал. Н.

Чту день твой в духе величия величаем красоту и премудрость живи наш юноша настоящую минуту врагам на страх.

Тюм. — Петерб. 31 июля

Врага час пробил опасаться нужно, а трусить нельзя, благой путь вам Москву маленького ножка пройдет.

Тюм. — Петерб. 1 августа А.

Напрасно возмущаются поступками за границей, по примеру их жили и считали культурной страной, все аристократы, а своих невежественными, это перст Божий им показал, что Россия страна Божия, у нас не хуже их нечего в чужое царство лазить и обогащать.

Тюм. — Царское Село. 8 августа А.

Брат (С. А. Танеев) как волонтером или с войском, если один ничего пусть не скорбит, Господь устроит неведомо нам.

Тюм. — Ц. С. 10 августа а.

Очень быстро бегаю придется долечиться другом месте бодрый ли дух, дух бодрый то передай все хорошо он равняется победе.

Вятка — Ц. С. 19 августа А.

Веселю всех вас неожиданным явлением, не просим у Бога знамения, а просим избавления от грехов, свята победа от древности и донныне свята.

Петроград — Ц. С. 5 октября Ал. Н.

Молимся и ублажаем премудрую твою красоту, светлый духовный разум, вся и все со слезами зываем о здоровье твоём, рости наш юноша день твой Ангела особо отражается во всех успехах из конца в концы земли.

Петроград — Ц. С. 21 октября **Его В.**

С принятием Святых Тайн у Святой Чаши умоляя Христа вкушая Тело и Кровь духовное созерцанье небесную красоту, пусть небесная сила в пути с вами ангелы в ряды наших спасенье непоколебимых героев с отрадой и победой.

Екатеринбург — Ц. С. 8 ноября **А.**

Надеюсь воспоминание и Христовы ласки между нами счастливые минут божественная тишина.

Покр. — Ц. С. 17 ноября **Его В.**

Любви воспоминания мудрых вечеров Царя Давида, он сил победише, с нами Бог не ужасайся.

Покр. — Ц. С. 21 ноября

Ублажишь раненых. Бог имя Свое прославить за ласкоту и за подвиг твой.

Покр. — Воронеж. 6 декабря **Его В.**

На переселение события днем Ангела, народные волны радости живущие в тебе молитвы их услышаны у престола — Ваши геройства записаны на земле и на Небеси.

Петр. — Ц. С. 25 декабря **А.**

Богу Слава что Он с нами свое Своим мудрование а не обида, разумеите прославить, Господь у близких слеза у престола от щедрот жертва на небе, трудна година изо всех времен Свое об своих умоляет пущай их никто не обидит. С нами Бог, враг ничто слезы любящих у престола, будем разумны Господь откроет нам.

Петр. — Ц. С. 31 декабря

С Новым Годом, дивная година благие мудрования Советы благочестия сим оправданы будем, Бог в ласкоте проявляет силу.

Ялуторовск — Манас. 1914 г. **Его В.**

Милый не скорби, от их лукавых хитростей, Бог мудрый через крест показывает славу, сим крестом победиши. То время настанет. С нами Бог, убоятся враги.

1915 год

Петроград — Ц. С. 23 апреля 1915 г. **А.**

С ангелом поздравляю великую нашу труженицу, масть русской земли стерла своими слезами у своих детей воинов раны ихние слезы и воздыхания радости пребывания видят очи ихние приходят в забвение небывалого случившегося с ними и болезни забывают от любви твоей к ним.

Петрогр. — Ц. С. 14 мая **Е. В.**

Поздравляю с днем звучной радости. Хотя и буря а звуки радости не прекратятся. Благодать совершилась на тебе и будет на детях твоих.

Покр. — Ц. С. 10 июля А.

Умоляю не скорби, не время уходите матери. Почему не ответила телеграммы. Ворожень Митю еще оставили. Только благочестивые руки победят нечестивого

Покр. — Ц. С. 10 июля Е. В.

Благословит Господь и дает манну за честь и святиню, а нет ее это и техника ничто. Помолимся, укажет Бог, кто нас поведет к истине, ваша могущественная рука может все и твердыня совершится победой.

Покр. — Ц. С. 29 июля А.

Праздником, власть верховная на небе апостолами, их недостойны не могут использовать

Покр. — Ц. С. 13 июля А.

Бери крепче знай него же да сделано горе кто поехал, а не горе что сделал, потому не мог Пет стоять, да проиграно все, пусть посмотрит как его обыграли, да увидит обыгран, да на меня не сердится, я все делал.

Покр. — Ц. С. 15 июля А.

Ворожить нельзя о разводе и о каком, отворите карты, хотя бы и выворожил, нам не к чему нарушение, все с такими мыслями все проворожить, ничего не будет, я был давно у друзей, животом мучусь немного, позови Мочалова, увидишь, как преданный, в том страх вот и показал

Покр. — Ц. С. 18 июля А.

Тяжело известия повсюду, скорблю а высказать не видя понося нас, неемля солнца бегают в темноте.

Покр. — Ц. С. 25 июля Е. В.

Как радостно что Папу приветствовали единым духом. У пчеловодника нет разума, улы не приносят пользы: здесь начальство сделала Грише где надо десять оставили одного, приехал удивляюсь силе. Осенью мы с тобой беседовали трудная задача.

Буй — Ц. С. 30 июля Ал. Н.

День Рождения твой благолепия ожидания вся и все как заря солнца, Господь благословил мудрость красоту, благословение Божие и рука славы на нас не будет упасть духом от временного испытания и не ужаснется страха. Господь благословил дом ваш и возложил на Главу вашу перст Свой.

Покр. — Ц. С. 3 августа А.

Помните обетование встречи, это Господь показал знамя победы, хотя бы и дети против или близкие друзья сердцу, должны сказать пойдёмте по лестнице, знамя нечего смущаться духу нашему.

Вятка — Ц. С. 7 августа А.

Господь благословляет твердую руку. Бесповоротно передай всех ласкою.

Покр. — Ц. С. 9 августа **Е. В.**

Благословение Божие и твердыня твоя во славе Христа, яко ждем и утешимся невидимо славим и прославится яко с нами Бог торжество в древности, яко с нами Бог.

Покр. — Ц. С. 15 августа **А.**

Твердыня камень, а колебание всему погибель, да, в славе нет бесчестия.

Покр. — Ц. С. 17 августа **Е. В.**

Никола Чудотворец благословит твердыня престола, дом твой нерушимы, решение и твердость духа и вера в Бога победа твоя.

Покр. — Ц. С. 20 августа

Пускай живут впечатлением когда провожали меня, полная слава была на нем, будет еще большая слава и все усиливаться, тоже будет слава, часто будет видеть меня и тоже на нем будет торжество, и в тот день (когда Его В. бер. ком. Армии) чтобы был повсеместно звон.

Покр. — Ц. С. 21 августа

Не волнуйтесь, хуже ждаты все худое уже совершилось. Св. Никола обрадовал, путь указал, живите этим.

Покр. — Ц. С. 21 августа **Е. В.**

Не смотря на волны бурю что ты смущает, Царь Давид кротко со смирением победиша яростно вознесся. Никола прославил радостью сердце твое, сотворишь чудо, дает геройство и смелость, крепко надейся.

Радуйся там что вся толпа вопли его ангельские звуки.

Покр. — Ц. С. 22 августа **А.**

Духовная быстрота рыцаря правда побеждает, а неправда под ногами волящийся кто бы ни был, я с вами о правде.

Покр. — Ц. С. 23 августа **А. Ф.**

Не грустите когда бы они с вами то радостно они поехали приготовить необъятную красоту всем воинам, и вы успокойтесь тем же духом.

Покр. — Ц. С. август **Е. В.**

Владыко просит Иоанну Максимовичу пропеть величание своеручно благим намерением руководит Бог.

Покр. — Ц. С. 28 августа

Поздно, но петь, только бы там солнце воссияло. На Кавказе тихо.

Покр. — Ц. Ставка 31 августа **Е. В.**

Величание пропето, народ ликовал, плакал. Теперь идем молиться Покрову, с нами Бог, покров над всей православной армией. Рука твоя служит благодатью.

Покр. — Ц. С. 2 сентября **А.**

Сделали по всей земле праздник, а сатана газету и посеял страх, добро у него не пропадет.

Покр. — Ц. С. 6 сентября **А.**

Час нас смущает не бойтесь, Покров Матери Божией над вами, ездите во славу больницам, враги играют, верьте.

Покр. — Ц. Ставка 7 сентября **Е. В.**

Не опадайте в испытании прославить Господа Своим Явлением.

Покр. — Ц. Ставка 8 сентября **Е. В.**

Сегодня 28 человек мобилизуются. В народе тоска и кротость, благословение Божие от ныне и до века, сила духовная есть, крепки мужества и дух победит врага, солнце для нас и Бог с нами, Николе творяй чудеса.

Покр. — Ц. Ставка 9 сент. **Е. В.**

Сейчас проводил и благословил сына хлебом солью по христиански на защиту всего и вся. Слезы текут, в душе радость, сияние. Бог мира помазует елеем в нить жизнь России.

Тюмень — Ц. С. 11 сент. **А. Ф.**

Время пришло, завидуют живые мертвым, тут же спросит земля землю проходила ли по тебе нет у тебя король и у меня король взглянет на нас Господь веселыми очами, будем иметь разум.

Тюмень — Ц. Ставка 12 сент. **Е. В.**

Наблюдение за толпой ратников все с радостью потому что Сам взял под покров своих детей, а могущество и решение это покров Матери Божией как раз над Тобой, так и над детьми твоими.

Покр. — Ц. Ставка 17 сент. **Е. В.**

Свет возгорается, луч Покрову воссияет над главами вашими. На Кавказе солнце мало.

Покр. — Ц. Ставка 17 сент. **Е. В.**

Митрополит Иоанн Максимович прославил себя чудесами. Напрасно отцы наши препятствуют, засиделись твое намерение Господь благословил, твое слово для всех мир и благоволение а рука твоя гром и молния покорит вся.

Тюмень — Ц. С. 24 сентября **Е. В.**

Все дни ожидаем на кедры ливанские перенесены плоды победы, крепка надежда на то.

Петрогр. — Ц. Ставка 5 октября **А. Н.**

С днем Ангела! твой день Ангела радует небо и землю. Чтимое войско светозарными лучами осветило тебя милого добровольца. Верим что слава армии и прославит тебя. Крепость духа их сильна, гони столп непоколебимый, молва и распря перед нами ничто, их звуки «ура» свеча от земли до небеси. В этом свете никогда не будет тьмы.

Петр. — Ц. Ставка 7 октября **Е. В.**

Не ужасайтесь коварной техники, милость Божия твердыня наша. Слово крепкое твое победит все. Рука твоя для всех есть меч.

Петр. — Ц. С. 8 октября **А. Ф.**

Нагорные рассуждения благ высота, что такое Иудея
Страх доказано на деле. Духовная беседа разум святых,
не надо смущаться, быть под покровом милости, а не под
запугивания нам близких — прискорбно удаляется наш
друг для утешения тех.

Петр. — Ц. Ставка 10 октября **Е. В.**

Сила могущества исходит из сердца Твоего, по-
кров Матери Божией помогает тебе и невидимым
покровом помогает всей армии Твоей. Закрывает чест-
ным Своим амофором. Свет наблюдения вразумляет всех
наших внутренних врагов. С нами Бог — никого не
страшно.

Ц. С. — Ц. Ставка 16 октября **А. Ф.**

Изречение благо намерения с вами, в вас пребывает
событие, не одно солнце в миллиарды обогрели вашу ду-
шу, надеюсь не поколеблится смешению хотя и блики а
радость свыше обояла нас.

Ц. С. — Ц. Ставка 8 ноября **Е. В.**

Шаг решение великая святыня не ужасайся, мужест-
вом и со славой и благословение Божие на все решимое.
Действуй благословением Божиим шаг силы и могущество
в твоём духе, благословение Божие ведет тебя, что иное
смущает тебя не ужасайся.

Покр. — Ц. С. 10 января **А. Ф.**

Невысказанно обрадован — Свет Божий светит над ва-
ми, не убоимся ничтожества. (10 января у Г. Е. Распутина
день Ангела.)

Покр. — Ц. С. 14 июля **А.**

Болезни пройдут — Мама от неправды хворает, разных
событий. Ее чистая душа не вынесла как тучи.

Тобольск — Ц. С. 18 июля **А.**

Где правда, там и Бог.

Покр. — Ц. С. 19 июля **А.**

От зависти поносят всех, где же все аристократы толь-
ко для них все мух боитесь.

Покр. — Ц. С. 8 сент.

Не ужасайтесь, хуже не будет чем было. Вера и знамя
обласкают нас.

Осень 1915 г. **Его В.**

Твое посещение милость мира жертва хваления к Сво-
им армиям, со своим добровольцем и воскресили всю ма-
тушку землю.

Ц. С. — Ц. Ставка 3 декабря **Его В.**

Благовестие радость, святыня в страдальцах воинах ра-
дет и ожидают Тебя как жениха, грядущего мир и бла-
говестие Тебе.

Петр. — Ц. С. 6 декабря

Его В.

Чтимый Твой день прославлен творениями чудес много терпением пример с великого чудотворца — Он нас утешит и с нами вовек. Некого страшиться.

1916 год

Петр. — Ц. Ставка 12 марта

Его В.

Благословение Божие на нас и успехом с нами успех Божий, с нами и горы повинуются и у врагов наших безумие в сердцах, очах туман без сомнения радость победа. Обижаюсь маленьком неудовольствии небольшом недоразумении. Что то строят на мне создают, не надо.

Покр. — Ставка 18 марта

Его В.

Господь сказал: солнце померкнет, луна не даст света, а православная церковь никогда, а мы в ней как Бог поможет — это дело его — Слово Божие земля и небо пройдет, а слово Божие никогда — победим.

Покр. — Ц. С. 21 марта

А.

Не сомневайтесь, это правда Бабушка скажет природа и солнце радуют, после смятенья.

Покр. — Ц. С. 10 апреля

А. Ф.

Христос Воскресе! Праздником дни радости в испытаньи радость, светозарное, я убежден церковь непобедима, а мы семя ее, радость наша вместе с воскресением Христа.

Покр. — Ц. Ставка 10 апреля

Его В.

Христос Воскресе, с праздником! На Небе херувимы воспевают, на земле дети твои и христоролюбивые воины вместе с тобой Христа величают: Воскресе Христос! И величает вся земля подвиги Ваши и подвижники всегда победят.

Покр. — Ц. С. 10 апреля

А.

Где мы, далеко, а светозарная ночь ярко повторяет что мы вместе обыдем друг друга.

Петр. — Ц. Ставка 4 мая

Его В.

Славно бо прославился у нас в Тобольске новоявленный Святитель Иоанн Максимович бытие его возлюбил дом во славе и не уменьшить его.

Петр. — Ц. Ставка 6 мая

Его В.

Дни рожденья Господь сотворил нас в спасенье и храм наш и церковь святая — непоколебимый столб, победа ее в терпении — без сомненья за это будет на земле благодать и тишина.

Петер. — Киев 7 мая

Его В.

Правда и солнце два брата и любви есть победа, узники в темнице их молят над врагами победу, наши дру-

зья нам возлюблены нам были и есть. Враги предела не спят, чем бы кедр не посушить, только бы свалить преклонность его лет. Господь не желает темницы хотя Он Сам возлюбил ее и указал братии, ну время это есть шатание кедра, дома разума и суждения (служения или суждения — ?ред.) от Духа Святыни, и умудрит Вас Господь.

Петр. — Синельниково 11 мая **А. Ф.**

Наш Ружский от болезни воскрес и все дети его воскресению радуются и ждут воскресшегося к себе в отцы, всякий отец воспитает детей во славе. — Он тот отец первобытный во славе герой и ждут дети как солнца своего отца. С ним же есть победа без сомнения дух русский вознесется до небес — Герой на небеси, а Вам честь честью и хвала на небеси, победа на земли.

Петр. — Севастополь 13 мая **Его В.**

Вознесся Господь на небо радость сотворивши, Я приду и уготоваю вам, — они горько воздохнули, за терпение их радость всем понятна, наше терпение это подвиг, всем будет известен, терпим, да воскресим.

Петр. — Евпатория 14 мая **А.**

Там солнышко товарищ твой, море, радость твоя.

Покр. — Ц. С. 19 июня **А.**

Озарил свет и при свете сошло благословение. Под этой рукой благословения все и вся. Носим в сердце образ радости.

Петр. — Ц. С. 25 мая **А.**

Бог нас послал на благо, пуцай он нас растит и хранит, Его семя всегда плодоносно. Жнец это Россия, пуцай она растет.

Тихвин — Ц. Ставка 17 июня **Его В.**

Все славят Бога, несмотря на тяжелую минуту носят в сердцах мир и благоволение. Церковь высоты — она звезда непобедимая просветит нас вечной радостью.

Покр. — Ц. С. 27 июня **А.**

Давай Бог светлых дней. Живу с вами.

Покр. — Ц. С. 27 июня **А.**

Дух благословляет Церковь, непоколебимо радует.

Покр. — Ц. С. 30 июня **А. Ф.**

Боголепно и благонравно справил торжество губернатор и правит всем так как есть кротко и смиренно святитель Иоанн Максимович благословляет край и призывает к себе толпы народа и у рацы Его солнце восходит теплоты.

Тобольск — Ц. С. 2 июля **А.**

Причастились Святых тайн у рацы мощей. Все народ и простота, ни единого аристократа нет и народ весь в Боге и с Богом беседует.

Тюмень — Ц. С. 4 июля **А. Ф.**

Путешествуем праведному Симеону. Святые молитвы ко Господу возрадуют путь ваш и встреча радости везде разыграет оживление.

Верхотурье — Ц. С. 6 июля **Его В.**

Встреча семейства, это событие святыни всем и вся никогда не изгладится эта встреча и отражается у всех миром и гордостью победы. Симеон Праведный молится ко Господу о мудрости духовной силе ей совершится победа.

Тюмень — Вязьма 13 июля **А.**

Мир и благоволение передай там слава, звезды на России.

Ялуторовск — Ц. Ставка 20 июля **Его В.**

Илья пророк подобен нам по доброте своей пылал огненно Господу, Власть дана ему от Бога укоротить дождь, дать засуху, язычникам показать славу. А ныне по молитвам его дает нам.

Ц. С. — Ц. Ставка 29 июля **Его В.**

День славы от света сей колокол звучно позвонил и звон его с нами вовек пребывает, что Бог дал, враги не отнимут.

Тобольск — Ц. Ставка 30 июля **Его В.**

Святитель Иоанн Максимович благословляет сильной, Святительской Своей могучей рукой и ослепляет неверие и рать, нечистую силу. Просветится солнце над войсками нашими, благочестие.

Бул. — Ц. С. 10 августа **А. Ф.**

Едем как по воздуху и везем и везем наших в сердце своем.

Покр. — Ц. Ставка 16 августа **Его В.**

Господь для немощных творит чудеса, сила его с нами, человеческий разум ничто.

Тюмень — Ц. С. 18 августа **Его В.**

Чем дерево нечестивое не срубили, все-таки падает, Никола с вами дивным явлением всегда творит чудеса.

Верхотурье — Ц. С. 25 августа **А. Ф.**

Исполнили желание у раки праведника. Он уврачует, даст нашим полководцам разума святыни, Разум всему победа.

Покр. — Ц. Ставка 26 августа **А.**

Дни мудрости Сибирского путешествия дают успокоение всем. Невольно заставляют почитать.

Покр. — Ц. Ставка 29 августа **Его В.**

Сегодня, во Славу с геройством, оставляют круглыми сиротами по пяти и более человек. Чувство их простое и глубокое: как бы разделить врага, как Христос разделил и рассеял по всей земле людей. Пусть чувство простаков горит свечой, да разделяет окаянного врага.

Ц. С. — Ц. Ставка 5 сентября **Его В.**

После бури теплота, воссияет солнце и обрадует благочестивых героев, свет с ними и благословение.

Петр. — Ц. С. 14 октября

Звезда от земли до небеси, это ваши добрые дела, молитвенники с вами у нас успокаивает Бог. Милость с вами ради победы, с нами Бог.

Петр. — Ц. С. 14 октября

(Взрыв на Импер. Марии) **А.**

Это не наказание Божье, а ошибка Бог научит и поправит наше будет у нас.

Ц. С. — Ц. Ставка 9 ноября **Его В.**

Бог не забыл Россию, твердо порадуйся что Господь отобрал у них вождя, это будет башня Вавилонская. Узники пушай во славе — не убоимся наветов Бог с нами.

Петр. — Ц. Ставка 15 ноября **А. Ф.**

Дерзайте покоя, насилуйте истины укрепит вас Господь.

Петр. — Ц. Ставка 16 ноября

Блаженство от страданья ему же честь, хвала, а не от многих языц. Все они на свою надеются на силу, Степан будет правителем, а Иван помощником — Дума подумает, а у Бога уже все есть. Узники все, как бы ни было и древность или прежде одно страдание, это горы и на облацах грядущие, а ведь все страдальцы, и напрасно человеческие умы. Россия оттого не погибнет, что одного оправдают, она была и будет прославлена слезы страдальцев, кто бы то ни был, выше праздных языков. Они уже искупили не за, что делали, вот за то они и праведники, что их Бог полюбил, как от начала жизни, так и сейчас. Наш разум должен разуметь.

Петр. — Ц. Ставка 17 ноября **А. Ф.**

Совет разум благочестия, лепа не хотели языцы горе благая, мудрость во всем высота. Никто не убежит, что сказано то есть. С нами Бог.

Петр. — Ц. Ставка 18 ноября **Его В.**

Твердость, это стопа Божия.

Петр. — Ц. Ставка 26 ноября **А.**

Бог укрепит вас. Не возбраняйте и не смотря на злые языцы ваша победа и ваш корабль и никто не имеет власти на него сести, чтобы ни было, решайте вместе, совет благих, разум святых.

Петр. — Ц. Ставка 21 ноября **А.**

Скорби, чертог Божий. Прославит вас Господь своим чудом.

Петр. — Ц. Ставка 22 ноября **А.**

Все страхи ничто, время крепости воля человека должна быть камнем Божья милость всегда на Вас Вся Слава и терпение только крепость своих поддержите.

Петр. — Ц. Ставка 23 ноября

Его В.

Мы все люди и все с людьми должны считаться. Планы людские не есть лестница, тогда лестница планов людских, когда они рассуждают с крепостью и в лице их горит правда, то мы должны повиноваться с честью, а в лице их горит раздор и злоба в сердце, это подобно башне Вавилонской, кто имеет рассуждение свое к своим, а чужие на сторону. Не убоимся зла, благо наше.

Петр. — Ц. Ставка 25 ноября

А.

Верьте, не убойтесь страха, словно языц. Сдайте на свое маленькому в целостности как от Отца получил, так и его сын получит.

Ц. С. — Ц. Ставка 5 декабря

Его В.

На то и называется Знаменье изо всех явленных икон, что в силе более творить чудеса и утешать и успокаивать, и Никола помощник ее, тот от бед избавляет и бурных всех нападков, он же с тобой, не смотри на мелкие языки, он крепко и могущественно благословляет Тебя своею рукою. Днем Ангела.

Покр. — Ц. Ставка 24 августа 1916 года

Его В.

Годовщина всего спасения, всякое решение от начала века и до сего времени есть подвиг, более назвать чем подвиг кто решается, тот Христу брат. Христос всему победа.

СВОД ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ

Ст. 1. Государство Российское едино и нераздельно.

2. Великое Княжество Финляндское, составляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.

3. Русский язык есть язык общегосударственный и обязательен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О существе Верховной Самодержавной Власти

4. Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает.

5. Особа Государя Императора священна и неприкосновенна.

6. Та же Верховная Самодержавная власть принадлежит Государыне Императрице, когда наследство Престола, в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского; но супруг Ее не почитается Государем; он пользуется почестями и преимуществами, наравне с супругами Государей, кроме титула.

7. Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственною Думою.

8. Государю Императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по Его почину Основные Государственные Законы могут подлежать пересмотру в Государственном Совете и Государственной Думе.

9. Государь Император утверждает законы и без Его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

10. Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского. В управлении Верховном власть Его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его Именем и по Его повелениям.

11. Государь Император, в порядке верховного управления, издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов.

12. Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства.

13. Государь Император объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами.

14. Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского Государства. Он определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно: дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения их, прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил и обороны Российского Государства. Государем Императором, в порядке верховного управления, устанавливаются также ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

15. Государь Император объявляет местности на военном или исключительном положении.

16. Государю Императору принадлежит право чеканки монеты и определение внешнего ее вида.

17. Государь Император назначает и увольняет Председателя Совета Министров, Министров и Главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения.

18. Государь Император, в порядке верховного управления, устанавливает в отношении служащих ограничения, вызываемые требованиями государственной службы.

19. Государь Император жалует титулы, ордена и другие государственные отличия, а также права состояния. Им же непосредственно определяются условия и порядок пожалования титулов, орденов и отличий.

20. Государь Император издает непосредственно указы и повеления как в отношении имуществ, личную Его собственность составляющих, так равно в отношении имуществ, именуемых Государевыми, кои, всегда принадлежа Царствующему Императору, не могут быть завещаемы, поступать в раздел и подлежать иным видам отчуждения. Как те, так и другие имущества не подчиняются платежу налогов и сборов.

21. Государю Императору, как Главе Императорского Дома принадлежат, согласно Учреждению о Императорской Фамилии, распоряжения по имуществам удельным. Им же определяются также устройство состоящих в ведении Министра Императорского Двора учреждений и установлений, равно как порядок управления оными.

22. Судебная власть осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение именем Императорского Величества.

23. Государю Императору принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождением их от суда и наказания, а также сложение, в путях Монаршего милосердия, казенных взысканий и вообще дарование милостей в случаях особых, не подходящих под действие общих законов, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права.

24. Указы и повеления Государя Императора, в порядке верховного управления или непосредственно Им издаваемые, скрепляются Председателем Совета Министров или подлежащим Министром либо Главноуправляющим отдельною частью и обнародываются Правительствующим Сенатом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О порядке наследия Престола

25. Императорский Всероссийский Престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем Императорском Доме.

26. С Императорским Всероссийским Престолом нераздельны суть Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

27. Оба пола имеют право к наследию Престола; но преимущественно принадлежит сие право полу мужескому по порядку первородства; за пресечением же последнего мужеского поколения, наследие Престола поступает к поколению женскому по праву заступления.

28. Посему, наследие Престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего Императора, а по нем всему его мужескому поколению.

29. По пресечении сего мужеского поколения, наследство переходит в род второго сына Императора и в его мужеское поколение; по пресечении же второго мужеского поколения, наследство переходит в род третьего сына, и так далее.

30. Когда пресечется последнее мужеское поколение сыновей Императора, наследство остается в сем же роде, но в женском поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем к Престолу, и в оном следует тому же порядку, предпочитая лицо мужеское женскому; но при сем не теряет никогда права то женское лицо, от которого право непосредственно пришло.

31. По пресечении сего рода, наследство переходит в род старшего сына Императора-Родоначальника, в женское поколение, в котором наследует ближняя родственница последне-царствовавшего рода сего сына, по нисходящей от него или сына его старшей, или же, за неимением нисходящих, по боковой линии, а в недостатке сей родственницы, то лицо мужеское или женское, которое заступает ее место, с предпочтением, как и выше, мужеского пола женскому.

32. По пресечении и сих родов, наследство переходит в женский род прочих сыновей Императора-Родоначальника, следуя тому же порядку, а потом в род старшей дочери Императора-Родоначальника, в мужеское ее поколение; по пресечении же оно, в женское ее поколение, следуя порядку, установленному в женских поколениях сыновей Императора.

33. По пресечении поколений мужеского и женского старшей дочери Императора-Родоначальника, наследство переходит к поколению мужескому, а потом к женскому второй дочери Императора-Родоначальника, и так далее.

34. Младшая сестра, хотя бы и сыновей имела, не отъемлет права у старшей, хотя бы и не замужней; брат же младший наследует прежде старших своих сестер.

35. Когда наследство дойдет до такого поколения женского, которое царствует уже на другом Престоле, тогда наследующему лицу предоставляется избрать веру и Престол, и отречься вместе с Наследником от другой веры и Престола, если таковой Престол связан с законом; когда

же отрицания от веры не будет, то наследует то лицо, которое за сим ближе по порядку.

36. Дети, происшедшие от брачного союза лица Императорской Фамилии с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, на наследование Престола права не имеют.

37. При действии правил, выше изображенных о порядке наследия Престола, лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола.

38. Отречение таковое, когда оно будет обнародовано и обращено в закон, признается потом уже невозвратным.

39. Император или Императрица, Престол наследующие, при вступлении на оный и миропомазании, обязуются свято наблюдать вышепоставленные законы о наследии Престола

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О совершеннолетию Государя Императора, о правительстве и опеке

40. Совершеннолетие Государям обоого пола и Наследнику Императорского Престола полагается в шестнадцать лет.

41. При вступлении на Престол Императора прежде сего возраста, до совершеннолетия Его, учреждается правительство и опека.

42. Правительство и опека учреждаются или в одном лице совокупно, или же раздельно, так, что одному поручается правительство, а другому опека.

43. Назначение Правителя и Опекуна, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно, зависит от воли и усмотрения царствующего Императора, которому, для лучшей безопасности, следует учинить выбор сей на случай Его кончины.

44. Когда при жизни Императора такового назначения не последовало, то, по кончине Его, правительство государства и опека над лицом Императора в малолетстве принадлежит отцу и матери; вотчим же и мачиха исключаются.

45. Когда нет отца и матери, то правительство и опека принадлежат ближнему к наследию престола из совершеннолетних обоого пола родственников малолетнего Императора.

46. Законные причины неспособности к правительству и опеке суть: 1) безумие, хотя бы оно было временное;

2) вступление вдовых, во время правительства и опеки, во второй брак.

47. Правителю государства полагается Совет Правительства; и как Правитель без Совета, так и Совет без Правителя существовать не могут.

48. Совет составляет шесть особ первых двух классов, по выбору Правителя, который назначает и других, при случающихся переменах.

49. Мужеского пола особы Императорской Фамилии могут заседать в сем Совете по выбору Правителя, но не прежде своего совершеннолетия и не в числе шести особ, оный составляющих.

50. В Совет Правительства входят все без изъятия дела, подлежащие решению Самого Императора, и все те, которые, как к Нему, так и в Совет Его вступают; но опеки Совет не касается.

51. Правитель имеет голос решительный.

52. Назначение Совета и выбор членов оного полагается в недостатке другого распоряжения скончавшегося Государя, ибо оному должны быть известны обстоятельства и люди.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О вступлении на Престол и присяге подданства

53. По кончине Императора, Наследник Его вступает на Престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право. Вступление на Престол Императора считается со дня кончины Его предшественника.

54. В манифесте о восшествии на Престол возвещается и законный Наследник Престола, если лицо, коему по закону принадлежит наследие, существует.

55. Верность подданства воцарившемуся Императору и законному Его Наследнику, хотя бы он и не был наименован в манифесте, утверждается всенародною присягою.

56. Каждый присягает по своей вере и закону.

Примечание 1 Правительствующий Сенат, напечатав клятвенное обещание по установленной форме (прил V), рассылает оное в потребном числе экземпляров ко всем вообще, как военным, так и гражданским начальствам, сообщая о том и Святейшему Синоду для сообразного с его стороны распоряжения (а) — Каждый приводится к присяге своим начальством в соборах, монастырях или приходских церквах, по удобности, находящиеся же под стражею, но еще не осужденные к лишению прав, приводятся к присяге начальством тех мест, где они содержатся (б) — Иноверцы, где нет церкви их исповедания, приводятся к присяге в присутственном месте, при членах оного (в) — Каждый присягнувший на верность подданства, если он писать умеет, подписывает печатный лист по коему он присягал. Листы сии впоследствии доставляются от всех начальств и ведомств в Правительствующий Сенат

Примечание 2 К присяге приводятся все вообще подданные мужеского пола, достигшие двенадцатилетнего возраста, всякого чина и звания

57. По вступлении на Престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину Православной Греко-Российской-Церкви. Время для торжественного сего обряда назначается по Высочайшему благоусмотрению и возвещается предварительно во всенародное известие.

58. Совокупно с Императором, по изволению Его, приобщается сему священнодействию и Августейшая Его Супруга (а). Но если бы коронование Императора последовало прежде вступления Его в брак, то коронование Супруги Его совершается впоследствии не иначе, как по особенному Его соизволению (б).

Примечание 1 Священный обряд коронования и миропомазания совершается в Московском Успенском Соборе, в присутствии высших государственных правительств и сословий, по Высочайшему назначению к сему призываемых (а) — Коронование Императоров Всероссийских, как Царей Польских, заключается в одном и том же священном обряде, депутаты Царства Польского призываются к участию в сем торжестве вместе с депутатами прочих частей Империи (б)

Примечание 2 Император, перед совершением сего священного обряда, по обычаю древних Христианских Государей и Боговенчаных Его предков, произносит вслух верных Его подданных Символ Православно-Кафолической веры и потом, по облечении в порфиру, по возложении на Себя короны и по восприятии скипетра и державы, призывает Царя Царствующих в установленной для сего молитве, с коленопреклонением да наставит Его, вразумит и управит, в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет с Ним приседящая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроить к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, яко да и в день суда Его непостыдно воздаст Ему слово

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О титуле Его Императорского Величества и о Государственном гербе

59. Полный титул Императорского Величества есть следующий:

«Божиею поспешествующею милостью, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский; Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский,

Мстиславский, и всея северные страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая».

60. В некоторых, законом определенных, случаях сей титул Императорского Величества изображается сокращенно:

«Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая».

В других, также законом определенных, случаях употребляется титул Императорского Величества краткий, в следующем виде:

«Божиею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая».

61. Российский Государственный герб есть в золотом щите черный, двоголавый орел, коронованный двумя Императорскими коронами, над которыми третья, такая же, в большем виде, корона с двумя развевающимися концами ленты ордена Святого Апостола Андрея Первозванного. Государственный орел держит золотые скипетр и державу. На груди орла герб Московский: в червленом щите Святой Великомученик и Победоносец Георгий, на коне, поражающий дракона золотым копьём.

В большой Государственной печати, щит, с вышеописанным двоголовым орлом, увенчан шлемом Святого Великого Князя Александра Невского и окружен цепью ордена Святого Апостола Андрея Первозванного; по сторонам его изображения Святых Архистратига Михаила и Архангела Гавриила; над всем золотая усеянная двоголавыми орлами и подложенная горностаем сень с надписью: «С нами Бог»; над сению Императорская корона и государственная хоругвь. Вокруг щита изображаются Родовой Его Императорского Величества герб, и гербы Царств Казанского, Астраханского, Польского, Сибирского, Херсониса Таврического и Грузинского, и Великих Княжеств Киевского, Владимирского, Новгородского и Финляндского; над сению соединенные, на шести щитах, гербы всех прочих Княжеств и Областей, упоминаемых в полном Императорском титуле (ст. 59). Сей полный Императорского Величества титул помещается на краях печати.

В *средней* Государственной печати помещаются те же, как и на *большой*, изображения, кроме лишь государственной хоругви и шести верхних над сению щитов с соединенными гербами Княжеств и Областей. На краях Императорский титул в сокращенном виде (ст. 60, п. 1).

Малая Государственная печать вообще сходствует со *среднею*, но в ней нет изображений Святых Архангелов и Родового герба Его Императорского Величества, а окружающие главный щит гербы Царств и Великих Княжеств помещаются на крыльях орла. На краях печати Императорский титул в кратком виде (ст. 60, п. 2).

Примечание Подробное описание Государственного герба и Государственной печати во всех видах и правила о употреблении их помещены в особом приложении (прил 1)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О вере

62. Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного Исповедания

63. Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной (ст. 62).

64 Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния.

В сем смысле Император, в акте о наследии престола 1797 Апр 5 (17910) именуется Главою Церкви

65. В Управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного.

66. Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие (в), пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной.

67. Свобода веры присвоается не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам (а): да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи (б).

68. Дела церковные Христиан иностранных исповеданий и иноверцев в Империи Российской ведаются их духовными властями и особенными правительствами, Верховною Властью к сему предназначенными.

Примечание Правила охранения веротерпимости и пределы ее подробно означены в Уставах по принадлежности

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О правах и обязанностях российских подданных

69. Условия приобретения прав российского подданства, равно как и их утраты, определяются законом.

70. Защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности согласно постановлениям закона.

71. Российские подданные обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона.

72. Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном.

73. Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных.

74. Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновными деяний из числа преступных.

75. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище, без согласия его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

76. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Ограничения в сих правах установлены особыми законами.

77. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение.

78. Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут

происходить собрания, порядок их закрытия, а равно ограничение мест для собраний.

79. Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

80. Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом.

81. Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этой свободой определяются законом.

82. Правами российских подданных иностранцы, в России пребывающие, пользуются с соблюдением ограничений, установленных законом.

83. Изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном, определены особыми законами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

О законах

84. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке.

85. Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих.

86. Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора.

87. Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главнo-управляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий при-

нятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет.

88. Законы, особенно изданные для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено.

89. Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме тех случаев, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее, или что он есть только подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего.

90. Общее хранение законов полагается в Правительствующем Сенате. Посему все законы должны быть вносимы в подлиннике или в заверенных списках в Правительствующий Сенат.

91. Законы обнародываются во всеобщее сведение Правительствующим Сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся.

92. Законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих Основных Законов.

93. По обнародовании, закон получает обязательную силу со времени назначенного для того в самом законе срока, при неустановлении же такового срока — со дня получения на месте листа Сенатского издания, в коем закон напечатан. В самом издаваемом законе может быть указано на обращение его, до обнародования, к исполнению по телеграфу или посредством нарочных.

94. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона. Посему, доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу.

95. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком.

96. Постановления по строевой, технической и хозяйственной частям, а равно положения и указы учреждениям и должностным лицам военного и военно-морского ведомств, по рассмотрении Военным и Адмиралтейств Советами, по принадлежности, непосредственно представляются Государю Императору, если только сии постановления, положения и указы относятся собственно к одним упомянутым ведомствам, не касаются предметов общих законов и не вызывают нового расхода из казны или же вызываемый ими новый расход покрывается ожидаемыми сбережениями по финансовой смете Военного или Морского Министерства, по принадлежности. В том же случае, когда новый расход не может быть покрыт указанными сбережениями, представление означенных

постановлений, положений и наказов на Высочайшее утверждение допускается лишь по испрошении в установленном порядке ассигнования соответственного кредита.

97. Постановления по военно-судебной и военно-морской судебной частям издаются в порядке, установленном в сводах военных и военно-морских постановлений.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О Государственном Совете и Государственной Думе и образе их действий

98. Государственный Совет и Государственная Дума ежегодно созываются указами Государя Императора.

99. Продолжительность ежегодных занятий Государственного Совета и Государственной Думы и сроки перерыва их занятий в течение года определяются указами Государя Императора.

100. Государственный Совет образуется из Членов по Высочайшему назначению и Членов по выборам. Общее число Членов Совета, призываемых Высочайшею Властью к присутствованию в Совете из среды его Членов по Высочайшему назначению, не должно превышать общего числа Членов Совета по выборам.

101. Государственная Дума образуется из Членов, избираемых населением Российской Империи на пять лет на основаниях, указанных в законоположениях о выборах в Думу.

102. Государственный Совет проверяет полномочия своих Членов по выборам. Равным образом Государственная Дума проверяет полномочия своих Членов.

103. Членом Государственного Совета и Членом Государственной Думы одно и то же лицо одновременно быть не может.

104. Состав Членов Государственного Совета по выборам может быть заменен новым составом до истечения срока полномочий сих Членов по указу Государя Императора, коим назначаются и новые выборы Членов Совета.

105. Государственная Дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочий ее Членов распущена указом Государя Императора. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва.

106. Государственный Совет и Государственная Дума пользуются равными в делах законодательства правами.

107. Государственному Совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении

действующих и изданий новых законов, за исключением Основных Государственных Законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно Государю Императору.

108. Государственному Совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону Правительствующему Сенату, с запросами по поводу таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незаконными.

109. Ведению Государственного Совета и Государственной Думы и обсуждению их в порядке, учреждениями их определенном, подлежат те дела, кои указаны в учреждениях Совета и Думы.

110. Законодательные предположения рассматриваются в Государственной Думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный Совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину Государственного Совета, рассматриваются в Совете, и, по одобрении им, поступают в Думу.

111. Законопроекты, не принятые Государственным Советом или Государственной Думою, признаются отклоненными.

112. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совета или Государственной Думы и не удостоившиеся Высочайшего утверждения, не могут быть внесены на законодательное рассмотрение в течение той же сессии. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совета или Государственной Думы и отклоненные одним из сих установлений, могут быть вносимы на законодательное рассмотрение в течение той же сессии, если последует Высочайшее на то повеление.

113. Законопроекты, поступившие в Государственную Думу и одобренные как ею, так и Государственным Советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совета и одобренные как им, так и Государственной Думою, представляются Государю Императору Председателем Государственного Совета.

114. При обсуждении государственной росписи не подлежат исключению или сокращению назначения на платежи по государственным долгам и по другим, принятым на себя Российским Государством, обязательствам.

115. Кредиты на расходы Министерства Императорского Двора вместе с состоящими в его ведении учреждениями, в суммах, не превышающих ассигнований по государственной росписи на 1906 год, обсуждению Государственного Совета и Государственной Думы не подле-

жат. Равным образом не подлежат их обсуждению такие изменения означенных кредитов, которые обуславливаются постановлениями Учреждения о Императорской Фамилии, соответственно происшедшим в ней переменам.

116. Если государственная роспись не будет утверждена к началу сметного периода, то остается в силе последняя, установленным порядком утвержденная, роспись, с теми лишь изменениями, какие обуславливаются исполнением последовавших после ее утверждения узаконений. Впредь до обнародования новой росписи, по постановлениям Совета Министров, в распоряжение Министерств и Главных Управлений открываются постепенно кредиты в размерах действительной потребности, не превышающие, однако, в месяц, во всей их совокупности, одной двенадцатой части общего по росписи итога расходов.

117. Чрезвычайные сверхсметные кредиты на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествующие войне, открываются по всем ведомствам, в порядке верховного управления на основаниях, в законе определенных.

118. Государственные займы для покрытия как сметных, так и сверхсметных расходов, разрешаются порядком, установленным для утверждения государственной росписи доходов и расходов. Государственные займы для покрытия расходов в случаях и в пределах, предусмотренных в статье 116, а также займы для покрытия расходов, назначаемых на основании статьи 117, разрешаются Государем Императором в порядке верховного управления. Время и условия совершения государственных займов определяются в порядке верховного управления.

119. Если по заблаговременном внесении в Государственную Думу предположений о числе людей, потребном для пополнения армии и флота, закон по сему предмету не будет в установленном порядке издан к 1 мая, то указом Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначенного в предшествующем году.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О Совете Министров, Министрах и Главноуправляющих отдельными частями

120. Направление и объединение действий Министров и Главноуправляющих отдельными частями по предметам как законодательства, так и высшего государственного

управления, возлагается на Совет Министров на основаниях, в законе определенных.

121. Министры и Главноуправляющие отдельными частями имеют право участия в голосовании в Государственном Совете и Государственной Думе только в том случае, если они состоят Членами сих установлений

122. Обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые Советом Министров, Министрами и Главноуправляющими отдельными частями, а также другими, на то законом уполномоченными, установлениями, не должны противоречить законам.

123. Председатель Совета Министров, Министры и Главноуправляющие отдельными частями ответственуют пред Государем Императором за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности ответственует за свои действия и распоряжения.

124. За преступные по должности деяния Председатель Совета Министров, Министры и Главноуправляющие отдельными частями подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законе определенных.

Табель о рангах

Дворянство по службе	Класс	Гражданские чины	Военные чины	Военно-морские чины	Придворные чины	Титулование
Потомственное дворянство	I	Канцлер, действительный тайный советник 1-го класса	Генерал-фельд-маршал	Генерал-адмирал		Ваше высочайшее превосходительство
	II	Действительный тайный советник	Генералы от кавалерии, от инфантерии, от артиллерии, инженер-генерал	Адмирал	Обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-штальмейстер, обер-егермейстер, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-церемониймейстер, обер-форшнейдер	
	III	Тайный советник	Генерал-лейтенант	Вице-адмирал	Гофмаршал, штальмейстер, егермейстер, гофмейстер	Ваше превосходительство
	IV	Действительный статский советник	Генерал-майор	Контр-адмирал		

Дворянство по службе	Класс	Гражданские чины	Военные чины	Военно-морские чины	Придворные чины	Титулование
Личное дворянство	V	Статский советник	—	—	Церемониймейстер	Ваше высочорodie
	VI	Коллежский советник	Полковник	Капитан 1-го ранга	—	Ваше высочоблагородие
	VII	Надворный советник	Подполковник	Капитан 2-го ранга	—	
	VIII	Коллежский асессор	Капитан, ротмистр	Старший лейтенант	—	
	IX	Титулярный советник	Штабс-капитан, Штабс-ротмистр	Лейтенант	—	Ваше благородие
Почетное гражданство	X	Коллежский секретарь	Поручик	Мичман	—	
	XI	Корабельный секретарь	—	—	—	
	XII	Губернский секретарь	Подпоручик, корнет	—	—	
	XIII	Провинциальный секретарь	Прапорщик	—	—	
	XIV	Коллежский регистратор	—	—	—	

Совет Министров в России

Годы	Председатель Совета Министров	Министры внутренних дел	Министры юстиции	Министры земледелия
1914	И. Л. Горемыкин (30 янв. 1914 — 20 янв. 1916 г.)	Н. А. Маклаков (16 дек. 1912 — 5 июня 1915 г.)	И. Г. Щегловитов (24 апр. 1906 — 6 июля 1915 г.)	А. В. Кривошеин (21 мая 1908 — 26 окт. 1915 г.)
1915		Князь Н. Б. Щербатов (5 июня — 26 сент.) А. Н. Хвостов (26 сент. 1915 — 3 марта 1916 г.)	А. А. Хвостов (6 июля 1915 — 7 июля 1916 г.)	А. Н. Наумов (10 ноября 1915 — 21 июля 1916 г.)
1916	Б. В. Штюрмер (20 янв. — 10 ноября)	Б. В. Штюрмер (3 марта — 7 июля) А. А. Хвостов (7 июля — 16 сент.)	А. А. Макаров (7 июля — 20 дек.)	А. А. Бобринский (21 июля — 14 ноября)
1917	А. Ф. Трепов (10 нояб. — 27 дек.) Н. Д. Голицын (27 дек. 1916 — 27 февр. 1917 г.)	А. Д. Протопопов (16 сент. 1916 — 27 февр. 1917 г.)	Н. А. Добровольский (20 дек. 1916 — 27 февр. 1917 г.)	А. А. Риттих (29 ноября 1916 — 27 февр. 1917 г.)

(июль 1914 — февраль 1917 г.)

Министры путей сообщения	Обер-прокуроры Синода	Военные министры	Министры иностранных дел
С. В. Рухлов (29 янв. 1909 — 27 окт. 1915 г.)	В. К. Саблер (2 мая 1911 — 5 июля 1915 г.)	В. А. Сухомлинов (11 марта 1909—13 июня 1915 г.)	С. Д. Сазонов (14 сент. 1910 — 7 июля 1916 г.)
А. Ф. Трепов (30 окт. — 26 дек.)	А. Д. Самарин (5 июля — 26 сент.) А. Н. Волжин (30 сент. 1915 — 7 авг. 1916 г.)	А. А. Поливанов (13 июня 1915 — 15 марта 1916 г.)	
	Н. И. Раев (20 авг. 1916 — 27 февр. 1917 г.)	Д. С. Шуваев 15 марта 1916 — 3 января 1917 г.)	Б. В. Штюрмер (7 июля — 10 ноября)
Э. Б. Кригер-Войновский (27 дек. 1916 — 27 февр. 1917 г.)		М. А. Беляев (3 янв. — 27 февр.)	Н. Н. Покровский (30 нояб. 1916 — 27 февр. 1917 г.)

ДОМ РОМАНОВЫХ

Перечень членов дома Романовых можно найти в официальном придворном календаре. Для незнакомого с династическими правилами глаза этот список кажется, по меньшей мере, хаотическим; члены одной и той же семьи помещены в разных местах из-за того, что шестьдесят членов фамилии перечислены в порядке престолонаследия.

Первым стоит государь, затем его мать, а только потом царица — этот порядок был предметом постоянного раздражения государыни. Во время официальных церемоний в присутствии матери государя он выступал с ней в паре, а государыня шла позади.

После дам естественным образом идет наследник Алексей, их внук и сын, а на пятом месте мы видим брата государя, великого князя Михаила. Далее же следует невообразимая смесь князей, княгинь и княжон, великих князей и великих княгинь, отношения которых друг к другу невозможно понять из придворного календаря. Почему некоторые князья упоминаются раньше великих князей? Почему некоторые женщины стоят в начале списка, а другие почти в самом конце? На последний вопрос ответить легче всего: жены помещены в списке после мужей, причем вдовы сохраняют свое место после смерти мужа. Зато дочери оказываются в самом конце перечня, так сказать, вне тотализатора.

Положение определенных князей впереди великих князей объясняется тем, что титул «великий князь» носили лишь сыновья и внуки царствовавшего государя. Таким образом, можно было оказаться ближе к престолу представителю старшей ветви и в то же время отстоять на несколько поколений дальше от правившего царя.

В конце списка обнаруживаем группу, которую родня иронически окрестила «полусовереннами» (по названию известной английской монеты) — потомки мужчин, женившихся на романовских дочерях и таким образом вошедших в семейство, но не получивших права наследования.

Из последнего придворного календаря (1917 г.)

1. Царь НИКОЛАЙ II, р. 1868
2. Вдовствующая царица МАРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1847.
3. Царица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, р. 1872.
4. Царевичи АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, р. 1904
5. Великий князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1878.

6. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА, р. 1854.
7. Великий князь КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, р. 1876.
8. Великая княгиня ВИКТОРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1876.
9. Великий князь БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ, р. 1877.
10. Великий князь АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, р. 1879.
11. Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕДОРОВНА, р. 1864.
12. Великий князь ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1860.
13. Великий князь ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ, р. 1891.
14. Великий князь НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1850.
15. Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА МАВРИКИЕВНА, р. 1865.
16. Князь ИОАНН КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1886.
17. Княгиня ЕЛЕНА ПЕТРОВНА, р. 1884.
18. Князь ВСЕВОЛОД ИОАННОВИЧ, р. 1914.
19. Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1887.
20. Князь КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1890.
21. Князь ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1894.
22. Князь ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1903.
23. Великий князь ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, р. 1860.
24. Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, р. 1856.
25. Великая княгиня АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1867.
26. Великий князь ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, р. 1864.
27. Великая княгиня МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА, р. 1866.
28. Князь РОМАН ПЕТРОВИЧ, р. 1896.
29. Великий князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1859.
30. Великий князь МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1861.
31. Великий князь ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1863.
32. Великая княгиня МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1876.
33. Великий князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, р. 1866.
34. Великая княгиня КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1875.
35. Князь АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1897.
36. Князь ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1898.
37. Князь НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1900.
38. Князь ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1901.
39. Князь РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1902.
40. Князь ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1907.
41. Великий князь СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, р. 1869.
42. Великая княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, р. 1895.
43. Великая княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, р. 1897.
44. Великая княжна МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1899.
45. Великая княжна АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1901.
46. Великая княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1882.
47. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА (младшая), р. 1890.
48. Княжна МАРИЯ КИРИЛЛОВНА, р. 1907.
49. Княжна КИРА КИРИЛЛОВНА, р. 1909.
50. Княжна ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1906.
51. Княжна МАРИНА ПЕТРОВНА, р. 1892.
52. Княжна НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, р. 1898.
53. Княжна НИНА ГЕОРГИЕВНА, р. 1901.
54. Княжна КСЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1903.
55. Княжна ЕКАТЕРИНА ИОАННОВНА, р. 1915.
56. Великая княгиня МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1853.
57. Вдовствующая королева Греции ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1851.

58. Великая княгиня АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА, р. 1860.
59. Великая княгиня ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, р. 1882.
60. Княгиня ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1890
61. Княгиня ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1895.
62. Князь Александр Георгиевич РОМАНОВСКИЙ, герцог ЛЕЙХТЕНБЕРГ, р. 1881.
63. Князь Сергей Георгиевич РОМАНОВСКИЙ, герцог ЛЕЙХТЕНБЕРГ, р. 1890.
64. Княгиня ЕЛЕНА ГЕОРГИЕВНА РОМАНОВСКАЯ, р. 1892.
65. Ее императорское высочество ЕВГЕНИЯ МАКСИМИЛИАНОВНА, р. 1845.

Можно переставить порядок в списке, нарушив династическую систему. Поскольку все перечисленные являются прямыми потомками Николая I, то место в престолонаследии определяется тем, от кого из его четырех сыновей ведется происхождение:

АЛЕКСАНДР II (1818—1881, правил 1855—1881)
 КОНСТАНТИН (1827—1892)
 НИКОЛАЙ (1831—1891)
 МИХАИЛ (1832—1909)

Пометки «внук», «правнук» и так далее означают «внук Николая I» и так далее. Крестом обозначены члены династии, убитые в 1917—1918 годах.

Во-первых:

АЛЕКСАНДРОВИЧИ (потомки Александра II)

А. Семья покойного АЛЕКСАНДРА III:

1. + Царь НИКОЛАЙ II, правнук, р. 1868.
3. + Царица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА, р. 1872.
4. + Царевич АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, праправнук, р. 1904.

Его сестры:

42. + Великая княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, р. 1895.
43. + Великая княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, р. 1897.
44. + Великая княжна МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1899.
45. + Великая княжна АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1901.

2. Вдовствующая царица МАРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1847, мать царя.

5. + великий князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, р. 1878, брат царя

46. Великая княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1882, сестра царя.

Б. Семья великого князя ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА:

6. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА, р. 1854, вдова Владимира Александровича.

7. Великий князь КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, правнук, р. 1876, их сын.

8. Великая княгиня ВИКТОРИЯ ФЕДОРОВНА, р. 1876, жена Кирилла.
48. Княжна МАРИЯ КИРИЛЛОВНА, р. 1907, их дочь.
49. Княжна КИРА КИРИЛЛОВНА, р. 1909, их дочь.
9. Великий князь БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ, правнук, р. 1877, брат Кирилла.
10. Великий князь АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, правнук, р. 1879, брат Кирилла.
59. Великая княгиня ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, р. 1882, сестра Кирилла, замужем за греческим принцем.
- В. Вдова великого князя СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА:
  11. + Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА ФЕДОРОВНА, р. 1864.
- Г. Семья великого князя ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА:
  12. + Великий князь ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, внук, р. 1860, последний из многочисленных братьев Александра III.
  13. Великий князь ДИМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ, правнук, р. 1891, его сын.
  47. Великая княгиня МАРИЯ ПАВЛОВНА (младшая), р. 1890, его дочь, разведенная жена шведского принца Вильгельма.

Кроме того, у Павла Александровича была «супруга вне престолонаследия», или мorganатическая, и от нее трое детей. Они не включены в придворный календарь. Мorganатический сын также был расстрелян.

- Д. 56. Великая княгиня МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1853, дочь Александра II; замужем за иностранным герцогом.

Во-вторых:

КОНСТАНТИНОВИЧИ (потомки Константина Николаевича)

- А. 14. + (?) Великий князь НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, внук, р. 1850.

Его мorganатическая семья не включена в придворный календарь.

- Б. Семья покойного великого князя КОНСТАТИНА КОНСТАТИНОВИЧА:

15. Великая княгиня ЕЛИСАВЕТА МАВРИКИЕВНА, р. 1865, вдова великого князя Константина Константиновича, который был братом 14.

16. + Князь ИОАНН КОНСТАТИНОВИЧ, правнук, р. 1886, ее сын.

17. Княгиня ЕЛЕНА ПЕТРОВНА, р. 1884, его жена.

18. Князь ВСЕВОЛОД ИОАННОВИЧ, праправнук, р. 1914, сын 16 и 17.

55. Княжна ЕКАТЕРИНА ИОАННОВНА, р. 1915, дочь 16 и 17.

19. Князь ГАВРИИЛ КОНСТАТИНОВИЧ, правнук, р. 1884, сын 15.

20. + Князь КОНСТАТИН КОНСТАТИНОВИЧ, правнук, р. 1890, сын 15.

21. +Князь ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ, правнук, р. 1894, сын 15.
22. Князь ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, правнук, р. 1903, сын 15.
60. Княгиня ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1890, дочь 15.
50. Княжна ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1906, дочь 15.
- В. 23. +Великий князь ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, внук, р. 1860, еще один брат 14 и покойного Константина Константиновича.
- Г. 57. Вдовствующая королева Греции ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА, р. 1851, жила в Греции, сестра 14 и 23.

В-третьих:

НИКОЛАЕВИЧИ (потомки Николая Николаевича)

- А. 24. Великий князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (младший), внук, р. 1856.
25. Великая княгиня АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, р. 1867, его жена.
- Б. 26. Великий князь ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ, внук, р. 1864.
27. Великая княгиня МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА, р. 1866, его жена.
28. Князь РОМАН ПЕТРОВИЧ, правнук, р. 1896, их сын.
51. Княжна МАРИНА ПЕТРОВНА, р. 1892, их дочь.
52. Княжна НАДЕЖДА ПЕТРОВНА, р. 1898, их дочь.

В-четвертых:

МИХАЙЛОВИЧИ (потомки Михаила Николаевича)

- А. 29. +Великий князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1859.
- Б. 30. Великий князь МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1861, жил за границей. У него была морганатическая супруга и дети, не включенные в придворный календарь.
- В. 31. +Великий князь ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1863.
32. Великая княгиня МАРИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1876, его жена.
53. Княжна НИНА ГЕОРГИЕВНА, р. 1901, их дочь.
54. Княжна КСЕНИЯ ГЕОРГИЕВНА, р. 1903, их дочь.
- Г. 33. Великий князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1866.
34. Великая княгиня КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1875, его жена, сестра царя.

Их дети:

35. Князь АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1897.
36. Князь ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1898.
37. Князь НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1900.
38. Князь ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1901.
39. Князь РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1902.

40. Князь ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, правнук, р. 1907.

61. Княгиня ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, р. 1895, замужем за князем Юсуповым.

Д. 41. + Великий князь СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, внук, р. 1869, брат 29—31 и 33.

Е. 58. Великая княгиня АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА, р. 1860, замужем за иностранным герцогом, сестра 29—31, 33 и 41.

Далее «полусоверены».

Из перечня дома Романовых в момент написания этой книги в живых оставалось только двое: княжна Вера Константиновна (50) и княжна Екатерина Иоанновна (55).

Что такое «великий князь»?

Слово «князь» этимологически имеет то же происхождение, что английское «king» или немецкое «König». порусски делается различие между понятиями «царь» и «король»; последнее, в свою очередь, восходит к собственному имени «Карл», то есть Карлу Великому.

До того как в России появились цари, там существовали лишь князья в небольших княжествах, точно так же, как в других уголках Европы существовали короли в небольших королевствах. Когда какой-либо князь становился могущественнее других, он называл себя «великим князем», дабы подчеркнуть свою силу.

В 1547 году великий князь Московский принял титул «царь». Слово происходит от латинского «цезарь». Первым царем был не кто иной, как Иван Грозный, хотя еще Иван III пользовался этим термином для обозначения русских владык. После Петра I российские цари официально именовались «императорами».

Когда в России появились цари, слова «великий князь» вскоре стали обозначать «прямой потомок царя по мужской линии», точно так же, как в других языках употребляется слово «принц».

Когда род Романовых в девятнадцатом веке начал сильно разрастаться, Александр III решил, что великих князей становится чересчур много, что снижало престиж титула и разоряло казну. Поэтому в 1886 году он изменил правила так, что только сыновья и внуки царей стали именоваться великими князьями и получали особое великокняжеское жалованье. После этого изменения правнуки царей носили титул «князь императорской крови». обращаться к ним следовало «ваше высочество», а не «ваше императорское высочество», и, разумеется, они не имели права ездить в автомобилях с великокняжеским флажком.

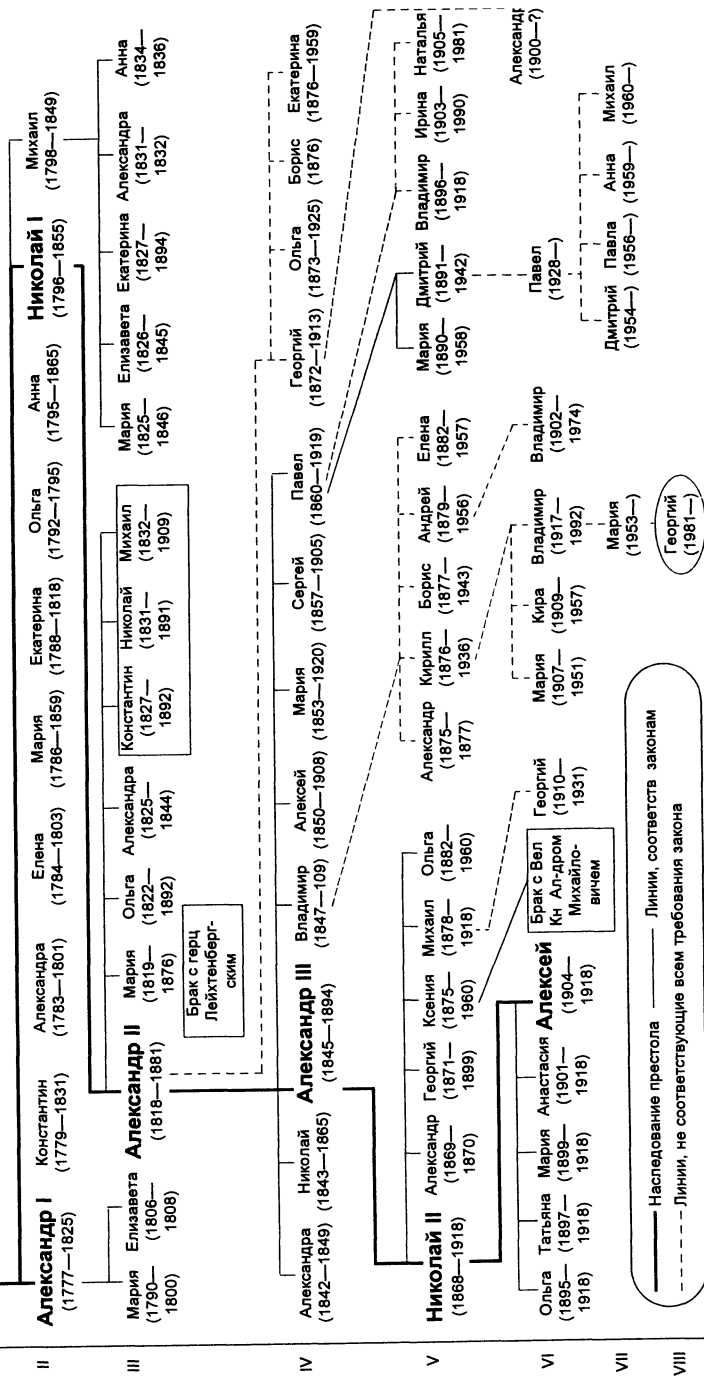
Жена великого князя называлась великой княгиней, а дочь — великой княжной. В переводе на западные

языки такого различия не делается. Когда Мария Павловна-младшая вышла замуж за шведского принца, она стала шведской принцессой, но сохранила свой русский великокняжеский титул, причем, как ни странно, превратилась из великой княжны в великую княгиню, несмотря на то, что ее супруг великим князем никогда не был. То есть титул великой княжны означает, строго говоря, не дочь великого князя, в «незамужняя великая княгиня». Впрочем эта терминология сегодня редко имеет значение на практике.

После ограничения Александра III инфляция великокняжеского титула была приостановлена, и к моменту Февральской революции 1917 года насчитывалось всего пятнадцать великих князей, не считая царевича Алексея и его отца Николая I, которые ко всем своим прочим титулам могли прибавить множество великокняжеских, в том числе Финляндии.

Родословная рода Романовых (фрагмент)

Павел I (1754—1801) — принятие закона о престолонаследии в 1797 году

ПРИДВОРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ 1915

Год от Рождества Христова	1915
— от сотворения мира	7423
— от основания Русского Государства	1053
— от введения христианства в России	927
— от вступления на престол Дома Романовых	302
— от рождения Императора Петра Великого	243
— от основания Петрограда	212
— от вступления на престол благополучно царствующего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА	21

ПРИДВОРНЫЙ ШТАТ И МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Первые чины двора

ОБЕР-ГОФМЕЙСТЕРЫ: князь Лев Павлович УРУСОВ, действительный тайный советник; князь Николай Васильевич РЕПНИН, Член Государственного Совета, почетный мировой судья Киевского и Припятского округов; Александр Сергеевич ТАНЕЕВ, Статс-секретарь, член Государственного Совета, Главноуправляющий Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею; Петр Михайлович фон КАУФМАН-ТУРКЕСТАНСКИЙ, член Государственного Совета, Сенатор; князь Георгий Дмитриевич ШЕРВАШИДЗЕ, состоящий при Ее Величестве Государыне Императрице Марии Федоровне.

ОБЕР-ГОФМАРШАЛ — граф Павел Константинович БЕНКЕНДОРФ, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, заведующий Гофмаршальской частью, Почетный Старик станиц: Благовещенской, Кушевской, Уманской и Таманской Кубанского казачьего войска.

ОБЕР-ШЕНК — князь Юлий Дмитриевич УРУСОВ, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел.

ОБЕР-ШТАЛМЕЙСТЕР — Артур Александрович фон-ГРИНВАЛЬД, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, заведующий придворною конюшенною частью.

ОБЕР-ЕГЕРМЕЙСТЕРЫ: Николай Петрович БАЛАШЕВ, член Государственного Совета, Почетный мировой судья Черкасского и Ямпольского округов; граф Сергей Дмитриевич ШЕРЕМЕТЕВ, член Государственного Совета, Председатель Археографической комиссии, Почетный член Императорской Академии Наук; Иван Петрович БАЛАШЕВ, вице-председатель Императорского общества поощрения художеств, почетный член Императорской Академии Художеств; князь Сергей Михайлович ГОЛИЦЫН, почетный мировой судья Новосильского уезда; светлейший князь Дмитрий Борисович ГОЛИЦЫН, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, заведующий Императорской охотою, почетный казак Кременской станицы Области войска Донского; граф Сергей Александрович ТОЛЬ, член Государственного Совета, почетный мировой судья Царскосельского и Михайловского уездов.

ОБЕР-ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕР — барон Павел Павлович КОРФ, действительный тайный советник.

Вторые чины двора

- Гофмейстеры — 99 человек.
- Шталмейстеры — 50 человек,
- Егермейстеры — 19 человек.
- Церемониймейстеры — 27 человек.
- Камергеры — 377 человек.
- Камер-юнкеры — 394 человека.

Медицинские чины

Лейб-медик Его Императорского Величества Евгений Сергеевич БОТКИН, действительный статский советник, доктор медицины, член Военно-санитарного ученого комитета, состоит при императорской Главной квартире.

Лейб-медики — 3 человека.

Почетные лейб-медики — 28 человек.

Лейб-хирурги — 5 человек.

Почетные лейб-хирурги — 9 человек.

Лейб-акушер — Дмитрий Оскарович ОТТ, тайный советник, доктор медицины, профессор.

Почетный лейб-акушер Николай Николаевич ФЕНОМЕНОВ, тайный советник, доктор медицины, заслуженный профессор.

Почетный лейб-окулист — Леонид Георгиевич БЕЛЛЯРМИНОВ, действительный статский советник, доктор медицины, академик и ординарный профессор Императорской Военно-медицинской академии.

Лейб-педиатр — Карл Андреевич РАУХФУС, действительный тайный советник, доктор медицины.

Почетный лейб-педиатр — Николай Константинович ВЯЖЛИНСКИЙ, действительный статский советник, доктор медицины.

Лейб-охиатр — Николай Петрович СИМАНОВСКИЙ, тайный советник, доктор медицины, академик, заслуженный профессор Императорской Военно-медицинской академии.

Почетные лейб-охиатры — 2 чел.

Почетный дантист — Генрих-Верне ВОЛЛИНСОН, зубной врач, дантист Их Императорских Величеств.

Зубной врач Их Императорских Величеств — Сергей Сергеевич КОСТРИЦКИЙ, отставной коллежский регистратор.

Придворное духовенство

Заведующий Придворным духовенством, протопресвитер соборов Императорского Зимнего дворца и Москов-

ского Благовещенского — Петр Афанасьевич БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ.

Духовник Их Императорских Величеств пресвитер Собора Императорского Зимнего дворца, протоиерей Александр Петрович ВАСИЛЬЕВ.

СТАТС-ДАМЫ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ ГОСУДАРЫНЬ ИМПЕРАТРИЦ: Елизавета Алексеевна НАРЫШКИНА, гофмейстерина Высочайшего Двора; графиня Елисавета Андреевна ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА; баронесса Елисавета Константиновна фон-РИХТЕР; княгиня Елисавета Николаевна БАГРАТИОН-МУХРАНСКАЯ; графиня Едивига Алиозиевна ФРЕДЕРИКС; графиня Любовь Александровна МУСИНА-ПУШКИНА; графиня Александра Андреевна ОЛСУФЬЕВА; княгиня Ольга Петровна ДОЛГОРУКАЯ; графиня Екатерина Павловна ШЕРЕМЕТЕВА; Александра Алексеевна КОЗЕН; графиня Прасковья Сергеевна УВАРОВА; Александра Михайловна АПРАКСИНА; Александра Николаевна НАРЫШКИНА; княгиня Надежда Александровна БАРЯТИНСКАЯ.

КАМЕР-ФРЕЙЛИНЫ: графиня Мария Васильевна ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА; графиня Аглайда Васильевна ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА; Екатерина Сергеевна ОЗЕРОВА; графиня Анна Эдуардовна КЕЛЛЕР.

ФРЕЙЛИНЫ — 265 человек.

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

МИНИСТР ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА И УДЕЛОВ — граф Владимир Борисович ФРЕДЕРИКС, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, шеф 4-го эскадрона лейб-гвардии Конного полка, член Государственного Совета, канцлер Российских Императорских и царских орденов, главноначальствующий над Кабинетом Его Императорского Величества, командующий Императорской Главной квартирой, почетный гражданин гор. Ново-Николаевска, почетный Старик станиц: Таманской, Благовещенской, Куцевской и Уманской Кубанского казачьего войска.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА ПРИ МИНИСТРЕ: Сергей Елеазарович СМЕЛЬСКИЙ, тайный советник, гофмейстер; Григорий Ардалионович ФЕДОСЕЕВ, гофмейстер; Василий Силыч КРИВЕНКО, тайный советник, почетный гражданин гор. Дербента; Владимир Петрович ПОГОЖЕВ, тайный советник; Федор Владимирович ДЮБРЕЙЛЬ-ЭШАППАРР, генерал-майор; Владимир Евгеньевич АНДРО-де-БЮИ-ГИНГЛЯТТ, генерал-майор.

Канцелярия Министерства Императорского Двора

Начальник — Александр Александрович МОСОЛОВ, генерал-лейтенант.

Кабинет Его Величества

Управляющий — Евгений Николаевич ВОЛКОВ, генерал-лейтенант.

Контроль Министерства Императорского Двора

Заведующий — Венедикт Савельевич ФЕДОРОВ, тайный советник.

Касса Министерства Императорского Двора

Заведующий — Михаил Гаврилович ИЛЬИН, действительный статский советник.

Придворная аптека

Управляющий — Иван Романович КОЛЬО, действительный статский советник, магистр фармации.

Общий архив Министерства Императорского Двора

Заведующий — Константин Яковлевич ГРОТ, действительный статский советник.

Гофрмаршальская часть

Заведующий — граф Павел Константинович БЕНКЕН-ДОРФ, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал.

Церемониальная часть

Обер-церемониймейстер — барон Павел Павлович КОРФ, действительный статский советник.

Придворная конюшенная часть

Заведующий — Артур Александрович фон-ГРИНВАЛЬД, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-штальмейстер.

Императорская охота

Заведующий — светлейший князь Дмитрий Борисович ГОЛИЦЫН, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, обер-егермейстер.

Придворная певческая капелла

Начальник — граф Александр Дмитриевич ШЕРЕМЕТЕВ, свиты Его Величества генерал-майор.

Придворный оркестр

Начальник — барон Константин Карлович ШТАКЕЛЬ-БЕРГ, генерал-лейтенант, числящийся по гвардейской кавалерии.

Собственные Его Величества Библиотеки

Заведующий — Василий Васильевич ЩЕГЛОВ, гофмейстер.

Императорский Эрмитаж

Директор — граф Дмитрий Иванович ТОЛСТОЙ, 2-й обер-церемониймейстер.

Дирекция Императорских театров

Директор — Владимир Аркадьевич ТЕЛЯКОВСКИЙ, тайный советник.

Капитул Российских Императорских и Царских орден

Управляющий делами Капитула — Константин Михайлович ЗЛОБИН, тайный советник, гофмейстер.

Управление Дворцового Коменданта

Дворцовый комендант — Владимир Николаевич ВОЕЙКОВ, свиты Его Величества генерал-майор, почетный гражданин гор. Нижнего Ломова.

Главное Управление Уделов

Начальник — князь Виктор Сергеевич КОЧУБЕЙ, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, числящийся по гвардейской кавалерии.

Императорская главная квартира

Командующий — граф Владимир Борисович ФРЕДЕРИКС.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТЫ: граф Иларион Иванович ВОРОНЦОВ-ДАШКОВ, генерал; Петр Павлович ДУРНОВО, генерал; Николай Матвеевич ЧИЧАХОВ, адмирал; принц Александр Петрович ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ, генерал; Александр Александрович КОЗЛОВ, генерал; барон Феофил Егорович МЕЙЕНДОРФ, генерал; Дмитрий Сергеевич АРСЕНЬЕВ, адмирал; Алексей Николаевич КУРОПАТКИН, генерал; Оскар-Фердинанд Казимирович ГРИППЕНБЕРГ, генерал — граф Владимир Борисович ФРЕДЕРИКС, генерал; великий князь Николай Николаевич, генерал; Александр Ильич ПАНТЕЛЕЕВ, генерал; Константин Устинович АРАПОВ, ге-

нерал; Федор Карлович АВЕЛАН, адмирал; Константин Клавдиевич МАКСИМОВИЧ, генерал; Владимир Александрович СУХОМЛИНОВ, генерал; Дмитрий Антонович СКАЛОН, генерал — Иван Александрович ФУЛЛОН, генерал; великий князь Константин Константинович, генерал; Николай Иудович ИВАНОВ, генерал; Николай Федорович ИВАНОВ-ЛУЦЕВИН, генерал; Николай Владимирович РУЗСКИЙ, генерал; князь Сергей Иларионович ВАСИЛЬЧИКОВ, генерал; Николай Васильевич КЛЕЙГЕЛЬС, генерал; Петр Петрович БАРАНОВ, генерал; Антон Васильевич НОВОСИЛЬЦОВ, генерал; Павел-Георг Карлович Эдлер-фон-РЕННЕНКАМПФ, генерал; Павел Иванович МИЩЕНКО, генерал; Федор Федорович ТРЕПОВ, генерал; Иван Константинович ГРИГОРОВИЧ, адмирал; Константин Дмитриевич НИЛОВ, адмирал; князь Дмитрий Борисович ГОЛИЦЫН 1-й, генерал; Артур-Отто-Мориц Александрович фон-ГРИНВАЛЬД, генерал; князь Михаил Михайлович ГОЛИЦЫН 2-й, генерал; Владимир Иоанникиевич ТРОЦКИЙ, генерал; великий князь Павел Александрович, генерал; великий князь Николай Михайлович, генерал; Владимир Михайлович БЕЗОБРАЗОВ, генерал; Алексей Герасимович ЖЕРЕБКОВ, генерал; князь Николай Николаевич ОДОЕВСКИЙ-МАСЛОВ, генерал; великий князь Сергей Михайлович, генерал; граф Павел Константинович БЕНКЕНДОРФ, генерал; великий князь Дмитрий Константинович, генерал; Николай Эдгарович ПРЕСКОТТ, генерал; князь Константин Есперович БЕЛОСЕЛЬСКИЙ-БЕЛОЗЕРСКИЙ, генерал-лейтенант; великий князь Петр Николаевич, генерал-лейтенант; великий князь Александр Михайлович, вице-адмирал; великий князь Георгий Михайлович, генерал-лейтенант; Александр Николаевич НИКОЛАЕВ, генерал-лейтенант; князь Виктор Сергеевич КОЧУБЕЙ, генерал-лейтенант.

СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРЫ: барон Николай Александрович БУДБЕРГ; князь Александр Ираклиевич БАГРАТИОН-МУХРАНСКИЙ; Дмитрий Яковлевич ДАШКОВ; барон Лев Федорович ЖИРАР-де-СУКАНТОН; Сергей Сергеевич ОЗЕРОВ; Илья Леонидович ТАТИЩЕВ; Борис Михайлович ПЕТРОВО-СОЛОВОВО; князь Феликс Феликсович Юсупов, граф СУМАРОКОВ-ЭЛЬСТОН; Даниил Васильевич ДРАЧЕВСКИЙ; Александр Александрович АДРИАНОВ; Иван Антонович ДУМБАДЗЕ; Николай Николаевич КОМСТАДИУС; Петр Алексеевич ДЕЛЬСАЛЬ; Евгений Авонович БЕРНОВ; Алексей Михайлович фон-КАУФМАН-ТУРКЕСТАНСКИЙ; Владимир Александрович КОМАРОВ; Константин Маврикиевич фон-ВОЛЬФ; Александр Нестерович ЧЕБЫКИН; Николай Алоизиевич ОРАНОВСКИЙ; Сергей Петрович МЕЗЕНЦОВ; граф Ни-

колай Михайлович ТОЛСТОЙ, контр-адмирал; Николай Михайлович КИСЕЛЕВСКИЙ, — граф Николай Павлович ФЕРЗЕН; граф Александр Федорович ГЕЙДЕН, контр-адмирал; Павел Тимофеевич НИКОЛАЕВ; граф Георгий Георгиевич МЕНГДЕН; Николай Васильевич ДОБРОВОЛЬСКИЙ; Владимир Александрович ЯБЛОЧКИН; Константин Герасимович НЕКРАСОВ; Владимир Федорович ДЖУНКОВСКИЙ; граф, Александр Дмитриевич ШЕРЕМЕТЕВ; князь Алексей Николаевич ОРЛОВ 1-й; князь Николай Александрович ВЯЗЕМСКИЙ, контр-адмирал; граф Григорий Иванович НОСТИЦ; князь Владимир Николаевич ОРЛОВ 2-й; Владимир Николаевич ВОЕЙКОВ; Владимир Сергеевич ГАДОН; князь Сергей Константинович БЕЛОСЕЛЬСКИЙ-БЕЛОЗЕРСКИЙ; Евгений Федорович НОВИЦКИЙ; Иван Георгиевич ЭРДЕЛИ; Константин Александрович ГОЛЬТГОЕР; хан Хивинский СЕИД-АСФЕНДИАР-БОГАДУР-ХАН; барон Карл Карлович МАННЕРГЕЙМ; эмир Бухарский СЕИД-АЛИМ; граф Андрей Петрович ШУВАЛОВ; князь Василий Александрович ДОЛГОРУКОВ 1-й; Николай Антонионович КНЯЖЕВИЧ; Яков Федорович фон-ГИЛЛЕНШМИДТ; князь Николай Александрович ЕНГАЛЫЧЕВ; князь Владимир Николаевич БОЛЕНСКИЙ; граф Михаил Николаевич ГРАББЕ 1-й; Андрей Петрович ПОЛОВЦОВ; Петр Иванович АРАПОВ; Павел Петрович СКОРОПАДСКИЙ; князь Иван Николаевич САЛТЫКОВ; Вадим Николаевич ШЕБЕКО; граф Федор Михайлович НИРОД; Павел Дмитриевич ШИПОВ; принц Петр Александрович ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ; Борис Александрович ПОДЫМОВ; Александр Александрович АБАЛЕШЕВ; Иван Давидович ОРЛОВ; граф Александр Николаевич ГРАББЕ 2-й; Федор Федорович ВЕРМАН; князь Александр Николаевич ДОЛГОРУКОВ 2-й; великий князь Михаил Александрович; князь Анатолий Владимирович БАРЯТИНСКИЙ; великий князь Борис Владимирович; Алексей Алексеевич РЕСИН.

МАНИФЕСТ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нам Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша, совместно со славными Нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть.

Не желая расставаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России!

НИКОЛАЙ.

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

А

Абаза А. М., — контр-адмирал, управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока;

Азеф Е. Ф. — один из организаторов эсеровской партии (1901), секретный сотрудник Департамента полиции (с 1892), в 1908 г. разоблачен, с 1915 г. — в заключении;

Александра Федоровна (Аликс), (1872—1918) — императрица, урожденная Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса; принцесса Гессен Дармштадтская; супруга (с 1894) императора Николая II. Расстреляна вместе с семьей в Екатеринбурге;

Александр о. (Васильев А. П.) — протоиерей. С 1855 г. духовник царской семьи;

Александра — английская королева (с 1901), жена английского короля Эдуарда VII, сестра императрицы Марии Федоровны;

Александр Гессенский — принц, брат императрицы Марии Александровны;

Александр Михайлович (Сандро) — вел. князь, сын вел. князя Михаила Николаевича и вел. княгини Ольги Федоровны, генерал-адъютант, адмирал;

Александр II Николаевич (1818—1881) — российский император (1855—1881), дед Николая II;

Александр III Александрович (1845—1894) — российский император (1881—1894), отец Николая II;

Александр Петрович — принц Ольденбургский, генерал от инфантерии, член Гос. совета;

Алексеев М. В. — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, начальник штаба Верховного главнокомандующего (1915—1917), Верховный главнокомандующий (1917);

Алексей Николаевич (1904—1918) — вел. князь, цесаревич (наследник), сын Николая II;

Анастасия Михайловна — вел. княжна, дочь вел. князя Михаила Николаевича и вел. княгини Ольги Федоровны;

Анастасия Николаевна (1901—1918) — вел. княжна, младшая дочь Николая II;

Анастасия (Стана) Николаевна (черногорка) — вел. княгиня, дочь черногорского князя Негоша, жена вел. князя Николая Николаевича (мл.);

Андронников М. М., — князь, авантюрист, проходимец. Служил секретарем у Витте, когда последний был министром финансов; в тесных отношениях находился с Феофаном, с Варнавой, с Распутиным, с министром внутренних дел А. А. Макаровым, при котором играл видную роль в МВД. Затем перешел на должность чиновника особых поручений при синодальном обер-прокуроре. В декабре 1916 г., за несколько дней до убийства Распутина, был выслан из Петрограда;

Андрей Владимирович — вел. князь, сын вел. князя Владимира Александровича и вел. княгини Марии Павловны, двоюродный брат Николая II;

Антоний (А. П. Храповицкий) — архиепископ харьковский и ахтырский, писатель и проповедник;

Амфитеатров А. В. — писатель, журналист;

Апраксин П. Н. — граф, гофмейстер, с 1913 г. состоял при императрице Александре Федоровне;

Б

Бадмаев П. А. (Жанесорон, Жамсаран) — сын крупного бурятского скотопромышленника. Крестник императора Александра III. По окончании университета служил в министерстве иностранных дел. У своего брата Сильтима учился тибетской медицине. С 1875 г. — практикующий врач, доктор медицины. Действительный статский советник;

Баксгевен С. К. — баронесса, фрейлина императрицы Александры Федоровны;

Барк П. Л. — министр финансов с 1914 по март 1917 г.;

Барятинская М. В., — княжна, фрейлина императрицы Александры Федоровны;

Безобразов А. М. — статс-секретарь, член особого комитета по делам дальнего Востока;

Белецкий С. П. — тайный советник, сенатор, и.о. директора Департамента полиции (1912—1915). При содействии Распутина был назначен товарищем (заместителем) министра внутренних дел (1915—1916); смещен и назначен иркутским генерал-губернатором;

Бельгард А. В. — член Государственного совета и начальник Главного управления...

Бенкендорф А. К. — в 1903—1916 гг. чрезвычайный и полномочный посол в Англии;

Бенкендорф П. К. — граф, генерал от кавалерии, обер-гофмаршал двора (1893—1917), член Государственного совета. Принадлежал к ближайшему окружению царской семьи;

Бибиков С. И. — флигель-адъютант;

Борис Владимирович — вел. князь, сын вел. князя Владимира Александровича;

Боткин Е. С. — лейб-медик Николая II и его семьи. Privat-доцент Военно-медицинской академии. Доктор медицины. Расстрелян в Екатеринбурге вместе с царской семьей;

Боткина (Мельник) Т. Е. — дочь лейб-медика Е. С. Боткина;

Будберг А. А. — барон, статс-секретарь, главный управляющий канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя;

Буксгевен С. К. — баронесса, фрейлина императрицы Александры Федоровны;

Булыгин А. Г. — московский губернатор (1893—1902), министр внутренних дел (1905), член Государственного совета (1905—1916);

Бурдуков Н. Ф. — камергер, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, сотрудник газеты «Гражданин»;

Бурцев В. Л. — публицист, соиздатель журнала «Былое»;

Бьюкенен Джордж — английский дипломат в России (1910—1917);

В

Васильев А. — протоиерей, воспитатель наследника по Закону Божьему;

Васильчиков Б. А. — князь, шталмейстер, член Государственного совета;

Васильчикова М. А. — фрейлина Александры Федоровны и Марии Федоровны. Постоянно жила в Австрии. По поручению германского и австрийских правительств написала Романовым 3 письма с предложением начать переговоры о сепаратном мире. В конце 1915 г. она проникла в Россию и попыталась провести несколько важных встреч. Обвинялась в шпионаже;

Варнава (Накролин В. А.) — епископ Тобольский и Сибирский. Друг Г. Распутина;

Вера Николаевна — княжна, дочь черногорского князя Негоша;

Вильгельм II Гогенцоллер — германский император и прусский король (1888—1918);

Витте С. Ю. — граф. С 1903 г. — председатель Комитета министров, председатель Совета министров (1905—1906), член Государственного совета и председатель Комитета финансов (1906—1915);

Владимир (Богоявленский В. Н.) — митрополит Петроградский и Ладужский (1912—1915), первенствующий член Синода. Духовный писатель и проповедник. Убежденный противник Распутина;

Воейков В. Н. — генерал-майор свиты. С декабря 1913 г. до Февральской революции — дворцовый комендант. Воейков стоял во главе группы придворных, которая боролась против распутинского влияния на царя и царицу;

Волжин А. Н. — гофмейстер двора, член Государственного совета. С 1915 обер-прокурор Синода. Рекомендован Распутиным. После своего назначения пытался противодействовать притязаниям Питирима и Распутина, за что был заменен Раевым;

Воронцов-Дашков А. И. — граф, флигель-адъютант, причислен к канцелярии главной Императорской квартиры;

Воронцов-Дашков И. А. — граф, генерал-адъютант, наместник на Кавказе (1905—1915);

Вырубов А. В. — лейтенант, полоцкий уездный предводитель дворянства, муж А. А. Танеевой (Вырубовой);

Вырубова А. А. (урожденная Танеева) — фрейлина императрицы и близкий друг царской семьи. Дочь статс-секретаря Танеева А. С.;

Г

Гапон Г. А. — священник, организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», агент охранного отделения;

Гейден А. Ф. — граф, флигель-адъютант, начальник главной квартиры императорского двора;

Гедройц В. И. — доктор медицины, старший врач Царско-сельского дворцового лазарета для раненых;

Гендрикова А. В. — графиня, фрейлина императрицы Александры Федоровны. В 1918 расстреляна;

Георгий Михайлович — вел. князь, сын вел. князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант. Расстрелян в Петрограде;

Гермоген (Г. Е. Долганов) — архиепископ Саратовский (1903—1912), воинствующий черносотенец. Покровитель иеромонаха Илиодора. В свою очередь, находил поддержку в лице Распутина. В 1912 г. Гермоген разошелся с Синодом, за что был лишен сана и сослан;

Гессен И. В. — депутат II Думы от Петербурга (фракция кадетов). После 1917 г. в эмиграции. С 1921 г. издавал в Берлине «Архив русской революции»;

Голицын Н. Д. — князь, сенатор, член Государственного совета (1915), председатель Совета Министров (декабрь 1916 — февраль 1917);

Голицына (Пашковская) М. М. — княгиня, обер-гофмейстерина;

Головин Ф. А. — председатель московской губернской земской управы, член II и IV Государственной думы. Председатель фракции кадетов в III Государственной думе. С марта 1917 г. — комиссар Временного правительства по управлению дворцовым ведомством;

Головина Л. В. — вдова действительного статского советника. Вместе с дочерью одна из ревностных поклонниц Распутина;

Головина М. Е. (Муня) — дочь Л. В. Головиной, одна из наиболее приближенных лиц к Распутину, его секретарь;

Горемыкин И. Л. — статс-секретарь, сенатор, первый министр внутренних дел, назначенный Николаем II (1895—1899). С 1899 г. является членом Государственного совета. В апреле 1906 назначается председателем Совета Министров. После роспуска I Государственной думы, Горемыкин подает в отставку. В январе 1914 г. он снова назначается председателем Совета Министров;

Граббе А. Н. — граф, генерал-майор свиты, командир собственного его величества конвоя;

Грингмут В. А. — редактор газеты «Московские ведомости»;

Гурко В. И. — камергер. Заведовал земским отделом МВД. В 1906 г. стал товарищем министра внутренних дел. Заключил с петербургским купцом Лидвалем договор о поставках хлеба в голодающие губернии, но поставки исполнены были лишь в небольшой части. Сенат отрешил Гурко от должности. Это наказание лишало его права участия в политической и общественной жизни, однако право это было ему возвращено высочайшим помилованием;

Гусева Хиония («Хохлова» Евфимия Кузьминична) —

Гучков А. И. — крупный московский домовладелец и промышленник. Основатель «Союза 17 октября» (1905) и вождь его в Думе III созыва. Председатель Государственной Думы III созыва (1910—1911). Во время войны председатель военно-промыш-

ленного комитета. Военный и морской министр в I Временном правительстве (1917);

А

Даманский П. С. — сенатор, с 1912 товарищ обер-прокурора Синода;

Дедерихс М. К. — генерал, участник первой мировой войны. С сентября 1917 г. — генерал-квартирмейстер в Ставке Верховного Главнокомандования. С ноября — начальник Штаба Ставки;

Дедюлин В. А. — генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Санкт-Петербургский градоначальник (1905), командир отдельного корпуса жандармов (декабрь 1905), дворцовый комендант (1906—1913). Принадлежал к ближайшему окружению царя;

Деревенко В. Н. — доктор, лейб-хирург. С 1912 г. — врач наследника Алексея;

Деревенько — матрос, дядька цесаревича Алексея;

Джанумова Е. Ф. — поклонница Распутина, жена московского купца;

Джунковский В. Ф. — генерал-адъютант, генерал-майор свиты, московский губернатор (1905—1913), товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов (1913—1915);

Дмитрий Константинович — вел. князь (1860—1919), сын вел. князя Константина Николаевича, генерал-адъютант. Расстрелян;

Дмитрий Павлович, вел. князь (1891—1942), сын вел. князя Павла Александровича, флигель-адъютант. После убийства Распутина, в котором принимал участие, выслан в Персию в отряд генерала Баратова;

Долгоруков В. А. — князь, гофмаршал. Сопровождал царскую семью в ссылку. Расстрелян;

Дорлиак Л. Ф. — секретарь министра финансов Коковцова;

Дрентельн А. А. — командир лейб-гвардии Преображенского полка (1915), член ближайшей свиты Николая II;

Дубровин А. И. — врач, историограф, издатель газеты «Русское слово», основатель «Союза русского народа»;

Думбадзе, генерал — ялтинский градоначальник в эпоху Столыпина. Самодур, черносотенец, считавший даже царское правительство слишком либеральным;

Дурново П. Н. — министр внутренних дел (1905—1906), сенатор, член Государственного совета;

Е

Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская — дочь герцога Лейхтенбергского и вел. княгини Марии Николаевны, жена Александра Петровича, принца Ольденбургского;

Евлогий (В. Георгиевский) — архиепископ, один из лидеров реакционной партии духовенства. Член II и III Государственной думы. Поддерживал дружеские связи с Распутиным;

Евреин Н. Н. — известный театральный деятель;

Елена Владимировна — вел. княжна, дочь вел. князя Владимира Александровича;

Елизавета Маврикиевна (Саксен-Альтенбургская) — жена вел. князя Константина Константиновича (с 1884);

Елизавета Федоровна — вел. княгиня, жена вел. князя Сергея Александровича, старшая сестра царицы Александры Федоровны. Настоятельница Марфо-Мариинской обители. Резко выступала против засилья Распутина при дворе. Убита большевиками в Алапаевске;

Ж

Жевахов Н. Д. — князь, статский советник, камер-юнкер Высочайшего двора, товарищ обер-прокурора Синода;

Жильяр Пьер — гражданин Швейцарии. С 1913 г. преподаватель и воспитатель наследника Алексея. После отречения Николая II последовал с царской семьей в ссылку в Тобольск. В Екатеринбурге не был допущен к цесаревичу;

Жуковская (баронесса фон Верман) — фрейлина императрицы;

З

Замойский А. С. — граф, флигель-адъютант, церемониймейстер двора;

Занотти М. Ф. — камер-фрау императрицы Александры Федоровны;

Зубатов С. В. — жандармский полковник, начальник Московского охранного отделения и Особого отдела департамента полиции;

И

Иванов Н. И. — генерал-адъютант, генерал от артиллерии, главком Юго-Западного фронта (1914—1916);

Извольский А. П. — министр иностранных дел (до 1910), русский посол во Франции (1910—1917);

Илиодор (С. М. Труфанов), иеромонах — реакционный проповедник, фанатик-черносотенец, пользовавшийся в 1908—1912 гг. сильным влиянием в определенных кругах столицы и при дворе. Учитель, защитник и близкий друг Григория Распутина. Ссора с ним привела к падению иеромонаха. В 1912 г. Илиодор публично отрекся от «бога, веры и церкви», был сослан, а после организации покушения на «Гришку», бежал в Норвегию, где издал скандальные воспоминания о Распутине;

Императрица-мать — вдовствующая императрица — см. Мария Федоровна;

Иоанн о., Иоанн Кронштадтский (Сергеев И. И.) — протоиерей и настоятель Андреевского собора в Кронштадте, видный деятель церкви, писатель. Канонизирован православной церковью;

Ирина Александровна — княгиня, дочь вел. князя Александра Михайловича и вел. княгини Ксении Александровны, внучка Александра III. С 1914 г. замужем за князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон Ф. Ф. (младшим), убийцей Распутина;

К

Керенский А. Ф. — адвокат (1906—1913), лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе (1912). После Февральской революции — член Временного исполкома Государственной думы и товарищ председателя Петербургского Совета Рабочих Депутатов. С марта 1917 г. — эсэр. Во Временном правительстве — министр юстиции (март—май), военный и морской министр (май—сентябрь), министр-председатель, Верховный главнокомандующий;

Кирилл Владимирович — вел. князь, сын вел. князя Владимира Александровича, двоюродный брат Николая II. Контр-адмирал, командир гвардейского экипажа;

Клейнмихель (урожденная Келлер) — графиня, имела в Петербурге политический салон германофильского направления;

Козельский Митя — юродивый;

Коковцов В. Н. — граф, статс-секретарь, член Государственного совета. С 1904 по 1905 г. и с 1906 по 1914 г. министр финансов. С 11 сентября 1911 г. был председателем Совета Министров. С 30 декабря 1915 г. уволен со всех должностей;

Коковцова А. Ф. — графиня, жена В. Н. Коковцова;

Кони А. Ф. — юрист, общественный деятель, член Государственного совета (с 1907);

Константин Константинович — вел. князь, сын вел. князя Константина Николаевича, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, генерал-инспектор военных учебных заведений, поэт (подписывался инициалами «К. Р.»);

Константин Николаевич — великий князь, 2-й сын императора Николая I;

Кочубей В. С. — князь, генерал-адъютант, начальник Главного управления уделов (1899—1917);

Кривошеин А. В. — статс-секретарь, гофмейстер, член Государственного совета. Начальник переселенческого управления, товарищ министра финансов, заведующий государственным Дворянским и Крестьянским земельным банками; С 1908 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием.

Кутайсов К. П. — граф, флигель-адъютант. После убийства Распутина сопровождал вел. князя Дмитрия Павловича в Персию;

Кулябко В. П. — жандармский полковник;

Курлов П. Г. — генерал-лейтенант. С 1909 по 1911 г. состоял командующим Отдельного корпуса жандармов и товарищем министра иностранных дел. В 1916 с помощью Распутина был снова назначен товарищем министра внутренних дел, но указ о его назначении был опубликован вместе с указом об его увольнении;

Ламздорф — граф, флигель-адъютант германского императора Вильгельма II, военный агент в Петербурге;

Лахтина О. В. — жена действительного статского советника, одна из почитательниц Г. Распутина;

Локкарт Роберт Брюс — английский генеральный консул в России в 1915—1918 гг.,

Львов В. Н. — член IV Государственной думы, в 1917 г. — обер-прокурор Синода в составе Временного правительства;

Львов Г. Е. — князь, член Государственной думы. Видный член партии кадетов. Премьер-министр и председатель Совета министров Временного правительства в 1917 г.;

Львов Н. Н. — один из основателей «Союза освобождения русского народа», член ЦК партии кадетов, член I, III, IV Государственной думы;

М

Макарий (М. А. Невский) — митрополит Московский и Коломенский, с 1912 г. — член Синода;

Макаров А. А. — товарищ министра внутренних дел, директор Департамента полиции (1906—1909), госсекретарь (1909—1911), министр внутренних дел и шеф жандармов (1911—1912). С 7 июля по 19 декабря 1916 г. — министр юстиции;

Маклаков Н. А. — гофмейстер, министр внутренних дел и шеф жандармов (1913—1915). С 1915 г. — член Государственного совета. С 1916 г. — член финансовой комиссии Государственного совета;

Маклаков В. А. — депутат II, IV Думы от кадетской партии, посол во Франции в 1917 г.;

Манташев Л. А. — крупный промышленник, председатель правления нефтепромышленного общества «А. Н. Манташев и К^о», владелец коммерческого банка в Тифлисе;

Манасевич-Мануйлов И. Ф. — отставной коллежский асессор, чиновник особых поручений при министре внутренних дел В. К. Плеве, сотрудник газеты «Новое время». Состоял при графе Ю. Витте, в бытность его председателем Совета министров, затем при Б. В. Штюрмере. Привлекался к суду;

Манус И. П. — купец I гильдии, крупный банкир и биржевой делец, аферист. Владел наибольшим числом акций Международного коммерческого банка и состоял членом управления и директором ряда промышленных предприятий. Через Распутина имел влияние на царя и царицу;

Манухин С. С. — товарищ министра юстиции (1901—1905), министр юстиции (1905), член Государственного совета;

Мардарий, монах — воспитанник Петроградской духовной академии, являлся конкурентом Распутина при царском дворе;

Мария Николаевна — вел. княжна, третья дочь императора Николая II;

Мария Павловна — вел. княгиня, жена вел. князя Владимира Александровича;

Мария Федоровна (Луиза-София-Фредерика-Дагмара) — императрица, дочь датского короля Кристиана IX, жена императора Александра III, мать Николая II;

Марков 1-й Н. Н. — действительный статский советник, землевладелец, председатель правления Общества Юго-Восточной железной дороги, член III и IV Государственной думы, октябрист;

Марков 2-й — землевладелец, монархист-черносотенец. Организатор «Партии народного порядка» в Курске в 1905 г.. В 1907 г. эта партия слилась с «Союзом русского народа», в котором он состоял членом центрального комитета. Член «Союза Архангела Михаила»;

Маркус В. М. — чиновник государственной Канцелярии;

Мещерский В. П. — князь, камергер, реакционер-черносотенец, издатель ряда газет;

Милица Николаевна (черногорка) — вел. княгиня, дочь черногорского князя Негоша, жена вел. князя Петра Николаевича;

Милюков П. Н. — лидер кадетской партии. Член Думы III и IV созыва. Во Временном правительстве занимал пост министра иностранных дел;

Михаил Александрович — вел. князь, третий сын Александра III, брат Николая II. Генерал-лейтенант. До 1917 г. генерал-инспектор кавалерии. В феврале 1917 г. Николай отрекся в его пользу от престола. Расстрелян в 1918 г.;

Мосолов А. А. — генерал-лейтенант, служил в Лейб-гвардии Конном полку. Начальник канцелярии министерства Императорского двора и уделов (1900—1916), затем — посланник в Румынии;

Мясоедов — полковник, служил на пограничной с Германией станции. Был обвинен в шпионаже и повешен;

Н

Нарышкин К. А. — флигель-адъютант, генерал-майор. С 1916 г. — начальник главной квартиры Императорского двора;

Наумов А. Н. — министр земледелия с 1915 по 1916 г.;

Нератов А. А. — гофмейстер, товарищ министра иностранных дел в 1910-х гг.;

Николай I Павлович (1796—1855) — российский император с 1825 г.;

Николай II Александрович (1868—1918) — российский император (1894—1917);

Николай Константинович — вел. князь, сын вел. князя Константина Николаевича. Расстрелян в 1919 г.;

Николай Михайлович — вел. князь, сын вел. князя Михаила Николаевича. Двоюродный дядя Николая II. Генерал-адъютант. Председатель Русского исторического общества. После убийства Распутина, в организации которого принимал участие, был выслан из Петербурга. Расстрелян большевиками в 1918 г.;

Николай Николаевич — дядя Николая II, вел. князь. Главнокомандующий сухопутных и морских сил русской армии во время первой мировой войны (июль 1914 — август 1915). Снят с поста главнокомандующего по настоянию Распутина и царицы.

После снятия — наместник Кавказа и главнокомандующий кавказской армией до 1917 г.;

Нилов К. Д. — адмирал, флаг-капитан, член ближайшей свиты Николая II;

О

Оболенский А. Д. — князь, обер-прокурор Синода (1905—1906);

Оболенский А. Н. — князь, флигель-адъютант, с 1914 по 1916 г. петроградский градоначальник;

Оболенский Н. Д. — флигель-адъютант, управляющий кабинетом императора Николая II;

Ольга Александровна — вел. княжна, сестра императора Николая II;

Ольга Николаевна — вел. княжна, старшая дочь императора Николая II;

Орбелиани С. И. — фрейлина Александры Федоровны;

Орлов В. Н. — князь, флигель-адъютант, начальник канцелярии главной квартиры Императорского двора (1906—1915);

П

Павел Александрович — вел. князь, сын императора Александра II, дядя Николая II. В 1902 г. за недозволенный брак уволен со всех должностей. В 1905 г. прощен и восстановлен в звании генерал-адъютанта. В 1916 г. — генерал-инспектор войск гвардии. Расстрелян в Петропавловской крепости в 1919;

Палей О. В. (урожденная Корнович) — морганатическая жена вел. князя Павла Александровича (с 1902);

Пален К. К. — граф, гофмейстер, сенатор (1906). Лишен придворного звания в 1916 г.;

Палеолог Морис — французский дипломат, посол в России (1914—1917);

Папюс — медиум, авантюрист;

Петр Николаевич — вел. князь, сын вел. князя Николая Николаевича (старшего). Женат на вел. княгине Милице Николаевне. Генерал-адъютант, генерал-инспектор инженерных войск;

Пипирс — редактор выходившей в Петербурге на немецком языке газеты «Петербургский геральд»;

Пистолькорс А. А. — сестра Анны Вырубовой, жена камерюнкера, поклонница Г. Распутина;

Питирим (Окнов П. В.) — бывший экзарх Грузии, с 1915 г. митрополит Петроградский и Ладужский, член Святейшего Синода;

Победоносцев К. П. — юрист, обер-прокурор Синода (1880—1907), член Государственного совета. Вдохновитель крайней реакции. Имел большое влияние на Николая II;

Поливанов А. А. — генерал от инфантерии, член Государственного совета. Начальник главного штаба (1905). С 1906 г. — помощник военного министра. С 13 июня 1915 по 13 марта 1916 г. — военный министр;

Протопопов А. Д. — член III и IV Думы от Симбирской губернии (фракция «земцев-октябристов»), товарищ и Председатель IV Думы. С 18 сентября 1916 г. — управляющий МВД. В декабре 1916 г. утвержден в должности министра МВД и начальника Отдельного корпуса жандармов. Расстрелян в 1918 г.;

Пуанкаре Раймонд — президент Французской республики (1913—1920);

Пуришкевич В. М. — крупный помещик, черносотенец, один из основателей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственной думы. Участник убийства Распутина;

Пурталес Фридрих — германский посол в России (1907—1914);

Путилов А. И. — банкир; товарищ министра финансов и Управляющий Дворянским и Крестьянским земельными банками (1905—1906), директор-распорядитель Русско-китайского банка (1908) и председатель правления Русско-азиатского банка (1910—1917). Находясь на вершине промышленного и банковского мира, имел огромное влияние на политику царского правительства, в том числе и через Распутина;

Путятин М. С. — князь, генерал-майор. Начальник Царско-сельского дворцового управления (с 1911);

Р

Раев Н. П. — действительный статский советник, с 1916 г. — обер-прокурор Святейшего Синода;

Распутин Г. Е. (1864/65 — 1916) — один из самых известных царских фаворитов (1905—1916), «старец». Крестьянин села Покровского Тобольской губернии. Убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде;

Распутина П. Ф. — жена Г. Распутина;

Рачковский П. И. — зав. политической частью Департамента полиции МВД (1905—1906);

Редигер А. Ф. — граф, генерал от инфантерии, член Государственного совета. Военный министр (1905—1909);

Родзянко М. В. — камергер, член III и IV Государственной думы, председатель IV Государственной думы. Один из лидеров октябристов;

Родэ А. С. — отставной полковник, аферист, содержатель ресторана «Вилла Родэ»;

Рубинштейн Д. Л. (Митька) — юрист, банкир, аферист. Директор правления Русско-французского банка. Директор правления ряда промышленных обществ. Хозяин газеты «Новое время». В августе 1916 г. был арестован по обвинению в государственной измене («работал в интересах германского капитала»);

Руднев В. М. — следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства;

Рузский Н. А. — генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Воевал. В феврале 1917 г. выступил за отречение Николая II от престола. Расстрелян большевиками в Пятигорске;

Саблер (Десятковский) **В. К.** — статс-секретарь, сенатор, камергер, член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего Синода (1911—1915);

Саблин Н. П. — контр-адмирал, флигель-адъютант, командир императорской яхты «Штандарт». Личный друг Николая II;

Сазонов С. Д. — гофмейстер, член Государственного совета. В 1910—1916 гг. — министр иностранных дел;

Самарин А. Д. — егермейстер, член Государственного совета (с 1912). В 1915 г. несколько месяцев был и. о. обер-прокурора Синода. Активно боролся против распутинского влияния в церковных и государственных делах. Был смещен по настоянию Распутина;

Сергей Александрович — вел. князь, генерал-адъютант, член Государственного совета. Сын Александра II. Брат Александра III. Дядя Николая II. Женат на вел. княжне Елизавете Федоровне, сестре императрицы Александры Федоровны. В 1905 г. убит И. П. Каляевым;

Сергей Михайлович — вел. князь, генерал-адъютант, генерал от артиллерии. Сын вел. князя Михаила Николаевича. С 1905 г. — генерал-инспектор артиллерии. Расстрелян в 1918 г.;

Симанович А. С. — купец первой гильдии, ювелир, финансовый аферист, фальшивомонетчик, некоторое время являлся секретарем Распутина;

Соловьев Б. Н. — офицер, муж дочери Г. Распутина Матрены;

Спиридович А. И. — генерал-майор отдельного корпуса жандармов. Начальник дворцовой охраны (1906—1912). С 1916 г. — ялтинский градоначальник;

Столыпин П. А. — саратовский губернатор (1903—1906), председатель Совета Министров и министр внутренних дел (1906—1911);

Стремоухов П. П. — егермейстер. С 1916 г. — директор департамента общих дел МВД;

Сумароков-Эльстон (старший) **Ф. Ф.** — генерал-лейтенант, начальник Московского военного округа и главноначальствующий в Москве (1915);

Сухомлинов В. А. — генерал от кавалерии, член Государственного совета. В 1908—1909 гг. — начальник Генерального штаба. В 1909—1915 гг. военный министр. В 1916 г. был арестован за неподготовленность армии к первой мировой войне и приговорен к пожизненному заключению;

Сухомлинова Е. В. — жена В. А. Сухомлинова;

Сухотин А. С. — поручик. Участник убийства Распутина;

Т

Танеев А. С. — камергер, статс-секретарь, обер-гофмейстер, член Государственного совета, управляющий императорской канцелярией. Отец А. А. Танеевой (Вырубовой);

Татищев В. С. — граф, крупный финансист, банкир. Председатель правления и директор многочисленных предприятий в России;

Татищев И. Л. — граф, генерал-адъютант. С 1905 по 1914 г. состоял личным представителем Николая II при Вильгельме II;

Татьяна Николаевна — вел. княжна, вторая дочь императора Николая II;

Терещенко М. И. — крупный финансист и сахарозаводчик. В первом Временном правительстве — министр финансов, затем министр иностранных дел;

Трепов А. Ф. — статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор, егермейстер. С 1915 по 1916 г. был министром путей сообщения. С 10 ноября 1916 г. назначен председателем Совета Министров. Его попытка отстранить от влияния на правительственные дела Распутина окончились неудачей, и Трепов получил отставку 27 декабря 1916 г.;

Тэффи (Лохвицкая) Н. А. — писательница;

Тыртов П. П. — вице-адмирал, управляющий морским министерством;

У

Ухтомский Э. Э. — князь, редактор газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Председатель правления Русско-китайского банка;

Ф

Феофан (В. Быстров), епископ — архимандрит, инспектор Петербургской Духовной академии. С 1905 г. — магистр богословия, духовник императрицы Александры Федоровны. В 1904—1905 гг. увлекся Распутиным и ввел его в ближайшее окружение царской семьи. С 1909 г. — ректор Петербургской Духовной академии. С 1910 г. выступил горячим обличителем Распутина;

Филарет — архимандрит, наместник Александро-Невской Лавры;

Филипп — французский авантюрист, гипнотизер и спирит. В 1902 г. был представлен Николаю II и Александре Федоровне;

Фредерикс В. Б. — граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1897—1917 гг. — министр Императорского двора. Пользовался большим влиянием на царскую фамилию и окружение;

Х

Хабалов С. С. — генерал-лейтенант. В 1916—1917 гг. — начальник Петроградского военного округа и командующий войсками округа;

Хвостов А. А. — сенатор, член Государственного совета. Товарищ министра юстиции (1905—1906). Июнь — июль 1915 г. — министр юстиции. Июль—сентябрь 1916 г. — министр внутренних дел и главноначальствующий над отдельным корпусом жандармов;

Хвостов А. Н. — камергер, депутат IV Государственной думы, лидер и председатель бюро фракции правых. В октябре

1915 г. утвержден министром внутренних дел. Уволен в марте 1916 г.;

Хитрово М. С. — фрейлина императрицы Александры Федоровны;

Ш

Шавельский Г. И. — протопресвитер военного и морского духовенства. Во время первой мировой войны находился при Ставке;

Шаховской В. Н. — князь, действительный статский советник, гофмейстер. С 1915 г. — министр торговли и промышленности;

Шидловский В. Н. — сенатор, член Государственного совета;

Шингарев А. И. — сельский врач. С 1899 по 1905 г. — земский деятель. Член «Союза освобождения русского народа». Член Государственной думы III и IV созывов. Видный деятель кадетской фракции Думы;

Штюрмер Б. В. — обер-камергер, член Государственного совета. С 10 января по 10 ноября 1916 г. — председатель Совета Министров и с 3 марта по 7 июля — министр внутренних дел, с 7 июля по 10 ноября 1916 г. — министр иностранных дел;

Шуваев Д. С. — генерал от инфантерии, член Государственного совета. В 1909—1916 гг. — начальник Главного интендантского управления. В 1916 г. был назначен военным министром.;

Шульгин В. В. — политический деятель, один из лидеров националистов. Член II, III, IV Государственной думы, писатель-публицист, монархист. Во время Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы;

Щ

Щегловитов И. Г. — статс-секретарь, сенатор, член Государственного совета. В 1906—1915 гг. — министр юстиции. В 1917 г. — председатель Государственного совета;

Щеголев П. Е. — историк, литературовед;

Щербатов Н. Б. — князь, камергер. В 1912 г. избран членом Государственного совета. В 1915 г. — министр внутренних дел;

Ю

Юсупов (граф Сумароков-Эльстон, младший) Ф. Ф. — князь, муж княгини Ирины Александровны, дочери вел. князя Александра Михайловича, племянницы императора Николая II. За участие в убийстве Распутина был выслан в свое имение, где проживал до Февральской революции;

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ЗИНАИДА ГИППИУС</i> ЖИВЫЕ ЛИЦА	3
<i>В. М. ПУРИШКЕВИЧ</i> ДНЕВНИК	39
<i>Князь Ф. Ф. ЮСУПОВ</i> КОНЕЦ РАСПУТИНА (Воспоминания)	103
<i>О. В. ПАЛЕЙ</i> ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»	215
<i>ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ</i> ИЗ «КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ»	223
<i>С. В. ЗАВАДСКИЙ</i> НА ВЕЛИКОМ ИЗЛОМЕ (Дело об убийстве Распутина)	229
<i>В. М. РУДНЕВ</i> ПРАВДА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ И «ТЕМНЫХ СИЛАХ»	245
<i>АЛЕКСАНДР БЛОК</i> СОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ	267
ПРИЛОЖЕНИЯ	281